University of Alberta

The personal mythology of Peter III Feodorovich as deployed in Russian panegyrics of 1742, 1743, and 1762

by

Maria Kutuzov

A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research
in partial fulfillment of the requirements for the degree of

Doctor of Philosophy
in
Slavic Languages and Literatures

Department of Modern Languages and Cultural Studies

©Maria Kutuzov
Spring 2013
Edmonton, Alberta

Permission is hereby granted to the University of Alberta Libraries to reproduce single copies of this thesis and to lend or sell such copies for private, scholarly or scientific research purposes only. Where the thesis is converted to, or otherwise made available in digital form, the University of Alberta will advise potential users of the thesis of these terms.

The author reserves all other publication and other rights in association with the copyright in the thesis and, except as herein before provided, neither the thesis nor any substantial portion thereof may be printed or otherwise reproduced in any material form whatsoever without the author's prior written permission.

Вадиму Вячеславовичу Кутузову
с любовью

ABSTRACT

This dissertation examines the process of creation and evolution of the personal mythology of the 7th Russian Emperor Peter III. It explores the phenomenon of *personal mythology* as a system of representation of the monarch's identity, which was, on the one hand, clearly displayed and, on the other hand, actively developed in XVIII century literary texts. The main aim of the thesis is to reconstruct the metaphorical and narrative core of Peter's III personal mythology as it was both expressed and created in Russian panegyrics of the 1740-1760.

The first chapter consists of 3 sections and provides a survey of two solemn odes by M. Lomonosov (an ode on Peter's arrival to Sankt-Petersburg, 1742, and an ode on his name day, 1743), and a sermon of Simon Todorskiy dedicated to Peter's 15th birthday. Analysis of these panegyrics forms the basis for understanding key elements in Peter's personal mythology as it was formed and elaborated during the first years of his life in Russia. The second chapter consists of 4 sections and includes analysis of the solemn odes by M. Lomonosov, A. Sumarokov, M. Kheraskov and I. Bogdanovich written in 1762, soon after the new monarch's accession to the throne. Findings derived from the close reading of these panegyrics indicate that the main discourse models used to organize Peter's personal mythology in 1762, in many respects, coincided with, but in

some key elements varied significantly from, the corresponding rhetorical tools implemented in the first stage of its evolution.

The thesis concludes with a discussion of the question *why* the process of the creation of an effective personal mythology for Peter III failed. I argue that the key elements of the personal mythology proposed to Peter III by Russian authors in 1742, 1743 and 1762 were borrowed from the personal mythology of his grandfather Peter I (also known as Peter the Great). I suggest that the deep inconsistency of these rhetorical models with the biographical circumstances and hybrid identity of Peter III led to a systematic failure in the process of legitimization and popularization of the image of the monarch.

РЕЗЮМЕ

Настоящая работа посвящена исследованию процесса создания и эволюции личной мифологии 7-го российского императора Петра III Феодоровича. В рамках диссертации феномен *личной мифологии* понимается как система репрезентации личности монарха, с одной стороны, отображенная, а, с другой стороны, активно разрабатываемая в современных ему литературных текстах. Одной из основных целей диссертации является реконструкция образного и нарративного ядра личной мифологии Петра Феодоровича в той мере, в какой она была отражена и сформирована в русских панегирических текстах 1740-1760-х годов.

В каждом из семи параграфов в центре внимания находится один художественный текст, анализ которого предваряется краткими биографическими сведениями о жизни и творчестве автора в соответствующий период. В первой части работы объектами внимания становятся торжественные оды М.В. Ломоносова 1740-х годов (на прибытие и на день рождения Петра Феодоровича 1742 года и на его же тезоименитство 1743 года), а также проповедь Симона Тодорского 1743 года, посвященная 15-му дню рождения наследника престола. На примере данных панегириков анализируется ранний этап выработки и первичного формирования личной мифологии Петра Феодоровича, пришедшийся на самые первые годы пребывания голштинского принца в России.

Во второй части работы проводится анализ торжественных од М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова и И.Ф. Богдановича, написанных в 1762 году вслед за восшествием Петра Феодоровича на престол. Рассмотрение процесса формирования образа нового российского императора в этих стихотворных панегириках дает возможность реконструировать второй этап эволюции его личной мифологии, во многом совпадавшей, но в некоторых ключевых моментах и существенно отличавшейся от дискурсивных моделей, выработанных на первом этапе.

Драматический поворот событий российской истории в 1762 году (узурпация престола Екатериной Алексеевной, убийство Петра Феодоровича) не оставляет сомнений, что попытки создания эффективной личной мифологии для нового императора потерпели неудачу. Закономерно возникает вопрос: почему? Анализ материала приводит к заключению, что личная мифология, предложенная Петру Феодоровичу русскими авторами в 1742, 1743 и 1762 годах, в основе своей базировалась на образных и сюжетных элементах, заимствованных из личной мифологии его деда, Петра I. Составляющие ее риторические модели глубоко не соответствовали биографическим обстоятельствам и гибридной идентичности Петра Феодоровича, что в свою очередь привело к системному сбою в процессе легитимизации и популяризации образа монарха.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я глубоко благодарю:

– Людмилу Петровну Загорулько за искренность и идеализм, а также за пробуждение во мне самого первого интереса к чтению литературы;

– Романа Григорьевича Лейбова и всех преподавателей отделения русского языка и (особенно) литературы Тартуского университета за первоначальные опыты жизни и профессии;

– Елену Анатольевну Погосян за каторжный труд многолетнего научного руководства, терпение, такт, внимание и неизменную доброжелательность, а также за то огромнейшее позитивное влияние, которое она оказала на мою личную и профессиональную жизнь;

– Олю Боровкову (Бустани) и Надю Корчагину (Роскофф) за роскошь многолетнего дружеского общения и за неизменный сочувственный интерес к моей научной деятельности и не только;

– своих родителей, Людмилу Артемчук и Вячеслава Золотых, сестру Аню, Александра Блюкова и Валентину Михайловну Кутузову за искреннее участие и всестороннюю помощь, позволившие мне пройти долгий студенческий путь до конца, не сойдя с дистанции в самые трудные моменты, которых было немало;

– Вадима, Василису и Евангелину за терпение, любовь и неизменную поддержку, а, главное, за придание неожиданного смысла и глубины всем измерениям моей жизни.

Спасибо.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 1

§1. Принципы функционирования торжественных од в литературно-бытовом контексте XVIII – нач. XIX веков 1

§2. Специфика прагматической функции од 8

§3. Разъяснение терминологического аппарата и введение понятия *личная мифология* 12

§4. Обзор литературы (В. Проскурина, Х. Рам, Р. Вортман) 17

§5. Личная мифология Петра Феодоровича – опыт неудачи 24

Глава I. Ранний этап формирования личной мифологии Петра Феодоровича (на материале панегирических текстов 1742-1743 годов) 28

§1. М.В. Ломоносов, *Ода на прибытие из Голстинии и на день рождения Петра Феодоровича*, 10 февраля 1742 года 29

§1.1. Краткий обзор академической и литературной деятельности Ломоносова в конце 1741-начале 1742 года 29

§1.2. Ода Ломоносова Петру Феодоровичу 1742 года на фоне двух его предшествующих од Иоанну Антоновичу.....32

§1.3. Личная мифология Петра Феодоровича в оде 1742 года 35

Ты паки зришь любезну Анну, / В лице Петровом свыше данну: мифологизация происхождения и обстоятельств рождения Петра Феодоровича 36

Ты зришь Великаго Петра, / Как феникса рожденна снова: Петр Феодорович как гарант верного повторения исторических циклов …….....42

Я Деву в солнце зрю стоящу, / Рукою Отрока держащу: функция образа Петра Феодоровича в мифе о наступлении в России *золотого века* 45

Прибытие Петра Феодоровича как изменение баланса сил в природе: одическая метеорология 50

§2. Симон Тодорский, *Слово на день рождения Петра Феодоровича*, 10 февраля 1743 г. 54

§2.1. Симон Тодорский в 1742-1743 годах 55

§2.2. Проповедь С. Тодорского: общая характеристика 58

§2.3. Личная мифология Петра Феодоровича в проповеди С. Тодорского 1743 года 60

Генеалогическая ретроспекция как удобный педагогический прием 60

Растительная метафорика: претексты и потенциальные значения 62

Петр I как Геркулес: *возрем в древныя, вникнем и в новейшия истории* 69

Ветхозаветные праведники Тодорского: Иаков и Иосиф 76

Давид как прародитель Иисуса, Петр I как прародитель Петра Феодоровича 78

Попытка работы с гибридной идентичностью: Петр Феодорович одновременно как *лев* и *орел* ….....82

§3. М.В. Ломоносов, *Ода на тезоименитство Петра Феодоровича*, 29 июня 1743 года 87

§3.1. Краткий обзор академической и литературной деятельности Ломоносова в первой половине 1743 года 87

§3.2. Личная мифология Петра Феодоровича в оде 1743 года 92

И тем почти Петрова внука: мифологизация родственных отношений Петра Феодоровича с его дедом 93

Да превзойдет Его летами / Наследник имени и дел: чему именно посвящена ода 1743 года? ……...98

В сей день веселья солнце тмилось, / Но днесь Тобою светит вновь: солярная метафорика как еще один способ иллюстрации воскресения Петра I в своем внуке 103

Младаго шум Орла паряща / И предкам в след взлететь спешаща: включение Петра Феодоровича в замкнутый круг одических *орлов*.....106

Холмов Ливанских верьх дымится! / Там Наввин иль Сампсон стремится: темпоральная аберрация 109

Глава II. Заключительный этап формирования личной мифологии Петра Феодоровича (на материале торжественных од 1762 года) 114

§1. М.В. Ломоносов, *Ода на восшествие Петра III Феодоровича и купно на 1762 Новый Год, декабрь 1761 года* 115

§1.1. Восшествие Петра Феодоровича на престол в 1761 году ……..……115

§1.2. Русские торжественные оды в 1762 году 118

§1.3. Общая характеристика оды Ломоносова 1761 года 126

§1.4. Личная мифология Петра Феодоровича в оде М.В. Ломоносова 1761 года 128

Прошло затмение ужасно: солярная метафорика 128

Петр III как Самсон, побеждающий льва 131

Самсон и Геракл: история подмены и замещения …….....135

Петр Феодорович как Давид и Соломон …….....140

§2. А.П. Сумароков, *Ода на восшествие Петра III Феодоровича, январь 1762 года* 144

§2.1. А.П. Сумароков в конце 1761-начале 1762 года 144

§2.2. Ода А.П. Сумарокова на восшествие Петра Феодоровича на фоне его предшествующего одического творчества 147

§2.3. Личная мифология Петра Феодоровича в оде А.П. Сумарокова 1762 года 150

Родство с членами императорской фамилии как одна из основных сущностных характеристик нового императора 150

Сюжет *восхода солнца*: трансформация классической одической топики и диффузия жанров …….....155

Хины, Инды и Япноны: новый император, новые границы империи…….....161

§3. М.М. Херасков, *Ода на восшествие Петра III Феодоровича, январь 1762 года* 171

§3.1. М.М. Херасков в конце 1761-начале 1762 года …….....171

§3.2. Ода М.М. Хераскова на восшествие Петра Феодоровича на фоне его предшествующего одического творчества 173

§3.3. Личная мифология Петра Феодоровича в оде М.М. Хераскова 1762 года 181

Паки Петр престол приемлет: *паки* как одический риторический прием …….....181

Паки Петр с Екатериной зовет муз под свой покров: образ Екатерины в предшествующих одах 189

Новая Аврора: описание рассвета 196

Петр Феодорович как Геркулес 201

§4. И.Ф. Богданович, *Ода на восшествие Петра III Феодоровича*, январь 1762, а также *Ода на тезоименитство Петра Феодоровича*, июнь 1762 года ……206

§4.1. И.Ф. Богданович в конце 1761-начале 1762 года 206

§4.2. Личная мифология Петра Феодоровича в январской оде И.Ф. Богдановича …….....210

Ода Богдановича как каталог риторических способов приравнивания образов Петра Феодоровича и Петра I друг к другу 210

Вторичная оригинальность или специфика работы Богдановича с литературными источниками 213

Коронация Петра Феодоровича как зеркало коронации Петра I: история одной литературной ошибки 220

§4.3. Личная мифология Петра Феодоровича в июньской оде И.Ф. Богдановича ……...……...226

Место и статус июньской оды И.Ф. Богдановича в его последующем литературном творчестве 226

Еще один одический *восход солнца*: образ Богдановича как сумма приемов предшествующих авторов 232

Петр Феодорович как *покоритель Марса*: финальный этап эволюции одического образа монарха 234

Сюжет *Полтавской битвы* как дань дате публикации оды на тезоименитство …….....240

Заключение …….....245

Список цитируемой литературы …….....257

Источники …….....257

Исследовательская литература ……...266

Справочная литература ……....276

Приложение …….....279

Ода е.и.в. государю Петру Феодоровичу <...> в день возшествия его на всероссийский императорский престол декабря 25 дня 1761 от Александра Сумарокова …….....279

Ода. Е.и.в. <...> императору Петру Феодоровичу <...> на всерадостнейшее восшествие на престол / Приносит всеподданнейший раб, Михайло Херасков. 1762 года генваря дня ...283

Ода <...> императору Петру Феодоровичу <...> на всерадостнейшее восшествие на престол, / Которую приносит всеподданнейший раб Ипполит Богданович. 1762 года генваря дня …….....288

Ода на день тезоименитства е.и.в. <...> императора Петра Феодоровича <...> и е.и.в. <...> государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича / Сочиненная <...> прапорщиком Ипполитом Богдановичем. 1762 292

СПИСОК ДИАГРАММ, ТАБЛИЦ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Диаграммы:

Диаграмма 1. *Поводы создания торжественных од в 1733-1761 гг.* ……..119

Диаграмма 2. *Русские оды в 1733-1762 гг.* 122

Таблицы:

Таблица 1. *Основные тенденции в развитии жанра русских торжественных од в первой половине 1762 года* 125-126

Таблица 2. *Примеры употребления лексем «снова» и «вновь» в одах М.В. Ломоносова 1740-х годов и лексемы «новый» в оде М.М. Хераскова 1762 года* …….187

Таблица 3. *Сопоставление риторических средств из оды Ломоносова на восшествие Петра Феодоровича с образами и мотивами оды Хераскова 1762 года* ……..199-200

Таблица 4. *Текстуальное сравнение од И.Ф. Богдановича Петру Феодоровичу с его же одами Екатерине Алексеевне 1762 года* 230-231

Таблица 5. *Текстуальное сравнение оды И.Ф. Богдановича на тезоименитство Петра Феодоровича с одой М.В. Ломоносова 1748 года на восшествие Елисаветы Петровны* 235

Иллюстрации:

Иллюстрация 1. *Герб рода Херасковых* 198

ВВЕДЕНИЕ

§1. Принципы функционирования торжественных од в литературно-бытовом контексте XVIII – нач. XIX веков

В 1866 году в Москве, в типографии В. Готье, были опубликованы три части воспоминаний И.И. Дмитриева [Дмитриев], талантливого русского поэта, переводчика и выдающегося государственного деятеля конца XVIII–первой половины XIX века. Интереснейшие во всех отношениях мемуары “русского Лафонтена” были составлены им в начале 1820-х годов, носили исчерпывающе ясное заглавие *Взгляд на мою жизнь* и были подготовлены к печати его племянником М.А. Дмитриевым.

Воспоминания И.И. Дмитриева рисуют перед читателями широкую картину литературной жизни и дворянского быта эпохи царствования Александра I[1]. Нас, однако, интересует в них один очень частный эпизод, относящийся к поре счастливого детства и самого раннего отрочества будущего российского министра юстиции. Описывая в начальной главе одни из самых первых, и потому ярких, своих литературных впечатлений, Иван Иванович воссоздает крайне живописную мизансцену:

> Еще в том же возрасте[2] стал я знакомиться и с русской поэзией. Матушка любила стихотворения А.П. Сумарокова. Живучи в Петербурге, она лично знала его. <...> [О]на знала наизусть многия из <...> его стихотворений. Мне очень памятна минута, когда она в деревне пересказывала оду его, посвященную Петру Великому: Матушка сидела на канапе за ручною работою, а старший брат мой против ея на подножной скамеечке, и держа на коленях лист бумаги, он записывал карандашом стих за стихом; я же, стоя за ним, слушал с большим вниманием, хотя и не все понимал – это было еще до вступления нашего во второй пансион, и тогда я едва ли не в первый раз услышал имена *Париса* и *Авроры*[3], но помню, что при одном произношении слов *златого* века, *утешения*, я находил в этих стихах какую-то неизъяснимую для меня прелесть, гармонию, и после несколько раз упрашивал брата повторить их, чтобы я мог вытвердить их наизусть.
>
> С каким удовольствием вспомнил я эти стихи <...>, когда через несколько лет после того <...> увидел я в первый раз *Мон-Плезир* и открытое море! С той минуты, пока

---

[1] Издавая в свет книгу воспоминаний своего покойного уже к тому времени дядюшки, его племянник отмечал в предисловии: «Я давно думал издать записки моего дяди, которые при всей их краткости, составляют любопытный памятник одной из самых светлых эпох и нашей литературы и нашей государственной жизни. Сподвижник Карамзина и министр Императора Александра I в лучшую пору его царствования, И. И. Дмитриев говорит, как очевидец, о событиях, ставших теперь достоянием истории» [Дмитриев: V].

[2] Ранее И.И. Дмитриев сообщал, что «на одиннадцатом году моей жизни прекратился решительно курс моего учения», т.к. отец забрал его с братом из пансиона Кабрита [Дмитриев: 14]. События, описанные в проводимом нами отрывке, происходят еще *до* определения его в этот пансион, т.е. предположительно в возрасте примерно девяти-десяти лет.

[3] Здесь и далее на протяжении всей работы *курсив* во всех прозаических цитатах будет неизменно принадлежать авторам цитируемых текстов, а выделение **жирным шрифтом**, в свою очередь, нам. Так, например, здесь – курсив И.И. Дмитриева.

находился в Петергофе, почти всякое утро я встречал восходящее солнце у домика Петра Великаго. Опершись на балюстрад или перилы, то глядел я на синее море, на едва видимый флот с кронштадтской рейды; то оборачивался к домику, осененному столетними липами, и мысленно повторял – уже с благоговейным умилением не к стихам, но к виновнику вдохновения: «Домик, что при самом море, / Где Парис в *златой* жил век, / Собеседуя *Авроре*, / *Утешением* нарек»[4] [Дмитриев: 16-17].

В дальнейшем мы узнаем, что ода Сумарокова не была единственным стихотворным панегирическим текстом, произведшим сильнейшее впечатление на чувствительного и восприимчивого к поэтическому слову молодого человека. В частности, И.И. Дмитриев вспоминает, что в свое время одическое творчество Ломоносова также не оставило его равнодушным:

> Столь же приятно мне вспоминать один вечер Великой Субботы, проведенный отцем моим посреди нашего семейства за чтением. Это также происходило в деревне, уже по выходе моем из последняго пансиона[5]. В ожидании заутрени, отец мой, для прогнания сна, вынес из кабинета Собрание Сочинений Ломоносова, перваго московскаго издания, и начал читать вслух известныя строфы из Иова; потом *Вечернее Размышление* <...>. Чтение заключено было Одою на взятие Хотина. Слушая первую строфу, я будто перешел в другой мир; почти каждый стих возбуждал во мне необыкновенное внимание <...>. Но последние четыре стиха девятой строфы <...>, особенно же последние два в двенадцатой: «Свилася мгла, герои в ней; / *Не зрит их око, слух не чует*...» исполнили меня священным благоговением [Дмитриев: 17-18].

Очевидно, что вопрос о том, насколько верны и реалистичны эти – несколько слишком идиллически отретушированные – картинки из раннего периода жизни поэта, ретроспективно восстановленные памятью пожилого мемуариста, обречен остаться без ответа. Для нас он, однако, совершенно непринципиален. Даже если мы строго скептически предположим, что оба приведенных выше фрагмента воспоминаний И.И. Дмитриева являются позднейшей ретроактивной реконструкцией событий, возможно, никогда не имевших места в действительности, все то, что будущий автор *Чужого толка*[6] сообщает нам о принципах функционирования одических текстов в

---

[4] Здесь и далее на протяжении всей работы тексты XVII-XIX вв. цитируются нами в соответствии со 2-ым вариантом *Правил издания исторических документов* Главного архивного управления при СМ СССР: "При передаче текста документов до конца XVIII в. сохраняются его орфографические особенности, как являющиеся нормой, так и отклонения от принятых для своего времени норм орфографии. <...> Текст <...> передается <...> с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими тот же звук <...>. [М]ягкий и твердый знаки употребляются согласно современному правописанию". [Правила издания: 24]. Во всех случаях мы сохраняем пунктуацию оригинала.

[5] Т.е. примерно в возрасте 11 лет.

[6] «Став сотрудником «Моск[овского] журн[ала]», Д[митриев] включился в литературную полемику. В кон. 1792 он пишет пародию на современных одописцев («Гимн восторгу»), в эпиграмме следующего года высмеивает оду А.И. Клушина «Человек». Самым значительным полемическим выступлением Д[митриева] была его сатира «Чужой толк» (1794), направленная против сервильной поэзии эпигонов классицизма. Это не значит, что

литературно-бытовом контексте второй половины XVIII – начала XIX века, ни в коей мере не теряет своей яркой иллюстративности.

Во-первых, обратим внимание на подчеркнуто устный – почти фольклорный – характер бытования и "употребления" стихотворных панегириков в образованной дворянской среде, члены которой и являлись, по всей видимости, основной целевой аудиторией од как жанра: матушка И.И. Дмитриева[7] *знала наизусть* оду Сумарокова Петру I и, сидя на канапе за ручною работою, *пересказывала* ее двум своим малолетним сыновьям. Затем уже сам Дмитриев несколько раз упрашивал брата *повторить* понравившиеся ему строки, чтобы он мог *вытвердить их наизусть*. Наконец, будучи в Петергофе, молодой человек без труда *вспомнил эти стихи* и, картинно встречая рассвет на балюстраде Монплезира, неоднократно *мысленно повторял* их.

Отметим, что, как правило, сложнейший вопрос о принципах функционирования одического текста в многообразном культурном контексте XVIII века решается в современной исследовательской литературе в совершенно ином ключе. В русской литературоведческой традиции мы встречаем по крайней мере два диаметрально противоположных взгляда на этот вопрос. С одной стороны, исследователями не раз высказывалась необходимость рассматривать всякий одический текст в качестве составной части более широкого придворного действия, занимающего «строго очерченное место в торжественном ритуале гражданского праздника» [Живов: 245[8]]. Подобного рода подход изначально предполагает сильнейшую ориентацию одического текста на произнесение и, соответственно, на функционирование элементов составляющего его поэтического слова *под углом ораторского действия*. Данное вѝдение поэтики стихотворных панегириков было особенно отчетливо сформулировано в работе Ю.Н. Тынянова *Ода как ораторский жанр*:

> Ода Ломоносова может быть названа ораторской не потому или не только потому, что она мыслилась произносимой, но потому главным образом, что ораторский момент стал определяющим, конструктивным для нее. Ораторские принципы наибольшего воздействия и словесного развития подчинили и преобразили все

Д[митриев] вообще отвергал жанр оды: учитывая опыт Державина, Д[митриев] понимал, что ода может и должна утверждать долг и ответственность человека перед обществом» [Макогоненко].

[7] Мать И.И. Дмитриева – Екатерина Афанасьевна Бекетова, сестра известного фаворита Елизаветы Петровны Никиты Афанасьевича Бекетова, о чьей примечательной судьбе и литературных занятиях подробнее см., например, [Половцов, Том «Алексинский - Бестужев-Рюмин»: 663-664].

[8] Цит. по [Погосян 1997].

элементы слова. Произносимость как бы не только дана, но и задумана в его оде[9] [Тынянов[10]].

С другой стороны, идея безоговорочного доминирования ораторской установки в поэтической системе русских стихотворных панегириков не раз подвергалась острой критике. Одновременно с этим гипотеза о сугубо прикладном характере одических текстов справедливо ставилась под сомнение. Кратко, однако исчерпывающе, конкурирующая позиция по вопросу о принципах структурной организации и функционирования одического текста была сформулирована в докторской диссертации Е.А. Погосян *Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730-1762 гг*. В этой работе исследователь топики и идеологии русских торжественных од XVIII века приводит следующий убедительный аргумент:

> <...> реальных фактов, прямо указывающих на практику исполнения в составе церемониального действа именно оды, в нашем распоряжении нет или они носят косвенный характер. Такое положение само по себе не может, конечно, служить аргументом того, что оды не исполнялись перед монархом, но требует более пристального внимания, во-первых, ко всем указаниям на примеры такого рода; во-вторых, к тому, как сам текст оды описывает отношения одописца и монарха и в какой степени такие отношения предполагают личное поднесение или исполнение [Погосян 1997].

Две приведенные выше, диаметрально противоположные, на первый взгляд, исследовательские позиции объединяет один нюанс. Обе они отражают напряженную аналитическую рефлексию ученых над вопросом о том, каким образом функционировал одический текст при своем первом, дебютном, “употреблении”. При этом исследователи обоих противостоящих лагерей практически не касаются любопытнейшего вопроса о том, что происходило со стихотворными панегириками XVIII века в дальнейшем, т.е. уже после окончания придворных торжеств, посвященных тому конкретному поводу, в связи с которым панегирический текст создавался изначально.

---

[9] Примечательно, что зачастую полемизировавший с Ю.Н. Тыняновым Л.В. Пумпянский в данном вопросе придерживался принципиально схожей точки зрения: «Техника поднесения оды, прочтение, учет театрального церемониала, частью которого она предназначена быть, приспособление размеров оды, плана, стиля, слов к этой первичной ее функции, — все это знали Юнкер и Штелин (только это они и знали!) и теперь должен узнать Ломоносов. Роль учебника сыграли двуязычные оды (немецкий текст их и перевод его)» [Пумпянский: 19]. (Оригинальнай анализ *концептуального инструментария*, предложенного и с успехом примененного Тыняновым для анализа одической поэзии XVIII в., см. в статье К. Осповата *О концепции оды у Тынянова: заметки к теме* [Осповат 2007 а].)

[10] По целому ряду причин многие источники и исследовательские работы оказались доступны нам исключительно в виде электронных републикаций, зачастую не снабженных исходной пагинацией бумажного оригинала. В случаях отсутствия постраничной нумерации в использованных нами ресурсах мы просто указываем название источника в квадратных скобках.

Подобная сосредоточенность исследователей на вопросе именно о первоначальном способе функционирования одических текстов понятна и естественна, т.к. в огромной степени обусловлена самой спецификой объекта описания, а именно – жанровыми особенностями анализируемых произведений. Торжественные оды являются классическим примером *стихотворений на случай*[11]. Их сильнейшие связи с внелитературными контекстуальными рядами (историческим, календарным, придворным, идеологическим, биографическим и проч.) совершенно очевидны, бесспорны и не подлежат никакому сомнению. Именно на обнаружение и тщательную реконструкцию подобного рода первичных контекстуальных взаимодействий направлена, как правило, традиционная литературоведческая интерпретация всякого отдельно взятого одического текста[12].

Нам, однако, представляется намного более любопытным и занимательным обратить внимание на случаи последующего бытования торжественных од, происходящего уже вне непосредственного контекста того самого пресловутого *случая*, который официально являлся оригинальным поводом их создания. Подобного рода подход тем более интересен потому, что многочисленные косвенные признаки долгой, однако, остающейся, как правило, в тени исследовательского внимания жизни торжественных од в последующей культурной традиции обнаруживаются

---

[11] «Обозначение "торжественная ода" <...> впервые прозвучало в названии оды В.К. Тредиаковского "Ода торжественная о сдаче города Гданьска" (1734). По своему происхождению оно восходит к немецким названиям од "feierliche" (праздничная) <...>. Обозначение оды "торжественная" подразумевало приуроченье ее к торжеству, имеющему государственное значение. К таким торжествам в XVIII веке относили одержанную победу, заключение мира, четыре ежегодных царских дня (день восшествия на престол, день коронации, день тезоименитства и день рождения царствующей особы), рождения и кончины лиц царской семьи, отъезд или въезд монарха в город» [Алексеева: 7].

[12] См., например, с одной стороны, образцово качественные и подробные, а, с другой стороны, порою столь же образцово бессмысленные, балансирующие в отдельных случаях на грани курьеза, комментарии к одам М.В. Ломоносова в VIII томе академического *Полного собрания сочинений* [Ломоносов]. Так, например, комментируя строки *Оставив шум войны, Градив, / <...> / 15 У Финских спать залег озер, /* ***Тростник подслав, травой покрылся*** из оды 1741 года (на тезоименитство Иоанна Антоновича), Т.А. Красоткина и Г.П. Блок приводят, в частности, следующие объяснения: «Намек на бедственное состояние шведской государственной казны, которая в то время была совершенно истощена войнами Карла XII» [Ломоносов, VIII: 885], или: «*В морях как южных* ***вечной всток*** */ От гор Атлантских вал высок / Крутит к брегам четвертой части, / <...> / Российский воин так врагам / Спешит отмстить, свиреп грозою* – прим. 23: *Вечной всток* — т. е. ветер, вечно дующий с востока <...>. Ломоносов имел, вероятно, в виду так называемые вест-индские ураганы в тропическом поясе Атлантического океана; их направление — от берегов Африки к Центральной Америке» [Ломоносов, VIII: 887], и проч. В свою очередь, из особенно удачных примеров исследовательской реконструкции контекстов первого ряда укажем, например, на относительно недавнюю статью К. Осповата *Астрономия и эмблематика: об одном мотиве у Ломоносова* [Осповат 2006].

без особенного труда. Вспомним, например, каков был объем тиража одной из поздних ломоносовских од, посвященных восшествию на престол Петра III Феодоровича и одновременно наступлению в России Нового 1762 года:

> Печатать оду <на восшествие Петра Феодоровича – *М.К.*> было определено двойным тиражом, в количестве 1200 экз. — явление <...> исключительное, в поэтической практике Ломоносова еще небывалое. <...> напечатаны [оказались] почему-то, может быть из-за недостатка бумаги, вместо 1200 всего 912 экз. <...>. Из этого количества 152 экз. пошло на бесплатную раздачу знатным особам, а 760 экз. было пущено в продажу по 10 коп. за экземпляр <...>. При этом Ломоносов распорядился (чего прежде никогда не делал), чтобы о поступлении оды в продажу было объявлено в газетах. <...> Не прошло и пяти дней со времени этой публикации, как в Типографию посылается 19 января из Канцелярии ордер о печатании повторного издания оды опять двойным тиражом <...>, что и было выполнено в том же месяце <...>.
>
> Итак, 2112 экземпляров. Ни одна из предшествующих од Ломоносова не выпускалась в таком количестве. Новое произведение поэта **нашло, стало быть, ценителей** не только в придворной среде, число представителей которой измерялось десятками, не только в дворянском обществе столицы, но и **в несравненно более широком кругу** разночинной интеллигенции [VIII: 1158[13]].

Сам по себе огромный – *исключительный* и *небывалый*, по свидетельству комментаторов – тираж, конечно же, не может служить надежным гарантом долгожительства и / или бесспорным свидетельством необычно высокого статуса какого бы то ни было художественного текста в культурном контексте эпохи. Показателен в этом смысле классический контрпример с современными ежедневными газетами, гигантские тиражи которых стремительно устаревают в течение суток и полностью заканчивают свое функционирование в актуальном культурном контексте буквально на следующее утро, как только из-под печатного станка выходит очередной огромный тираж того или иного популярного таблоида.

Однако кроме сведений о фантастически большом (по типографским меркам XVIII века) количестве печатных экземпляров одной из од Ломоносова в нашем распоряжении имеется и другое любопытнейшее свидетельство, наглядно демонстрирующее кардинально иные – по сравнению с современными многотиражными периодическими изданиями – принципы функционирования панегирических текстов в культуре и общественной жизни XVIII века. Так, вспомним многолетние и напряженные усилия правительства Елисаветы Петровны, направленные на систематическое уничтожение разрозненных экземпляров первых изданий оды Ломоносова 1741 года, посвященной тезоименитству свергнутого Елисаветой Петровной (однако, не ликвидированного окончательно) малолетнего Иоанна Антоновича:

---

[13] Здесь и далее на протяжении всей работы ссылки на произведения М.В. Ломоносова даются нами по полному академическому *Собранию сочинений* 1950—1983 гг. [Ломоносов]. В квадратных скобках римской цифрой мы указываем номер тома, а арабской номер страницы.

> Два первые издания публикуемой оды <оды Ломоносова 1741 года на тезоименитство Иоанна Антоновича – *М.К.*> являются библиографической редкостью, так как после восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны все книги и документы, где упоминались имена Ивана Антоновича и его родителей, старательно уничтожались или прятались. Журнальной резолюцией Академической канцелярии от 8 марта 1744 г. было предписано «**запечатать** и **отослать для сохранения** к унтер-библиотекарю Тауберту» экземпляр публикуемой оды, присланный в Академию из Сената <...>. В августе 1745 г. Канцелярия отправила в Сенат **для сожжения** целую «кипу» материалов, в том числе и 12 экземпляров «од или похвальных речей, изданных адъюнктом Ломоносовым», т. е. именно данной оды <...> [VIII: 884].

Жесткие, если не сказать обскурантистские, действия Сената и Академии наук, упорно предпринимаемые ими на протяжении первых лет царствования дочери Петра I, могут показаться нелепыми и бессмысленными, если мы попробуем уяснить их себе, стоя на позициях “одноразового” употребления одического текста. Однако те же самые варварские цензурные мероприятия правительственных учреждений (строгое ограничение доступа, сожжение) превращаются в значительно более осмысленные процедуры, если мы предположим, что сама природа одического текста подразумевала вовсе не одноразовое, а, напротив, многократное и в некоторых обстоятельствах, возможно, даже регулярное его использование, причем вовсе не в общественно-придворном, а, напротив, в частно-бытовом литературном обиходе. В этом контексте обратим внимание, во-первых, на распространенную практику включения торжественных од в *Собрания Сочинений* того или иного автора, а, во-вторых, как справедливо указала нам Е.А. Погосян, на традицию переплетения первых изданий торжественных од в конволюты, сформированные либо по принципу авторства, либо единого повода написания включенных в переплет панегириков[14].

Итак, предположим, что жизнь оды отнюдь не заканчивалась после того, как стихали официальные придворные торжества, совпадавшие с номинальным поводом ее создания и публикации. Напротив, жизнь стихотворного панегирика в этот момент еще только начиналась. И тут перед нами неизбежно встает вопрос о прагматической функции одического текста, или же о том *зачем* люди XVIII века из поколения в поколение читали и перечитывали *стихотворения на случай* уже после того, как они окончательно и бесповоротно утрачивали какую бы то ни было живую связь с этим самым *случаем*.

[14] Ср., например: «Директор Исторической библиотеки М.Д. Афанасьев продемонстрировал уникальное издание из Отдела редких книг библиотеки: конволют XVIII века, в переплете эпохи, включающий сочинения А.П. Сумарокова, **похвальные оды на царствования русских правителей** и масонские сочинения. Книга принадлежала академику В.И. Висковатову, затем его потомкам П. и А. Висковатовым, а позже и П.А. Ефремову» [Богданович 2011].

§2. Специфика прагматической функции од

В поисках ответа на сформулированный выше вопрос нам помогут приведенные выше отрывки из воспоминаний И.И. Дмитриева. На этот раз обратим внимание на то, какую гамму чувств вызвало у чуткого мальчика слушание одических текстов. Во-первых, вспоминая чтение своей матушкой оды Сумарокова, И.И. Дмитриев замечает: *мне* ***очень памятна*** *минута, когда она в деревне пересказывала оду, посвященную Петру Великому*. Т.е. процесс совместного семейного чтения / слушания оды оказывается отчетливо статусно маркирован в потоке обычного, не заслуживающего особенного внимания, а тем более запоминания деревенского времени. Более того, далее, начиная эпизод о ночном чтении его отцом оды Ломоносова, Дмитриев сообщает: *[с]толь же* ***приятно мне вспоминать*** *один вечер Великой Субботы, проведенный отцем моим посреди нашего семейства за чтением.* Примечательно, что минуты чтения торжественных од в дворянской семье оказываются, с одной стороны, исключительно памятны, а, с другой стороны, в высшей степени позитивно окрашены в сознании юного реципиента одических текстов. Таким образом, социальная практика многократного совместного чтения и слушания торжественных од предстает перед нами в качестве *особенного* и *приятного* способа проведения свободного времени в кругу семьи. Итак, читать и слушать торжественные оды – это, во-первых, удовольствие.

Во-вторых, вспомним, каким именно образом И.И. Дмитриев детализирует собственные эмоциональные переживания и интеллектуальные ощущения во время чтения. Первые впечатления нашего героя от прослушивания сумароковского текста были довольно амбивалентны (*слушал с большим вниманием*[15]*, хотя и не все понимал*) и в сущности определялись отнюдь не планом содержания, а, напротив, исключительно спецификой плана выражения стихотворного панегирика: «при одном **произношении** слов *златого* века, *утешения*, – вспоминает Дмитриев, – я находил в этих стихах какую-то неизъяснимую для меня прелесть, гармонию». Т.е. на начальном этапе восприятия оды уже само по себе *произношение* составляющих ее слов оказывается не только вполне достаточным, но и очень эффектным, значительно эмоционально заряженным, содержанием подобного рода чтения.

Однако, как мы узнаем из дальнейшего рассказа мемуариста, одним только произнесением гармонически скомбинированных благозвучных слов “правильное” употребление одического текста не ограничивается. Оказавшись в Петергофе, молодой человек первым делом *с удовольствием вспомнил* полюбившиеся ему в свое время стихи и, *опершись на балюстрад, мысленно их повторял*. На этот раз взаимодействие Дмитриева с одическим

[15] Ср. далее в описании ощущений от чтения его отцом оды Ломоносова: *почти каждый стих возбуждал во мне* ***необыкновенное внимание***.

текстом пошло гораздо дальше. Во-первых, исключительно под действием чтения оды молодой человек существенно меняет свое бытовое поведение (ходит по утрам к домику Петра встречать рассвет). Во-вторых, что особенно важно отметить, многократное прочтение оды заставляет юношу интенсивно испытывать вполне определенные и очень специфические чувства, направленные на *виновника вдохновения* повторяемого им стихотворения, т.е., собственно, на Петра I. Спустя много лет, искушенный в анализе мимолетных оттенков внутренней жизни поэт определяет свои тогдашние ощущения как *благоговейное умиление* (*глядел я на синее море и мысленно повторял с* ***благоговейным умилением***). При этом, как сообщает И.И. Дмитриев в пассаже про оду Ломоносова, совместное с отцом чтение Хотинской оды в ожидании пасхальной заутрени вызвало у него крайне схожие эмоции по отношению к героям ломоносовского текста: *последние четыре стиха <...> исполнили меня* ***священным благоговением***.

Вопрос о характере глубокого эмоционального отклика, генерируемого в сознании рядового читателя при "употреблении" одического текста, представляется отнюдь не праздным по двум причинам. Во-первых, знакомясь со свидетельствами подобного рода напряженного диалога между читателем и стихотворным панегириком, невозможно отделаться от мысли, что нам посчастливилось наблюдать очень яркое и колоритное, однако, безнадежно и бесследно исчезнувшее из актуального культурного поля литературное явление. Так, например, И.И. Дмитриев отмечает, что в ожидании заутрени его отец вынес из своего кабинета том *Собрания Сочинений* Ломоносова, чтобы читать его своим сыновьям *для прогнания сна*. Выскажем предположение, что в сегодняшней культурной ситуации пусть даже и однотомное *Собрание Сочинений* Ломоносова (не говоря уже о, например, томе *Од торжественных* Сумарокова [Сумароков 2009]) способно отнюдь не *прогнать*, а, напротив, разве что *нагнать* сон на любого, пусть даже самого литературно одаренного, одиннадцатилетнего мальчика. Осмысленное чтение од, искреннее, живое и непосредственное взаимодействие со стихотворным панегирическим текстом – это своеобразная Атлантида поэзии нового времени, социальная практика, навсегда ушедшая от нас, смытая стремительным потоком исторических и политических перемен.

Неотвратимый исторический прогресс трансформировал идею самодержавной монархии как эффективного политического строя в удел маргиналов и эксцентриков. Перейдя на следующий этап, социально-политическая эволюция подарила нам возможность свободно пользоваться всеми благами демократического государственного устройства. Побочным эффектом победного шествия развитой демократии по планете оказалась утрата нами как читателями способности непосредственно воспринимать и искренне переживать, пропускать через себя, тексты торжественных од

XVIII века, написанных в совершенно иной, существенно отличающейся от нашей, среде как культурной, так и политической жизнедеятельности.

В силу своей расположенности на оси времени мы, как бы нам ни хотелось, никогда не сможем погладить живого динозавра. Ровно также, в силу значительной обусловленности наших эмоциональных реакций актуальным историческим контекстом, мы напрочь лишены возможности испытать на себе сильнейшее эмоциональное воздействие какого-либо, пусть даже самого яркого, принадлежащего к вершинным образцам жанра, стихотворного панегирика. Мы не умеем читать оды. Более того, мы решительно лишены возможности научиться это делать, т.к. кардинальная смена общественно-политической парадигмы напрочь лишила нас малейшей возможности адекватно их понять[16]. Именно с честного признания этого факта стоит, как нам кажется, начинать непростой путь логического анализа текстов данного жанра.

Однако, рефлексия над непреодолимой ограниченностью собственных познавательных возможностей является отнюдь не единственным, и тем более не основным, результатом уяснения себе ярко выраженной эмоциогенной прагматической направленности стихотворных панегириков. Вторым следствием, проистекающим из адекватного представления о глубоко суггестивной природе одических текстов, становится приближение к намного более полному пониманию структурных особенностей текстов этого жанра. В уже цитированной нами выше докторской диссертации, Е.А. Погосян делает, в частности, одно очень любопытное замечание:

> [с]убъективно (и для автора, и для читателя) ода имела совсем иной смысл — она была формой, в которую отливалась «монархическая эмоция», переживание своего отношения к монарху автором и читателем. Именно эта «психологическая реальность» **оды определяет топику и идеологию жанра** и является тем уровнем, анализ которого представляется наиболее плодотворным для того, чтобы понять природу одического комплимента [Погосян 1997][17].

---

[16] В этом смысле торжественные оды принципиально отличаются от всех остальных видов лирических стихотворений, например, того же Ломоносова. Вооружившись необходимыми историко-литературными знаниями и методологическими навыками, мы можем довольно плотно приблизиться к адекватному, с научной точки зрения, пониманию *Вечернего размышления...* или даже *Оды, выбранной из Иова* (см. например, [Лотман]). При этом исключительно важно, что непосредственная эмоциональная реакция на тексты, условно говоря, философской или религиозной (не говоря о любовной!) тематики возникает у нас совершенно спонтанно уже при первом их прочтении и отнюдь не требует никакой специальной литературоведческой квалификации. В свою очередь, чтение торжественных од решительно лишено для нас подобного рода привлекательности интуитивно понятной общечеловечности.

[17] Ср. также: «Ода — жанр лирический. Предмет лирики — не событие, а эмоция, переживание того или иного события. Однако торжественная ода обращена к эмоции особого типа — эмоции политической» [Погосян 1997].

С одной стороны, мы полагаем в высшей степени продуктивным принять за отправную точку для дальнейших рассуждений идею о глубокой детерминированности одической топики прагматической функцией возбуждения в читателях *монархической эмоции*; коммуникативной задачей, являющейся, по всей видимости, однозначно приоритетной для всех текстов одического жанра в целом. С другой стороны, мы считаем необходимым внести некоторые коррективы в гипотезу, высказанную тартуским исследователем.

В своем фундаментальном исследовании Е.А. Погосян исходит, в частности, из предпосылки о том, что ода – это прежде всего *форма*, в которую естественным образом *отливалась* лирическая эмоция любви к монарху, в высшей степени присущая и автору, и читателям стихотворного панегирика как подданным самодержавного правителя. Мы же, со своей стороны, полагаем, что динамика взаимодействия одического текста с читателем шла по несколько по-иному направленному вектору. Одический текст представляется нам не столько *формой, в которую отливалась эмоция,* сколько сильнейшим манипулятивным средством, эту самую эмоцию генерирующим и моделирующим. На наш взгляд, торжественная ода не столько *фиксирует*[18] официальную идеологию, сколько создает ее здесь и сейчас, мобилизуя мощную энергию воздействия и неисчерпаемый семантический потенциал художественного текста для практических нужд обслуживания самодержавной власти и аффилированных с ней политических элит.

В классической статье *Топика и композиция гимнов Горация* М.Л. Гаспаров привел хрестоматийно-точное определение прагматической сущности лирической поэзии. В частности, исследователь отметил:

> Он <человек нового времени – *М.К.*> привык к тому, что лирическое стихотворение (в том его типе, который сложился в эпоху романтизма, а отчасти еще ранее, в XVII—XVIII вв.) представляет собой динамическое развитие какой-то мысли или чувства, иногда связное, чаще затушеванное, как бы пунктирное, но всегда ощутимое, так что **в конце стихотворения читатель находится в ином психологическом состоянии, чем в начале** [Гаспаров 2000].

Соположив это тонкое теоретическое замечание со вполне конкретными воспоминаниями И.И. Дмитриева о неоднократно испытанном им в конце чтения торжественных од *благоговейном умилении*, мы получим универсальную формулу, максимально точно описывающую своеобразие прагматической жанровой установки стихотворных панегириков: фаза 1) читатель находится в нейтральном эмоциональном состоянии → фаза 2) прочтение оды → фаза 3) переход в специфическое состояние

[18] Ср.: «официальный быт требует не только строго ритуального поведения, но и ритуального переживания, и ода это ритуальное переживание **фиксирует** и, в то же время, этому ритуальному переживанию «обучает»» [Погосян 1997]. На наш взгляд, акцент следует существенным образом сместить в сторону *обучает*.

благоговейного умиления перед адресатом (равным, зачастую, объекту описания) текста → фаза 4) измененное предшествующей напряженной эмоцией бытовое поведение.

§3. Разъяснение терминологического аппарата и введение понятия *личная мифология*

В контексте размышлений над последней фазой процесса воздействия одического текста на реципиента (перехода от пресловутой *монархической эмоции* к соответствующему поведению) исключительно интересной для нас является работа профессора Оксфордского университета А.Л. Зорина *Кормя двуглавого орла… Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII-первой трети XIX века* [Зорин], вышедшая в 2001 году в серии *Historia Rossica* издательства *НЛО*. Как и пионерская докторская диссертация Е.А. Погосян, блестящая книга А.Л. Зорина безусловно принадлежит к числу академических исследований, последовательно продолжающих и плодотворно развивающих основные идеи культурологических штудий тартуско-московской семиотической школы. Однако, несмотря на обилие как явных, так и скрытых отсылок к работам Ю.М. Лотмана в обеих монографиях, а также вопреки очевидной принадлежности обоих авторов к единому интеллектуальному континууму тартуско-московской культурной семиотики, отметим одно принципиальное методологическое отличие первой упомянутой выше работы от второй.

В частности, в отличие от Е.А. Погосян А.Л. Зорин исходит из базовой предпосылки о том, что отнюдь не затекстовые механизмы определяют системные характеристики текстов различных жанров, а, напротив, литературные тексты – особенно поэтические – играют важную, едва ли не главную, роль в формировании и конструировании внетекстовой реальности. Так, описывая поэтический язык как некоторую экспериментальную лабораторию, которая «может конструировать необходимые метафоры в наиболее чистом виде», А.Л. Зорин понимает «искусство в целом (и литературу в первую очередь) как универсальный депозитарий идеологических смыслов и мерило их практической реализованности» [Зорин: 28]. Таким образом, «сакраментальная тема взаимоотношения идеологии и литературы» рассматривается исследователем с точки зрения принципиального доминирования и примата поэтического языка и литературы над реальными политическими обстоятельствами.

Конкретные хронологические рамки проведенного А.Л. Зориным исследования существенно сдвинуты в сторону XIX столетия: шесть из десяти глав его книги посвящены рассмотрению российских имперских идеологем XIX века. В свою очередь, части книги, относящиеся к истории идеологии XVIII века, начинаются описанием *греческого проекта* Екатерины II и, соответственно, анализом одического материала самого

конца 1760-х – начала 1770-х годов. Несмотря на некоторую отдаленность непосредственно используемого в книге А.Л. Зорина литературного материала от временны̀х границ, указанных в заглавии нашей работы, та основная исследовательская задача, которую ставит перед собой ученый, а именно – «проследить исторически конкретную динамику выработки, кристаллизации и смены базовых идеологем» [Зорин: 29], представляется нам крайне интересной и исключительно продуктивной в том числе и применительно к объекту нашего собственного исследования. Так, в нашей работе, на материале торжественных од (а также одной проповеди), написанных в 1742, 1743 и 1762 годах и при этом либо прямо посвященных, либо косвенно относящихся к событиям, связанным с жизнью и деятельностью сначала Великого Князя, а впоследствии седьмого российского императора Петра III Феодоровича, мы последовательно проанализируем по крайней мере две – значительно разнесенных во времени, однако, при этом органически связанных друг с другом – фазы эволюции его личной мифологии.

В первой главе настоящей работы объектами нашего пристального внимания станут торжественные оды М.В. Ломоносова 1740-х годов (на прибытие и на день рождения Петра Феодоровича 1742 года и на его же тезоименитство 1743 года), а также проповедь Симона Тодорского, посвященная пятнадцатому дню рождения наследника престола и произнесенная проповедником 10 февраля 1743 года в придворной церкви в Санкт-Петербурге. Во-первых, сразу оговорим, что при определении понятия *торжественная ода* мы полностью и безоговорочно солидаризируемся с глубоко верной, на наш взгляд, методикой, предложенной Е.А. Погосян в ее уже неоднократно цитированной нами выше докторской диссертации:

> Под похвальной или торжественной одой мы будем подразумевать стихотворение, обращенное к царствующему монарху или лицу, принадлежащему к императорской фамилии, **которое автор озаглавил словом «ода»** (полагаем, что определение жанра здесь является и определением круга тем и допустимых границ их варьирования). В этом случае на первый план будут поставлены не стилистические, тематические или иные критерии, а сознательная установка автора составить стихотворение определенного жанра («ода» в заглавии). Посвящение оды царствующему монарху выделяет торжественную оду из более широкого класса од (философских, духовных и др.) [Погосян 1997].

Именно этого подхода и этой терминологии мы будем последовательно придерживаться на протяжении всей работы. Во-вторых, отметим, что включение в круг анализируемых нами текстов церковной проповеди – текста, на первый взгляд, жанрово отличного от сугубо светского по своей природе жанра торжественных од – объясняется, с одной стороны, отношениями глубокой функциональной синонимии, а, с другой, сильнейшей генетической связью этих двух родов литературы в контексте культуры XVIII века. Так, например, в работе *Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России* Б.А. Успенский отмечает:

> <...> торжественная ода является составной частью гражданского культа монарха. Выступая как часть светского торжества, она является **функциональным эквивалентом** панегирической проповеди в религиозных церемониях, и это определяет их постоянное взаимодействие <...>. Эта связь с проповедью делает особенно актуальными те проблемы, которые ода ставит перед религиозным сознанием [Успенский][19].

Итак, именно эти три панегирических текста (оды М.В. Ломоносова 1742 и 1743 гг., а также проповедь С. Тодорского 1743 года) станут для нас тем конкретным литературным материалом, на примере которого будет проанализирован ранний этап выработки и первичного формирования личной мифологии Петра Феодоровича, пришедшийся на самые первые годы пребывания голштинского принца в России и совпавший с началом царствования его августейшей тетки Елисаветы Петровны.

Во второй главе настоящей работы мы сосредоточимся на последовательном анализе четырех торжественных од, принадлежащих перу М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова и И.Ф. Богдановича, написанных уже в 1762 году[20], т.е. вскоре после смерти Елисаветы Петровны и буквально вслед за восшествием Петра Феодоровича на престол. Обстоятельное и всестороннее рассмотрение процесса формирования образа нового российского императора в этих стихотворных панегириках даст нам возможность описать второй этап эволюции его личной мифологии, которая, как мы увидим ниже, во многом совпадала, но в некоторых ключевых моментах и существенно отличалась от дискурсивных моделей, выработанных на первом этапе.

В каждом из семи параграфов, собственно и составляющих настоящую диссертацию, в центре нашего внимания неизменно будет находиться, как правило, лишь один единственный художественный текст, анализ которого мы по мере необходимости предваряем краткими биографическими сведениями о жизни и творчестве его автора в интересующий нас период. Подобного рода композиция исследования проистекает из специфики понимания нами художественного текста как единственной относительно устойчивой точки когнитивной референции, неизменно доступной нашему вниманию и непосредственному анализу. Опыт структурализма приучил нас к мысли о том, что значение каждого отдельного взятого художественного текста возникает не как некоторая

---

[19] Ср. также: «Конечно, литература – лишь одна из возможных сфер производства идеологических метафор. Исторически эту роль с успехом играли также театр, архитектура, организация придворных, государственных и религиозных празднеств и ритуалов, **церковное красноречие** и многие другие области человеческой деятельности» [Зорин: 28].

[20] Чисто технически ода Ломоносова на восшествие Петра Феодоровича датируется самым концом декабря 1761 года, однако, чисто практически она несомненно примыкает к обширному корпусу стихотворных панегириков, созданных в России в первой половине 1762 года и посвященных только что взошедшему на престол новому российскому императору.

внутренне присущая ему данность, а как функция или отношение между собственно текстом и определенными внеположенными ему кодами или контекстами. В частности, Ю.Н. Тынянов писал:

> Совершенно также ясно, что отдельного произведения в литературе не существует, что отдельное произведение входит в систему литературы, соотносится с нею по жанру и стилю (дифференцируясь внутри системы), что имеется функция произведения в литературной системе данной эпохи. Произведение, вырванное из контекста данной литературной системы и перенесенное в другую, окрашивается иначе, обрастает другими признаками, входит в другой жанр, теряет свой жанр, иными словами, функция его перемещается [Тынянов].

В нашей работе мы рассматриваем образы и темы, а также мотивы и сюжеты[21], составляющие личную мифологию Петра Феодоровича, в качестве семантических единиц, актуализирующихся в виде набора дифференциальных признаков на фоне сразу нескольких контекстуальных рядов: биографии автора, современных ему исторических событий, а также прежде всего на фоне синхронных (или внутриструктурных) и диахронных (или культурно-исторических) закономерностей в развитии литературной системы, как правило, ограниченной в нашей работе жанровыми рамками торжественной оды.

На протяжении всей дальнейшей работы мы часто будем использовать термин *личная мифология*. Во избежание недоразумений подчеркнем, что говоря о *личной мифологии* того или иного российского императора, мы не вкладываем в это понятие никакого специально экзистенциального смысла, а пользуемся данной дефиницией исключительно операционально, ровно в той мере, в которой основные цели и непосредственные задачи нашей работы требуют выделения именно этой семантической структуры в качестве основного объекта исследования. В частности, мы понимаем *личную мифологию* того или иного российского монарха как разветвленную систему репрезентации личности этого самого монарха, с одной стороны, зеркально отображенную, а, с другой стороны, активно разрабатываемую в современных ему литературных[22] текстах и

---

[21] На протяжении всей работы термины *образ*, *тема*, *мотив* и *сюжет* мы используем в том смысле, который был предложен М.Л. Гаспаровым в его, ставших уже классическими, литературоведческих работах, посвященных имманентному анализу поэтического текста. В частности, в статье *"Снова тучи надо мною...": Методика анализа* московский исследователь дал следующее определение этих понятий: «В самом деле, что такое образ, мотив, а заодно и сюжет? Образ – это всякий чувственно вообразимый предмет или лицо, т.е. потенциально каждое существительное; мотив – это всякое действие, т. е. потенциально каждый глагол; сюжет – это последовательность взаимосвязанных мотивов. Пример, предлагаемый Б. И. Ярхо: "конь" - это образ; "конь сломал ногу" - это мотив; а "конь сломал ногу - Христос исцелил коня" - это сюжет <...>. Все мы знаем, что слова "сюжет", "мотив" и, особенно, "образ" употребляются в самых разнообразных значениях; но эти представляются всего проще и понятнее, этим словоупотреблением мы и будем пользоваться» [Гаспаров 1997: 14-15].

[22] Манифесты, проповеди, календари – все это для нас литературные тексты.

прочих актуальных социальных практиках[23]. Мы исходим из предположения о том, что прагматическая функция первоначального создания и последующего постоянного обогащения *личной мифологии* для каждого отдельно взятого самодержца либо члена императорской фамилии заключалась в стабильном поддержании, а также непрерывном транслировании когерентного набора смыслов, связанных с его личностью, на самую разнообразную читательскую аудиторию с целью возбуждения в ее членах именно той самой *монархической эмоции*, и сам факт существования, и raison d'être которой уже обсуждались нами выше.

Соответственно, целью настоящей работы является прежде всего выявление и описание образного и нарративного ядра личной мифологии Петра Феодоровича в той мере, в какой она была, с одной стороны, выражена, а, с другой стороны, сформирована в конкретных панегирических текстах 1740-1760-х годов. Во-первых, мы заинтересованы в определении тех узловых моментов и специальных обстоятельств биографии молодого человека, которые систематически подвергались наиболее активной литературной обработке и сформировали, таким образом, самую основу его личной мифологии. Во-вторых, следующей задачей своей работы мы видим выявление основных, разнородных и, как мы увидим в дальнейшем, зачастую случайных факторов, сыгравших ключевую роль в процессе мифологизации тех или иных реальных исторических событий и обстоятельств жизни внука Петра I. В-третьих, мы проследим и опишем основные фазы в поступательном развитии и неспешной эволюции личной мифологии Петра Феодоровича, изначально формировавшейся как личная мифология наследника престола, и только впоследствии, уже после смерти Елисаветы Петровны, любопытным образом трансформировавшейся в личную мифологию очередного всероссийского императора.

В упомянутой выше книге А.Л. Зорин отмечает, что предлагаемый (и лично реализуемый им на практике) методологический подход к анализу художественных текстов создает эффект того, что "идеологическая сфера культуры предстает как своего рода резервуар метафор, откуда черпают и который пополняют люди самых различных профессий и родов деятельности" [Зорин: 29]. В настоящем исследовании мы постараемся предложить относительно подробные ответы на вопросы о том, чем именно был заполнен этот своеобразный идеологический "резервуар метафор" в 1742 и 1743 годах, т.е. сразу же после приезда Карла Петера Ульриха в Россию? какие изменения произошли в составе и структуре заполняющих его «нарративных и тропологических моделей» [Зорин: 26] в 1762 году, т.е. после принятия Петром Феодоровичем скипетра и державы? кто и как, люди каких *профессий и родов деятельности*, наполняли это хранилище смыслов

[23] Например, в иллюминациях и фейерверках, в оформлении триумфальных ворот и проч.

на протяжении всех этих лет? а также, почему именно эти люди заполняли данный гипотетический *идеологический резервуар* именно таким образом?

§4. Обзор литературы (В. Проскурина, Х. Рам, Р. Вортман)

Глубинная убежденность А.Л. Зорина в том, что «сила идеологической метафоры, ее способность схватывать реальность и продуцировать новые смыслы существенным образом сказываются на динамике исторических событий» [Зорин: 20], задала общее направление и придала сильнейший творческий импульс дальнейшим академическим исследованиям в этой области. Отдельного упоминания в этой связи заслуживает вышедшая в 2006 году в той же серии *Historica Rossica* издательства *НЛО* книга В. Проскуриной *Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II* [Проскурина 2006].

Указание на то, какую именно исследовательскую традицию продолжает В. Проскурина в своей книге, легко вычитывается уже из самого названия ее работы, и структурно, и лексически являющегося реминисценцией вышедшей из печати пятью годами ранее книги А.Л. Зорина[24]. Не только заглавия, но и терминология, и общие методологические установки двух исследователей крайне близки друг другу. Так, В. Проскурина отмечает, что в самой основе ее работы «лежит представление о тесной взаимосвязи политических стратегий и литературной символики русского XVIII века» [Проскурина: 5]. Именно специфический характер этой *тесной взаимосвязи* политического и литературного *полей* в условиях активного создания имперской мифологии, происходившего в период богатого как внутри- так и внешне-политическими событиями екатерининского царствования, и является предметом анализа автора данной книги.

С самого начала своей работы В. Проскурина исходит из предпосылки о том, что *политический символизм* – или, как определяет его автор, политические *фантомы* и *химеры* – некоторым сложным и не всегда очевидным («творческим») образом конвертируется в художественные тексты[25]. Соответственно, свою главную исследовательскую задачу В. Проскурина видит в том, чтобы «показать <…> глубинную взаимозависимость литературных текстов и политического символизма, манифестированного в разных формах словесного и несловесного дискурса»

---

[24] *Литература и государственная идеология* (Зорин, 2001) → *Литература и власть* (Проскурина, 2006).

[25] Способность взаимной *конвертации* «политического прагматизма» в «символическую форму» и наоборот – это именно та уникальная характеристика идеологии, о которой пишет А.Л. Зорин в связи с метафоричностью присущего ей языка: «идеология обладает способностью **конвертироваться** в столь многие и столь разнообразные проявления социального бытия, потому что она обладает золотым стандартом, сохраненным в поэтическом языке» [Зорин: 28].

[Проскурина: 5]. В результате подобной методологической установки на протяжении всей работы исследовательница рассматривает литературные (и шире – вообще художественные) тексты «не как способы "мистификации реальности", а как составную часть самой этой реальности, не менее важную, нежели "экономические отношения" или "социальные практики"» [Проскурина: 5].

Книга В. Проскуриной в очень продуктивном и интересном для нас ключе ставит вопрос о принципах и способах функционирования имперской идеи в России во второй половине XVIII века, т.е. практически на всем протяжении царствования Екатерины II. Так, в частности, автор отмечает, что «[и]мперская идея <…> была всегда обращена в две стороны, одна из которых соотносилась с рациональным началом (реальная политика, геополитические интересы, экономические выгоды), а другая – с иррациональным» [Проскурина: 7]. При этом В. Проскурина полагает, что имперское *иррациональное начало* (или «субстрат»), в свою очередь, было всегда исключительно тесно связано с историческим или мифологическим прошлым, т.к. «[и]мперия узнает и осознает себя только в зеркале прошлого, на фоне имевших место событий и артефактов <…>. Грядущее господство над другими странами вырабатывается на еще старой карте – идя вперед, империя неизбежно оглядывается назад, неся с собой в будущее универсальные фантомы и химеры, наследницей которых она поневоле становится» [Проскурина: 7]. Вслед за героями своей книги В. Проскурина понимает *империю* как некоторую всеобъемлющую, всепроникающую и всюдусущую субстанцию, активно создающую, развивающую и укрепляющую собственную мифологию для осуществления актуальных задач континуального расширения и этнической экспансии. Роль литературы в построении имперской мифологии описывается В. Проскуриной следующим образом: «[и]мперская мифология всегда кооптирует себе на службу представителей "литературного поля" <…>. В ситуации русского XVIII века "поле власти" почти полностью контролировало "поле литературы". Однако, – делает важную ремарку исследователь, – само это "поле" задавало модус восприятия власти, порождая те "метафоры власти", которые сама власть без стеснения усваивала» [Проскурина: 8]. В настоящей диссертации мы как раз и займемся реконструкцией тех *метафор власти*, которые непрерывно порождало *поле литературы* в 1742, 1743 и 1762 годах для Петра Феодоровича.

Плодотворные попытки анализа вопросов и проблем, типологически сходных с теми, что были сформулированы в книгах А.Л. Зорина и В. Проскуриной, предпринимались не только в русской, но и в западной – а, конкретнее, в североамериканской – славистике первого десятилетия XXI века. Из наиболее интересных для нас исследований отметим книгу Х. Рама *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*, вышедшую в 2003 году в

типографии Университета Висконсина [Ram]. Работа профессора Университета Калифорнии Беркли (UC Berkeley) содержит множество тонких и остроумных замечаний, развернутых размышлений и далекоидущих выводов на тему плотного взаимодействия и напряженного взаимовлияния двух российских социальных феноменов XVIII-XX веков: государства как империи, с одной стороны, и русской литературы, с другой.

Отправной точкой размышлений Х. Рама становится проницательное наблюдение о том, что рождение Российской Империи как геополитического образования и современной российской поэзии как своеобразного литературного явления произошло практически одновременно. Американский исследователь прямо сополагает эти два разнородных факта, напоминая нам, что в октябре 1721 года Петр I провозгласил себя *Императором Всероссийским*, а менее, чем через 20 лет после этого, в 1739 году, М.В. Ломоносов, вдохновленный взятием российскими войсками турецкой крепости Хотин, совершил сопоставимую с петровскими реформами культурную революцию, заключавшуюся во введении в практику версификации на русском языке силлабо-тонической системы стихосложения[26]. Интерпретируя введенную Ломоносовым систему стихосложения как один из основных способов систематизации языка, Х. Рам рассматривает Империю, в свою очередь, как один из наиболее эффективных способов систематизации пространства. Исходя из базовой установки глубокого внутреннего единства этих двух культурных феноменов, основную задачу своей работы американский исследователь формулирует следующим образом:

> If empire and modern poetry were established in Russia at practically the same time, then how did these near synchronous events reverberate in the two centuries to come? To what extent was the evolution of modern Russian poetry a response to and an effect of the imperial state? [Ram: 4].

Литературная тема империи неизменно остается в центре внимания исследователя на протяжении всей книги. Х. Рам отмечает, что имперская тематика оказалась одновременно и самой первой, и наиболее значительной для зарождающейся русской литературы XVIII века, которая, будучи изначально укоренена в хитросплетениях придворной жизни, интригах Академии наук, а также государственной внутренней и внешней политики начала свое существование одновременно "with and as a subject of empire" [Ram: 4]. Добровольное подчинение верховной власти оказалось, как (несколько наивно) полагает исследователь, одной из основных движущих сил развития современной российской поэзии. Российская литературная

[26] Х. Рам пишет об этом следующим образом: «Just as Peter's transformation of Moskovy into the Russian Empire was intended to signal Russia's belated embrace of western modernity, so, too, Lomonosov's ode would eventually be hailed – in Vissarion Belinskii's classic formulation – "as the first Russian poem written in a correct measure" and thus the beginning of modern Russian poetry» [Ram: 3].

система – и прежде всего система российской поэзии XVIII века – стала, по мнению Х. Рама, одной из первых социальных практик, в которой имперский дискурс обрел свое вербальное воплощение. Для обозначения теснейшей взаимосвязи имперской темы с целым рядом литературных вопросов ("from formal problems of language, genre, style, and lyric subjectivity to the connection, within an autocratic state, between authority and authorship") Х. Рам вводит специальный термин, который, собственно, и выведен в заглавие его книги: *imperial sublime.* Исследование американского русиста посвящено кропотливой идентификации, всестороннему анализу и – глубоко укорененной в актуальном политическом контексте начала XXI века[27] – интерпретации *имперского восторга* в самых хрестоматийно-известных произведениях русской литературы.

Подробному, и во всех отношениях блестящему, критическому разбору работа Х. Рама была подвергнута в рецензии профессора[28] Оксфордского университета А. Эткинда *Orientalism reversed: Russian literature in the times of empires* [Etkind]. Мы же, со своей стороны, воспользуемся исследованием *имперского восторга* профессора Рама для того, чтобы на его фоне контрастно описать и отчетливо подчеркнуть некоторые специфические моменты настоящей диссертации, существенно отличающие ее от рассматриваемой монографии калифорнийского ученого.

Во-первых, несмотря на довольно сильно пересекающиеся хронологические рамки нашей работы с книгой Х. Рама, материал, находящийся в центре внимания в каждом из параграфов настоящего сочинения, принципиально отличен от того, который используется для изучения имперско-литературных взаимодействий в книге американского слависта. В частности, профессор Рам заинтересован по большей части в новом прочтении и оригинальной интерпретации широко известных, классически-хрестоматийных, литературных текстов XVIII и XIX веков (например, *Хотинской оды* М.В. Ломоносова, *Оды Фелице* Г.Р. Державина, комедии *Горе от ума* А.С. Грибоедова и проч.). Мы же, со своей стороны, напротив, одной из основных целей и ведущих задач своей работы видим привлечение исследовательского внимания и введение в интернациональный научный оборот труднодоступных и малоизученных произведений XVIII века. Так, в *Приложении* мы публикуем четыре торжественных оды (А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова и две оды И.Ф. Богдановича), ранее никогда и нигде не публиковавшиеся после их первого

[27] Ср.: «This book was completed to daily reports of the extraordinary carnage and destruction being wrought in Chechnia. I would wish both the Russian and the Chechen peoples a future other than sublime» [Ram: 27].

[28] Мы описываем должность д-ра Эткинда в Оксфордском университета как *профессор* в силу отсутствия в русском языке адекватного, известного нам, перевода термина *Reader*.

издания в 1762 году[29]. Мы полагаем, что даже если по тем или иным причинам аналитическая часть нашего исследования окажется невостребована научным сообществом, републикация непосредственно самих текстов этих стихотворных панегириков определенным образом поспособствует дальнейшему развитию академических исследований в смежных с нашей темой областях истории русской литературы.

Во-вторых, обратим внимание на масштаб проведенного Х. Рамом исследования. В своей монографии калифорнийский ученый рисует перед нами монументальную картину зарождения, развития и, наконец, упадка *имперского восторга* в русской литературе, свободно привлекая для целей своего концептуально заостренного анализа русские поэтические тексты первой половины XVIII–середины XIX веков. В заданном Х. Рамом исследовательском диапазоне те двадцать долгих – насыщенных разнообразнейшими как историческими, так и литературными событиями – лет, которые отделяли принятие Петром I титула *император* и звания *Отец Отечества* от написания Ломоносовым первой русской силлабо-тонической оды, действительно выглядят одной, смутной и неразличимой во всех подробностях, точкой на временной оси[30]. В свою очередь, конкретные цели и непосредственные задачи настоящего исследования потребовали от нас принципиально иной оптики при анализе одного, выбранного нами аспекта общественного и литературного процессов второй трети XVIII века. При описании механизмов зарождения, миграции и заимствования образов, тем, мотивов и сюжетов, которые то и дело оказываются в фокусе нашего внимания на протяжении всей работы, критически важным для нас зачастую оказывался учет не только лет, но и считанных месяцев, а то и дней, отделявших публикацию одного посвященного Петру Феодоровичу панегирического текста от другого. Поэтому закономерно, что период протяженностью в двадцать лет оказывается для нас не единой точкой, а, напротив, длиннейшим хронологическим отрезком, начало и конец которого отмечают две максимально удаленные друг от друга фазы в процессе эволюции личной мифологии Петра Феодоровича.

В 2003 году, за два года до смерти, М.Л. Гаспаров в статье *Как писать историю литературы* высказал следующее замечание:

---

[29] Ода Сумарокова на восшествие Петра Феодоровича 1762 года была напечатана во II томе его *Собрания Сочинений*, изданных Н.Н. Новиковым в Москве в 1781 году [Сумароков 1781: 31-36]. Однако, помещенный в новиковском *Собрании Сочинений* вариант оды является позднейшей авторской переработкой этого текста, существенно отличающейся от его оригинального варианта. В *Приложении* мы публикуем этот текст Сумарокова по его первому изданию, вышедшему из типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в январе 1762 года.

[30] Х. Рам замечает: «It is largely true that empire and modern versification were established almost **simultaneously** in eighteenth-century Russia» [Ram:3].

> На вопрос "как писать историю русской литературы?" мне сразу захотелось ответить: а ее никак писать не надо, потому что сейчас мы ее хорошо не напишем: **нет материала.** <…> Потом я вспомнил, что сам написал часть истории русской литературы <…> и, стало быть, обязан поделиться опытом. <…> [Необходимо] [в]ыделить существенные явления, подсчитать, систематизировать и обобщить. Чтобы мы могли сказать: такой-то подбор стиховых форм; <…> такая-то насыщенность метафорами и метонимиями такого-то строения; <…> такие-то варианты сюжета; <…> такие-то признаки торжественного, сурового, нежного или насмешливого отношения к предмету в таких-то пропорциях, с такой-то степенью прямоты или прикровенности авторской позиции – вот признаки такого-то жанра в такой-то период; <…> И все это должно быть определено для всех жанров и всех эпох [Гаспаров 2003 b].

То, о чем говорит выдающийся российский филолог в этой заметке, звучит как выдвижение категорического требования смены научной парадигмы. В частности, исследователь остро ставит вопрос о необходимости новых способов описания, анализа и систематизации материала, и, как результат, – о серьезном изменении качества филологического знания об изучаемом предмете, т.е. о литературе. Конструктивная программа московского академика, предлагаемый им новый подход к исследованию текстов заключаются в требовании начать *каторжную опись* стилистики, топики и других "формальных" компонентов художественных текстов *всех жанров и всех эпох*.

Оставляя в стороне прекрасно отрефлексированную самим автором утопичность этой программы, мы все-таки хотели бы обратить внимание на смену акцентов в подходе М.Л. Гаспарова к самому понятию *истории*. Статья ученого пронизана позитивистским пафосом создания не *макро*-, но *микро-истории* литературы; не «филиал[а] истории идей, настроений, вкусов и всего прочего, что скучно перечислять», а такой истории литературы, которая скрупулезно и в полной мере учитывала бы всю специфику изучаемого ей объекта, т.е., собственно говоря, «специфик[у] литературного материала».

С одной стороны, вряд ли в течение ближайших пятидесяти лет та история русской литературы, о необходимости которой так убежденно говорит М.Л. Гаспаров, будет составлена. С другой стороны, у нас нет никаких сомнений в том, что начинать исследование и описание именно микро-уровней отдельно взятых – предпочтительно второ- и третьестепенных – художественных текстов необходимо уже сейчас. Таким образом, добровольно ограничивая собственное исследование описанием текстов всего лишь одного жанра, опубликованных на протяжении довольно узкого отрезка времени, мы преследуем вполне конкретные исследовательские цели и задачи. И главная из них – дать по возможности исчерпывающее описание одного конкретного аспекта материала, выбранного нами для анализа. Выполнить эту задачу добросовестно оказалось возможным только при обязательном сужении и строгом ограничении хронологических и тематических рамок работы.

В то время как русская постсоветская исследовательская традиция анализа и описания официальной культуры и идеологии XVIII-XIX веков была по обычаю литературоцентрична, несколько иные тенденции проявлялись в североамериканской славистике того же периода. Классическим произведением западной русистики последних двадцати лет стала вышедшая впервые в 1995 / 2000[31] и переизданная в 2006 году книга Ричарда С. Вортмана *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II* [Wortman]. Монументальная работа профессора Колумбийского университета исключительно интересна своей широкой социологической, а не узко литературной направленностью. Как сообщает автор в самом начале своей работы:

> *Scenarios of Power* approaches Russian monarchy not as a succession of tsars, with idiosyncratic traits and achievements, but as an elite institution with its own culture, expressed in a symbolic system that persisted over time and adapted to new demands and influences [Wortman: 1].

Упомянутая выше символическая система (symbolic system) репрезентации монаршей власти в России понимается Р. Вортманом как состоящая по крайней мере из трех уровней: церемонии (ceremony), сценария правления (scenario of power) и мифа (myth). В каждой из глав своей обширной монографии профессор Вортман как бы поднимается снизу вверх по ступенькам сконструированной им символической лестницы, двигаясь от разнообразных – как документальных, так и художественных – описаний придворных *церемоний* к реконструкции *сценария правления* каждого отдельно взятого монарха. В свою очередь, последовательная реконструкция сценариев правления практически всех русских царей XVIII и XIX века дает Вортману возможность, в рамках его теории, вычленить символические единства более высоко порядка, а именно – два основных *возвышающих мифа* (elevating myths) русской монархии – Европейский и Национальный. Как пишет профессор Вортман, «[t]he scenarios cast each ruler as mythic hero transforming the myth to fit his personal views and tastes, as well as the cultural and political circumstances of the time» [Wortman: 3]. Эти универсальные и в общих чертах определяющие специфику каждого конкретного сценария *мифы*, как полагает исследователь, «placed them <the tsar and his servitors – *М.К.*> in heroic narratives that presented them as the makers of history», что в свою очередь, обуславливало восприятие русского царя его подданными как верховного и данного богом правителя.

Тот факт, что институт русской монархии рассматривается Р. Вортманом как непрерывное театрализованное шоу, *world of ceremonial performance* и *theatre of power,* имеет как свои сильные, так и слабые стороны. К несомненным методологическим удачам североамериканского

[31] Первый том книги профессора Вортмана вышел в издании Принстонского университета в 1995, а второй в 2000 году.

ученого стоит отнести возможность увидеть театрализованное действо русской придворной жизни как феномен, обладающий высшим смыслом, внутренней связанностью и телеологической направленностью: в книге Вортмана все созданные при российском дворе литературные тексты и проведенные церемонии совершаются не просто так, а для достижения вполне определенной символической цели, разворачиваясь отнюдь не случайно, а по вполне определенному *сценарию*. Однако, подобного рода подход существенно понижает смысловую ценность отдельно взятых художественных текстов, сводя их значение к более или менее предопределенной внешними обстоятельствами реплике в заранее подготовленном *сценарии правления*. Служебная роль художественных текстов, отсутствие намека на их самостоятельность и моделирующий потенциал – это именно тот нюанс, с которым мы не можем в полной мере согласиться в выдающейся во всех остальных отношениях книге Р. Вортмана.

Кроме того, стоит отметить, что в связи с грандиозной задачей описать *всех* русских императоров от Петра I до Николая II, исследование Р. Вортмана имеет по крайней мере одну существенную лакуну. В частности, краткосрочному – а потому, видимо, бесперспективному с точки зрения реконструкции универсального мифа – правлению Петра Феодоровича не уделено в ней решительно никакого внимания. А между тем роль, которую отводилось играть голштинскому принцу Карлу Петеру Ульриху сначала при дворе Елисаветы Петровны, а после восшествия на престол в 1762 году и в своем собственном *сценарии власти* заслуживает самого тщательного изучения. В настоящей работе мы – исходя, впрочем, из несколько отличных методологических предпосылок – стремимся отчасти восполнить этот досадный пробел.

§5. Личная мифология Петра Феодоровича – опыт неудачи

Процесс конструирования личной мифологии именно Петра Феодоровича в современных ему стихотворных (и не только) панегириках крайне интересен по нескольким причинам. Во-первых, обратим внимание на то, что оценка и самой по себе личности Петра Феодоровича, и совсем недолгого времени его правления традиционно является своеобразным petra scandali для современной российской историографии. Оценочные характеристики, даваемые российскими историками и самому племяннику Елисаветы Петровны, и его методам управления государством отличаются крайне широким диапазоном. С одной стороны, довольно долгую традицию и неизменно многочисленных сторонников имеет – инспирированная в большой степени карикатурно-едкими *Записками* Екатерины II [Екатерина] – тенденция описания Петра Феодоровича как нелепого Арлекина, абсолютно незаслуженно вознесенного к подножью российского трона волею слепой и капризной фортуны. Основные положения этой точки зрения были исчерпывающе суммированы в прекрасной, умной и

взвешенной, книге А.С. Мылникова *Петр III: Повествование в документах и версиях*:

> Из одной работы в другую почти без изменений кочуют сочные рассказы о том, как в бытность наследником Петр Федорович увлекался кукольным театром, дрессировкой собак и игрой в солдатики, водился с дворцовой прислугой, а по ночам вместо исполнения супружеских обязанностей заставлял неутешную Екатерину забавляться с ним куклами. Как, уже будучи императором, он предавался беспробудному пьянству и курению; походя, не понимая, что делает, подписывал подсовываемые ему законы и, слепо преклоняясь перед Фридрихом II, находился под гипнозом только одной навязчивой идеи — как бы получше предать государственные интересы России! [Мыльников].

С другой стороны, в последнее время в среде патриотически настроенных любителей российской истории, а также среди политически ангажированных специалистов-гуманитариев стремительно набирает обороты диаметрально противоположная точка зрения на жизнь и деятельность Петра Феодоровича. Ее адепты склонны описывать внука Петра I как передового и прогрессивного правителя, незаслуженно пострадавшего летом 1762 года от непонимания окружавшей его душной и закоснелой политической элиты, предводительствуемой корыстной, коварной и распущенной Екатериной Алексеевной:

> [И]мператор подготовил массу других манифестов и указов <...> И все это было сделано менее чем за полгода царствования! Зная это, как можно верить побасенкам о "беспробудном пьянстве" Петра III? Очевидно, что реформы, которые намеревался осуществить Петр, надолго опередили свое время. <...> А что же в это время делала молодая императрица? Екатерина Алексеевна со своими многочисленными любовниками и прихлебателями обосновалась в Петергофе. Там она активно интриговала против мужа: собирала сторонников, через любовников и их собутыльников распространяла слухи, привлекала на свою сторону офицеров. К лету 1762 года возник заговор, душой которого стала императрица [Клевета сквозь века].

Сам по себе феномен острой поляризации взглядов на одного и того же – все же крайне эпизодического в масштабе четырех веков непрерывного самодержавия – персонажа российской истории крайне любопытен. Цели и задачи нашей работы не подразумевают, а отчасти даже и исключают установку на вынесение оценок или реконструкцию некоторой условной исторической правды. Однако высокая степень неоднозначности и амбивалентности оценок, даваемых нашему герою его отдаленными потомками, интересна для нас в качестве отчетливого маркера сложносоставности и противоречивости реальной личности Петра Феодоровича.

Петр Феодорович был сложным человеком с непростой судьбой, оригинальным характером, нетривиальными (порой эксцентричными) взглядами и вкусами, а также довольно своеобразной внешностью. Подобные исходные данные объекта описания ставили довольно нестандартную и незаурядную задачу перед российскими мастерами

политических технологий XVIII века, передовой отряд которых как раз и составляли авторы рассматриваемых нами ниже стихотворных и прозаических панегириков. Выше мы уже отмечали, что доминантная прагматическая функция одического текста заключается в генерировании в читателях специфической *монархической эмоции*, суть которой может быть приблизительно понята нами как "острое переживание определенного спектра положительных эмоций по отношению к тому или иному монарху". Соответственно, авторам панегириков 1742, 1743 и 1762 годов, адресованных Петру Феодоровичу, приходилось осторожно нащупывать образные и нарративные модели, с одной стороны, хотя бы минимально подходившие для адекватного описания своеобразной гибридной идентичности и неоднозначных поведенческих реакций голштинского принца / наследника престола / российского императора, а, с другой стороны, удовлетворявшие жанровому требованию инициировать интенсивную эмоциональную реакцию у реципиентов этих сочинений.

И тут мы вплотную подходим ко второй – возможно, главной – причине нашего глубокого интереса к процессу конструирования личной мифологии именно Петра Феодоровича, а не какого-то другого, возможно, более удобного для анализа, российского монарха. Дело в том, что, как мы знаем, все попытки создания эффективной, т.е. успешно выполнявшей бы функции легитимизации и популяризации образа монарха, личной мифологии для голштинского племянника Елисаветы Петровны потерпели феерическую неудачу. За все двадцать лет безвыездного пребывания внука Петра I в России ни Ломоносову, ни Сумарокову, ни Хераскову, ни Богдановичу, ни всем остальным авторам многочисленных посвященных Петру Феодоровичу торжественных од так и не удалось заставить русских читателей испытать по отношению к нему пресловутую *монархическую эмоцию* или, говоря другими словами, попросту полюбить его.

В случае с Петром Феодоровичем процесс создания личной мифологии дал незапланированный сбой. Драматическое окончание его царствования, июньский переворот 1762 года, бесцеремонную узурпацию престола амбициозной самозванкой Екатериной Алексеевной и ее скорую сентябрьскую коронацию широкие дворянские массы восприняли скорее со вздохом облегчения, чем сожаления по невинно убиенному законному императору[32]. Закономерно встает вопрос: почему, несмотря на никогда не

[32] Так, например, С.М. Соловьев отмечает, что 17 июля 1762 года, т.е. совсем скоро после убийства Петра Феодоровича в Ропшинском замке, призванный в Сенат генерал-поручик Бецкий услышал там такое предложение: «Так как ее и. в-ство принятием императорского престола толико излияла всем ее верноподданным матерних щедрот, что оные до поздних времен в сердцах искренних сынов отечества в незабвенной памяти остаться долженствуют, то Сенат за рабскую должность признавает в бессмертную ее и. в-ства славу **сделать монумент**, к чему вы по вашему довольному к подобным знаниям искусству избраны, и потому Сенат на ваше рассуждение предает, какой вы заприличнее столь славным делам ее и. в-ства монумент сделать найдете, о том бы Сенату свое мнение с планами статуям,

бывалое прежде обилие адресованных ему как императору торжественных од, Петр Феодорович так навсегда и остался одним из самых нелюбимых современниками российских монархов? почему процесс создания его личной мифологии потерпел такое сокрушительное фиаско, вдребезги разбившись о хроническую ненависть и разнообразные конспирологические подозрения современных ему читателей? в каком направлении должна была работать литературная секция государственной машины агитации и пропаганды, чтобы проект «Петр Феодорович – законный российский император» все-таки удался и состоялся? был ли единственный внук Петра I обречен уже в момент своего приезда в Россию в 1742 году? или в момент восшествия на престол в 1762? или у незадачливого наследника династии Романовых все-таки был шанс на успех, не реализованный исключительно в результате досадного просчета авторов и популяризаторов его личной мифологии?

Желание хотя бы приблизиться к ответам на все эти вопросы было одной из основных движущих сил создания данной работы. Мы полагаем, что последовательный анализ риторических стратегий и приемов, использовавшихся для моделирования образа голштинского принца Карла Петера Ульриха, более известного в русской истории под именем императора Петра III Феодоровича, авторами рассматриваемых нами панегирических текстов, является самым верным средством на этом пути.

обелискам и медалям подали». Бецкий отвечал, что он «поручение ему столь великого дела признавает за особливое для себя счастие, и хотя он к исполнению того находит себя недостаточным, однако ж по долговременной своей бытности в чужих краях и получа там знакомство со многими учеными и искусными людьми надеется с помощию их сие к удовольствию Прав. Сената исполнить»» [Соловьев, XXV, 2: 115-116].

ГЛАВА I

РАННИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОЙ МИФОЛОГИИ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА

(на материале панегирических текстов 1742 и 1743 годов)

§1. М. В. Ломоносов, *Ода на прибытие из Голстинии и на день рождения Петра Феодоровича*, 10 февраля 1742 года

§1.1. Краткий обзор академической и литературной деятельности М.В. Ломоносова в конце 1741-начале 1742 года

Царствование младшей дочери Петра Великого, Елисаветы Петровны, началось 25 ноября 1741 года[33]. Всего за пару недель до государственного переворота, предшествовавшего восшествию новой императрицы на престол, 8 ноября 1741 года, Михаил Васильевич Ломоносов отметил свой тридцатый день рождения. Начало 1740-х годов оказалось крайне важным, во многом переломным и судьбоносным, периодом не только в истории всей Российской Империи, но также в жизни и творчестве будущего отца-основателя российской словесности.

В начале 1740-х годов социальное положение Ломоносова все еще не вполне соответствовало его биологическому возрасту. Несмотря на свое тридцатилетие, весь 1741 год талантливый молодой человек провел все еще в звании *студента* Санкт-Петербургской Академии наук и художеств, в которую он был зачислен пять лет назад после окончания московской Славяно-греко-латинской академии. Однако, во второй половине 1741 года в его жизни, карьере и творчестве начали происходить динамические изменения.

8 июня 1741 года Михайло Ломоносов благополучно возвращается в Россию из Германии, где в течение последних четырех лет он – вместе со студентами Г.У. Райзером и Д. Виноградовым – обучался физике, химии, математике, философии, истории и языкам в Марбургском университете под наблюдением знаменитого профессора Вольфа, а затем горному делу и металлургии во Фрейбурге под *благоразумным попечением* берг-физика Генкеля. Сразу по прибытию в Санкт-Петербург летом 1741 года Ломоносов стремительно вливается в богатую событиями и интригами жизнь северной столицы и Академии наук. В частности, нетерпеливо ожидая скорого окончания своего многолетнего студенчества и дальновидно пытаясь создать существенный задел для будущей карьеры, молодой человек исключительно активно выступает одновременно как на академическом, так и на литературном поприщах.

Академическая активность Ломоносова в этот период разворачивается одновременно в нескольких направлениях. Уже в июле 1741 года, под руководством профессора ботаники и натуральной истории Иоганна Аммана Ломоносов начинает работу над составлением *Каталога камней и окаменелостей Минерального кабинета Кунсткамеры Академии наук* и продолжает заниматься этим вплоть до ноября 1741 года. В августе

[33] Здесь и далее на протяжении всей работы все даты приводятся по юлианскому календарю.

1741 года, он отдает на рассмотрение профессоров Академического собрания две свои диссертации: *Рассуждение о катоптрико-диоптрическом зажигательном инструменте* и *Физико-химические размышления о соответствии серебра и ртути*. При этом, параллельно с работой над *Каталогом*, с нетерпением ожидая вердикта членов Академического собрания на свои научные труды, осенью 1741 года молодой ученый начинает интенсивную работу над следующим своим естественнонаучным сочинением *Элементы математической химии*, которую успешно завершает в декабре того же года [Летопись: 62]. Напряженные академические усилия молодого и талантливого исследователя, соединенные с его же настойчивыми административными хлопотами, направленными на более четкое определение собственного служебного – и, что не менее важно, финансового – положения при Академии наук, не проходят даром. Уже через полгода после возвращения *студента* Ломоносова на родину его академическая карьера начинает свое стремительное, хоть и не всегда поступательное, движение вверх. В январе 1742 года Ломоносов составляет и подает энергичную челобитную на высочайшее имя Елисаветы Петровны, в которой прямо указывает императрице на необходимость пожаловать его чином [Билярский: 6-7]. Через несколько дней после подачи челобитной секретарь Академии наук И.Д. Шумахер оперативно накладывает положительную резолюцию[34] на прошение Ломоносова, и 8 января 1742 года тот официально переходит в разряд сотрудников российской Академии наук.

Деятельность Ломоносова на литературном поприще в этот период происходила столь же бурно, а успехи в этом направлении оказались по крайней мере столь же (если не более) значительными, как и его достижения в карьерно-академической сфере. Так, уже через два месяца после возвращения на родину, в середине августа 1741 года, в *Примечаниях к Ведомостям* публикуется первая в литературной карьере начинающего поэта торжественная ода – *на праздник высокаго рождения Всепресветлейшаго Державнейшаго Великаго Государя Иоанна Третияго* [VIII: 34-42]. Месяц спустя, в сентябре 1741 года, в том же самом издании, выходит и его второй стихотворный панегирик, также адресованый все еще находившемуся в то время на российском престоле императору-младенцу

[34] «Понеже сей проситель студент Михайло Ломоносов специмен своей науки еще в июле месяце прошлаго 1741 года в конференцию подал, которой от всех профессоров оной конференции так опробован, что сей специмен и в печати произвесть можно; к тому ж покойной профессор Амман его Ломоносова Канцелярии рекомендовал; к тому ж оной Ломоносов в переводах с немецкого и латинскаго языков на российской язык довольно трудился, а жалованья и места по ныне ему не определено; то до дальнего указа Пр. Сената и нарочного Академии определения быть ему, Ломоносову, Адъюнктом физического класса[34]. А жалованья определяется ему с 1742 году Генваря с 1 числа по 360 рублев на год, счисляя в то число квартиру, дрова и свечи, о чем заготовить определение. Генваря 8 дня 1742 году. Шумахер» [Билярский: 7-8].

Иоанну Антоновичу. Поводом для его написания становится *преславная над Шведами победа*, с одной стороны, и *высокий день тезоименитства Его Императорскаго Величества*, с другой. В дополнение к публикации в *Примечаниях к Ведомостям*, Академия наук опубликовала вторую оду Ломоносова еще и отдельным изданием[35], что несомненно свидетельствует о крайне удачном дебюте начинающего одописца в только-только осваиваемом им литературном жанре.

Однако, несмотря на столь благополучное и безоблачное начало литературной карьеры, исторические обстоятельства не позволили юному и амбициозному стихотворцу стяжать лавры певца императора-младенца на российском престоле. В ноябре 1741 года, т.е. меньше, чем через полгода после появления в печати первых – столь удачных, по мнению профессоров Академии наук, – ломоносовских торжественных од, в России неожиданно происходит государственный переворот. Елисавета Петровна решительно свергает с престола своего малолетнего двоюродного внучатого племянника и его мать Анну Леопольдовну. В последовавших один за другим *Манифестах* от 25 и 28 ноября 1741 года дочь Петра I подвергает резкой критике принципы управления государством, характеризовавшие предшествующее царствование, и самопровозглашает себя очередной, единственно законной «по близости крови к Самодержавным нашим вседражайшим родителям», российской императрицей [ПСЗРИ, XI: 538-544].

Неожиданный поворот исторических событий несколько спутывает карты столь гладко складывавшейся до той поры литературной карьеры молодого поэта. И без того не очень прочное еще в то время положение Ломоносова при Академии наук существенно осложняется тем, что адресат двух его первых од, Иоанн Антонович, приобретает статус персоны non grata при новом российском дворе, а тот год, в течение которого малолетний император (номинально) управлял государством, во всех последующих официальных документах елизаветинского царствования неизменно описывается исключительно как время *безпокойства,* упадка и *разорения* Российской империи[36]. Однако, сложные и неоднозначные внешние обстоятельства удивительным образом никак не отразились на интенсивности литературной активности и на продуктивности Ломоносова.

---

[35] Ср.: «Так как документы о печатании оды не отысканы, то не представляется возможным установить, какое из двух изданий оды было более поздним» [VIII: 883].

[36] См. в *Манифесте* Елисаветы Петровны от 25 ноября 1741 года: «Как всем уже <...> известно есть, что <...> при кончине Ея <Анны Иоановны – *М.К.*>, Наследником Всероссийского Престола учинен внук Ея Величества, которому тогда еще от рождения несколько месяцев только было, и для такого его младенчества правление Государственное чрез разные персоны и разными образы происходило, от чего уже как внешние, так и внутрь Государства безпокойства и непорядки, и следовательно немалое же разорение всему Государству последовало <...>» [ПСЗРИ, XI:538-544].

Так, 8 декабря 1741 года в *Примечаниях к Ведомостям* публикуется его перевод немецкой оды Я.Я. Штелина *для восшествия на всероссийский престол императрицы Елизаветы Петровны*. Равно также, как и в случае с сентябрьской одой на тезоименитство Иоанна Антоновича, через некоторое время после первоначальной публикации в периодическом издании Академия наук решает опубликовать это произведение еще и отдельным изданием. Оперативным – и, нельзя не отметить, несколько сырым – переводом немецкой оды Штелина поэтическая реакция Ломоносова на неожиданную и кардинальную смену политической обстановки в стране не ограничивается. В конце декабря 1741–начале февраля 1742 гг. Ломоносов создает свой третий оригинальный одический текст. В первоначальном варианте – в выпущенном Академией наук отдельном издании 1742 года – эта ода имела название: <...> *всеподданнейшее поздравление для благополучнаго и радостнаго прибытия в Санкт-петербург Его Королевскаго Высочества Государя Петра, владетельнаго герцога Шлезвиг-Голштинскаго, Внука Государя Императора Петра Великаго, в высокий день рождения Его Высочества Февраля 10 дня 1742 года в торжественной Оде представленное* [VIII: 59-68]. Февральская ода 1742 года является первым текстом в череде стихотворных панегириков Ломоносова 1740-х годов, прямо или косвенно связанных с личностью Петра Феодоровича[37]. Проанализируем, какими именно риторическими средствами пользуется Ломоносов в этом произведении, проводя самый первый опыт формирования одического образа только что прибывшего в Россию племянника Елисаветы Петровны – будущего официального наследника, а впоследствии и полноправного властителя российского престола.

§1.2. Ода Ломоносова Петру Феодоровичу 1742 года на фоне двух его предшествующих од Иоанну Антоновичу

Даже при самом поверхностном взгляде на оду, посвященную приезду в Россию счастливого претендента на статус официального наследника престола при формально бездетной Елисавете Петровне, становится очевидно, что этот текст, с одной стороны, существенно отличается, а, с другой стороны, довольно сильно похож на два предшествующих стихотворных панегирических сочинения Ломоносова, т.е. на его же оды 1741 года, посвященные малолетнему императору Иоанну Антоновичу.

[37] Строго говоря, использование имени *Петр Феодорович* в отношении Карла Петера Ульриха герцога Гольштейн-Готторпского (Karl Peter Ulrich Herzog von Holstein-Gottorf) при описании периода января-февраля 1742 года не совсем корректно, т.к. свое русское имя молодой человек приобретет еще только через полтора года после своего приезда в Россию, после перехода в православие в ноябре 1743 года. Однако здесь и далее, руководствуясь исключительно соображениями удобочитаемости текста, мы в некоторых случаях прибегаем к подобного рода упрощению именования.

Самое яркое отличие текстов данных двух групп носит прежде всего формальный характер. Так, обе оды Ломоносова 1741 года в равной степени довольно велики по объему: первая августовская ода на день рождения императора-младенца состоит из 21-ой строфы, в то время как посвященная ему же сентябрьская ода на тезоименитство и на победу над шведами включает в себя 23 строфы. При этом оригинальный вариант написанной Ломоносовым всего полгода спустя оды на день рождения и на прибытие в Санкт-Петербург Петра Феодоровича насчитывает всего 120 строк[38]. Т.е. февральская ода Ломоносова 1742 года оказывается примерно *вполовину* короче обоих его предыдущих панегирических текстов[39].

Наиболее очевидные сходства всех трех од Ломоносова 1741-1742 гг. лежат в области поэтики. Во-первых, обратим внимание на заглавия интересующих нас текстов: 1) *Ода, которую* ***в торжественный праздник высокого рождения*** *всепресветлейшего державнейшего великого государя Иоанна третияго <...> 1741 года августа 12 дня веселящаяся Россия произносит*; 2) *Первые трофеи его величества Иоанна III <...>* ***в высокий день тезоименитства*** *его императорского величества августа 29 дня 1741 года в торжественной оде изображенные*; 3) *всеподданейшее поздравление для благополучного и радостного прибытия в Санткпетербург <...>* ***в высокий день рождения*** *его высочества февраля 10 дн 1742 года, в торжественной оде представленное*. Как мы видим, и обе оды Иоанну Антоновичу, и интересующая нас февральская ода 1742 года Петру Феодоровичу были созданы Ломоносовым по типологически сходным поводам. И день рождение, и тезоименитство члена императорской фамилии принадлежали к числу ежегодных *царских праздников* [Погосян 2001: 6], [Агеева 2009], празднование которых с середины 1730-х годов (при уже окончательно европеизированном дворе Анны Иоановны) стало сопровождаться в том числе и созданием торжественных од[40].

Во-вторых, говоря о сходстве первых трех торжественных од Ломоносова между собой, нельзя не упомянуть, что виновниками торжеств во всех трех случаях являлись члены императорской фамилии мужского пола, которые на момент создания прямо или косвенно адресованных им панегирических текстов не достигли еще своего совершеннолетия. Так, 12

---

[38] Вариант этой же оды 1757 года длиннее на 2 строфы (140 строк), однако, и он все-таки далек от обычного для Ломоносова размера оды в 20 с небольшим строф.

[39] Любопытно отметить, что и хотинская ода 1739 года также находится вполне в русле ранней тенденции Ломоносова писать длинные панегирические тексты; ее объем составляет 28 строф.

[40] См., например, первую оду на русском языке по подобному поводу: *Торжественный день рождения всепресветлейшей державнейшей и непобедимой великой государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийской одою всеподдднейше прославляет Академия наук. СПб., генваря 28 дня 1736.,* переведенную на русский язык В.К. Тредиаковским.

августа 1741 года венценосный младенец Иоанн Антонович отметил свой первый день рождения. В свою очередь, 10 февраля 1742 года будущему наследнику российского престола, а на тот момент всего лишь владетельному герцогу Шлезвиг-Голштинскому Карлу Петеру Ульриху сравнялось 14 лет. С одной стороны, разница в возрасте двух адресатов первых ломоносовских панегирических сочинений довольно велика. С другой стороны, немаловажен общий для обоих мальчиков фактор незрелости, все еще детскости или, по крайней мере, неокончательной взрослости в качестве одного из основных компонентов их публичных образов.

В-третьих, обратим внимание на то, кто является не столько номинальным, сколько реальным адресатом ломоносовских текстов 1740-х годов. В сентябрьской оде 1741 года, посвященной *преславной над шведами победе*, с одной стороны, и *высокому дню тезоименитства его императорского величества*, с другой, функции номинального и реального адресатов текста постепенно расслаиваются. Наиболее значительная часть оды на тезоименитство Иоанна Антоновича строится как развернутое обращение к – в очередной раз побежденным – противникам, т.е. к шведам[41]. Прямое обращение к непосредственному имениннику и императору в сентябрьском панегирике отсутствует вообще, зато довольно развернуто оформлено обращение к матери Иоанна Антоновича Анне Леопольдовне: *Высокой крови Царской Дщерь, / Сильнейшей Что рукою дверь, / Отверзла к славнейшим победам! / Тобою наш Российской свет / 195 Во всех землях, как крин, цветет...* (и далее) [VIII: 50]. В оде на день рождения и на приезд Петра Феодоровича в Санкт-Петербург мы наблюдаем структурно очень близкую картину. Чисто технически очередной стихотворный панегирик Ломоносова посвящен важным событиям в жизни будущего наследника престола – дню рождения и приезду Петра Феодоровича в Санкт-Петербург. Однако фактически текст оды 1742 года оказывается прямо адресован вовсе не тому персонажу, о котором в нем предположительно должна идти речь. Этот нюанс оказался прекрасно зафиксирован в заглавии оды. В отдельном издании 1742 года титул февральской оды Ломоносова начинается словами: *Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, Государыне Всемилостивейшей всеподданнейшее поздравление для <...>*. Несмотря на формальное помещение в сюжетный центр текста Петра Феодоровича и связанных с ним событий, реально февральская ода Ломоносова 1742 года оказывается совершенно открыто адресована вовсе не чисто номинально описываемому в ней Петру

[41] Ср.: *Но что за ветр с вечерних стран / Пронырства вас* <т.е. шведов – *М.К.*> *закрыл в туман? / <...>/ Что ваших войск приход значи́т? / 45 Зачем ваш збор у нас стоит? / <...> // К пределам нашим чтож пришли? / 52 Надежда кажет что впреди? / <...> // Не сам ли с вами есть Нимврод, / 62 Собрался весь где ваш народ?* (и далее) [VIII: 45].

Феодоровичу, а его августейшей тетке Елисавете Петровне, так недавно, так неожиданно и при этом так успешно реализовавшей свои законные права по наследованию российского императорского престола. В результате подобной дисперсии фокуса авторского внимания в февральской оде 1742 года, ее основные образы, темы, мотивы и сюжеты оказываются связаны вовсе не с только что приехавшим в Россию малолетним наследником престола, а со вступившей на престол в ноябре 1741 года Елисаветой Петровной. Прибытие Петра Феодоровича в Россию становится для Ломоносова всего лишь причиной, своего рода подходящим новостным поводом для того, чтобы вновь описать, осмыслить и интерпретировать те драматические события, которые произошли в России за два с половиной месяца до прибытия голштинского герцога в Санкт-Петербург.

Однако, несмотря на то, что в оде 1742 года авторское внимание фокусируется вовсе не на прямом виновнике торжества, непосредственному описанию Петра Феодоровича все-таки отведено довольно существенное место в этом тексте. Ad hoc создавая одический образ только что приехавшего из Киля молодого человека, Ломоносов использует для этих целей несколько ярких и своеобразных тем, сюжетов, образов и мотивов.

§1.3. Личная мифология Петра Феодоровича в оде 1742 года

Ода Ломоносова 1742 года традиционно считается досадным недоразумением в череде ярких и талантливых произведений великого российского одописца. Как повод ее написания, так и непосредственно сама личность четырнадцатилетнего Петра Феодоровича зачастую расцениваются исследователями в качестве сильных демотивирующих факторов, если и не вовсе лишивших Ломоносова a priori присущего ему высокого поэтического вдохновения, то по крайней мере не обеспечивших стихотворцу необходимого градуса накала одических монархических эмоций. Симптоматичен в этом контексте несколько неожиданный риторический вопрос, задаваемый комментаторами академического *Полного собрания сочинений* Ломоносова :

> Все эти обстоятельства <заботы о получении должности адъюнкта, гипотетически заказной характер текста – *М.К.*> не могли не сказаться на качестве оды: она несравненно беднее и содержанием, и образами, чем другие произведения Ломоносова подобного же рода. Да и **мог ли вдохновить** его в эту пору подъема национальных чувств приезд в Россию тринадцатилетнего, не говорившего по-русски голштинского принца Карла-Петра-Ульриха, которого прочили в русские императоры? [VIII: 891].

Не ставя перед собой непосильной задачи оценить эстетические достоинства оды 1742 года, внимательно проанализируем основной набор тех *бедных образов*, которыми Ломоносов пользуется в этом произведении для описания только-только прибывшего в Россию несовершеннолетнего Петра Феодоровича.

Ты паки зришь любезну Анну, / В лице Петровом свыше данну: мифологизация происхождения и обстоятельств рождения Петра Феодоровича

Первое упоминание и относительно развернутое описание Петра Феодоровича в оде Ломоносова 1742 года встречается в 4-ой строфе и оказывается плотно инкорпорировано в прямое торжественное обращение поэта к Елисавете Петровне: *Богиня стран широких, сильных, / <...> / Ты паки зришь любезну Анну, / В лице Петровом свыше данну. / Ты зришь Великаго Петра, / Как феникса рожденна снова, / Россия долго что ждала, / 40 Себе имеет для покрова* [VIII: 61, сноска *и*]. В этих строках Ломоносов закладывает основы крайне любопытной и своеобразной модели одического образа будущего наследника престола. Рассмотрим более подробно составляющие ее компоненты.

Итак, ни кого иного, как мать Петра Феодоровича и, соответственно, свою старшую сестру – *любезну Анну – зрит* пару месяцев назад взошедшая на российский престол Елисавета Петровна в лице своего только что прибывшего из Голштинии несовершеннолетнего племянника. Фигура матери Петра Феодоровича – старшей дочери Петра I Анны Петровны – изначально становится одним из тех важнейших базовых элементов, вокруг которого в 1742 году начинает формироваться одический образ юного наследника престола.

Напомним, что старшая дочь Петра I и Екатерины, Анна Петровна, была успешно сосватана, а вскоре после смерти отца[42], в мае 1725 года, благополучно выдана замуж за молодого герцога Шлезвиг-Голштейн-Готторпского Карла Фридриха. На момент свадьбы Анне Петровне было 17 лет, а ее новоиспеченному мужу только-только исполнилось 25. Через два года после бракосочетания и через пару месяцев после смерти Екатерины I[43], 25 июля 1727 года, в результате сложных интриг А.Д. Меньшикова, из собственных интересов создавшего крайне неблагоприятную для голштинского герцога ситуацию при российском дворе, молодая чета вынуждена была отбыть из Санкт-Петербурга на историческую родину Карла-Фридриха, в Голштинию. Вскоре после прибытия Анны Петровны с супругом в Киль, 10 февраля 1728 года, у них родился сын Карл Петер Ульрих (Karl Peter Ulrich) – будущий наследник (а впоследствии и законный обладатель) российского престола, чей приезд в Санкт-Петербург четырнадцатью годами позже как раз и описан в рассматриваемой нами оде Ломоносова 1742 года.

[42] Петр I скончался 28 января 1725 года в Зимнем дворце у Зимней канавки в Санкт-Петербурге.

[43] Екатерина I скончалась 6 мая 1727.

В исходном варианте текста, т.е. в отдельном издании оды, выпущенном Академией наук в феврале 1742 года, имя Анны Петровны упоминается лишь единожды (именно в том пассаже, который мы и процитировали выше: *Ты паки зришь*... и далее). Стоит, однако, упомянуть, что ода Ломоносова на приезд Петра Феодоровича в Санкт-Петербург имела довольно сложною эдиционную историю: с момента ее первой публикации в феврале 1742 года и вплоть до самого начала 1760-х годов Ломоносов неоднократно возвращался к и несколько раз существенно перерабатывал ее оригинальный вариант[44]. Примечательно, что в последней напечатанной при жизни поэта полной версии текста – в *Собрании сочинений* 1757 года – имя Анны Петровны встречается в нем еще дважды в дополнение к тому фрагменту, с которого выше мы начали свой анализ.

Во-первых, в финале самой первой строфы, при описании радости, испытываемой Санкт-Петербургом от прибытия Петра Феодоровича, потенциальный наследник престола описывается Ломоносовым как *рожденный прекрасной Анной*: *Красуются Петровы стены, / Что к ним Его приходит внук, / 10* ***Прекрасной Анной днесь рожденный*** [VIII: 60]. Во-вторых, в шестой и седьмой строфах все того же варианта оды 1757 года присутствует отдельный, очень выразительный и богатый поэтическим материалом, отрывок, посвященный беременности Анны Петровны: *55 Петрополь по Тебе* <Петру Феодоровичу – *М.К.*> *терзался, / Когда с Тобою разлучался / Еще в зачатии Твоем. / Сердца жаленьем закипели, / Когда под дерсским кораблем / 60 Балтийски волны побелели. // Как мать стенаньем и слезами / Крушится о́ сыне своем, / Что он, противными ветрами / Отгнан, живет в краю чужем, / 65 Она минуты все щитает, / На брег по всякой час взирает, / И просит щедры небеса, — / Россия так тебя желала / И чрез пучины и леса / 70 Усердны мысли простирала. // Но ныне радость умножает / Желанный нами Твой приход* [VIII: 63-64]. Нетрудно заметить, что во всех приведенных выше отрывках, едва только речь заходит о Петре Феодоровиче, мы наблюдаем появление крайне устойчивого образного тандема, состоящего из образа Анны Петровны, с одной стороны, и образа ее отца Петра I, с другой.

Как мы видели выше, в оригинальном варианте 1742 года образы Анны и Петра были эксплицитно соотнесены друг с другом, образуя две смыкающиеся грани своеобразного поэтического кристалла, сквозь призму которого, в соответствие с поэтической волей Ломоносова, Елисавета Петровна, смотрит на своего племянника: *Ты* ***паки зришь любезну Анну****, / В лице Петровом свыше данну. / Ты* ***зришь Великаго Петра****, / Как феникса рожденна снова*. В позднейшем варианте 1757 года, в 1-ой строфе текста, образ Анны присутствует в тексте in praesentia, в то время как образ Петра I

[44] В комментариях к ПСС Ломоносова отмечены следующие прижизненные варианты оды 1742 года: Отд. изд. 1742, Рит. 1744, Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765 [VIII: 59-68].

представлен в нем метонимически, путем упоминания *Петровых стен* в восьмой строке текста: *Красуются* ***Петровы стены****, / Что к ним Его приходит* ***внук****, / 10* ***Прекрасной Анной днесь рожденный****....* Примечательно при этом, что в 6-ой строфе того же варианта 1757 года и образ Петра, и образ Анны представлены in absentia в виде *терзающегося Петрополя*, с одной стороны, и упоминания *зачатия* Петра Феодоровича, т.е. беременности Анны Петровны, с другой: 55 ***Петрополь*** *по Тебе <Петру Феодоровичу – М.К.> терзался, / Когда с Тобою разлучался /* ***Еще в зачатии Твоем****.* Настойчивое соположение образа матери Петра Феодоровича с образом его же деда, а вовсе не отца (как можно было бы ожидать с некоторой долей вероятности) окончательно трансформируется в устойчивый элемент одической биографии Петра Феодоровича несколько позже. Однако уже на примере оды Ломоносова 1742 года мы имеем прекрасную возможность отследить и отчетливо зарегистрировать самые первые признаки возникновения данной тенденции.

Обратим внимание на то, что во всех приведенных нами выше отрывках семантический акцент оказывается так или иначе смещен с образа деда Петра Феодоровича в сторону образа его матери. Именно зачатие, беременность, а также последующее физическое сходство юного герцога с Анной Петровной становятся объектами специального поэтического внимания Ломоносова, образуя тем самым первичную, базовую, основу русского одического образа Карла Петра Ульриха.

Держа в уме официальную дату рождения Петра Феодоровича, несложно подсчитать, что к моменту отъезда Карла Фридриха с супругой из России в июле 1727 года Анна Петровна находилась приблизительно на третьем месяце беременности. Припоминание Ломоносовым этого интимного физиологического обстоятельства (*Петрополь по Тебе терзался, / Когда с Тобою разлучался /* ***Еще в зачатии Твоем***) превращает факт зачатия Петра Феодоровича в России в существенный элемент его одической биографии, придающий совершенно иную смысловую перспективу факту приезда молодого человека в Санкт-Петербург в феврале 1742 года. Из символически нейтрального *прибытия* в Санкт-Петербург, т.е. из простого перемещения из одной точки географического пространства в другую, появление наследника престола в северной столице превращается в тексте Ломоносова в крайне плотно нагруженное дополнительными коннотациями мифологическое *возвращение*. Несущественный, казалось бы, факт того, что будущий Петр III был зачат в России, в начале 1740-х годов становится важным элементом его личной мифологии, призванным обеспечить публичному образу молодого человека столь очевидно и хронически недостающую ему – отметим, отнюдь не только на первых порах – глубинную и интимную связь с российским государством.

Кроме сюжета *возвращения на родину*, которым Ломоносов остроумно подменяет значительно менее богатый смыслами сюжет

заурядного прибытия в Россию, семантическая акцентуация образа Анны Петровны в тексте оды 1757 года дает поэту возможность начать кропотливую работу по выстраиванию одного из самых своеобразных вариантов мифологической генеалогии Петра Феодоровича. Так, мы видим, что на начальном этапе обработки текста, в оригинале 1742 года, образ матери Петра Феодоровича относительно равен его реальной матери, цесаревне Анне Петровне. Однако на финальном этапе, в варианте 1757 года, одический образ старшей дочери Петра I крайне симптоматично трансформируется из реальной матери наследника престола в символическую *родину-мать*, с трудом переживающую долгую разлуку с *отогнанным* от нее *противными ветрами* сыном и с нетерпением ждущую его возвращения домой с чужбины (см. выше*: Как мать стенаньем и слезами...* и далее). Трансформация образа матери, происходящая в направлении *реальная мать Анна Петровна* → *Россия как родина-мать*, позволяет Ломоносову усилить ту крайне значимую в мифологическом смысле пространственную инверсию, которая подспудно начинает подготавливаться в его тексте уже при введении в поэтический оборот сюжета *возвращения на родину.* Определение Петра Феодоровича в качестве метафорического *сына России*, волею неблагоприятных судеб вынужденного до времени жить вдали от родины, подразумевает, что Голштиния, которая de facto несомненно являлась – и, стоит отметить, навсегда осталась – единственной родиной для Петра Феодоровича, позиционируется в тексте Ломоносова как *край чужой*, в то время как Россия – страна, которую в суровой реальности Петр Феодорович никогда не знал, не любил и с которой уж точно никогда не стремился ни фактически, ни символически воссоединиться или отождествиться – интерпретируется как его родной дом, то место, которому он изначально принадлежит и с которым связан очень тесными, близкими, интимно-физиологическими отношениями (*мать – сын*).

В контексте размышлений о принципах выстраивания одической генеалогии Петра Феодоровича отметим также и исключительно характерное замалчивание Ломоносовым имени биологического отца молодого человека. Карл Фридрих, герцог Шлезвиг-Голштейн-Готторпский, не просто отсутствует среди персонажей, тени которых, по мнению Ломоносова, российские наблюдатели имеют возможность видеть в лице Петра Феодоровича. Реальный отец племянника Елисаветы Петровны вообще ни разу не упоминается ни в одной русской оде, либо прямо посвященной, либо косвенно относящейся к событиям жизни его единственного сына.

В оде 1742 года тенденция к символической субституции образа реального отца Петра Феодоровича образом его же деда, Петра I, выражена еще не очень отчетливо. Однако, даже на примере этого самого раннего текста мы видим, что именно Петр I становится той символической

фигурой, которая постепенно вытесняет, а затем и полностью занимает место реального, ничем, впрочем, не примечательного в масштабе всей русской имперской истории, биологического отца молодого человека. С самого первого описания Петра Феодоровича в оде Ломоносова 1742 года, мы видим, что *русскость, петровскость* нового императора всячески акцентируется и даже несколько гиперболизируется в его одическом описании, в то время как нерусские компоненты его генеалогии и биографии – например, его немецкий отец – замалчиваются и затушевываются любыми доступными поэту риторическими средствами, пусть даже и идущими иногда в ущерб, а порою и прямо вразрез, с фактической достоверностью.

Любопытно отметить принципиальное отличие именно этого аспекта личной мифологии Петра Феодоровича от столь же тщательно конструируемой в одах Ломоносова 1741 года личной мифологии младенца Иоанна Антоновича. Так, наполовину нерусское – австрийское[45] – происхождение малолетнего императора отнюдь не замалчивается, а, напротив, явно отмечается и, более того, подвергается активной мифологизации в первой оде Ломоносова 1741 года (на день рождения Иоанна Антоновича): *Везде веселы клики слышны: / «Монарх Наш — **сильных двух колен**». / 115 Одно мое* <России – *М.К.>, чем я толь славна; / Россиан храбрость где не явна? / **Друго Германско, с коим Рим / Войну едва дерзал начати, / Весь свет побив, не мог стояти** / 120 **В бою, Тейтон, с полком твоим*** [VIII: 38-39]. Как отмечают комментаторы академического *Полного собрания сочинений* Ломоносова в примечаниях к этому пассажу:

> Под *двумя коленами* Ломоносов разумеет две императорских династии: русскую и австрийскую. С первой Иван Антонович был в родстве по материнской линии, со второй — по отцовской. <Строка *В бою, Тейтон, с полком твоим* содержит> [н]амек на падение Западной Римской империи под натиском германских (тевтонских) племен [VIII: 882].

Принципиальное отличие Петра Феодоровича в 1742 году от Иоанна Антоновича в 1741 заключалось, конечно же, в том, что во время создания Ломоносовым оды 1741 года отец малолетнего императора – Антон Ульрих, герцог Брауншвейг-Беверн-Люнебургский – был жив, находился в России, пребывал в добром здравии и был преисполнен разнообразными политическими амбициями. Молодой и энергичный австрийский герцог, занимавший к тому же пост генералиссимуса русских войск, представлял

[45] Иоанн Антонович родился в браке Анны Леопольдовны, внучки Ивана V, и австрийского принца Антона Ульриха Брауншвейг-Беверн-Люнебургского (Anton Ulrich Herzog von Braunschweig-Wolfenbüttel; 1714-1774), второго сына герцога Фердинанда Альбрехта II Брауншвейг-Вольфенбюттельского (Ferdinand Albrecht II von Braunschweig-Wolfenbüttel) и Антуанетты Амалии Брауншвейг-Вольфенбюттельской (Antoinette Amalie von Braunschweig-Wolfenbüttel).

собой значимую единицу на российской политической арене того времени. Соответственно, у Ломоносова имелись существенные причины и более, чем понятные, мотивы подвергать и образ самого герцога[46], и, опосредованно, реальную генеалогию его августейшего сына тщательной и продуманной поэтической мифологизации.

В свою очередь, ситуация с отцом Петра Феодоровича была совершенно другого рода. Ровесник века, немецкий герцог Шлезвига Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский скончался в 1739 году, т.е. за несколько лет до написания Ломоносовым оды на четырнадцатый день рождения его сына. Однако уже задолго до своей физической смерти в 1739 году, собственно, в 1727 году – т.е. сразу после смерти Екатерины I, досадного поражения в борьбе за российскую корону, возведения на престол несовершеннолетнего Петра II и вынужденного отъезд из Санкт-Петербурга на свою историческую родину – Карл Фридрих символически умер в качестве значимого персонажа для российской истории в целом, и, соответственно, почил в бозе в качестве потенциального мифогенного героя для одического жанра в частности. На протяжении последних двенадцати лет своей жизни, проведенных в Голштинии (с 1727 по 1739 гг.), герцог не играл совершенно никакой роли и не имел абсолютно никакого значения в российской политической жизни. Соответственно, в 1742 году его образ не представлял решительно никакого интереса для российской публики и не обладал в ее глазах хоть сколько-нибудь ликвидным мифологическим капиталом. Именно поэтому в оде Ломоносова 1742 года образ реального, совершенно бесполезного – и даже в некотором смысле "вредного" – с мифологической точки зрения, отца Петра Феодоровича замещается образом его деда, а вся (потенциально очень богатая в мифологическом смысле) тема "нерусскости" происхождения будущего наследника престола решительно никак не актуализируется, а, напротив, нарочито замалчивается.

Таким образом, несмотря на то, что точно также, как и Иоанну Антоновичу в 1741 году, в февральской оде Ломоносова 1742 года Петру Феодоровичу приписывается "двойное" происхождение[47] (он описывается как потомок по крайней мере *двух* славных предков, образы которых легко поддаются мифологической обработке в рамках оды), его реальный отец – персонаж, имя которого, казалось бы, вполне естественно было припомнить в день рождения его сына, – оказывается тут решительно не причем. Анна Петровна, с одной стороны, и Петр I, с другой, становятся теми основными значимыми предками, отношения с которыми оказываются единственно

[46] Ср. в этом контексте также обращение Ломоносова к принцу Антону в сентябрьской оде 1741 года*: Отца отечества Отец, / Вручил Кому небес Творец / Храбрейшу в свете силу править, / Твоих премного сколь похвал / 215 Сам наш завистлив враг познал, / Не может сам Тебя не славить. / В бою Российской всяк солдат, / Лиш толькоб для Иоанна было, / Твоей для славы лиш бы слыло, / 220 Желает смерть снести стократ* [VIII: 51].

[47] См. выше об Иоанне Антоновиче: *Монарх Наш — **сильных двух колен**.*

релевантными для формирования личной мифологии Петра Феодоровича в оде Ломоносова 1742 года.

Ты зришь Великаго Петра, / Как феникса рожденна снова: Петр Феодорович как гарант верного повторения исторических циклов

Итак, по версии, предлагаемой Ломоносовым читателям, в феврале 1742 года *богиня стран широких, сильных*, т.е. Елисавета Петровна, имела возможность вновь увидеть в лице своего только что прибывшего из Голштинии племянника, во-первых, свою сестру (*любезну Анну / В лице Петровом свыше данну*), и, во-вторых, своего отца (*Великаго Петра / Как феникса рожденна снова*)[48]. Дебютная одическая репрезентация личности наследника престола осуществляется Ломоносовым через припоминание образов его матери и деда, т.е. путем повышенной концентрации читательского внимания на аккуратно отфильтрованных моментах его в целом примечательной генеалогии.

С одной стороны, пристальное внимание к нюансам родословной молодого человека вполне объяснимо непосредственным поводом написания оды: празднование любого дня рождения автоматически легитимизирует сколь угодно напряженные размышления заинтересованных наблюдателей на тему того, *от кого* именно был рожден виновник торжества. С другой стороны, приведенные выше строки очень точно и лаконично определяют основную функцию Петра Феодоровича как одического персонажа на самых ранних этапах формирования его поэтического образа – *напоминать*.

Необходимость интерпретировать время вообще и государственную историю в частности в качестве бесконечно повторяющихся замкнутых циклов, периодически воспроизводящих на временной оси некоторое идеальное, зарегистрированное, как правило, в начале существования системы, внутреннее состояние, является одной из основных, самых базисных, констант классицистического мировоззрения. В качестве поэтического приема настойчивое приравнивание Ломоносовым образа Петра Феодоровича образу его великого деда полностью лежит в русле данной тенденции, генетически присущей старательно насаждаемому Ломоносовым на русской почве поэтическому стилю. Прямое отождествление деда и внука (*ты зришь Великого Петра*) имплицитно подразумевает, что со смертью *Петра I-феникса* русская история исчерпала себя, оставив на память будущим потомкам лишь воспоминание об идеальном – как внутре-, так и внешнеполитическом – состоянии государства. Соответственно, все послепетровские исторические деятели

[48] Более того, прибывший в Россию молодой человек не просто *напоминал* всем своего деда, но в некотором смысле он непосредственно *становится* новым Петром Великим, который, по версии Ломоносова 1742 года, через семнадцать лет после своей смерти воскрес и вновь – подобно *фениксу* – воплотился в образе своего единственного законного внука.

оцениваются в рамках этой концепции с точки зрения их подобия и соответствия идеальному – петровскому – прототипу монарха, а также с позиции их потенциальной способности ввести страну в состояние более или менее адекватное первому эталонному периоду (часто описываемому в одах как *золотой век*).

Схема выстраивания одического образа Петра Феодоровича, основанная именно на таком понимании российской истории, примечательна тем, что при описании наследника престола в рамках данной концепции на первый план для Ломоносова выходят не личные (хотя бы и гипотетические) добродетели Петра Феодоровича, а черты, позволяющие связать его, не имеющую пока еще самостоятельной исторической ценности, личность с Петром I. *Быть внуком Петра Великого* – вот та своеобразная, крайне вторичная и несамостоятельная роль, которую с самого начала довольно строго и вполне определенно назначается играть Петру Феодоровичу при российском дворе.

Крайне симптоматично в этом контексте, что в процитированных выше строках впервые появляются те характерные лексические маркеры, которые впоследствии станут одними из ключевых в одическом образе Петра Феодоровича – *паки* и *снова*: *Ты **паки** зришь любезну Анну, / <...>/ Ты зришь Великаго Петра, / Как феникса рожденна **снова***. Настойчивое повторение Ломоносовым лексем *паки* и *снова* при описании голштинского принца наглядно демонстрирует, что с самого момента приезда молодого человека в Санкт-Петербург его появление в России интерпретировалось российской стороной вовсе не как событие, имеющее определенную самостоятельную ценность, присущую ему вне зависимости от других явлений того же порядка. Напротив, уже в первых строках, посвященных описанию будущего наследника престола, Ломоносов особенно настойчиво подчеркивает, что его прибытие в Санкт-Петербург – это *знак* повторения, восстановления, возвращения и возрождения в Российском государстве некоторых других, символически и довольно произвольно связанных с непосредственной и реальной личностью живого Петра Феодоровича, персонажей, времен и порядков.

Отдельного внимания заслуживает образ *феникса*, используемый Ломоносовым для описания конкретного механизма возрождения Петра I: *Ты зришь Великаго Петра, / **Как феникса рожденна снова.*** Образ феникса, возрождающегося из пепла, имеет крайне богатую историю употребления как в античной литературе, так и в классицистической европейской поэзии нового времени[49]. Не ставя перед собой задачи реконструировать все возможные, в той или иной мере знакомые Ломоносову, многочисленные литературные и / или графические претексты, отметим лишь, что в оде 1742

[49] Краткий обзор основных контекстов использования образа *феникса* см., например, в обзорной статье M. Thatcher *The Phoenix in Literature and Poetry* [Thatcher].

года образ *Петра-феникса* несомненно должен прочитываться в контексте других орнитологических образов, в относительном изобилии присутствующих в более ранних одах Ломоносова 1741 года.

Особенно примечательна в этом контексте ода Ломоносова на тезоименитство Иоанна Антоновича, в которой дважды встречается упоминание о российском *орле* / *орлице*. Первое из них мы находим в заглавной строфе текста: *Российских войск хвала растет, / Сердца продерсски страх трясет, / **Младой Орел** уж льва терзает; / Преж нежель ждали, слышим вдруг / 5 Победы знак, палящий звук* [VIII: 43]. Второе упоминание о *российском орле* оказывается типологически сходно с первым: *К себе вас* <шведов – *М.К.*> *та земля влечет, / 55 В которой мед с млеком течет? / <...>/ Коль блиско наша к вам столица! / Но ближе тем парит **Орлица**, / 60 Что правит Свой полет ко льву* [VIII: 45]. Обратим внимание на то, что в обоих случаях российский *орел* / *орлица* оказываются устойчиво и строго дихотомически противопоставлены шведскому *льву*. С одной стороны, не вызывает сомнений, что каждый из членов данной оппозиции – и *орел*, и *лев* – представляют собой метонимически усеченный вариант репрезентации соответствующего национального герба. Однако, с другой стороны, как возрастная (***Младой** Орел*,) так и гендерная (*Орли**ца***) спецификация орнитологических образов, представляющих российскую сторону, вкупе с крайне характерным способом написания обоих слов (с прописной буквы), дают нам весомые основания предположить, что и *Младой Орел*, и парящая над Санкт-Петербургом *Орлица* в оде Ломоносова 1741 года являются, кроме всего прочего, жанрово-опосредованными номинациями самогò малолетнего Иоанна Антоновича, а также его матери Анны Леопольдовны[50].

Приведенные выше примеры указывают на то, что к началу 1742 года в торжественных одах Ломоносова начала складываться вполне определенная традиция орнитологических сравнений и уподоблений, довольно устойчиво используемых поэтом для описания членов императорской фамилии. Соответственно, на наш взгляд, сравнение Петра I с вновь воскресающим в образе своего внука *фениксом* в февральской оде 1742 года следует прочитывать и интерпретировать именно в русле данной поэтической тенденции, в рамках которой образ *феникса* представляет собой парадигматический вариант универсального орнитологического образа, в более ранних текстах реализовавшегося в виде генетически сходных с *фениксом* образах российского *орла* или *орлицы*.

[50] Ср. также образ *орлицы-царицы* в Хотинской оде: *Как в клуб змия себя крутит, / Шипит, под камень жало кроет, / **Орел** когда шумя летит / И там парит, где ветр не воет; / Превыше молний, бурь, снегов / Зверей он видит, рыб, гадов. / Пред **росской** так дрожит **Орлицей**, / Стесняет внутрь Хотин своих. / Но что? в стенах ли может сих / 190 **Пред сильной устоять царицей**?* [VIII: 26-27].

Важно, однако, отметить некоторые нюансы.

Так, сюжет борьбы и победы в войне, актуальный для сентябрьской оды Иоанну Антоновичу 1741 года, довольно естественным образом инициировал использование в стихотворном тексте эмблематически ангажированного и богатого разнообразными сюжетными коннотациями образа *орла*. При этом непосредственные политические реалии 1741 года (младенец-император на престоле и его мать Анна Леопольдовна в качестве регентши) неизбежно налагали соответствующий отпечаток на конкретные гендерно-возрастные характеристики двух использованных Ломоносовым вариантов универсального орнитологического сравнения. В свою очередь, семантика орнитологического сравнения Петра I / Петра Феодоровича с *фениксом* развивается по несколько иной мифологической траектории, существенно отличающейся от сравнений с *орлом* и *орлицей* Иоанна Антоновича и его матери. Так, если образы *орла* и *орлицы*, в их устойчивой архетипической противопоставленности *льву,* выводят на первый план динамические микро-сюжеты борьбы, охоты, жестокой схватки, а также мотив крови, то образ *феникса* прежде всего актуализует более статичный, но при этом и более глубокий и многоплановый, сюжет *возрождения* и *повторения* исторического цикла, а также мотивы *вечности* и *неизменности*, внеположенности императорской власти личности какого-то конкретного человека. Таким образом, специфика орнитологического образа *феникса*-Петра на фоне предшествующих, генетически тождественных ему, образов *орла*-Иоанна и *орлицы*-Анны указывает нам на те уникальные смысловые доминанты, которые оказываются акцентированы в 1742 году в одическом образе Петра Феодоровича.

Я Деву в солнце зрю стоящу, / Рукою Отрока держащу: функция образа Петра Феодоровича в мифе о наступлении в России *золотого века*

Итак, основным приемом конструирования личной мифологии Петра Феодоровича в оде 1742 года становится осмысление и описание его образа в непременном отношении к другим знаковым фигурам российской истории. Список важнейших референтных персонажей возглавляют мать будущего наследника престола Анна Петровна, а также его героический дед Петр I. Однако, давно покойные к 1742 году Петр с Анной оказываются отнюдь не единственными значимыми фигурами, с которыми Ломоносов активно соотносит образ четырнадцатилетнего Петра Феодоровича в своей февральской оде. Елисавета Петровна, родная тетка молодого человека, всего пару месяцев назад взошедшая на российский императорский престол и, собственно говоря, инициировавшая появление на сцене российской истории противоречивой фигуры своего единственного племянника, помимо своей воли ставшего гарантом легитимности ее пребывания на троне, также оказывается одним из тех важнейших символических “зеркал”, отражаясь в котором одический образ сына ее старшей сестры приобретает определенную мифологическую многомерность и глубину.

Прямые дефиниции Елисаветы Петровны в оде Ломоносова 1742 года богаты и многочисленны: *Богиня, Наместница всевышней власти, Дева* и проч. Помимо этого, дескриптивные фрагменты, посвященные действующей императрице, обширны и переполнены мифологическими проекциями, отсылками, аллюзиями и реминисценциями. При этом интересующий нас прежде всего образ ее племянника оказывается плотно инкорпорирован всего лишь в один единственный – наиболее, впрочем, развернутый и интересный – мифологический микро-сюжет, замыкающий список тех оригинальных и разнообразных описаний Елисаветы Петровны, которыми изобилует февральская ода Ломоносова. Образ Петра Феодоровича оказывается включен в *видение,* подробно и живописно разрабатываемое Ломоносовым в четырех заключительных строфах текста: *Но спешно толь куда восходит / Внезапно мой плененный взор? / Пророческ дух на мысль наводит. / Парит Тессальских выше гор. / **Я Деву в солнце зрю стоящу, / Рукою Отрока держащу / И купно всю Россию с Ним.** / Украшенна везде звездами. / Разит перуном вниз своим, / 90 Гоня противности с бедами* [VIII: 66].

Апокалиптические аллюзии данного фрагмента, а также их функция в формировании одического образа Елисаветы Петровны, были исчерпывающим образом проанализированы в блестящей статье Е.А. Погосян и М.А. Сморжевских *"Я Деву в солнце зрю стоящу...": образ апокалипсической Жены в русской официальной культуре 1695-1742 гг.»* [Погосян, Сморжевских]. В контексте данного исследования образ *Девы*– Елисаветы Петровны в оде Ломоносова 1742 года рассматривается учеными как частный случай манифестации более общего и универсального комплекса апокалиптических идей и мотивов, использованных в русских и украинских панегириках и иконографии для осмысления и интерпретации нюансов идеологического строительства того или иного монарха. В частности, Е.А. Погосян и М.А. Сморжевских отмечают:

> Для того, чтобы приспособить фрагмент из Апокалипсиса к событиям конца 1741-начала 1742 гг., Ломоносов внес в исходных сюжет ряд изменений. Во-первых, он назвал апокалипсическую Жену Девой. Такое замещение давало Ломоносову возможность использовать этот образ при описании новой императрицы: незамужнюю Елизавету неприлично было называть Женой (младенец, соответственно, замещен "отроком" - племянником Елизаветы Петровны). <...> Таким образом, Ломоносов сопоставляет в своей оде девицу Елизавету Петровну, которая привезла в Россию, чтобы объявить наследником престола, своего 14-летнего племянника, с апокалипсической Женой, родившей младенца мужского пола, и, одновременно, с Богородицей, держащей на руках младенца Христа [Погосян, Сморжевских].

Используя остроумно установленную исследователями параллель *Жена / Дева* → Елисавета Петровна, *младенец / отрок* → Петр Феодорович в качестве отправной точки для дальнейших рассуждений, сосредоточим наше внимание не столько на – несомненно центральном для этого сюжета –

образе Елисаветы, сколько на – бесспорно вторичном, однако намного более любопытном в контексте нашей темы, – образе Петра Феодоровича.

К февралю 1742 года риторическая модель одического описания властного тандема *малолетний наследник + женщина-правительница* была уже вполне успешно отработана Ломоносовым в двух его предшествующих одах 1741 года, посвященных, как мы помним, младенцу-императору Иоанну Антоновичу. В обоих этих текстах мы встречаем развернутые фрагменты, ярко описывающие годовалого младенца Иоанна в паре с его обладавшей во время написания обеих од реальной политической властью матерью Анной Леопольдовной. Так, в более ранней – августовской – оде, посвященной первому дню рождения малолетнего императора, Ломоносов, обращаясь непосредственно к регентше Анне Леопольдовне, указывает на следующие, присущие ей, характеристики: *Надежда, Свет, Покров, Богиня / Над пятой частью всей земли, / Велика севера Княгиня, / Языков больше дватцати, / 185* ***Премудрой правиш что рукою, / Монарха тех держиш другою****, / Любовь моих, противных Страх, / Возри на то прещедрым оком, / В подданстве ревность что глубоком / 190 Воспеть дерзнула в сих стопах* [VIII: 41]. В свою очередь, в сентябрьской оде на тезоименитство Иоанна Антоновича Ломоносов вновь повторяет уже использованный им ранее принцип описания матери императора-младенца (на этот раз поэт заставляет нас увидеть ее глазами вознесшейся на небеса Анны Иоановны): *193 Высокой крови Царской Дщерь* <Анна Леопольдовна – *М.К.*>*, / Сильнейшей Что рукою* ***дверь, / Отверзла*** *к славнейшим победам! <...> // Доброт чистейший лик вознес*[51] */ Велику Анну* <Анну Иоановну – *М.К.*> *в дверь небес, / Откуда зрит в России ясно /* ***Монарха в лавровых венцах*** */ 205* ***На матерних Твоих*** <Анны Леопольдовны – *М.К.*> ***руках****, / Низводит весел взор всечасно. / К Героям держит речь сию: <...>* [VIII: 50]. Мы отчетливо видим, что в обеих одах 1741 года образ Анны Леопольдовны имеет несколько устойчивых характеристик. Во-первых, в обоих текстах мать Иоанна Антоновича описывается в качестве героической сверх-женщины, обладающей многими именами: *Надежда, Свет, Покров, Богиня, Велика севера Княгиня*. Во-вторых, в обеих посвященных ее сыну одах репрезентация образа Анны Леопольдовны идет по пути описания ее как *женщины-матери*, неизменно держащей на руках младенца-императора и при этом одновременно успешно управляющей российским государством: *Премудрой* ***правиш что рукою, / Монарха тех держиш другою*** (Ода на день рождения Иоанна Антоновича); ***Монарха*** *в лавровых венцах* / ***На матерних Твоих руках*** (Ода на его же тезоименитство).

---

[51] Ср. также: ***Доброт*** *чистейший* ***лик*** *вознес* (ода на тезоименитство Иоанна Антоновича 1741) → ***Доброт*** *Его дивимся* ***лику*** (ода на день рождения Петра Феодоровича 1742); *Сильнейшей Что рукою* ***дверь, / Отверзла*** *к славнейшим победам!* (Ода на тезоименитство Иоанна Антоновича, 1741) → ***Отверзлась дверь****, не виден край* (Ода на день рождения Петра Феодоровича, 1742) и проч.

Примечательно, что именно таковой, буквально реализующей обе эти характеристики, оказывается и внутренняя структура образа *Девы-Елисаветы* в оде Ломоносова 1742 года. Так, с одной стороны, в приведенном нами выше отрывке – *Я Деву в солнце зрю стоящу...* – крайне характерно парафрастическое наименование императрицы – *Дева*. Данный эпитет несомненно должен рассматриваться в одном ряду с теми многочисленными, пишущимися Ломоносовым неизменно с прописной буквы, именами, которыми, как мы видели выше, поэт в изобилии использует при обращении к Анне Леопольдовне: *Надежда, Свет, Покров, Богиня, Велика севера Княгиня* (Ода на день рождения Иоанна Антоновича), а также *Высокой крови Царской Дщерь, Вторая Анна* (Ода на его же тезоименитство). В пользу данного предположения говорит и то, что в 4-ой строфе февральской оды 1742 года Ломоносов прямо именует Елисавету Петровну *Богиней* (***Богиня*** *стран широких, сильных*), что буквально дословно совпадает с тем, как за полгода до этого он адресовался к Анне Леопольдовне: *Надежда, Свет, Покров,* ***Богиня*** */ Над пятой частью всей земли* (Ода на день рождения Иоанна Антоновича). С другой стороны, бросается в глаза все та же, заимствованная Ломоносовым из образа Анны Леопольдовны, многофункциональность образа Елизаветы Петровны. Равно как и ее предшественница из од 1741 года, *Дева-Елисавета* в февральской оде 1742 года *держит рукою* не только *Отрока-Петра*, но ***и купно всю Россию с Ним***. Глубокая общность и типологическое сходство образов Анны Леопольдовны, держащей на руках младенца Иоанна и одновременно управляющей государством, а также Елисаветы Петровны, *держащей рукою* и Отрока-племянника, *и купно всю Россию с ним*, очевидна.

Сходство одических образов двух таких разных, однако, обладающих на некотором уровне абстракции глубоким типологическим сходством, *женщин-правительниц* указывает на то, что к февралю 1742 года у Ломоносова уже была наработана вполне устойчивая, хорошо и успешно зарекомендовавшая себя в предшествующих текстах, модель одического описания малолетнего члена царской фамилии в его отношении к влиятельной женщине-правительнице, сосредоточившей в своих руках всю полноту реальной политической власти. Модель эта включала следующие сюжетные константы: видение, открывающееся верхнее пространство, женщина-властительница с наследником мужского пола на руках. В образно-мотивном отношении неизменными компонентами данной модели оставались следующие элементы: *руки, дверь, малолетний император, держание на руках / за руку*. Именно этот, уже тщательно разработанный и неоднократно опробованный в одах 1741 года, поэтический образ Ломоносов применяет в феврале 1742 года для описания Петра Феодоровича в его отношении к Елисавете Петровне.

В феврале 1742 года структура этого двойного образа – *женщина-властительница с наследником мужского пола на руках* – очевидным

образом потребовала от Ломоносова определенной семантической корректировки. Не только экстравагантный матримониальный статус Елисаветы Петровны и отсутствие у нее законных детей, но и “неудобный” во всех отношениях возраст Петра Феодоровича, наряду с отличной от Иоанна Антоновича спецификой его родственных отношений с действующей императрицей, соединенные со все еще несколько неопределенным в феврале 1742 года официальным статусом голштинского принца при русском дворе, вполне естественно представляли некоторые затруднения при попытках вписать августейший тандем *Елисавета* + *Петр* в мифологическую образно-тематическую нишу, столь комфортно и органично занимаемую в одах 1741 года годовалым Иоанном Антоновичем и его матерью. Скорее всего именно под давлением реальных, внеположенных одическому тексту, обстоятельств, крайне выигрышный в мифологическом смысле образ *младенца на матерних руках* из оды на тезоименитство Иоанна Антоновича превращается в тексте 1742 года в несколько неопределенного *Отрока*, лишь слегка *придерживаемого* Девой за руку. Крайне примечательно, однако, что все реальные отличия Петра Феодоровича от Иоанна Антоновича, а Елисаветы Петровны от Анны Леопольдовны, хоть и заставили Ломоносова внести некоторые минимальные мотивные изменения в литературное описание героев, в целом никак не повлияли на его принципиальную убежденность в необходимости использования в оде на день рождение и прибытие Петра Феодоровича стандартной технологии мифологизации, уже не раз опробованной им в предшествующих одах 1741 года.

Более того, ни реальное положение вещей, ни несколько измененные (в сравнении с Иоанном Антоновичем и Анной Леопольдовной) одические образы Петра и Елисаветы в итоге никак не повлияли на появление в ломоносовской оде более общего сюжета наступления в России *золотого века*, составной частью которого является проанализированное нами выше *видение* Девы и Отрока. История сюжета о наступлении *золотого века* и символика центрального для него образа Астреи в русской поэзии XVIII века были подробно описаны В. Проскуриной в статье *Миф об Астрее и русский престол* [Проскурина 2003], [Проскурина 2006]. Анализируя интересующий нас пассаж из оды Ломоносова 1742 года, исследователь отмечает:

> Певец Елизаветы Ломоносов воспользовался мифологией Астреи в «Оде на прибытие из Голстинии и на день рождения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Петра Федоровича 1742 года февраля 10 дня». Ода давала все основания для появления вергилианских метафор. <...> Ломоносов использует в своем описании библейскую символику, отсылая к 12-й главе Откровения Иоанна Богослова: «И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Откр. 12:1). <...> Однако в духе барочной традиции Ломоносов совмещает библейскую мифологию с языческой: Дева-Елизавета разит врагов «перуном» — символика перунов (молний) всегда присутствовала в астральной интерпретации

Астреи, изображавшейся с молниями в руках. Барочная картина, нарисованная поэтом в оде, должна была поэтически санкционировать власть Елизаветы, упроченную приездом цесаревича Петра Федоровича [Проскурина 2003].

Выше мы видели, что до определенного момента одический образ Петра Феодоровича выстраивался Ломоносовым как целиком и полностью подчиненный одной доминантной функции – напоминать о славных предках. Основная роль, которую отводилось играть молодому человеку как в отношении Анны Петровны, так и, особенно, в отношении Петра I, заключалась в том, чтобы быть тем медиумом, посредством которого и сестра Елисаветы, и особенно их общий с Анной отец Петр Великий, получали возможность символически вернуться в Россию и / или возродиться на российском престоле после своей физической смерти. В свою очередь, вовлечение образа Петра Феодоровича (в качестве *Отрока*) в сложную мифологическую орбиту Елисаветы Петровны придавало ему некоторое дополнительное измерение. Основной функцией образа Петра Феодоровича в отношении к образу его августейшей тетки становится мифологически обоснованная легитимизация ее пребывания на престоле.

В реальности Елисавета Петровна не была *матерью* молодого человека, а сам Петр Феодорович уж никак не был *младенцем*. Казалось бы, ничто, кроме наличия у Ломоносова уже опробованной им ранее сюжетной схемы, не указывало на – а скорее даже препятствовало – возможность использования в отношении новой императрицы и ее племянника мифа об Астрее и о наступлении в России *золотого века*. Однако, именно этот мифологический сюжет становится своеобразным идеологическим пуантом оды Ломоносова 1742 года. Таким образом, функциональное уподобление Петра Феодоровича *младенцу*, высокая степень *связанности*[52] и неавтономности его мифологической ипостаси (*Отрока*), лишний раз демонстрируют нам несамостоятельность и в некотором смысле вторичность одического образа будущего российского императора на ранних стадиях его формирования.

Прибытие Петра Феодоровича как изменение баланса сил в природе: одическая метеорология

Итак, та уникальная семантика, которой начинал наполняться одический образ Петра Феодоровича в оде Ломоносова 1742 года, аккумулировалась им прежде всего за счет установления поэтом разного

[52] Говоря о сюжетной *связанности* одического образа Петра Феодоровича, мы употребляем этот термин с ориентацией на терминологию, введенную Б.В. Томашевским в его теоретических работах, посвященных вопросам сюжетосложения. См., например: «При простом пересказе фабулы произведения мы сразу обнаруживаем, что можно опустить, не разрушая связности повествования, и чего опускать нельзя, не нарушив причинной связи между событиями. **Мотивы неисключаемые называются связанными**; мотивы, которые можно устранять, не нарушая цельности причинно-временного характера хода событий, являются свободными» [Томашевский: 183].

рода соотношений и связей между образом наследника престола и образами других – как давно покойных, так и вполне здравствующих на момент создания оды – исторических персонажей. Именно установление подобного рода бинарных отношений образа Петра Феодоровича с образами, в частности, Анны Петровны, Петра I, Елисаветы Петровны становится тем ведущим поэтическим приемом, при помощи которого Ломоносов в самом первом приближении вычерчивает основные контуры личного мифа будущего наследника российского престола. Однако, соотношение с образами других людей оказывается не единственным значимым элементом одической мифологии Петра Феодоровича. Довольно существенное внимание в тексте Ломоносова уделяется описанию непосредственного контекста прибытия молодого человека в Россию. Так, важное место в февральской оде 1742 года отведено детальной спецификации тех внешних обстоятельств и стихийных сил природы, чей прихотливый отклик на разворачивающийся в оде сюжет и на участвующих в нем персонажей традиционно обладает в высшей степени знаковым характером в панегирических произведениях Ломоносова.

В феврале 1742 года реакция сил природы, стихий и времен года на приезд Петра Феодоровича в Санкт-Петербург оказывается, по версии Ломоносова, следующей: *Петровой крови плод прекрасной, / День твоего прихода к нам, / Без ветра и тумана, ясной, / Представил знак талану сам. / Стихии сами то являют, / В тебе сердца что наши чают. / Со снегом таял купно лед / С любовью всех людей согласно; / Казал весны приятной след, / 60 Как ждали мы тебя всечасно* [VIII: 63, сноска *м*]. С одной стороны, как отмечают комментаторы *Полного собрания сочинений* Ломоносова со ссылкой на *Комментарии Петербургской Академии наук*, «[д]ень приезда великого князя в Петербург был действительно до полудня *без ветра и тумана, ясный*» [VIII: 891]. С другой стороны, стоит обратить пристальное внимание на крайне характерное поэтическое утверждение самого Ломоносова о том, что *[д]ень твоего* <Петра Феодоровича – *М.К.*> *прихода к нам, / … / **Представил знак** талану*[53] *сам.* Как мы видим, поэт сам подчеркивает, что представляемая им в оде краткая метеорологическая сводка за один зимний день, пусть даже абсолютно точно отображающая реальное положение дел в Санкт-Петербурге 10 февраля 1742 года, является прежде всего индексом удачного поворота судьбы, а также внутреннего состояния тех людей, которые совместно с автором как бы мысленно наблюдают за прибытием Петра Феодоровича в построенный его дедом город на Неве.

На примере двух предшествующих посвященных Иоанну Антоновичу од Ломоносова 1741 года мы видим, что описание погоды

[53] «ТАЛАН <...> - талана, м. (тюрк. talan - добыча) (нар.-поэт., простореч.). Судьба, удача, счастье. *Кому есть талан, тот будет атаман*. Пословица. *Всякому свой талан*. А. Кльцов. *Талан-участь (нар.-поэт.)»* [Ушаков, IV (С—Ящурный): Стб. 647].

вообще, а также образы *ветра, тумана, снега, льда, стихии* в частности имеют, как правило, устойчивые дополнительные функции в текстах Ломоносова. Так, например, в оде на тезоименитство Иоанна Антоновича *ветр* и *туман* выступают верными союзниками враждебных россиянам шведов: *40 Но что за **ветр** с вечерних стран / Пронырства вас <шведов – М.К.> закрыл в **туман**? / Не зрила чтоб того Россия, / Что ваших войск приход значит?* [VIII: 45]. Крайне симптоматично в этом контексте, что и *ветер,* и *туман* – это именно те погодные явления, которые подчеркнуто отсутствуют в рассматриваемой нами февральской оде Петру Феодоровичу: *День твоего прихода к нам, / **Без ветра и тумана**, ясной* <...>. В свою очередь, в оде на день рождения Иоанна Антоновича аномальное таяние и *льда,* и *снега* – процессы, которые как раз характеризуют, как мы помним, момент прибытия Петра Феодоровича в Санкт-Петербург в феврале 1742 года (***Со снегом таял купно лед / С любовью** всех людей согласно*), – символизирует прежде всего радость *российских пределов* по поводу наступления дня рождения императора в августе 1741 года: *5 Всегдашним **льдом** покрыты волны, / Скачите нынь, веселья полны, / В брегах чините весел шум. <...> // Холмов **верхи** полночных **белы**, / Откуду веет хладной дух, / 15 **В любви** со страхом тихо **тайте*** <...> [VIII: 34-35]. Кроме того, в том же тексте 1741 года подчиненность природных стихий верховной государственной власти вообще и воле малолетнего императора в частности представлена Ломоносовым в качестве одного из непременных атрибутов одического образа успешного монарха: *Целую Вас, Вы, щедры Очи, / Небесной в коих блещет лучь. / Как дни, при Вас светлы мне ночи. / Чист воздух мне во время тучь. / 35 **Послушны Вам стихии сами**. / Пресекся вихрей бег с громами <...>* [VIII: 35]. Как мы помним, именно отношения добровольной субординации стихий будущему наследнику престола маркируют образ Петра Феодоровича в тексте 1742 года: ***Стихии сами то являют**, / В тебе сердца что наши чают*.

Обратим внимание и на определенные отличия описания погоды в оде 1742 года от структурно схожих отрывков из предшествующих од Иоанну Антоновичу 1741 года. Так, ода Ломоносова на приезд и день рождения Петра Феодоровича стала его первой одой, созданной зимой. Обе предшествующие оды, адресованные Иоанну Антоновичу, были и написаны, и опубликованы и, прежде всего посвящены событиям, которые все без исключения происходили летом. В связи с этим неудивительно, что в обоих текстах мы наблюдаем разработку именно летней темы: 1) *Нагреты нежным воды югом, / Струи полденных теплы рек*, а также *Земля, пусти таки цветочки, / Здивиться Флоре чтоб самой; / Жемчюга б чище их листочки, / И златоб ниже тех ценой* и проч. (Ода на день рождения Иоанна Антоновича); 2) *Колючей терн, сухой тростник, / Таился в коих зной велик, / Теперь уж явно всем вспыхнули*, а также *Тобою наш Российской свет / Во всех землях, как крин, цветет* и проч. (Ода на тезоименитство Иоанна Антоновича).

В свою очередь, приезд Петра Феодоровича в Санкт-Петербург в феврале 1742 года – это первое описанное Ломоносовым в жанре оды событие, потребовавшее от него разработки зимней темы. Как мы видели выше, Ломоносов решает эту задачу весьма примечательным образом. Приезд Петра Феодоровича в Санкт-Петербург и спровоцированное этим событием изменение баланса сил в природе (таяние *льда* и *снега*, значимое отсутствие *ветра* и *тумана*) превращает одическую *зиму* в анонс наступающей в скором времени *весны*: *Со снегом таял купно лед / С любовью всех людей согласно; / **Казал весны приятной след**, / 60 Как ждали мы тебя всечасно* [VIII: 63, сноска *м*]. *Приятный след* вот-вот наступающей весны становится образно-мотивным предшественником развернутого описания вечной весны, традиционного изобилия и тихого благоденства в финальной части оды. *Вечная весна* становится одним из образных маркеров *золотого века*, безусловное наступление которого завершает рассмотренное нами выше *видение Девы и Отрока* в оде 1742 года: *Текут млеком и медом реки, / Собой земля плоды растит, / Златы приспели снова веки, / Из облак манна к нам росит, / Лишь Зефир веет тепл, смиренный, / Чрез плод полей благословенный. / Утих свирепый вихрь в морях, / Владеет тишина водами, / Спокойство царствует в брегах, / 110 Забавы все ликуют с нами* [VIII: 67, сноска *щ*]. Точно также как сам образ Отрока-Петра Феодоровича оказывается плотно инкорпорирован в сложный и многослойный образ Девы-Елисаветы Петровны, сопутствующая появлению молодого человека в России *весна* становится всего лишь кратким метеорологическим анонсом, являющимся своего рода намеком на последующее – изобилующее разнообразными мифологическими цитатами, аллюзиями и реминисценциями – описание наступления *золотого века*, пришедшего в Россию с восшествием на престол Елисаветы Петровны[54].

Определенные погодные условия, наряду с тем, что поэт называет *стихии* в целом, обладают в одах Ломоносова сложными коннотативными значениями, адекватная интерпретации которых зачастую предполагает необходимость реконструкции стоящего за ними более общего микро-сюжета. Описание отношений Петра Феодоровича с силами природы в оде 1742 года становятся еще одним важным приемом, при помощи которого Ломоносов придает новые оттенки смысла одическому образу наследника престола. Крайне симптоматично, что даже на описании погодных условий, сопровождающих прибытие Петра Феодоровича в Санкт-Петербург, лежит все тот же неизменный отпечаток вторичности и отсутствия имманентно присущей ему семантической ценности, что и на всех прочих риторических стратегиях, использованных Ломоносовым ранее для описания нашего героя.

[54] Ср. также: «Сюжет “победы над зимой” был одним из эмблематических лейтмотивов елизаветинского царствования» [Осповат 2007 b].

§2. Симон Тодорский, *Слово на день рождения Петра Федоровича, 10 февраля 1743 года*

Практически весь 1742 год Елисавета Петровна и ее племянник провели в Москве, в которую они вместе отправились в самом скором времени после прибытия Петра Феодоровича из Голштинии в Санкт-Петербург. Так, уже 28 февраля 1742 года произошло *благополучное восшествие* новой российской монархини *в царствующий град Москву*, а спустя два месяца после прибытия августейших особ в старшую столицу, 25 апреля 1742 года, в Успенском соборе Московского Кремля состоялся торжественный обряд *священнейшего коронования Ея Императорского Величества* [Обстоятельное описание]. Все лето и всю осень 1742 года свежекоронованная императрица и ее наследник оставались в Москве, и только лишь 20 декабря того же года, *по первому зимнему пути* [VIII: 896], Елисавета Петровна совместно с принявшим уже к тому времени православное вероисповедание и получившим официальный статус наследника российского престола Петром Феодоровичем вернулись обратно в Санкт-Петербург. Именно в Санкт-Петербурге, 10 февраля 1743 года (т.е. спустя всего полтора месяца после возвращения двора в младшую столицу), был отпразднован очередной день рождения Великого Князя, которому в этом году минуло 15 лет.

Пятнадцатилетняя годовщина стала вторым днем рождения, отмечаемым молодым человеком в России, и первым, справляемым им в официальном статусе *Его Императорского Высочества*. Ровно год назад, 10 февраля 1742 года, четырнадцатый день рождения только-только прибывшего в то время в Россию юного племянника Елисаветы Петровны отмечался в столице с определенным размахом. Проанализированная в предыдущем параграфе торжественная ода М.В. Ломоносова была не единственным панегирическим текстом, созданным в тот год по случаю дня рождения Петра Феодоровича: 10 февраля 1742 года в Санкт-Петербурге, *по всемилостивейшему повелению е. и. в. Елисаветы Петровны*, была произведена иллюминация и сожжен блестящий фейерверк, посвященные *высокоторжественному дню рождения Его Королевскаго Высочества светлейшаго князя и государя Петра владетельнаго герцога Голштейн Готторпскаго*[55] [Описание иллуминации 1742].

[55] В своих воспоминаниях Я. Штелин указывает, что «10 февраля праздновали 14-й год его <Петра Феодоровича – *М.К.*> рождения, при чем был великолепный фейерверк и иллюминация с аллегорическим намеком на число дважды семь» [Штелин: 316]. Упоминание масштабного огненного представления мы находим также и в февральской оде Ломоносова 1742 года: *Коликой славой днесь блистает / Сей град в прибытии Твоем! / Он всех веселий не вмещает / В пространном здании своем, / Но воздух наполняет плеском / **И нощи тьму отъемлет блеском**. / Ах, естьлиб ныне Россов всех / К Тебе горяща мысль открылась, / Тоб мрачна ночь от сих утех / 90 На вечной день переменилась* [VIII: 65].

В феврале 1743 года, день рождения Петра Феодоровича отмечался совершенно иначе. По утверждению С.М. Соловьева, уже в самый первый год своего царствования Елисавета Петровна столкнулась с суровыми денежными трудностями. Шла война со Швецией, и уже одно это обстоятельство само по себе серьезно подрывало и без того несбалансированный государственный бюджет:

> <...> в августе 1742 года главный комиссариат донес Сенату, что, несмотря ни на какие подтверждения как прошлогодних доимочных денег, так и за первую половину текущего года в недоборе большая сумма, так что одним полкам остзейской экспедиции не дослано более 200000.» В связи с этим, сообщает исследователь, «находясь в Сенате <в начале 1743 года, императрица – *М.К.*>, устно приказала: фейерверку быть только в день коронации, а в новый год, в день рождения, тезоименитства и восшествия на престол императрицы, также **в день рождения** и тезоименитства **герцога Голштинского быть одной иллюминации** [Соловьев, XXI, 3: 152-153[56]].

Пятнадцатый день рождения Великого Князя все-таки был отмечен. Однако, это было торжество совершенно иного рода, чем в 1742 году. 10 февраля 1743 года в придворной церкви в Санкт-Петербурге в присутствии самой Елисаветы Петровны, а также при многочисленном собрании членов Сената, Синода и просто знатных особ, учитель и духовник наследника престола малороссийский иеромонах Симон Тодорский произнес *Слово,* посвященное *высокоторжественному дню рождения Его Императорского Высочества Государя Наследника Благовернаго Великаго Князя Петра Федоровича* [Кислова 2007 а]. Предика Тодорского интереснейшим образом продолжает череду панегирических текстов, либо косвенно связанных с, либо напрямую адресованных Петру Феодоровичу в бытность его Великим Князем. Однако прежде, чем приступить к непосредственному анализу мифологем, при помощи которых Тодорский моделирует образ наследника престола в *Слове* 1743 года, напомним с каким жизненным и творческим багажом он подошел к моменту создания и произнесения этого текста.

§2.1. Симон Тодорский в 1742-1743 годах

О жизни и творчестве Симона Тодорского в 1742–1743 годах нам известно не очень много. В феврале 1743 года автору адресованной Петру Феодоровичу поздравительной проповеди шел 42-ой год. За несколько лет до того, в мае 1740 года, Тодорский принял монашеский постриг, и к моменту восшествия Елисаветы Петровны на престол в ноябре 1741 года он, сам будучи выпускником Киево-Могилянской академии, уже три года как служил ординарным профессором восточных языков в своей alma mater. В вышедшем в 1904 году в Санкт-Петербурге 18-ом томе *Русского биографического словаря* К.Я. Здравомыслов аттестует киевского

[56] Здесь и далее на протяжении всей работы в ссылках на *Историю России* С.М. Соловьева римской цифрой мы указываем том, а арабской – главу; после двоеточия мы приводим номера страниц.

преподавателя и проповедника как *одного из лучших русских богословов* начала 1740-х годов [Половцов, XVIII: 498][57]. Именно высокая профессиональная квалификация вкупе со свободным владением Тодорским немецким языком послужили основанием для того, что:

> по рекомендации митрополита Рафаила Заборовского он <Тодорский – *М.К.*> был вызван ко двору именным указом императрицы от 31 мая 1742 года и назначен законоучителем и воспитателем наследника, герцога Карла-Петера-Ульриха Шлезвиг-Голштейн-Готторпского [Кислова 2007 а: 309][58].

Как вспоминает Я. Штелин[59], в 1742 году Тодорский "занимался с ним <с Петром Феодоровичем – *М.К.*> еженедельно 4 раза по утрам Русским языком и Законом Божиим" [Штелин: 320], а в 1743 году, уже после переезда двора в Санкт-Петербург, "Русскому языку и закону Божию посвящалось всякой день по два часа, от 8 до 10, прочим предметам от 10 до 12. В[еликий] к[нязь] учился как бы играя, когда хотел" [Штелин: 321-322]. Вся остальная, доступная нам на сегодняшний день информация о деятельности Тодорского в первые два года царствования Елисаветы Петровны умещается в краткий отрывок из статьи А.Б. Шишкина:

> В 1742 Т[одорский] <...> по именному указу императрицы Елизаветы Петровны 15 июля прибыл в Москву. Он преподавал наследнику, воспитанному в лютеранской вере, православный катехизис и рус. язык. После того как вел. кн. принял православие, Т[одорский] продолжал учить его Закону Божию и стал его духовником [Словарь писателей, III: 250].

Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что вызванный ко двору в конце мая и прибывший в Москву 15 июля 1742 года бывший профессор восточных языков Киево-Могилянской академии оставался в столице со

---

[57] Ср. также: «Как **один из лучших современных русских богословов** он <Тодорский – *М.К.*> в 1742 г. избран был законоучителем для великого князя Петра Феодоровича <...>» [Половцов, XVIII: 498].

[58] Ср. также: «Находясь в этой должности, Тодорский 1740 года принял монашество, и возведенный в сан иеромонаха, держал большую инструкцию или публичное проповедание Слова Божия, чем заслужил всеобщее уважение киевлян. Слава об нем достигла до самой столицы, и когда в 1742 году призван был из Голштинии в Россию великий книязь Петр Феодорович и объявлен Наследником престола, то Симон был вызван из Киева для преподавания царственному юноше Закона Божия и православного учения Церкви» [Аскоченский: 143-144]. Мы благодарим профессора П.А. Ролланда за указание на этот источник, а также за все остальные высказанные им соображения и комментарии, во многом улучшевшие нашу работу.

[59] Я.Я. Штелин (Jacob von Stählin; 1709-1785) – "В 1735 г. [Штелин] был выписан по контракту в академию "для словесных наук и аллегорических изобретений для фейерверков, иллюминаций и медалей", в 1738 г. был сделан профессором "элоквенции и поэзии" и членом академии <...>" [Брокгауз и Эфрон]. В 1742 году Штелин был назначен на должность учителя к Петру Фёдоровичу и впоследствие неизменно, вплоть до самой смерти императора, входил в круг его доверенных лиц. Уже во время царствования Екатерины II Штелин составил *Записки* о своем бывшем подопечном, впервые изданные на русском языке в 1866 году.

своим юным подопечным и его венценосной теткой вплоть до общего возвращения двора в Санкт-Петербург накануне Рождества 1742 года. Таким образом, *Слово на день рождения Петра Федоровича* 1743 года – это первая проповедь, произнесенная иеромонахом Симоном при дворе Елисаветы Петровны после официального вступления им в должность законоучителя, воспитателя и духовника наследника престола. Кроме того, *Слово* Тодорского – это вообще самый первый панегирический текст, адресованный не Голштинскому герцогу Карлу Петеру Ульриху, а официальному наследнику российского престола, Его Императорскому Высочеству, Благоверному Великому Князю, Внуку Государя Императора Петра Великого Петру Феодоровичу.

Волею судеб текст проповеди Тодорского получил исключительно примечательную историю бытования в русской культуре. После произнесения предики в феврале 1743 года ее печатный вариант был издан типографией Академии наук в количестве 400 экземпляров[60]. В конце мая 1743 года восемнадцатистраничные брошюры с проповедью Тодорского поступили в розничную продажу по цене 6 копеек за копию [П.Б.: 260]. Однако, несмотря на достаточно большой исходный тираж, уже во второй половине XVIII века оригинальные экземпляры торжественной проповеди Тодорского превратились в библиографическую редкость, а в конце XIX века насчитывалось всего лишь несколько уцелевших экземпляров *Слова*. В 2007 году, в предисловии к републикации предики, московская исследовательница Е.И. Кислова лаконично указала на то, что «в 1898 были сведения всего о четырех сохранившихся печатных экземплярах проповеди (один из которых являлся дефектным) и двух рукописных» [Кислова 2007 а: 311]. Значительно более подробно ситуация с повсеместным отсутствием копий проповеди Тодорского была описана в 1863 году в *Библиографической заметке о похвальном слове Петру III Симона Тодорского*, напечатанной в третьем томе *Записок Императорской академии наук*. Скрывшийся за инициалами *П.Б.*[61] педантичный и скрупулезный библиограф сообщает интереснейшие, практически детективные, детали:

> В академической библиотеке **этой книги** <текста проповеди Тодорского – *М.К.*> **нет,** тогда как отдельные издания других проповедей, говоренных в первые три месяца 1743 года, до и после проповеди Симона Тодорскаго, сохранились. В Императорской Публичной Библиотеке **ея также нет**. <...> [Э]кземпляры слова Симона Тодорскаго **с течением времени истребились** <...>» [П.Б.: 258].

[60] Из этих 400 экземпляров 100 были напечатаны на александрийской бумаге, а остальные 300 на ординарной.

[61] За инициалами *П.Б.* скорее всего скрывается в данном случае экстраординарный академик Российской академии наук П.С. Билярский. См. список действующих членов Академии отделения русского языка и словесности [Личный состав: 201].

Пытаясь как-то объяснить загадочное отсутствие текста проповеди Тодорского во всех основных библиотеках страны, П.С. Билярский делает смелое, однако отнюдь не лишенное оснований, предположение:

> Принимая в соображение содержание слова, с вероятностью можно полагать, что оно подверглось такой же участи, как издание проповеди Амвросия, епископа Вологодскаго <...> на бракосочетание Анны Леопольдовны с принцем Антоном Ульрихом, 1739. Это издание, как известно, было изъято из обращения двумя указами <Елисаветы Петровны – *М.К.*> 1744 года, вследствие чего экземпляры этого издания, и даже библиографическия указания в литературе стали редки. <...> Хотя о похвальном слове Петру III <со стороны Екатерины II – *М.К.*> не было дано такого указа, как <со стороны Елисаветы Петровны – *М.К.*> относительно Амвросиева слова, но так или иначе <Екатериной – М.К.> могло быть сделано подобное распоряжение. Трудно представить, чтобы пренебрежено было столь естественное средство к уничтожению поводов к толкам, тем более, что в начале царствования Екатерины II были принимаемы меры к успокоению умов, как видно из указов в Полном Собрании Законов [П.Б.: 258-259].

Остроумная гипотеза библиографа, предположившего активное участие Екатерины Алексеевны в процессе широкомасштабного *истребления* основной массы печатных экземпляров *Слова* Тодорского, представляется нам вполне правдоподобной. Тем интереснее становится понять, что же именно такого опасного – *вызывающего*, по словам Билярского, *толки* и *будоражащего умы* – могли обнаружить современники Екатерины II в праздничной проповеди, посвященной дню рождения пятнадцатилетнего подростка и произнесенной учителем Петра Феодоровича в далеком 1743 году. Проанализируем, каким образом формируется личная мифология Петра Феодоровича в блестящей проповеди Тодорского 1743 года.

§2.2. Проповедь Тодорского: общая характеристика

Формальным риторическим поводом для развертывания цепочки дальнейших рассуждений в *Слове* Тодорского становятся *словеса царствующаго Пророка в Псалме 91 положенная*: «ПРАВЕДНИК, ЯКО ФИНИКС ПРОЦВЕТЕТ, И ЯКО КЕДР, ИЖЕ В ЛИВАНЕ, УМНОЖИТСЯ» [Кислова 2007 а: 317]. Данной цитатой из Псалтыри и открывается, и закрывается текст проповеди; кроме того, служа своеобразным рефреном и идеологическим лейтмотивом сочинения Тодорского, цитата из 91-го Псалма оказывается как частично, так и полностью многократно повторена на всем протяжении панегирика.

Картина мира, моделируемая Тодорским в его сочинении, крайне дуалистична. Наставник Петра Феодоровича сосредотачивается на описании всего двух, полярно противопоставленных в его тексте друг другу, типов людей – *праведников* и *неправедников*. Сложные перипетии длящегося *от начала бытия мира сего* напряженного противостояние первых с последними становятся основной сюжетной пружиной, обеспечивающей динамическое развитие мысли и увлекательное выстраивание аргументации основного тезиса в тексте проповеди.

С одной стороны, иеромонах развернуто рассказывает о *праведниках*, т.е. *праведных людях всякого чина и всякого достоинства: аще бы богат, аще бы убог, аще бы благороден, аще бы худороден, аще бы и царскою был венчанный диадимою* [Кислова 2007 а: 317]. Особый интерес для Тодорского представляют неожиданные повороты судьбы, а также тяжелые испытания, выпадающие на долю *праведников* именно последней категории, т.е. *царской венчанных диадимою*. Проповедник создает галерею живописных портретов *праведных*, с его точки зрения, героев и монархов. Образы *праведников* заимствуются им как из священной, так и из новейшей светской истории. Пророк Давид, Иаков, Иосиф Прекрасный, Иисус, Петр I, Елисавета Петровна, наконец сам Петр Феодорович – все эти герои безоговорочно причисляются Тодорским к группе *праведников*. С другой стороны, праведникам, а в особенности *правду любящим Монархам*, противопоставлены в проповеди Тодорского *неправедники: ябедники, оклеветающие, неправедные донощики, безсовестные представлятели* [2007: 320]. Зло в *Слове* иеромонаха Симона не персонифицируется, а скорее, напротив, обезличивается, оказываясь представленным в его тексте в основном перифрастически. Зачастую *неправедники* фигурируют в предике 1743 года под более абстрактными именами *злобы*, *неправды* или *злобствующей неправды*, сущностей, по воле автора находящихся между собой в тесных родственных отношениях (*неправда родная злобы сестра со всеми злыми ея нащадками* [Кислова 2007 а: 320]).

Именно перипетии борьбы *венценосных праведников* с принимающими разнообразные обличья *сестрами злобой и неправдой* (со всеми *злыми ея нащадками*) и составляют основной сюжет проповеди Тодорского. Нелегкая победа праведных героев и монархов над их коварными противниками, победа, одерживаемая благодаря *усердному на Бога упованию* и совершающаяся, как правило, вопреки *самым неудобнейшим и паче отчаянным ко процветению обстоятельствам*, находится в центре внимания автора на протяжении всего текста. Как сообщает он сам: «О сем будет краткое мое слово: яко неправедна злоба праведнику не одолеет, и толико паче праведник процветает: елико паче увядати, мнится» [Кислова 2007 а: 318].

Основные бинарные оппозиции (*правда* ↔ *неправда*), персонажная структура (*праведники* ↔ *неправедники*) и финал борьбы первых с последними (*неправедна злоба праведнику не одолеет, и толико паче праведник процветает*) оказываются однозначно определены Тодорским уже в самом начале его проповеди. Особый интерес, однако, представляет то, каких именно персонажей как библейской, так и светской русской истории наставник Петра Феодоровича причисляет по ходу проповеди либо к лагерю праведников, либо, соответственно, к лагерю их противников, а также каким именно образом он интегрирует образ своего подопечного в выстраиваемую им цепочку образов *праведных монархов*.

§2.3. Личная мифология Петра Феодоровича в проповеди С. Тодорского 1743 года

Генеалогическая ретроспекция как удобный педагогический прием

Первым примером, приводимым Тодорским для иллюстрации ключевого тезиса его *Слова* о неизменной победе *праведников* над *неправедниками*, становится история жизни Петра I, постоянно припоминаемая автором на протяжении всей проповеди:

> Будет же нам в особенное подтверждение истинны сея[62], по приличию настоящаго торжества, праведник самим Богом оправданный <...> во многих сердцы и очесах уже увяднути возмневшийся: но процветший преславно в вселюбезнейшей дщери своей ЕЛИСАВЕТЕ, ныне и во вселюбезнейшем внуке своем <...> ПЕТРЕ ФЕОДОРОВИЧЕ в этот день высокоторжественнаго воспоминания высочайшаго Его <...> рождения преблагоприятно паче надежды процветающий [Кислова 2007 а: 318-319].

Обратим внимание на то, что Тодорский характерным образом мотивирует свое обращение к образу Петра I самой спецификой того события, которому посвящена его проповедь. В интерпретации иеромонаха, именно *приличие настоящаго торжества* требует от него введения темы жизни и подвигов Петра I в качестве наиболее подходящего и соответствующего случаю зачина для поздравления Петра Феодоровича с очередным днем рождения. Неслучайность, а, напротив, высокую степень отрефлексированности собственной позиции по этому вопросу Тодорский демонстрирует несколько позже, уже более подробно разъясняя слушателям, а впоследствии и читателям его *Слова*, настоящие причины столь решительного переноса авторского внимания с непосредственного виновника торжества на жизнь и подвиги его героического предка:

> Что бо имать полезнейшее быти высоким лицам, крове Императорской, детям и наследникам праведничьим паче сего: еже в день рождения своего нетокмо сие воспоминати, о сем радоватися, за сие Богу благодарити: яко на свет родилися. Но и сие воспоминать: **от кого родилися? кому последовать? кому подражати должны суть все время жизни своея.** Еже бо токмо родитися всем нам общее есть, все обще раждаемся. А еже от таковых родителей родитися: сих единых собственное есть, имже Бог по неиспытанным своим судьбам преславных, прехрабрых, пресветлых, праведных определил родителей [Кислова 2007 а: 321].

Т.е. отвечать на вопрос о том: *кто такой именинник*? Тодорский предпочитает путем генеалогической ретроспекции и анализа того, от кого этот именинник родился. Вопрос *это день рождения кого*? проповедник довольно остроумно трансформирует в, а отчасти и подменяет рассуждением на тему: *это день рождения* ***от кого***?

---

[62] Под *истиной сей* Тодорский подразумевает сказанные им ранее слова о том, что «неправедна злоба праведнику не одолеет, и толико паче праведник процветает: елико паче увядати, мнится» [Кислова 2007 а: 318].

Подобного рода пустота, несамостоятельность и вторичность образа Петра Феодоровича, выражающаяся в смещении фокуса внимания с психологической (или какой бы то ни было иной) характеристики наследника престола на нюансы его генеалогической принадлежности, уже была зафиксирована нами ранее при анализе февральской оды Ломоносова 1742 года. Как мы помним, отмечая 14-ый день рождения Петра Феодоровича, Ломоносов делегировал Елисавете Петровне способность видеть в лице племянника образ ее старшей сестры, *любезной Анны,* а также черты ее возродившегося наподобие *феникс*а отца Петра Великого. В ломоносовской оде 1742 года образ Петра Феодоровича оказывался подобен пустому сосуду, аккуратно заполняемому Ломоносовым смешанными в разных пропорциях образами его предков, каждый из которых привносил собственный богатый мифологический потенциал в то сложносоставное сюжетно-тематическое соединение, которое с самого начала стал представлять собой образ молодого человека в русской панегирической традиции. Риторические приемы моделирования образа наследника престола в проповеди Тодорского 1743 года на первый взгляд очень похожи на те, что были описаны нами при анализе оды Ломоносова 1742 года. Однако, в *Слове* Симона мы тем не менее наблюдаем несколько отличные от ломоносовских принципы работы с материалом, а также отчетливо иные механизмы соотнесения образа Петра Феодоровича с образом его деда.

Во-первых, Тодорский эксплицитно указывает на высокую степень прагматической утилитарности, обусловленной прикладной педагогической эффективностью темы Петра I в *Слове,* адресованном будущему наследнику российской короны. По его словам, *крове Императорской детям* и *наследникам праведничьим* не только необходимо, но и в высшей степени полезно (*что бо имать полезнейшее...*) сохранять память о собственном происхождении. Постоянное осознание и мысленная сосредоточенность августейших особ на значимых нюансах собственного родословного древа должны, по мнению Тодорского, автоматически коррелировать с реальной жизнью. По предположению проповедника, обретение Петром Феодоровичем ролевой модели в образе Петра I, по всей видимости, должно было стимулировать глубокие и долгосрочные перемены в выборе поведенческих тактик и стратегий его подопечного (*сие воспоминать: от кого родилися? **кому последовать? кому подражати должны** суть все время жизни своея*). В этом смысле образ Петра I в *Слове* Тодорского существенно отличается от перегруженного мифологическими коннотациями ломоносовского *феникса*, таинственно и абсолютно вне зависимости от воли самого Петра Феодоровича воплотившегося в своем внуке в соответствии с определенными закономерностями как общего мирового, так и, в частности, исторического порядка. В проповеди иеромонаха Симона Петр I – это, прежде всего, достойный и удобный образец для подражания, на который мудрый учитель настойчиво (однако, ненавязчиво) указывает своему юному, переживающему сложный и

переломный период самоидентификации ученику в надежде задать идеологически верное и исторически оправданное направление его будущего внутреннего развития.

Во-вторых, в *Слове* Тодорского используется принципиально отличная от использованной в ломоносовской оде 1742 года метафора, при помощи которой устанавливаются глубинные связи между образом Петра I и его внука. В прошлогоднем панегирике Ломоносова подобным, цементирующим связь двух Петров, магистральным метафорическим образом было *возрождение феникса*. Год спустя, Тодорский любопытнейшим образом подхватывает яркое и необычное звуковое оформление ломоносовского сравнения (*феникс* → *финикс*), однако при этом наделяет его совершенно иным, качественно отличным от ломоносовского, содержанием.

Растительная метафорика: претексты и потенциальные значения

Как мы уже упоминали, проповедь Тодорского была произнесена на слова, выбранные из 91-го псалма пророка Давида: *Праведник, яко финикс процветет, и яко кедр, иже в Ливане, умножится*. Растительная метафорика (*финикс, кедр*), заданная открывающей *Слово* выдержкой из Священного Писания, пронизывает предику Тодорского насквозь. Именно ею в значительной степени определяются те специфические семантические характеристики, которыми учитель Петра Феодоровича наделяет образ своего подопечного в проповеди, посвященной его пятнадцатилетию.

Оригинально переосмысляя концепт генеалогического древа, Тодорский в большом объеме вводит и широко использует в своей проповеди мотивы *семени* и *сеяния, корней* и особенно *искоренения, ветвей* и *цветов, прозябения, увядания* и более всего *процветания* в России *дерева* Петра I. Образу каждого из членов императорской фамилии, так или иначе релевантных для дальнейшего построения его риторической аргументации, наставник Петра Феодоровича приписывает свою роль и свой статус в разворачивающемся в его проповеди ботаническом изобилии. Так, например, сам Петр I уподобляется в проповеди Тодорского «финиксу, древу финиковому, которое всегда зеленеет, назнаменуя: яко ПРАВЕДНИК <...> никогдаже не увяднет, но ЯКО ФИНИКС ПРОЦВЕТЕТ, И ЯКО КЕДР, ИЖЕ В ЛИВАНЕ, и посреде громов, и посреде молний неподвижный, распространяя ветви своя УМНОЖИТСЯ» [Кислова 2007 а: 328]. В свою очередь, Елисавета Петровна и в особенности Петр Феодорович сравниваются Тодорским с *семенем,* высеянным Петром I в России[63], а также с *ветвями, прозябающих* в российском государстве от ствола символического Петровского *древа*:

[63] Ср. также: «И се то пришло было тебе Россие по имени твоему едва неразсеянная и **невысеянная** крайнее разорение» [Кислова 2007 а: 324].

> [л]ет есть рещи в высокоторжественный день сей, в день рождения Внука Его, Его Императорскаго Высочества: ово да прославится праведник в **дражайшей** сей **ветве** своей яко финикс процветающий. Ово же да возрадуется и **ветвь** в день рождения своего, ведая от коего и каковаго праведника правду любящего Монарха **прозябла есть** <...> [Кислова 2007 a: 321].

Кроме того непосредственно Петр Феодорович описывается его учителем как *цвет, процветший* на этих символических ветвях:

> Смотри <Россие – *М.К.*>, как дивно и коль красно **процветает** праведный твой Монарх ПЕТР Первый, в ПЕТРЕ внуке своем! <...> не ПЕТРОВОЙ ли се **цвет**, не Перьваго ли се ПЕТРА остроумие, в Его Высочестве **процветает**. <...> не Петров ли се **цвет**, не Перьваго ли се ПЕТРА искусство в Его Высочестве **процветает**. <...> не высокая ли се ПЕТРА Великаго мысль в Его Высочестве **прозябшая** [Кислова 2007 a: 325-326].

Вопрос о происхождении и функциях растительной метафорики в проповеди Тодорского уже по крайней мере однажды становился предметом исследовательской рефлексии. В статье *Светская литература и культура в проповедях Симона Тодорского* Е.И. Кислова сделала попытку проанализировать использование образов *кедра* и *пальмы* в рассматриваемом нами тексте. Исследовательница привела многочисленные примеры употребления данных образов в качестве знаков не церковной, а, напротив, светской символики в текстах, созданных в течение самого первого года царствования Елисаветы Петровны. В частности, Е.И. Кислова указала на то, что, во-первых, «[п]альмы регулярно использовались при оформлении праздников, связанных с наследником <т.е. с Петром Феодоровичем – *М.К.*>, например, иллюминации и фейерверка по поводу дня рождения наследника в 1742 г.»[64]. Во-вторых, по свидетельству молодого ученого, «[к]едр <...> фигурировал, например, при оформлении фейерверка и иллюминации в зимнем дворце на Яузе после коронации <Елисаветы Петровны – *М.К.*> в 1742 г. <...>»[65]. Наконец, как отмечает автор статьи, образ *пальмы* активно эксплуатировался создателями триумфальных ворот, воздвигнутых в Санкт-Петербурге над Мойкой по

[64] Е.И. Кислова приводит следующий пример из оформления этой иллюминации и фейерверка 1742 года: «По сторонам видны аллеи и <sic!> зеленых пальмовых деревьев, у которых вершины соединяются таким образом, бутто бы оныя аллеи из многих зеленеющих и нарочно в знак чести устроенных ворот состояли, причем на передних воротах, или над входами в оныя аллеи, употреблены вместо гзымзов герцогския шапки. <...> В протчем изображено над дверьми сего удевительнаго дому имя Его Королевскаго Высочества, украшенное по сторонам пальмовыми ветьвями, на самой вершине поставлена герцогская шапка...» Цит. по [Кислова 2007 b: 122-123].

[65] Е.И. Кислова приводит следующий пример из оформления этой иллюминации и фейерверка 1742 года: «[П]редставляет сия иллуминация великую область, которая значит Российскую империю. В середине оной оказывается высокая каменистая гора, на которой по обеим сторонам при всходах стоят кедры <...>. Два самые верьхние кедра соединяются вершинами своими наподобие зеленаго свода, под которым верьх горы показывается так как из камня высеченой монумент с именем Ея Императорскаго Величества под короною <...>» Цит. по [Кислова 2007 b: 122].

поводу возвращения императрицы в младшую столицу в декабре 1742 года[66] [Кислова 2007 b: 122[67]]. На основании компаративного анализа использования образов *кедра* и *пальмы* в проповеди Тодорского, с одной стороны, а также эксплуатации их семантического потенциала в качестве знаков, принадлежащих иному контекстуальному ряду, с другой, в заключении своей работы Е.И. Кислова приходит к выводу о том, что «проповедь <Тодорского – *М.К.*> на известный стих Псалтыри внешне остается в рамках собственно духовной литературы, однако в тоже время соотносится со светской придворной символикой, связанной с фигурой наследника, поддерживает ее отсылкой к тексту Св. Писания» [Кислова 2007 b: 124].

По нашему мнению, приводимые Е.И. Кисловой примеры использования образов *кедра* и *пальмы* в панегирических текстах 1742 года очень ценны сами по себе, однако остро нуждаются в более развернутых и концептуально осмысленных комментариях. При этом заключительный тезис московской исследовательницы, кратко резюмирующий принцип соотношения топики проповеди Тодорского со светской придворной символикой, требует серьезного и основательного уточнения.

Е.И. Кислова упускает из поля зрения по крайней мере два крайне существенных обстоятельства. Во-первых, от внимания исследователя совершенно ускользают семантические нюансы использования растительной метафорики в текстах, формирующих образ Елисаветы Петровны, с одной стороны, и Петра Феодоровича, с другой. Е.И. Кислова оставляет без внимания то обстоятельство, что большинство приводимых ею примеров – *кедры* в фейерверке, посвященном коронации императрицы, а также *пальмы,* присутствовавшие в оформлении триумфальных ворот в Санкт-Петербурге, – тесно связаны с личной мифологией самой императрицы, а вовсе не ее племянника.

Во-вторых, единственный пример функционирования образа *пальмы* в светском тексте, действительно активно использовавшемся в процессе формирования официального образа именно наследника престола, т.е. в фейерверке на день рождения Петра Феодоровича 1742 года, получает в статье Е.И. Кисловой несколько искаженную интерпретацию. Исследовательница совершенно справедливо указывает на то, что в огненном представлении, посвященном четырнадцатилетию Петра

[66] Е.И. Кислова приводит следующий пример из оформления Триумфальных ворот 1742 года: «Пальма, которую давит тяжелая корона, подпись ALTIUS ERIGIT, то есть Выше подымает. Сие известно, что пальма кверьху подымается, когда на нее какая нибудь тягость положена бывает. Таким образом, Ея императорское величество, чем больше трудов и тягостей после принятия престола имеет, тем больше прославляет себя <...>» Цит. по [Кислова 2007 b: 122].

[67] См. также перепечатку этой статьи под другим названием в сборнике *Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв.* [Кислова 2010].

Феодоровича, фигурировали *аллеи и[з] зеленых пальмовых деревьев*; *пальмовое дерево,* имевшее *при корени щит с вензеловым именем его императорскаго величества блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго, а в верьху между вновь произрастшими ветвями щит с именем Его Королевкаго Высочества Петра Светлейшаго Герцога Голштинскаго*; а также *пальмовые ветви*, украшавшие изображение имени Петра Феодоровича *над дверьми сего удивительнаго дому* [Кислова 2007 b: 123]. Все это растительное изобилие заставляет Е.И. Кислову рассматривать фейерверк 1742 года в качестве прямого претекста, якобы непосредственно обусловившего появление растительной метафорики в проповеди Тодорского 1743 года. Как пишет исследователь: «В феврале 1742 г. Тодорский находился в Киеве, однако изданное «Описание иллуминации и фейерверка ... в высокоторжественный день рождения ... Петра ... 10 февраля 1742 года» было ему, очевидно, знакомо: метафора процветающей ветви от корня Петра Великого фигурирует как в описании, так и в проповеди <...>» [Кислова 2007 b: 123].

На наш взгляд, нюансы перемещения иеромонаха Симона из Киева в Москву и затем в Санкт-Петербург, а также его гипотетическое знакомство с *Описанием иллуминации* 1742 года играют разве что эпизодическую роль и имеют самое минимальное значение для адекватного понимания образов *кедра* и *пальмы* в проповеди Тодорского 1743 года. Намного важнее иметь в виду, что уже многократно упоминавшаяся нами выше цитата из 91-го псалма царя Давида, генерирующая первоначальный семантический импульс дальнейшего широкомасштабного развертывания растительной метафорики в проповеди Тодорского, имеет очень сильные и устойчивые традиционные пасхальные коннотации. Так, например, ее фрагмент используется в 6-ом кондаке *Акафиста в неделю Ваий:*

> И глаголаху друг ко другу: чесо ждем и не исходим на сретение Сыну Давидову с ваиами от финик, да исполнится Писание: “взыду на финик. удержу ветви его”, зане Той есть **финик правды**, о Нем же рече Давид: “**Праведник, яко финикс процветет**”. Сего ради с ветвьми воспеваху первое Тебе народи: Осанна, обаче послежде с дреколми изыдоша на Тя, яко на разбойника, не ведуще пети: Аллилуиа [Акафист в неделю Ваий].

В гомелетической традиции интересующая нас выдержка из песни царя Давида также использовалась именно в пасхальных проповедях. Например, в проповеди *Dominica Palmarum* (*В неделю ваий*) Г. Бужинского 1727 года читаем:

> Не от лозы и вербы Христос ваиа требует, но от кого? От нас самих. Обретаем во многих местах, что **человек уподобляется древу: праведник яко финик процветает**, а и ныне Христа стретающие финиковыя ветвия носят: прияша ваиа от финик и изыдоша в стретение ему. <...> такожде и **Давид человека, хранящего заповеди божия, древу доброму и плодоносному уподобляет** <...> [Бужинский 1901: 664].

Как мы видим, образ *пальмы*, связанный именно с 91-ым Псалмом, исключительно естественным и органическим образом занимает свое место в праздничной пасхальной символике. Этого нельзя сказать о соседствующем с ним в давидовом псалме образе *кедра*, обширный семантический потенциал которого оказывается совершенно не востребован в традиционной пасхальной топике и метафорике. Однако, нам важно помнить, что вся 13-ая строка 91-го псалма, инкорпорирующая оба эти образа (и *пальмы*, и *кедра*), начинает исключительно активно вводиться в гомелетическую практику буквально с самых первых дней восшествия Елисаветы Петровны на престол.

Начиная с осени 1741 года, как московские, так и санкт-петербургские придворные проповедники охотно употребляют интересующую нас цитату из Священного Писания в проповедях и похвальных словах, адресованных и посвященных новой императрице. Так, например, в проповеди Кирилла Флоринского, архимандрита Иконоспасского, произнесенной им в Москве, в Успенском соборе, 18 декабря 1741 года (т.е. буквально через несколько недель после совершенного Елисаветой Петровной государственного переворота) и посвященной *высокоторжественному дню рождения* новой императрицы, мы уже наблюдаем прямое и непосредственное использование выдержки из 91-го псалма:

> Чесо ради, блажен муж, по описи Давыдовой, будет яко древо насажденное при исходщих вод, еже плод свой дает во время свое и лист его неотпадает <...> **праведник яко финик процветает, яко кедр, иже в Ливане** (Пс. 91). <...> Нечестивый не тако: "но буде яко прах, его же возметает ветр от лица земли" (Пс. 36). Аще бо иногда видим нечестива превозносящася, и высящася, **яко кедры ливанские**, но мгновении ока, таков исчезает; коего и мимо идя, се уже видим, яко несть не точию сам, но взыскующим не обретется к тому и место его. О пречудный живописче Давиде!.. О коль красивый образ! Воистинну бо жива изобразил еси праведна и нечестива [Флоринский][68].

Кроме прямой цитаты из песни царя Давида, в *Слове* ректора словено-греко-латинской академии [Рачинский: 454] присутствуют и широко эксплуатируются многочисленные – как уже знакомые нам по проповеди Тодорского, так и совершенно уникальные и оригинальные – растительные образы и мотивы. В частности, одним из магистральных образов предики Флоринского становится образ *семени Петрова*, первоначально уподобляемый проповедником евангельскому *зерну горушну*, однако впоследствии трансформируемый им в *благосеннолиственное древо*, а именно, что примечательно, в *пальму*:

> О пречудна вещь! возрасте **семя петрово**, подобно зерну горушну евангельскому, под его же ветвями нам, Россиянам отраду и прохлаждение давно надлежало было прияти; но мы, отягченныя всеми наругательствы <...> **благосеннолиственного**

[68] О данной проповеди К. Флоринского см. также [Соловьев, XXI, 2: 149-150].

сего не видехом **древа**. Уже **пальма сия отягчевшеся**, и листвия горе смотряща низу ниспущающе.

Древо сие не всяко плотоядные, но человекоядцы птицы, Остерман и Миних с своим стадищем начали было, чрез двонадесятолетие обезпокоивавшие, сещи и терзати; обаче мы дремлюще не видехом, ниже чувствовахом, донележе само сие **сильное семя** нас не пригласи спящих: доколе дремлете; доколе страждати имате; **под сению и листвием моим** бедами изможденные препокойтеся россиаяны. И мене весте, кто есмь, и отца, его же сами Отцем Отечествия нарекосте [Флоринский].

Четыре месяца спустя после произнесения К. Флоринским его похвального *Слова*, типологически схожая метафорика, включающая в себя сравнения как с *кедром ливанским,* так и с *древом финиковым* была использована в проповеди Петра (Павла) Гребневского, произнесенной им в придворной церкви в Санкт-Петербурге 25 апреля 1742 года, т.е. именно в тот день, когда в Москве совершался обряд коронования Елисаветы Петровны. В обзорной статье Н. Попова *Придворныя проповеди в царствование Елисаветы Петровны* мы, в частности, находим следующее указание:

<...> *Петр Гребневский*, называя врагов Елисаветы гробами повапленными, яблоками содомстими, лисами прехитрыми, ковчегами позлащенными, квас фарисейский в себе содержащими; о самой Елисавете проповедник выражается в таких словах: «она едина аки солнце, которое темными облаками окружаемо бывает, но не помрачается. Она едина, аки корабль, который волнами обуреваем бывает, но не погружается; но паче от всех возносится. Она едина **аки кедр ливанский**, который ветром не крушится, но паче крепчайший от того бывает. Она едина, **аки древо финиково**, которое от тяжести не ломится, но паче процветает[69]. Она едина, аки адамант претвердый, ни чем сокрушитися могущий» [Попов: 15-16].

Приведенные выше примеры заставляют нас существенно скорректировать предлагаемый Е.И. Кисловой тезис о динамике взаимодействия образов *пальмы* и *кедра* из проповеди Тодорского с растительной символикой, использовавшейся в оформлении фейерверков и триумфальных ворот в 1742 году. Как мы помним, московская исследовательница настаивала на том, что «проповедь [Тодорского] <...> соотносится со светской придворной символикой, связанной с фигурой наследника» и, в свою очередь, «поддерживает ее отсылкой к тексту Св. Писания» [Кислова 2007 b: 122-124]. Однако, на наш взгляд, в данном случае мы наблюдаем принципиально иные как иерархию, так и механизм взаимодействия контекстуальных рядов.

Сразу же после восшествия Елисаветы Петровны на престол в придворных проповедях, порядок и частота произнесения которых были регламентированы специальным именным указом ее императорского

[69] Обратим внимание, что при оформлении триумфальных ворот в Санкт-Петербурге в декабре 1742 года образ *пальмы* получил примечательно схожую с предложенной Гребневским интерпретацию.

величества[70], начинает формироваться личная мифология и "сценарий власти" новой российской императрицы. Отдельные пасхальные образы и мотивы, инкорпорированные, как правило, в более общий сюжет прибытия *спасителя*, с самого начала становятся важной составной частью официального образа дочери Петра I. В свою очередь, растительная метафорика (в частности образы *семени*, *дерева*, *пальмы,* а затем и *кедра*), изначально, видимо, тесно связанная с постепенно интернализировавшимся официальной идеологией пасхальным сюжетом, в определенный момент отделяется от своего первоначального источника и стараниями придворных проповедников обретает вполне автономное значение и самостоятельную функцию в процессе конструирования уникального образа и личной мифологии новой российской монархини. Светская символика фейерверков и других прикладных панегирических текстов, со своей стороны, вплотную следует за и оказывается непосредственно обусловлена той символической образностью (теми растительными сравнениями, иносказаниями и интерпретациями), которую используют в своих сочинениях для описания личности Елисаветы Петровны люди подобные Кириллу Флоринскому и Петру (Павлу) Гребневскому.

В этом контексте принципиально важное значение получает тот факт, что проповедь Симона Тодорского 1743 года, со всем ее изобилием чисто елисаветинских растительных образов и мотивов, оказывается посвящена вовсе не самой Елисавете Петровне, а ее племяннику. В цитированной нами выше статье Е.И. Кислова исходит из спорного предположения о том, что к моменту написания рассматриваемой нами февральской проповеди Тодорского «светская придворная символика, связанная с фигурой наследника» уже как бы окончательно сформировалась и определилась, а сочинение наставника Петра Феодоровича только лишь «поддерживает ее <придворную символику – *М.К.*> отсылкой к тексту Св. Писания». На наш взгляд, подобная точка зрения является в корне ошибочной.

Мы можем в некотором смысле согласиться, что к февралю 1743 года уже действительно отчасти выкристаллизовалась личная мифология Елисаветы Петровны. Однако, по целому ряду причин официальный образ самого Петра Феодоровича находился в это время еще только лишь в самом начале своего формирования и к моменту создания проповеди Тодорского обладал значительно меньшей законченностью и определенностью. Соответственно, *Слово* иеромонаха Симона не столько *соотносится* с уже существующей придворной символикой, связанной с фигурой наследника (и уж тем более никак не *поддерживает* эту самую несуществующую символику отсылкой к Священному Писанию), сколько на самом деле создает ее hic et nunc, используя в качестве исходного материала отдельные

[70] На это указывает Е.И. Кислова в предисловии к публикации проповеди Тодорского 1743 года: «проповеди произносились по праздникам и воскресным дням, этот порядок был закреплен специальным указом» [Кислова 2007 а: 308].

темы, образы и мотивы из относительно богатой уже к тому времени личной мифологии Елисаветы Петровны. Таким образом, в своей проповеди Тодорский предпринимает идеологически новаторскую – и, как показало время, вполне успешную – попытку органично инкорпорировать образ своего юного ученика в личную мифологию его августейшей тетки. Растительная метафорика оказывается особенно удобным и в высшей степени подходящим для этих целей риторическим средством.

Схожую динамику формирования образа Петра Феодоровича мы уже наблюдали на примере оды Ломоносова 1742 года. Предшествующее царствование Анны Леопольдовны и Иоанна Антоновича задало определенную инерцию описания пары *могущественная женщина + молодой наследник короны мужского пола*. Миф об Астрее прекрасно соответствовал реальным обстоятельствам правления Иоанна III, de facto осуществлявшегося его занимавшей место регентши матерью. После восшествия на престол в ноябре 1741 года Елисавета Петровна унаследовала от Анны Леопольдовны миф об Астрее в качестве существенного компонента своей личной мифологии. В таких обстоятельствах каменщикам придворного идеологического строительства не оставалось ничего иного, как только втиснуть образ Петра Феодоровича в рамки заранее заданного мифологического сюжета, несмотря и даже в некотором смысле вопреки его реальному возрасту, а также совершенно без учета специфики родственных отношений молодого человека с новой императрицей.

В 1743 году Тодорский выбирает намного более функциональный, гибкий и пластичный мифологический сюжет, в общем и целом идеально подходящий для органической имплантации образа Петра Феодоровича в смысловую сферу личной мифологии его тетки. Выбранная Симоном в качестве основного риторического средства растительная топика и метафорика исключительно удачно адаптировалась под идеологические и мифологические нужды опекаемого им наследника российского престола, не предъявляя, с одной стороны, никаких особенных требований к личным характеристикам Великого Князя, а, с другой стороны, крайне удачно акцентируя внимание слушателей и читателей *Слова* на без преувеличения самой сильной и идеологически выгодной положительной черте наследника, т.е. на его происхождении.

Петр I как Геркулес: *возрем в древныя, вникнем и в новейшия истории*

Примерно в середине проповеди, описывая ключевые моменты жизни и перечисляя основные подвиги героического деда своего подопечного, Тодорский использует один примечательный античный сюжет[71], а именно – историю победы младенца-Геркулеса над двумя змеями:

[71] Как справедливо отмечает Е.И. Кислова, «[а]нтичные сюжеты допускались в проповеди и как признак образованности проповедника, и как элемент придворной культуры, что вело к регулярному их использованию проповедниками» [Кислова 2007 b: 116].

> Баснословят язычники: аки бы храбрый их Геркулес в самом отрочестве своем еще в люльки с змиями брался. А сей блаженный Монарх кроме всякаго баснословия в самых своих отроческих летах, с страшными сими ехиднами, яже суть злоба и неправда, жестокую брань творил, ниже от брани престал, донележи Богу праведника своего защищающу, сокрушил главы ехиднам сим, восторжествовал над всеми злобы и неправды придержащимися, торжеством праведнику обещанным. О чем всем подробну глаголати, за краткость времени и за скудость довольнаго к сему слова негодствует [Кислова 2007 а: 322].

В этом отрывке текст Тодорского крайне любопытным образом осциллирует между двумя, активно использовавшимися в личной мифологии Петра I, античными сюжетами: удушением младенцем-Геркулесом змей, посланных в его колыбель коварной Юноной, с одной стороны, а также произошедшей много позже победой того же самого героя над Лернейской гидрой, с другой.

Классическое описание битвы младенца-Геракла со змеями дал Пиндар в *Оде первой Эпиникиев Немейских*: τοὶ μὲν οἰχθεισᾶν πυλᾶν / ἐς θαλάμου μυχὸν εὐρὺν ἔβαν, τέκνοισιν ὠκείας γνάθους / ἀμφελίξασθαι μεμαῶτες: ὁ δ' ὀρθὸν μὲν ἄντεινεν κάρα, πειρᾶτο δὲ πρῶτον μάχας, / δισσαῖσι δοιοὺς αὐχένων / μάρψαις ἀφύκτοις χερσὶν ἑαῖς ὄφιας: / **ἀγχομένοις δὲ χρόνος** / [70] **ψυχὰς ἀπέπνευσεν** μελέων ἀφάτων[72] [Pindar]. Согласно изложенной Пиндаром, а также многократно повторенной более поздними авторами, версии мифа, находящийся еще в колыбели младенец-Геракл вступил в битву со змеями и, сжав их шеи своими не по-детски сильными руками, *удушил* обоих чудовищ, лишив дыхания и жизни их безобразные тела. Традиционное описание победы младенца-героя над двумя чудовищами довольно плохо согласуется с предлагаемым Тодорским описанием победы Петра I над его врагами. Во-первых, образ античных *змей* Тодорский превращает в образ страшных *ехидн*, угрожающих государю-отроку. Во-вторых, в пересказе проповедника сюжет *удушения змей* младенцем-Гераклом трансформируется в сюжет *отрубания голов*. Возникает довольно любопытная ситуация: начав сравнение Петра I с Геркулесом с одного античного сюжета (*храбрый Геркулес в самом отрочестве своем в люльки с змиями брался*), Тодорский заканчивает это яркое сопоставление припоминанием совершенно другой истории (*Петр I сокрушил главы ехиднам сим*).

Синтагматическая комбинация "образ *ехидн* и мотив *отрубания голов*" с очевидностью указывает на то, что, детализируя и углубляя сравнение Петра I с Геркулесом, Тодорский переключается на краткий пересказ второго подвига античного героя, т.е. его победы над Лернейской Гидрой. Второе имя Лернейской Гидры – это именно Лернейская *Ехидна*,

---

[72] Перевод М.Л. Гаспарова: *Сквозь разъятые двери / В недра просторного покоя скользнули они / 70 Стиснуть младенцев быстрыми челюстями. / Но он поднял голову им навстречу, / Он простер неодолимые руки к первому бою, // 3а: Сжал шеи обеих змей / И* ***долгим удушьем*** */ 75 Выдохнул жизнь из несказуемых тел* [Пиндар].

которую, как мы узнаем из IX книги *Метаморфоз* Овидия, Геркулес победил уже не удушением, а как раз через приписываемое Тодорским Петру I *сокрушение голов*: *"cunarum labor est angues superare mearum," / dixit "et ut vincas alios, Acheloe, dracones, / pars quota Lernaeae serpens eris unus echidnae? / 70 vulneribus fecunda suis erat illa, nec ullum / de centum numero caput est inpune recisum, / quin gemino cervix herede valentior esset. / hanc ego ramosam natis* ***e caede*** *colubris / crescentemque malo domui, domitamque recluse*[73] [Ovidius: Liber IX].

С одной стороны, яркий мотив *срубания голов*, использованный Тодорским, исключительно гармонично согласуется со скандально-известным фактом личного участия Петра I в жесточайшем подавлении стрелецкого бунта 1698 года:

> 30 сентября <1698 года – *М.К.*> была первая казнь: стрельцов, числом 201 человек, повезли из Преображенского в телегах к Покровским воротам; в каждой телеге сидело по двое и держали в руке по зажженной свече; за телегами бежали жены, матери, дети со страшными криками. У Покровских ворот в присутствии самого царя прочитана была сказка: <...>. По прочтении сказки осужденных развезли вершить на указные места; но пятерым, сказано в деле, отсечены головы в Преображенском; свидетели достоверные объясняют нам эту странность: **сам Петр собственноручно отрубил головы этим пятерым стрельцам** [Соловьев, XIV, 3: 571][74].

С другой стороны, непосредственно сам сюжет победы Геркулеса над многоголовой Лернейской Гидрой являлся одним из наиболее устойчивых в личной мифологии Петра I. В частности, именно таким образом довольно часто описывалась победа Петра I над Карлом XII в Полтавском сражении. Например, вот как выглядел фрагмент колоссальных Триумфальных ворот, сооруженных в 1709 году в Москве по поводу прибытия в нее императора-победителя:

> По другую [сторону] изображался в спокойном виде *Геркулес*, держащий в одной руке палицу свою, в другой корону Российскою; пред ним представлялась

---

[73] В переводе С.В. Шервинского: *Молвив: «Змей укрощать, - то подвиг моей колыбели! / Если драконов других победить, Ахелой, ты и можешь, / Все ж не ничтожная ль часть ты, змей, Лернейской Ехидны? / 70 Та размножалась от ран; из сотни голов ни единой/ Было нельзя у нее безнаказанно* ***срезать****, чтоб тотчас, / Две обретя головы, ее выя не стала сильнее; / Отпрыски новых гадюк появлялись в погибели, убыль / Впрок ей была, я ее одолел и пленил, одолевши* [Овидий, Книга IX].

[74] См. также далее: «11 октября новые казни: вершено 144 человека, на другой день — 205, на третий — 141, семнадцатого октября — 109, осьмнадцатого — 63, девятнадцатого — 106, двадцать первого — 2. <...> В Преображенском происходили кровавые упражнения; здесь 17 октября **приближенные царя рубили головы стрельцам**: князь Ромодановский отсек четыре головы; Голицын, по неуменью рубить, увеличил муки доставшегося ему несчастного; любимец Петра Алексашка (Меншиков) хвалился, что обезглавил 20 человек; полковник Преображенского полка Блюмберг и Лефорт отказались от упражнений, говоря, что в их землях этого не водится. Петр смотрел на зрелище, сидя на лошади, и сердился, что некоторые бояре принимались за дело трепетными руками» [Соловьев, XIV, 3: 571-572].

> **отраждающаяся непрестанно *гидра***, на которую взирает он с презрительным уверением о победе своей над оною [Голиков: 354].

Кроме того, именно Геркулеса, побеждающего Гидру, сам Петр I планировал поставить на месте центрального фонтана в Петергофском дворце. Уже после смерти первого российского императора созданный им проект был изменен Б.Ф. Растрелли в пользу изображения Самсона, раздирающего пасть льву. В этой перспективе своеобразная "оговорка" Тодорского, который, делая попытку описать первого российского императора сквозь призму античной мифологии, как бы помимо собственной воли переключается на рассказ о *сокрушении голов ехиднам сим,* представляется нам совершенно неудивительной, а, напротив, вполне закономерной.

Однако, как мы помним, эксплицитно Тодорский основывает свое сравнение Петра I с Геркулесом на другом античном сюжете, а именно на борьбе и удивительной победе младенца-героя над двумя огромными змеями. И тут нам важно обратить внимание на то, что, обращаясь в первую очередь к Петру Феодоровичу, Тодорский начинает свой рассказ о его великом деде с описания именно ранних годов царствования *сего правду возлюбившего Монарха*: «<...> Геркулес **в самом отрочестве своем** <...>. А сей блаженный Монарх <...> **в самых своих отроческих летах** с страшными сими ехиднами <...> жестокую брань творил». Педалируемый Тодорским мотив *юности* Петра I явно вводится проповедником для обеспечения как можно большей степени соотнесенности образов Петра I и Петра Феодоровича, и, таким образом, для облегчения своему подопечному задачи идентификации собственного образа с образом его великого деда, и, следовательно, дешифровки того внетекстового сообщения, которое явно вкладывалось автором в приведенные выше слова.

В частности дело заключалось в том, что к 1743 году сюжет *борьбы младенца-Геркулеса со змеями* уже имел свою, довольно определенную, традицию использования как в панегирической литературе, так и в придворной культуре вообще. Именно таким образом зачастую описывались переполненные драматическими событиями детские годы Петра I. Например, вот как был изображен ранний этап жизни первого российского императора при оформлении все тех же выдающихся Триумфальных ворот, сооруженных в Москве зимой 1709 года:

> Весь храм сей украшен между колонн картинами, представляющими в эмблеммах всю Историю Монарха, от самого юношества уподобляющими его **Геркулесу, от самыя-же юности напаствуемому от злобной *Юноны***. На первой картине, сей древности ирой представлен в осмимесячном младенчестве своем **растерзывающий двух змиев, насланных на погубление его *Юноною***, и злобная богиня сия, вверху картины изображенная, от ярости грызет персты свои; <...> Эмблеммою сею означаются в самом детстве его **воздвигнутые *Юноною* Российскою (Царевною *Софиею*)** бунты, устремленные на жизнь младого Государя <...> [Голиков: 342].

Кроме того Г.О. Винокур в своей работе *Русский литературный язык в первой половине XVIII века* цитирует характерный отрывок из похвального слова Гавриила Бужинского:

> Например, Гавриил Бужинский, **уподобляя царевну Софью Гере**, **а Петра - Гераклу**, в своем панегирике Петру по поводу поднесения царю вырезанного на меди плана Петербурга говорит: «Вторых [**София** возбудила на Петра] гонителей Авессаломов, толико лютейших, елико мняху себе непобедимейших быти, и вся в руках своих содержащих, **яже не на колыбель Ираклиеву, но на самые царския нападоша палаты**, настоящей везде полунощи страха и забвения, в нощи смущения и безразумного суровства, всем сберегателям аки спящим и иным разбегшимся, другим избиенным, иным к бунтовщикам приставшим [Винокур].

Наконец, в 1723 году все тот же Гавриил Бужинский уже в другом *Похвальном слове*, посвященном 51-му дню рождения Петра Великого, описывал эту же самую историю таким образом:

> Показа сие о **Геркулесе, которому, еще младенцу сущу в колыбели**, егда оставися единою сам в храмине, аки бы сие содеяся: **злобная Юнона, хотя его умертвити**, в колыбель, в нейже отрок лежаше, пусти два змия, дабы отрока угрызением своим умертвили; но отрок, аще и мал, сицевую в себе ощути силу, яко младенческими руками разодра и от себе отверже. Но и да паче сие изъявится, возрем в древныя, вникнем и в новейшия истории: вся сего исполнении, везде о имущих правительствовати увидим собственное божие смотрение[75] [Бужинский 1723].

Невозможно не заметить, что во всех приведенных примерах (и при оформлении Триумфальных ворот, и в обоих панегириках Гавриила Бужинского) исключительно активная и заметная роль в истории борьбы Петра-Геркулеса со змеями отводится *злобной Юноне Российской*, т.е. царевне Софье, которая как раз и подослала символических *змей* в колыбель к сыну своей соперницы. При этом полное отсутствие образа могущественной *женщины-недоброжелателя* в пересказе данного сюжета в проповеди Тодорского ярко контрастирует с предшествующей гомелетической традицией функционирования данного мифологического нарратива. Отсутствие злобной и коварной Юноны – несомненно значимая персонажная лакуна в сочинении иеромонаха Симона.

После смерти Петра II, Петр Феодорович, будучи – в соответствии со знаменитым завещанием Екатерины I – законным наследником российского престола, не испытывал недостатка в могущественных *женщинах-недоброжелателях*. Акцентируемый как в картине на Триумфальных воротах, так и в обоих *Словах* Бужинского мотив *убийства юного императора* довольно трудно прямо спроецировать на ранние жизненные обстоятельства Петра Феодоровича. Однако несомненно, что еще во время пребывания Петра Феодоровича в Голштинии, различные – в том числе,

[75] Как сообщают комментаторы, в этой проповеди «[о]н <Бужинский – *М.К.*> напоминает слушателям **миф о Геракле, задушившем в колыбели змей (намек на подавление бунта стрельцов)** <...>» [Стенник].

возможно, и самые неблагоприятные – варианты развития дальнейшей судьбы внука Петра I рассматривались при русском дворе. Как известно, Анна Иоановна выказывала значительное беспокойство в связи с существованием у нее сильного соперника в сфере наследования российского престола. Вот как описывает отношение Анны Иоановны к малолетнему Петру Феодоровичу в своих воспоминаниях Я.Я. Штелин:

> После смерти этой милой принцессы <т.е. Анны Петровны – *М.К.*>, о котрой герцог никогда не мог вспомнить без слез, начались со всех сторон **разныя преследования**, в особенности со стороны ненавистной герцогу императрицы Анны Иоановны, а в угожденье ей и от венского двора. <...> При всех счастливых успехах в предприятиях страшной для всех императрицы Анны, сама она была в постоянном страхе: она боялась частию в. к. Елисаветы Петровны, частию голштинскаго принца Карла Петра Ульриха, **от котораго охотно желала бы избавиться**. Вспоминая о нем или разговаривая, она обыкновенно говорила: "Чертушка в Голштинии еще жив." [Штелин: 310-311][76].

Не только в высшей степени пейоративная характеристика Петра Феодоровича заслуживает нашего внимания в этой фразе. Намного более любопытно, что основной темой размышлений Анны Иоановны являлось, по всей видимости, не только и не столько само наличие Петра Феодоровича в Голштинии, сколько то, что он *еще жив*. Сам подход императрицы к данной теме (а также упоминание Я.Я. Штелина о том, что *страшная для всех императрица охотно желала бы избавиться* от своего неудобного дальнего родственника) свидетельствует, что она явно не собиралась сколько-нибудь долго терпеть такое положение дел. Однако неожиданная болезнь, а затем и кончина в октябре 1740 года, видимо, помешали исполнению ее планов окончательного избавления от малолетнего конкурента.

И все-таки даже если во время правления Анны Иоановны в высших сферах государственной власти и обсуждались какие-либо неблагоприятные для Петра Феодоровича проспекты решения его участи, после восшествия Елисаветы Петровны на престол образ Анны Иоановны интересным образом приобрел определенный мифологический иммунитет. Так, например, вовсе не сама *блаженныя памяти Императрица Анна Иоановна* [ПСЗРИ, XI: 542], а *недоброжелательные* и *коварные* Графы Остерман, Миних и Головкин [ПСЗРИ, XI: 542-543][77] позиционируются в качестве основных злодеев и непримиримых врагов Елисаветы Петровны в *Манифесте* о ее вступлении на престол от 28 ноября 1741 года. Именно они, и в особенности лично Граф

---

[76] Кроме того ср. рассказ Штелина об имперской римской комиссии, присланной в Киль «по наущению Анны Иоановны» [Штелин: 311], а также упоминание того, что, взойдя на престол, Анна Иоановна смогла устроить все так, что «дом голштинский потерял всякую надежду на наследование российского престола» [Штелин: 314].

[77] Ср. также уже цитировавшийся нами выше пассаж из проповеди К. Флоринского про не только *плотоядных, но человекоядных птиц, **Остермана и Миниха с своим стадищем***, которые *начали было* прекрасное петровское древо *терзати*.

Андрей Остерман, а вовсе не двоюродная сестра Елисаветы Петровны, описываются новой российской монархиней в качестве главных утеснителей и коварных похитителей ее законных прав на престол:

> И тако следовательно по тому Ея Императорскаго Величества Матери Нашей Государыни тестаменту <...>, Мы еще тогда ж, как скоро по воле Всемогущаго Бога, Император Петр Вторый сию временную на вечную жизнь пременил, уже законною Наследницею Нашего Отеческаго Всероссийскаго Престола без изъятия были; но недоброжелательными к Нам и коварными происки бывшаго тогда при Его Императорском Величестве, Обер-Гофмейстером Графа Андрея Остермана, та Ея Величества Матери Нашей Государыни духовная, по кончине Его Величества, скрыта, и его ж Остермана происком, дабы Мы <...> Всероссийский Престол не наследовали <...>. Да и они сами, яко то часто упоминаемый Принц Антон Ульрих с супругою его Принцессою Анною, льстяся Всероссийский Престол удержать <...> помощию часто упоминаемых же Графов Остермана и Миниха, и Графа Михайла Головкина <...> правительство Нашей Империи в свои руки <...> насильством взяли <...>, от чего <...> не токмо немалые в Нашей Империи непорядки и верным Нашим подданым крайния утеснения и обиды уже явно последовать начали, но еще и к вящему Нашей собственной Персоне утеснению и опасности, часто упоминаемым Остерманом и Головкиным <...> сочинено некоторое к конечному Нас о Нашего законнаго, и по правам всего Света, к тому же и по крови подлежащаго наследия, Всероссийскаго Престола отрешению, отменное о наследствии Нашей Империи определение <...> [ПСЗРИ, XI: 542-543].

В этом контексте вполне естественно и закономерно выглядит тот факт, что мотив *отлучения от законного наследства* потомков праведника ярко выражен и многократно повторен в проповеди Тодорского:

> Кому обида? Праведнику. Кого **невинно уничтожают**? Праведника. Кого туне ненавидят? Праведника. Чей дом разоряют? Праведничий. Чьих детей, дщерей и внуков неправедно отдаляют от наследствия? Праведничих [Кислова 2007 а: 317].
> ***
> <...> праведных Монархов не точию самих, но и **правильных наследников их уничтожати**, или паче весма **искоренити** безсовестники тщатся [Кислова 2007 а: 320].
> ***
> Дабы умершая правда не ожила: подвигнули все силы ко искоренению имени праведнича, и Дщерь ПЕТРОВУ и Внука ПЕТРОВА **вечному предавали забвению**, аки бы их и на свете не было, **безстудно отдаляя их от наследствия престола Всероссийскаго** [Кислова 2007 а: 324].

И тем не менее, точно так же, как и в *Манифесте* Елисаветы Петровны, в проповеди Тодорского ни имя, ни образ Анны Иоановны не только ни разу не упоминаются напрямую, но и вообще никак, даже косвенно, не связываются с перечисляемыми проповедником гонениями *злобы* и *неправды* на законных наследников *дома праведника*. Очевидно, при дворе Елисаветы Петровны существовали некоторые неписанные правила мифологической репрезентации образа почившей в бозе племянницы Петра I. По всей видимости, во избежание ненужных двусмысленностей и нежелательных проекций именно эти правила не давали Тодорскому возможности ввести традиционный образ *злобной Юноны* в рассказ о детских годах Петра I.

Таким образом, в сюжете о змееборстве, несомненно косвенно проецируемом Тодорским на 15-летнего Петра Феодоровича, место *злобной Юноны* оказывается вакантным. Роль могущественного недоброжелателя, преследующего малолетнего Петра Феодоровича, плотно заполняется автором в последующем рассказе о другом известном младенце. Однако, прежде чем мы перейдем к анализу проекций образа Петра Феодоровича на Иисуса, остановимся на одном ветхозаветном эпизоде, который пересказывает в своей проповеди Тодорский.

Ветхозаветные праведники Тодорского: Иаков и Иосиф

Петр I оказывается первым, главным, но отнюдь не единственным персонажем в выстраиваемой Тодорским череде *праведных* героев и монархов. Следующий пример наставник Петра Феодоровича заимствует не из новейшей российской истории, а из Ветхого Завета: «Чего не пострадал **Иаков** от неправеднаго Лавана» [Кислова 2007 а: 319]. Тодорский ограничивается лишь данным кратким упоминанием Иакова и его противостояния с *неправедным* Лаваном, совершенно никак не комментируя и не детализируя этот краткий пример. Иаков, а тем более Лаван, появляются в сочинении малороссийского проповедника исключительно эпизодически. При дальнейшем прочтении проповеди становится понятно, что основная функция Иакова в тексте – служить переходным звеном между образом праведника Петра I и довольно подробно разрабатываемой Тодорским истории об *праведном Иосифе* (сыне Иакова).

Праведный Иосиф – следующий после Петра I значимый *праведник* в проповеди Тодорского. Учитель наследника престола довольно подробно рассказывает своим слушателям историю продажи молодого человека в рабство в Египет, останавливается на нюансах противостояния Иосифа с египетским Фараоном и, наконец, заканчивает этот длинный пассаж экспрессивным описанием масштабного процветания *семени праведничаго, рода правых, возлюбленнаго своего Израиля* [Кислова 2007 а: 319]. Приведем этот отрывок полностью:

> Чего не претерпел и сын его <Иакова – *М.К.*> праведный Иосиф, егоже правду возлюбившаго, отрока еще суща злоба во Эгипет продала. Егдаже н**а**чало семя праведное в Эгипте множитися, почали праведники процветати, и укреплятися паче неправедников. Что злоба делает? Абие вооружает Фараона ко искоренению рода праведных. Приидите, глаголет Фараон премудрым их, да некогда умножатся, и пристави настоятели делами, да озлобят их в делах, и насильствоваху Эгиптяне сыном израилевым нуждею. Но ниже сие злобе довольно. Напоследок повелевает Фараон мужеский пол раждаемый убивати: аще убо будет мужеский пол, убийте. <...> Человеческож рассуждая: кажется нехудо злоба мудрствовала! но одолела ли праведникам? никакоже. И самим премудрейшим мира сего, Бога перемудровать нельзя. Не уснул ниже воздремал хранящий семя праведничо, род правых, возлюбленнаго своего Израиля. Поелику их смиряху, сиесть озлобляху <...>, толико множайшии бываху, и укрепляхуся вельми зело. Толико паче и паче процветали ЯКО ФИНИКС, И ЯКО КЕДР, ИЖЕ В ЛИВАНЕ, множилися [Кислова 2007 а: 319-320].

В следующем параграфе Тодорский сразу же переходит к описанию другого примера ветхозаветного *праведника* и никаким образом не комментирует рассказанную им довольно подробно историю об Иосифе. Мы, однако, не станем спешить за автором, а остановимся и зададим себе вполне закономерный вопрос: каким именно образом история об этом библейском персонаже соотносится с празднованием дня рождения наследника престола? Чтобы ответить на этот вопрос, обратим внимание на то, с использованием каких именно образов и мотивов пересказывает Тодорский приведенную нами выше библейскую историю.

Во-первых, автор начинает свой пересказ с того, что отмечает отбытие *праведного Иосифа* с родины на чужбину, случившееся в юном возрасте и, что особенно важно, помимо его воли: *егоже правду возлюбившаго, отрока еще суща злоба во Эгипет продала*. Нам кажется очевидным, что мотив продажи Иосифа в Египет должен был быть соотнесен внимательными слушателями с вынужденным (инициированным интригами А.Д. Меньшикова) отбытием беременной будущим Петром Феодоровичем Анны Петровны из Санкт-Петербурга в Киль летом 1727 года[78]. Во-вторых, продолжая свой пересказ истории об Иосифе, Тодорский перечисляет лишения и злоключения *семени праведного в Эгипте*. Проповедник заключает описание испытаний, выпавших на долю *возлюбленнаго Богом Израиля* на чужбине, упоминанием последнего – вдохновленного *злобой* – приказа египетского Фараона, предписывавшего египтянам убивать всех младенцев мужского пола, рождавшихся в семьях *сынов израилевых*: «Напоследок повелевает Фараон **мужеский пол раждаемый убивати: аще убо будет мужеский пол, убийте**». Двойное повторение текста приказа в рамках одного предложения указывает на повышенную смысловую нагрузку и подчеркнутую значимость мотива *убийства наследников мужского пола* как для всей проповеди в целом, так и для истории с Иосифом в частности. Неравнодушие, а скорее, напротив, пристальное внимание автора к данной теме указывает на повышенную значимость упомянутых выше фактов жизни молодого человека для официальной, традиционно мифологизированной и идеологизированной, версии биографии Петра Феодоровича.

Уже на примере сюжета о *праведном Иосифе* мы сталкиваемся с крайне своеобразной манерой Тодорского подбирать сравнения, примеры и образцы для подражания для своего августейшего воспитанника. В 1743 году перипетии судьбы ветхозаветного Иосифа могли быть лишь с очень большими натяжками сопоставлены с реальными жизненными обстоятельствами совсем еще юного Петра Феодоровича. И тем не менее наличия очень незначительных, в некотором роде полупризрачных, сходств

[78] При этом мотив *возвращения* Петра Феодоровича на родину еще станет причиной отдельной рефлексии Тодорского в последующих параграфах проповеди (о чем см. ниже).

и пересечений в биографии двух героев оказалось достаточно для проповедника, чтобы косвенно, на определенном уровне абстракции, соотнести и соположить двух героев своей проповеди – праведного Иосифа и Петра Феодоровича.

Возможно, в силу молодости наследника и высокой степени неопределенности его будущего, достаточным для проведения аналогии оказывается наличие у ветхозаветного Иосифа и Петра Феодоровича только одного общего – начального – события в биографии: вынужденного оставления родины. Все остальные детали этой истории в таком случае – просто поучительное описание того, что примерно ожидается от нынешнего именинника в будущем. А ожидается от него – *процвести ЯКО ФИНИКС, И ЯКО КЕДР, ИЖЕ В ЛИВАНЕ, и умножиться*. А впрочем, история о вероломной продаже ветхозаветного Иосифа в Египет, о преследованиях Фараона и о последующем чудесном спасении подготавливает появление в тексте проповеди Тодорского другого, на этот раз уже новозаветного сюжета, состоящего из очень похожего набора тем и мотивов.

Давид как прародитель Иисуса, Петр I как прародитель Петра Феодоровича

Выстраивание новой любопытнейшей мифологической аналогии, привлекаемой для описания образа Петра Феодоровича, Тодорский начинает издалека. Так, следующая история об очередном *праведнике* заимствуется иеромонахом вновь из Ветхого Завета:

> Чтоже имамы рещи о праведном Давиде? коликая претерпел праведник сей от злобствующия неправды? свидетельствует история жития его, свидетельствует почитай вся Псалтир егож рукою написанная. А за что? за едино то яко праведник. *Врази мои* глаголет Давид: *реша мне злая, когда умрет и погибнет имя его.* <...> Как же было неправде, как было злобе на праведного Монарха веселым оком смотреть! [Кислова 2007 а: 320].

Причины упоминания проповедником именно этого библейского патриарха становятся совершенно очевидны в дальнейшем: «<...> *яко Христос, сиесть помазанец на Всероссийский престол не приходит от колена инаго, токмо от семене Давида Российскаго ПЕТРА Перьваго*» [Кислова 2007 а: 324]. В одной фразе Тодорский выстраивает очень глубокую и далеко идущую аналогию. Во-первых, он довольно ожидаемо называет Петра I *Давидом Российским.* Во-вторых, и это особенно интересно, он прямо приравнивает Петра Феодоровича, внука и наследника *Давида Российского,* к Христу, чья генеалогия традиционно возводится именно к царю Давиду.

Аналогия *Петр Феодорович* → Христос является вовсе не случайной оговоркой, а в высшей мере продуманной и отрефлексированной идеей наставника наследника престола. В дальнейшем автор приводит и другие примеры, которые ярко подтверждают, подкрепляют и иллюстрируют эту довольно неожиданную мифологическую номинацию. В высшей степени знаковая генеалогия, т.е. наличие в качестве прямого предшественника *Давида Российского*, является в проповеди Тодорского не единственным – и,

более того, не самым важным – аргументом для провозглашения Петра Феодоровича российским Иисусом. Следующим эпизодом, провоцирующим Тодорского на проведение во всех отношениях смелой параллели *Петр Феодорович → Иисус*, становится – как и следует ожидать в контексте отмечаемого события – обстоятельства *рождения* Великого Князя:

> Пуще были воистину ослепилися, недели Ирод во время свое: ибо Ирод хотящ уведати о сукцессоре Давидовом, вопрашивал Первосвященников: где рождается Христос Царь Израилев? А тогдашние министры выключили от сего Российских Первосвященников: дабы их о сем не вопрашивать, где рождается праведный Наследник Всероссийскаго престола за Пресветлейшею ЕЛИСАВЕТОЮ следовати имевший. <...> Знать опасывалися: дабы благодать Божия через духовенство действующая, на ПЕТРОВ дом не показала [Кислова 2007 а: 324].

В приведенной выше цитате мы, на первый взгляд, видим явное противопоставление Ирода, своевременно – хоть и довольно безрезультатно – поинтересовавшегося местом рождения *сукцессора Давидова* у Первосвященников, российским *министрам*, *выключившим* в свое время от решения этого вопроса Российских церковнослужителей. Однако, даже очевидное противопоставление действий второстепенных персонажей (Ирод vs. *российские министры*) работает в данном случае на установление прочной глубинной аналогии между двумя сильно разнесенными во времени актами рождения: *сукцессора Давидова* в Вифлееме, с одной стороны, и *праведного Наследника Всероссийскаго престола* в Киле, с другой. Т.е. наличие у Петра Феодоровича с самого рождения не только знатного предка, но также сильных и влиятельных врагов становится вторым фактом, интерпретируемым Тодорским в качестве манифестации божественной природы его воспитанника.

Третьим эпизодом, прочно закрепляющим за Петром Феодоровичем роль Иисуса в проповеди Тодорского, становится оформленное автором с использованием очень знаковых цитат описание прибытия наследника престола из Голштинии в Россию в 1742 году:

> Да и сие неособенный ли Божий о Вашем Императорском Высочестве промысл: яко не первее в прародительный дом возвратился еси, но егда измроша, иныи же изгналися ищущии душу отрочате. Егда изгнался гордый и коварный мучитель, изнгалися Ироди лукавое о тебе промысливший, вси вдруг не точию ПЕТРА, но и Христа из священной Российской империи изгнати хотевший. Тогда рече Бог внутрным в сердце великодушныя ЕЛИСАВЕТЫ вдохновением: Востани Матерь, поими отроча, поими возлюбленнаго твоего Племянника, в землю израилеву, изомроша бо, иныи же изгнашася ищущии душу отрочате [Кислова 2007 а: 327-328].

Наиболее семантически значимыми словами в этом пассаже являются, конечно же, слова Бога, которые он *внутрным в сердце вдохновением* рек Елисавете Петровне: «Востани Матерь, поими отроча, поими возлюбленнаго твоего Племянника, в землю израилеву, изомроша бо, иныи же изгнашася ищущии душу отрочате». В комментариях к рассматриваемой нами проповеди Е.И. Кислова совершенно справедливо

указывает на 2-ю главу Евангелия от Матфея в качестве источника данной – приводимой Тодорским очень близко к тексту – знаменательной цитаты. Приведем вкратце отрывок из Евангелия, о котором идет речь:

> 19 Ѹ҆ме́ршꙋ же и҆́рѡдꙋ, сѐ, а҆́гг҃лъ гд҇нь во снѣ̀ ꙗ҆ви́сѧ і҆ѡ́сифꙋ во є҆гѵ́птѣ, 20
> глаго́лѧ: **воста́въ поимѝ ѻ҆трочà и҆ мт҃рь є҆гѡ̀ и҆ и҆дѝ въ зе́млю і҆и҃левꙋ,**
> **и҆зомро́ша бо и҆́щꙋщїи дш҃ѝ ѻ҆троча́те.** 21 Ѻ҆́нъ же воста́въ, поѧ́тъ ѻ҆трочà
> и҆ мт҃рь є҆гѡ̀ и҆ прїи́де въ зе́млю і҆и҃левꙋ [Мф, 2: 19-21].

В данных строках евангелист описывает известный эпизод возвращения святого семейства на родину, в землю Иудейскую, из Египта, в котором Иосиф, Мария и малолетний Иисус вынуждены были скрываться от гнева царя Ирода вплоть до самой смерти последнего. После смерти Ирода ангел явился Иосифу во сне и сказал: «**Воста́въ поимѝ ѻ҆трочà и҆ мт҃рь є҆гѡ̀ и҆ и҆дѝ въ зе́млю і҆и҃левꙋ, и҆зомро́ша бо и҆́щꙋщїи дш҃ѝ ѻ҆троча́те**». После сообщения ангела Иосиф встал, взял Младенца и свою жену и вернулся в покинутую им ранее землю Израилеву. Послание явившегося Иосифу ангела практически дословно совпадает с тем, что Бог рек Елисавете Петровне в проповеди Тодорского *внутрным в сердце вдохновением*: «Востани Матерь, поими отроча, поими возлюбленнаго твоего Племянника, в землю израилеву, изомроша бо, иныи же изгнашася ищущии душу отрочате».

Смелое и оригинальное использование Тодорским данной библейской цитаты проливает свет сразу на несколько аспектов специфики распределения мифологических ролей в паре *Петр Феодорович – Елисавета Петровна*, а также проясняет многие нюансы в интерпретации современниками образа наследника престола и его тетки в начале 1740-х годов. Во-первых, осмысление Тодорским недавнего прибытия Петра Феодоровича в Россию именно сквозь призму библейского сюжета возвращения святого семейства в Иудею добавляет новое – и довольно неожиданное – измерение тому образу, который старательно создавала для себя в начале своего царствования совсем еще недавно взошедшая на престол новая российская императрица. Мы помним, что в Евангелии от Матфея ангел, советующий святому семейству сначала бежать в Египет, а затем – после смерти Ирода – возвращаться оттуда обратно в Иудею, является во сне вовсе не матери Иисуса, а его приемному отцу Иосифу Обручнику. Не Марии, а именно Иосифу Бог сообщает эти послания *внутрным в сердце вдохновением* (в терминологии Тодорского).

Не секрет, что выписывая Петра Феодоровича в Россию, инициируя его обращение в православие, а затем и организовывая его брак с Екатериной Алексеевной, Елисавета Петровна открыто позиционировала

себя в качестве *матери* Петра Феодоровича[79]. Очевидно при этом, что роль *матери наследника* – это в данном случае просто частный случай более масштабной роли *матери подданных,* традиционно приписываемой каждой в то или иное время всходившей на российский престол императрице. Однако назначение Елисаветы Петровны на символическую роль *приемного отца* молодого человека, на роль Иосифа Обручника, выполняющего почетную функцию благополучного возвращения с чужбины своего – избранного для великой миссии – приемного сына, несомненно являлось довольно неожиданной и свежей интерпретацией образа августейшей тетки голштинского принца.

Во-вторых, мотив призвания и прибытия *спасителя* из другого государства (в случае с Библией – из Египта) – это устойчивый мотив, прочно связываемый в богословской традиции с Иисусом:

> **14** Ѻ҆́нъ же воста́въ, поѧ́тъ ѻ҆троча̀ и҆ мт҃рь є҆гѡ̀ но́щїю, и҆ ѿи́де во є҆гѵ́петъ, **15** и҆ бѣ̀ та́мѡ до ᲂу҆мe҆́ртвїѧ и҆̓рѡ́дова: да сбꙋ́детсѧ рече́нное ѿ гд҇а прⷪ҇ро́комъ, глаго́лющимъ: **ѿ є҆гѵ́пта воззва́хъ сн҃а моегѡ̀** [Мф, 2: 14-15].

Таким образом, описание Тодорским приезда Петра Феодоровича в Россию именно сквозь призму возвращения Иисуса с родителями на родину окончательно закрепляет за юным Великим Князем многотрудную роль российского Христа; роль, которую ослепленный собственным риторическим вдохновением наставник буквально навязывал своему подопечному сыграть в отечественной истории.

В-третьих, история с бегством семьи Иисуса в Египет и последующим возвращением святого семейства обратно в землю Иудейскую несколько рассеивает туман в вопросе прагматической оправданности пересказанной Тодорским ранее истории о ветхозаветном Иосифе. Как мы уже отмечали выше, при первичном чтении появление истории об Иосифе Прекрасном в проповеди Тодорского вызывает легкое недоумение и вызывает больше вопросов, чем ответов. Однако, будучи сополoжена с последующим сюжетом об Иосифе Обручнике, история об Иосифе Прекрасном начинает играть новыми красками. Так, прежде всего нельзя не заметить, что ключевым моментом обоих используемых Тодорским библейских сюжетов становится (совершаемое против его воли) перемещение главного героя в Египет, а также последующее, инициируемое Богом, возвращение его – *праведного* и богоугодного *наследника* (или в случае с ветхозаветным Иосифом его потомков) – из другой страны на родину. Кроме того, сюжеты о ветхо- и новозаветном Иосифах объединяются в проповеди Тодорского мотивом планируемого могущественными врагами обоих главных героев *убийства*, а также

[79] Развернутое описание Елисаветы как *матери* молодого человека есть также и в проповеди Тодорского [Кислова 2007 а: 327].

последующего *чудесного спасения* праведных наследников мужского пола. В случае с Иосифом Прекрасным, как мы помним, Египетский Фараон отдает дважды продублированный в тексте Тодорского приказ об убийстве всех младенцев мужеского пола (*мужеский пол раждаемый убивати: аще убо будет мужеский пол, убийте*); приказ, который несмотря на всю его нечеловеческую жестокость оказался не в силах остановить процветания избранного Богом народа. В свою очередь, в новозаветном сюжете с участием Иосифа Обручника, ослепленный вышедшим за пределы разумных границ гневом и страхом царь Ирод отдает приказ уничтожить всех младенцев от двух лет и ниже в Вифлееме и во всех его окрестностях[80]. Однако своевременно проинформированный ангелом Иосиф поспешным бегством из Вифлеема счастливо спасает своего приемного сына от, казалось бы, неизбежно ожидавшей его страшной участи.

Назначение Тодорским Петра Феодоровича на роль Иисуса провоцирует подчеркнутое акцентирование в судьбе молодого человека, в частности, именно тех тем и мотивов, которые были первично – хоть и несколько туманно – введены автором еще в истории с Иосифом Прекрасным. В истории с Иосифом Прекрасным Тодорский еще осторожно воздерживался от проведения явных параллелей между Петром Феодоровичем и его ветхозаветным двойником. Однако в истории с новозаветным Иосифом, не отказывая себе в удовольствии провоцировать за счет использования знаковых библейских цитат смелые и прямые сравнения, Тодорский акцентирует в судьбе Петра Феодоровича все те же мотивы, которые он уже упоминал в случае с Иосифом Прекрасным. Подобного рода мотивный дублет указывает на неслучайность выделенных нами ранее семантических нюансов в истории об Иосифе Прекрасном.

<u>Попытка работы с гибридной идентичностью: Петр Феодорович одновременно как *лев* и *орел*</u>

В своей проповеди Тодорский сравнивает Петра Феодоровича не только с историческими деятелями (Петр I) и библейскими персонажами (Иосиф, Христос). Проповедник также использует и другой вид номинации, которую мы условно назовем “метафорической”. В частности, он сравнивает юного наследника престола с *молодым львом* и *птенцом орла*:

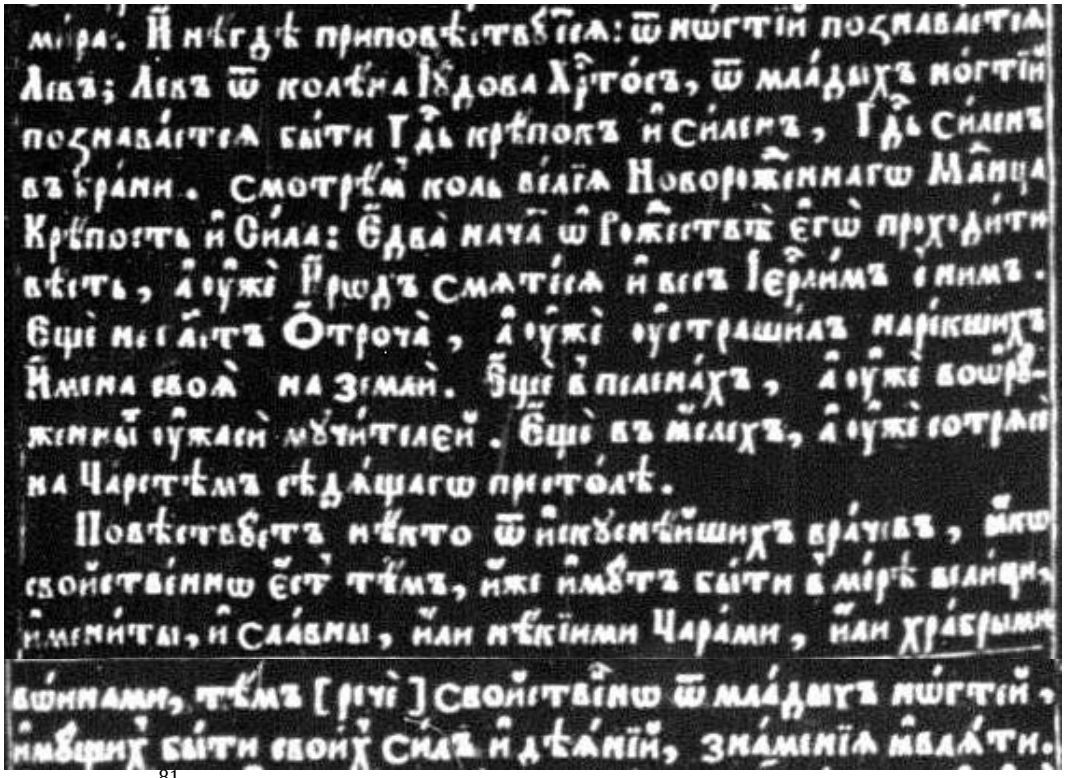
> Надобнож львичищу от младых ногтей львовым следом ходить, да и в младости своей, или от самого следу, львово рождение быти познается. Надобно от младых ногтей орлему птенцу в солнце вперяти очеса, да привыкнувши солнечному сиянию не устрашится орлим выспренним летанием к самому солнцу возлетовать. Подобне и великим князем почитай от самого дня рождения, или воспоминая

[80] «16Тогда̀ И҆́рѡдъ <…> разгнѣ́вассѧ ѕѣлѡ̀ и҆ посла́въ и҆збѝ всѧ̑ дѣ́ти сꙋ́щыѧ въ виѳлеемѣ и҆ во всѣ́хъ предѣ́лѣхъ є҆гѡ̀, ѿ двою̀ лѣ́тꙋ и҆ нижа́йше, по вре́мени, є҆́же и҆звѣ́стнѡ и҆спыта̀ ѿ волхвѡ́въ» [Мф 2: 16].

рождение; треба вступати в след праведных прародителей; да тоеюжде шествуя стезею временныя и вечныя достигнуть славы. Требе есть, да научатся от самыя юности своея любити правду, аще хотят, ЯКО ФИНИКС, процвести во время свое, И ЯКО КЕДР, ИЖЕ В ЛИВАНЕ, умножитися [Кислова 2007 а: 321-322].

Прежде всего обратим внимание на тесное соположение автором образа *льва* с темой *ногтей*: *[н]адобнож* ***львичищу*** *от* ***младых ногтей*** *львовым следом ходить*. Подобная образно-тематическая комбинация (*лев* + *ногти*) указывает нам на подтекст в виде несколько модифицированного Тодорским латинского выражения *ex ungue leonem*, в дословном переводе значащего *по когтям льва*, но в переносном смысле имеющего значение *по одному какому-либо признаку узнать человека в целом* [Серов, статья *По когтям узнают льва*]. Данный афористический подтекст прекрасно вписывается в развиваемый Тодорским далее сюжет *идентификации* (в том числе и самоидентификации) *царственного потомка*: «и в младости своей, или от самого следу, **львово рождение быти познается**». На наш взгляд, наличие в подтексте идиоматического выражения в данном случае призвано усилить убедительность и придать дополнительный вес дальнейшим рассуждениям автора на тему необходимости для великого князя «вступати в след праведных прародителей».

Однако, крылатое латинское выражение скорее всего не было заимствовано Тодорским непосредственно из Плутарха или Лукиана, чьи сочинения традиционно указываются в качестве его оригинального источника. Античные тексты могут рассматриваться в качестве первичных, но, как кажется, абсолютно нерелевантных в данном случае источников. Предположим, что латинский подтекст актуализировался в проповеди Тодорского благодаря другим, более близким проповеднику, сочинениям. Так, в качестве вторичного – как бы промежуточного между оригиналом и проповедью – ресурса может быть рассмотрено *Слово на Рождество Христово* Димитрия Ростовского, включенное в составленные епископом Четьи Минеи, в которых оно приходится на 25 число декабря месяца. Важным для нас оказывается следующий пассаж этого текста:


[Ростовский] [81].

Ростовский в своем *Слове* остроумно сополагает латинский афоризм *лев познается по когтям* с русским устойчивым выражением *с младых ногтей.* В результате подобного каламбура синтезируется следующее значение: «с младых ногтей видно, чьи именно когти у Христа, льва от колена Иудова». Соположение разнородных риторических средств работает на создание сложного и богатого оттенками образа Христа-льва в *Слове* епископа. Для анализа проповеди Тодорского нам важны только некоторые аспекты как всего *Слова* в целом, так и этого образа в частности. Во-первых, обратим внимание на то, что *Слово* Ростовского, совершенно также как и проповедь Тодорского, создавалась по поводу *дня рождения*. Выше мы уже упоминали, что Тодорский выбрал именно образ Христа в качестве центральной фигуры, вокруг которой он стремился сформировать личную мифологию своего подопечного. То, что в его проповеди на день рождения Петра Феодоровича мы встречаем микро-цитаты из *Слова* Дмитрия

[81] Обратим внимание на следующий фрагмент: «Где-то говорится: **лев познается по когтям**; **лев от колена Иудова Христос**, **с младых ногтей** познается Господь крепок и силен, Господь силен в брани. <...> Повествует некто из искуснейших врачей, что свойственно тем, которые имеют быть в мире великими, именитыми и славными, или же некими царями, или храбрыми воинами, тем, по его словам, свойственно **с младых ногтей** о своих силах и деяниях видеть знамения».

Ростовского *на рождество Христово*, лишний раз ярко иллюстрирует и подкрепляет наши предшествующие рассуждения на эту тему. Во-вторых, образ *льва,* соединенный с темой *молодости* и *младых ногтей*, соседствует в *Слове* Ростовского с рассуждениями на тему великого будущего Христа. Как бы отслаиваясь от образа Христа, в более широком контексте *Слова* тема *ногтей* связывается автором с общей темой предвещания могущества и великих подвигов в будущем. Как мы помним, именно подобная образно-тематическая комбинация оказывается крайне важна и для проповеди Тодорского.

На данный момент у нас очевидным образом не хватает данных, чтобы положительно манифестировать прямую генетическую связь образа *льва* в проповеди Тодорского с аналогичным ему образом в *Слове на Рождество Христово* Димитрия Ростовского. Однако проведенная выше реконструкция, гипотетически указывающая на необходимость включить *Слово* Ростовского в аллюзионный фон интересующего нас отрывка из проповеди Тодорского, помогает нам более четко прояснить семантический ореол "львиной" идиомы в христианской традиции, что, в свою очередь, обогащает образ адресата *Слова* Тодорского дополнительными "христологическими" коннотациями. Наличие подобных ассоциаций работает на поддержание и усиление обозначенных ранее мифологических компонентов в многоплановом и многосоставном образе Петра Феодоровича в проповеди его наставника.

Теперь рассмотрим сравнение Петра Феодоровича в проповеди Тодорского с молодым орлом, а точнее с *вперяющим в солнце очеса*, а затем и *с взлетающим к самому солнцу орилим птенцом*. Тодорский акцентирует внимание слушателей на 2-х основных мотивах: возможность смотреть на солнце (*надобно орлему птенцу в солнце вперяти очеса*) и способность лететь к солнцу (*не устрашится к самому солнцу возлетовать*). Образ *смотрящего на солнце орла* имеет глубокую церковную традицию употребления. Так, например, мы встречаем его в 9-ом икосе *Акафиста святым первоверховным апостолам Петру и Павлу*: «Радуйся, **Петре, очеса орля, имиже зрел еси Солнце Правды — Христа Бога** <...>» [Акафист Петру и Павлу]. Однако еще более важно вспомнить то, что образ *орла, летящего навстречу солнцу* широко использовался в российской имперской мифологии. Так, в 1727 году, при короновании 11-летнего Петра II, на приготовленных для церемонии воротах среди прочих была эмблема "Птенец орлий к солнцу возлетает" и надпись "Такова родили родители"[82] [Павленко].

[82] Примечательно, что на тех же воротах была эмблема *Геркулес, в колыбели змиев терзающий*, а также надпись *Уже в пеленах Геркулес* [Павленко]. Сравнение личной мифологии Петра Феодоровича с тем набором смыслов, который был актуализован в официальной культуре при вступлении на престол, а затем и коронации Петра II, заслуживает отдельного пристального рассмотрения.

В целом мы отчетливо видим, что сравнения Петра Феодоровича с *львенком* и *орленком* сильно отличаются от всех тех уподоблений и аналогий, которые были использованы в проповеди Тодорского ранее. Во-первых, в этих сравнениях резко понижена сюжетная составляющая. Оба они не связаны ни с каким микро-сюжетом, в результате чего сравнение Петра Феодоровича как с *детенышем льва*, так и *орла* отнюдь не выливается в рассказывание Тодорским отдельной истории. Во-вторых, в эти два сравнения Петра Феодоровича никоим образом не встроено противопоставление героя анти-герою, а также полностью отсутствует ярко выраженный во всех остальных параллелях Тодорского мотив *борьбы*. При этом для обоих образов крайне важна тема *наследственности* и *преемственности*. Учитывая русско-шведское происхождение Петра Феодоровича, соположение образов *льва* и *орла* при создании его образа в проповеди Тодорского вряд ли можно считать случайностью. В классическом варианте личного мифа Петра I *орел* и *лев* практически всегда оказываются дихотомически противопоставлены друг другу (как правило, *орел* терзает и / или побеждает *льва*). В феврале 1743 года Тодорский – в отличие от Ломоносова в 1742 году – не отрицает и не замалчивает шведскую составляющую генеалогии Петра Феодоровича. Опираясь в этом случае на тексты церковной традиции, проповедник старается как можно более эффективно снять изначально вшитое в эту мифологическую пару в русской светской культуре символическое напряжение и как бы гармонически примирить обоих традиционно конкурирующих эмблематических животных между собой. Таким образом, Тодорский создает единственный известный нам прецедент конструктивного освоения феномена гибридной идентичности будущего русского императора.

§3. М.В. Ломоносов, *Ода на тезоименитство Петра Феодоровича*, 29 июня 1743 года

Февральская ода Ломоносова 1742 года стала не единственным стихотворным панегириком, созданным поэтом в начале 1740-х годов в связи с появлением на российской политической арене юного племянника Елисаветы Петровны. Летом 1743 года им была написана еще одна торжественная ода, адресованная внуку Петра I и посвященная на этот раз первому дню его русского тезоименитства.

Созданию оды предшествовали следующие исторические обстоятельства: 7 ноября 1742 года (т.е. через девять месяцев после прибытия в Россию) в Москве, в придворной церкви Ее Императорского Величества, расположенной в зимнем, стоящем на Яузе, доме Елисаветы Петровны, в присутствии членов Святейшего Синода, Правительствующего Сената, генералитета и множества знатных особ, Шлезвиг-Голштинский герцог Карл Петер Ульрих был официально объявлен *Наследником Всероссийскаго Императорскаго Престола* и был дарован титулами *Великого Князя* и *Его Императорского Высочества* [ПСЗРИ, XI: 712]. Тогда же, после прочтения Сенатским обер-секретарем *Манифеста* о назначении молодого человека наследником престола, Карл Петер Ульрих принял православное вероисповедание:

> изволи[в] в слух всех предстоящих Российским языком учинить с великим усердием и желанием обыкновенное от противных православновосточной кафолической церькве, и отверженных от нея всех еретических мудрований отрицание; и потом прочитав Символ Святыя веры с усердным всех догматов, которые церьковь православновосточная с начала своего от Христа Спасителя, от Апостолов и от Святых селенских и поместных соборов приняла, и доныне непоколебимо содержит, исповеданием [Описание приятия: 3].

Обращение в православие окончательно узаконило русское имя бывшего Голштинского герцога – *Петр Феодорович*. В связи с этим, восемь месяцев спустя после перемены конфессии, 29 июня 1743 года, в день святых апостолов Петра и Павла, пятнадцатилетний Петр Феодорович в первый раз в жизни праздновал день своего тезоименитства летом. Как раз данному, довольно нетривиальному, событию – первым православным именинам новоиспеченного Великого Князя – и оказалась посвящена созданная в июне 1743 года торжественная ода М.В. Ломоносова.

§3.1. Краткий обзор академической и литературной деятельности Ломоносова в первой половине 1743 года

Февральскую оду Ломоносова 1742 года и его же июньскую оду 1743 года разделяет временной промежуток в полтора года. За этот относительно короткий период времени обстоятельства жизни и творчества автора обоих текстов изменились кардинальным образом.

Февральская ода 1742 года создавалась начинающим поэтом в несомненно трудной, однако в общем и целом вполне благоприятной для него обстановке: затянувшееся студенчество Ломоносова наконец-то подходило к концу; академические дела молодого и честолюбивого исследователя складывались на родине вполне удачно; его энергичные карьерные хлопоты благополучно завершились получением первого официального чина при Академии наук. При этом торжественные оды Ломоносова охотно издавались Академией и были вполне благосклонно приняты как при дворе, так и в более широких кругах немногочисленной читающей публики того времени. В целом, к моменту написания оды на день рождения Петра Феодоровича и на его приезд в Санкт-Петербург в 1742 году Ломоносов вполне успешно сумел создать себе реноме талантливого молодого человека, перед которым счастливо открывались вполне многообещающие – а возможно, что и вовсе блестящие – академические проспекты:

> [в] <...> 1742 году в Генваре м[еся]це определен при Академии Наук Адъюнктом Михайло Ломоносов в такой надежде, что он порядочно жить и как доброму и в науках довольное время препроводившему человеку пристойно, поступать будет, дабы со временем, смотря по достоинству и искусству, можно было произвести его, для всенародной славы и пользы, при той же академии членом и Профессором [Билярский: 35-36][83].

Однако, практически весь 1742 и особенно первую половину 1743 года Ломоносов старательно употребил на то, чтобы исключительно наглядно и с упорством, достойным лучшего применения, доказать российскому академическому сообществу абсолютную тщетность надежд на *порядочную жизнь* и *пристойные поступки*, оптимистически возложенных на него профессорами Академии наук при произведении его в адъюнкты в январе 1742 года.

Вскоре после начала своей адъюнктуры Ломоносов оказался вовлечен в глубочайший русско-немецкий конфликт, начавший разворачиваться в Академии наук в январе-феврале 1742 года[84]. К лету этого года противостояние русской и немецкой коалиций окончательно раскололо оплот российской науки на два ожесточенно и непримиримо враждующих между собой лагеря. Осенью русская партия канцеляристов и нижних академических чинов, в которую совершенно естественным образом влился

---

[83] Ср. также: «Марта, до 12 1743 г. Шумахер на допросе в Следственной комиссии, отвечая на вопрос, почему Академия наук за 18 лет не подготовила ни одного профессора из русских, сказал, что «для произведения в профессоры русские адъюнкты имеются: Ломоносов и Теплов, також и переводчики Горлицкий и студент Крашенинников в то же достоинство произойти, **ибо в них надежда есть**» [Летопись].

[84] Подробнее о причинах конфликта, динамике его развитиия, мотивах участников и проч. см., например, в статье В.И. Турнаева *Государственный переворот 25 ноября 1741 года и начало национального движения в Петербургской академии наук* [Турнаев].

и Ломоносов, добилась значительных успехов в инициированной ими административной войне[85]. Однако в результате опрометчивых и скоропалительных решений вставшего по воле случая во главе Академии наук А.К. Нартова, управленческая беспомощность которого не смягчалась, а, напротив, лишь усугублялась эксцентричными выходками Ломоносова сотоварищи, "природные россияне" катастрофически быстро растеряли все свое, казавшееся в какой-то момент таким бесспорным, стратегическое преимущество. В свою очередь немецкая партия академических профессоров и старших администраторов в течение всего конфликта придерживалась показавшей себя крайне эффективной в долгосрочной борьбе тактики спокойной и тщательно продуманной обороны. Шаг за шагом, действуя строго в рамках академического устава, к началу 1743 года "немцы" добились значительных успехов в полном опровержении обвинений, воинственно выдвинутых против них младшими коллегами[86]. Весной 1743 года конфликт в Академии достиг своего апогея, а летом того же года начал постепенно переходить в завершающую фазу. При этом именно очередной экстравагантный поступок Ломоносова стал кульминацией запутанного сюжета академической интриги и сыграл решающую роль в том, каким образом распределились силы на финальном этапе противостояния двух национальных партий.

Долгое время нараставшее в стенах Академии общее напряжение[87], хронически невыплачиваемая ученым зарплата и обусловленное ее отсутствием суровое безденежье, вынужденно холостяцкий из-за затянувшейся разлуки с женой повседневный быт, а также известные проблемы Ломоносова со спиртным, вылились в странный дебош, учиненный начинающим адъюнктом в стенах Академии наук в конце апреля 1743 года:

> [С]его 1743 года Апреля 26 дня пред полуднем он Ломоносов, в противность всем честным и разумным поступкам, напившись пьян, приходил с крайнею наглостию и бесчинством в ту палату, где Профессоры для конференций заседают и в которой в то время профессорскаго собрания хотя и не было, однакож находился там при

[85] См., например, внимание императрицы к представленной ей летом 1742 года А.К. Нартовым жалобе М. Камера, Д. Грекова, В. Носова и др.; последовавшую за этим организацию *Следственной Комиссии по делу об Академии Наук*; а также скорое отстранение от должности и домашний арест Шумахера и его ближайших помощников Гофмана, Паули и Прейсера в октябре 1742 года.

[86] 28 декабря 1742 г. Шумахер был освобожден из-под стражи, а еще через две недели чаша неверных весов российского правосудия качнулась в другую сторону, и были арестованы уже его обвинители.

[87] В феврале 1743 года Академическое собрание рекомендовало Ломоносову не посещать его заседаний пока не станет известным решение *Следственной комиссии* по двум поданным на него 3 и 31 декабря 1742 года жалобам. После этого Ломоносов дважды (в феврале и апреле 1743 года) пытался участвовать в работе Академического собрания, однако оба раза профессора его решительно выгоняли.

> архиве конференции Профессор Винсгейм и при нем были канцеляристы <...> да сторож <...>. Ломоносов, не поздравивши никого и не скинув шляпы (как бы ему по учтивости сделать надлежало), мимо их прошел в географический департамент <...>, а идучи около профессорскаго стола, ругаясь оному Профессору, остановился и весьма неприличным образом бесчестной и крайне поносной знак самым подлым и бесстыдным образом руками против них сделав пошел в оной географический департамент <...>. В том департаменте, где он шляпы так-же не скинул, поносил он Профессора Винсгейма и всех прочих Профессоров многими бранными и ругательными словами, называя их плутами и другими скверными словами, чего и писать стыдно <...>. Сверх того грозил он Профессору Винсгейму, будучи еще в той же палате, ругая его всякою скверною бранью, что он де ему зубы поправит, а Советника Шумахера притом называл вором. Вышед из географического департамента, пришел возвратно в конференцию <...> и всех Профессоров бранил скверными и ругательными словами и ворами называл, за то что ему от профессорского собрания отказали, и повторяя оную брань неоднократно сказывал с великим бесчинством и посмеянием, чтоб то в журнал записал<и> <...> [Билярский: 34-35].

Немецкие профессора немедленно подали Елисавете Петровне огромную жалобу на своего разбушевавшегося подчиненного. Через месяц после выходки Ломоносова, 27 мая 1743 года, *Следственная Комиссия по делу об Академии Наук* рассмотрела донесение академиков и постановила «его Ломоносова за вышепоказанные противные поступки до окончания того следствия держать при комиссии под караулом» [Билярский: 38-39]. Таким образом, к концу июня 1743 года молодой поэт уже месяц как пребывал под арестом по делу об «учиненных в Академии <...> противных и неучтивых и бесчестных поступках» [Билярский: 38]. Именно находясь *под караулом* летом 1743 года, Ломоносов и написал оду на день первого православного тезоименитство Великого Князя.

Специфические обстоятельства создания оды 1743 года существенно повлияли на ее прагматическую направленность. Ожидая окончания следствия и вынесения финального приговора по его делу, Ломоносов совершал безуспешные попытки добиться «ис под ареста освобождения для общей пользы отечества» [Билярский: 46]. Именно потенциальная *польза отечеству*, которую он, *нижайший*, мог бы, по его мнению, принести, оказавшись на воле, становится лейтмотивом его письменной просьбы об освобождении из-под ареста, поданной 23 июня 1743 года в Канцелярию Академии наук. Вполне справедливым представляется предположение комментаторов академического *Полного собрания сочинений* о том, что «в подкрепление этой просьбы <об освобождении из-под ареста> он <Ломоносов – *М.К.*> представил и публикуемую оду, написанную, надо полагать, во время нахождения под арестом» [VIII: 900].

Крайне необычное время и место написания оды 1743 года сыграли свою роль и в ее эдиционной истории. Только спустя более полугода после заключения под стражу, в самом конце декабря 1743 года, Ломоносов был освобожден из тюрьмы. Академия наук естественным образом не печатала его оду на тезоименитство наследника престола во время пребывания поэта

под следствием. В свою очередь после освобождения мятежного адъюнкта из заключения повод написания его летнего панегирика уже утратил былую острую актуальность. Таким образом, ода Ломоносова Петру Феодоровичу 1743 года никогда не была напечатана отдельным изданием и первый раз увидела свет только в 1751 году в его первом *Собрании Сочинений*[88]. Тем не менее даже запоздавшая на восемь лет дебютная публикация 1751 года все-таки позволяет нам отнести это произведение к раннему этапу формирования личной мифологии Петра Феодоровича.

Оды Ломоносова 1742 и 1743 года, посвященные прибытию в Россию и дню рождения, а также тезоименитству Петра Феодоровича, довольно сильно выделяются на фоне остальных, созданных к июню 1743 года панегирических текстов первого российского одописца. Главная отличительная черта "петровских" панегириков Ломоносова – это их объем. Выше мы уже упоминали, что февральская ода 1742 года была в среднем *вдвое* короче всех остальных стихотворных панегириков Ломоносова, созданных им к тому времени. Июньская ода 1743 года на тезоименитство Петра Феодоровича, в свою очередь, состоит из 14 строф и таким образом последовательно продолжает традицию коротких од в творчестве молодого поэта. Скромный объем этого произведения особенно заметен на фоне написанной Ломоносовым всего около полугода назад оды 1742 года, посвященной возвращению Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург и состоящей ни больше, ни меньше из 44-х строф. На протяжении всей литературной деятельности Ломоносова его оды никогда не отличались краткостью, однако размер оды 1742 года удивительно велик даже для и без того сдвинутых в сторону объемности стандартов его творчества. Таким образом, ода на тезоименитство Петра Феодоровича 1743 года оказывается больше чем *втрое* короче предыдущего стихотворного панегирика Ломоносова.

Как мы помним, в объяснениях к февральской оде 1742 года комментаторы *Полного собрания сочинений* высказывали мнение, что будто бы сама личность Петра Феодоровича – малолетнего, «не говорившего по-

[88] В промежутке между февральской одой 1742 года и заключением под арест в мае 1743 года Ломоносовым был создан еще один оригинальный (непереводной) стихотворный панегирик. Осенью 1742 года поэт пишет свою пятую торжественную оду, посвященную на этот раз *прибытию Ея Величества великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации*. Эта ода не была напечатана вспрок. Итак, ода на взятие Хотина (1739), ода на возвращение Елисаветы Петровны в Санктпетербург (1742) и ода на тезоименитство Петра Феодоровича (1743) – все эти одические сочинения конца 1730-х – начала 1740-х годов впервые появились в печати только в *Собрании Сочинений* Ломоносова 1751 года. Т.е. после создания июньской оды 1743 года одическое портфолио Ломоносова включало в себя три официально опубликованных и ровно столько же неопубликованных торжественных оды; соотношение кажущееся практически нереальным для творчества какого-либо другого поэта того времени.

русски голштинского принца Карла-Петра-Ульриха» [VIII: 890] – являлась причиной неожиданно низкого качества (а в случае с Ломоносовым качество оды – это критерий прямо коррелирующий с ее объемом) посвященного ему поэтического текста. Представляется вполне закономерным, и даже в некотором роде заманчивым, экстраполировать гипотезу исследователей о Петре Феодоровиче как о неудачном объекте для описания в одическом жанре в том числе и для объяснения неформатного, по-ломоносовским меркам, объема оды 1743 года. Однако, предположению о национальной, возрастной и языковой неполноценности личности Петра Феодоровича противоречат некоторые объективные факты. Вспомним, например, что летом 1741 года Ломоносов совершенно не испытывал никаких сложностей с написанием длинных, содержательных и богатых поэтическим материалом од годовалому, не говорящему в то время не только на русском, но и вообще ни на каком языке, а вдобавок к тому бывшему еще и наполовину австрийцем младенцу Иоанну Антоновичу.

На наш взгляд, причина краткости и некоторой, справедливо зарегистрированной комментаторами, образной *бедности* “петровских” од Ломоносова лежит в несколько другом измерении, а именно – в своеобразии статуса их непосредственного адресата. Так, все предшествующие оды Ломоносова были написаны по поводу событий, прямо связанных с действующим в то время императором или императрицей. В начале 1740-х годов Петр Феодорович оказался единственным некоронованным адресатом ломоносовских одических текстов. По всей вероятности вовсе не возраст, лингвистические способности или личные особенности наследника престола сыграли роль в том, какие именно оды писал ему молодой адъюнкт Академии Наук. Скорее всего, именно своеобразное – с одной стороны, выигрышное, а с другой стороны, все-таки несколько двусмысленное – положение Петра Феодоровича при российском дворе приобретало решающее значение в этом вопросе.

§3.2. Личная мифология Петра Феодоровича в оде 1743 года

Выше мы уже наблюдали, что настойчивое сравнение, прямое отождествление и другого рода соотнесение образа Петра Феодоровича с образом его деда, Петра I, становится краеугольным камнем одической мифологии молодого человека буквально с первых дней его прибытия в Россию. В июньской оде 1743 года (написанной уже после принятия Петром Феодоровичем православия, смены им имени, а также после обретения бывшим голштинским принцем нового официального титула и статуса при российском дворе) тема подобия двух *петров* приобретает под пером заключенного под стражу поэта новое звучание, а также богатое и разнообразное образно-мотивное оформление.

Июньская ода Ломоносова 1743 года открывается стандартным, отсылающем нас к мифу о *золотом веке* описанием идеального состояния природы. В первой строфе традиционный сюжет актуализируется в виде

темы летнего *пира натуры*, характеризующегося идиллическим состоянием всех принимающих в нем участие стихий (*земля нагрета, тих зефир колеблет ветви* и *обьемлет мягкий луг крилами, тучный ил питает брега* и проч.). Во второй строфе описание *пира* сменяется ярким и детально проработанным Ломоносовым микро-сюжетом прохождения солнцем различных этапов своего ежедневного пути по небосклону (восход, зенит, закат). Немного затянутая экспозиция июньской оды обуславливает довольно позднее появление в ней первого упоминания непосредственного адресата оды, т.е., собственно говоря, самого именинника Петра Феодоровича, впервые прямо поименованного лишь в 1-ой строке 3-ьей строфы: *И тем* <ты, солнце – *М.К.*> *почти* ***Петрова внука****; / Сияй, как наш веселый дух / Горит от радостнаго звука, / Который в наш внушает слух / Младаго шум Орла паряща / И предкам в след взлететь спешаща, / На мир возреть, искать побед. / Он выше бурь и тучь промчится, / Против перунов ополчится, / 30 Одним обозрит взглядом свет.* Используемая в этой строфе дефиниция Петра Феодоровича – *Петров внук*, а также введенное Ломоносовым далее развернутое сравнение молодого человека с *Младым Орлом,* заслуживают нашего самого пристального внимания.

И тем почти Петрова внука: мифологизация родственных отношений Петра Феодоровича с его дедом

Впервые риторически определяя Петра Феодоровича в своем тексте, Ломоносов спешит ввести в одический оборот крайне характерное наименование наследника престола *Внуком Петра Великого.* Несмотря на кажущуюся банальность подобной дефиниции Петра Феодоровича, который, в конце концов, действительно являлся единственным законным внуком первого российского императора, – её появление в первых строфах ломоносовской оды носит отнюдь не случайный и вовсе не нейтральный характер.

Выше мы уже встречали подобного рода определение молодого человека в полной версии названия февральской оды Ломоносова 1742 года: <...> *всеподданнейшее поздравление для благополучнаго и радостнаго прибытия в Санкт-петербург Его Королевскаго Высочества Государя Петра, владетельнаго герцога Шлезвиг-Голштинскаго,* ***Внука Государя Императора Петра Великаго*** <...>. Анализируя данную дефиницию племянника Елисаветы Петровны, в комментариях к проповеди Симона Тодорского 1745 года (посвященной бракосочетанию Петра Феодоровича с Екатериной Алексеевной) Е.И. Кислова отмечает:

> Хотя обозначение **Внук Петра Первого** являлось важной составляющей титула наследника <...> указ о его внесении в титул нам неизвестен: в указе от 7 ноября 1743 г. о назначении наследником <...> и дополнении к нему от 12 ноября 1743 г. <...> Петр назван Елизаветой Дражайшим Нашим племянником, Его королевским высочеством Владетельным герцогом Шлезвиг-Голштинским**,** однако уже в указе от 29 ноября о формах возношения имен императрицы и наследника при богослужении <...> среди прочих титулов появляется формулировка **Внук Петра**

> **Первого**, которая с тех пор становится обязательной частью титула наследника, в то время как Дражайший Наш племянник из титульных формулировок исчезает. Возможно, между 12 и 29 ноября 1743 г. был какой-то отдельный указ, не вошедший в ПСЗРИ, или устное распоряжение императрицы о введении этого обозначения в титул наследника [Кислова 2011: 165-166[89]].

Отметим ряд неточностей в прекрасном во всех остальных отношениях комментарии исследователя. Во-первых, все документы, касающиеся назначения Петра Феодоровича наследником престола датируются 1742, а не 1743, годом. Во-вторых, 7 ноября 1742 года Елисавета Петровна издала очередной *Манифест*, а вовсе не указ; именно в этом *Манифесте* и определялся официальный придворный статус молодого человека. В-третьих, ни в *Манифесте* от 7, ни в сенатском указе от 12 ноября 1742 года Петр Феодорович не называется Елисаветой Петровной *Дражайшим Нашим племянником*; в обоих упомянутых документах наследник престола именуется его теткой (среди прочего) *Вселюбезнейшим Нашим Племянником*. Наконец, несмотря на отсутствие титула *Внук Петра Первого* в приведенных в ПСЗРИ ноябрьских *Манифесте* и *Указе* 1742 года, титул этот в самом своем полном варианте присутствует в том *особливом обстоятельном описании* принятия Петром Феодоровичем *благочестивой веры Греческаго исповедания*, которому, собственно говоря, и посвящен Сенатский Указ от 12-го числа[90].

Напечатанное при Сенате в ноябре 1742 года, а затем разосланное «в Санктпетербург и во все Губернии и Провинции и в прочия надлежащия места», *обстоятельное описание* прошедшей в Москве церемонии, а также последовавших за ней двухдневных торжеств, носило следующее характерное заглавие: *Описание действия, каким образом по высочайшему Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийской соизволению в царствующем граде Москве в придворной Ее Императорского Величества церкви, объявление Наследником Всероссийского Императорского Престола Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Петра*

---

[89] Мы глубоко благодарны Е.И. Кисловой за пересылку настоящей статьи и за то внимание, которое было уделено нам с ее стороны.

[90] См: «Понеже в посланных в Губернии и Провинции и городы и прочия места из Правительствующаго Сената указах <...> о определении от Ея Имепатороскаго Величества Наследником Всероссийскаго Императорскаго Престола Ея Имепатороскаго Величества Вселюбезнейшаго Племянника, Его Имепатороскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Феодоровича, написано, что Его Имепатороское Высочество Государь Великий Князь Петр Феодорович в тот же день, как объявлен Наследником, изволил принять благочестивую веру Греческаго исповедания, и приобщился Святых, пречистых и животворящих Христовых Таин; **чему всему особливое обстоятельное описание напечатано ж, которое будет прислано впредь**. Того ради Правительствующий Сенат Приказал: те **описания** ныне в Москве публиковать из Полиции, а в Санктпетербурге и во все Губернии и Провинции и в прочия надлежащия места разослать при указах, велеть по прочтении во всех церквах публиковать же» [ПСЗРИ, XI: 713].

Феодоровича ***вседражайшего Внука высокославного и вечнодостойной памяти Государя Императора Петра Первого****, Ее Императорского Величества племянника учинено, и како приятие православновосточной Греческаго исповедания веры Его Императорским Высочеством, и таинство священного миропомазания Его Императорскому Высочеству совершалось (Печатано в Москве при Сенате, Ноября … дня 1742)* [Описание действия 1839]. Нельзя не заметить, что в данном документе официальный титул Петра Феодоровича состоит из четырех частей: 1) *Императорское Высочество*; 2) *Государь Великий Князь*; 3) *вседражайший Внук высокославного и вечнодостойной памяти Государя Императора Петра Первого*; 4) *Ее Императорского Величества племянник*. Т.е. уже в ноябре 1742 года прямое указание на наличие родственных отношений между молодым человеком и Петром I становится своего рода пуантом и риторической кульминацией полной версии его нового, свежеизобретенного, официального титула.

Обратим более пристальное внимание на даты. *Манифест* Елисаветы Петровны, окончательно легитимизировавший права Петра Феодоровича на российский престол, был издан 7 ноября 1742 года. В тот же день в Москве состоялась церемония публичного объявления молодого человека официальным наследником российского престола, а также принятие им православного вероисповедания. Как мы знаем из *Описания*, торжества, посвященные обоим этим событиям, проходили в Москве с 7 по 9 ноября. А 12 ноября 1742 года Сенат уже издает указ о рассылке вышеупомянутого *Описания* в губернии, провинции и «прочие надлежащие места» российской империи. Т.е. издание самого *Описания*, в котором упоминание о родственной связи Петра Феодоровича с его дедом занимает центральное место в новом титуле молодого человека, может быть со значительной долей вероятности датировано 10 либо 11 ноября 1742 года[91]. Таким образом, приведенное выше предположение Е.И. Кисловой о том, что «возможно, между 12 и 29 ноября 1743 г. был какой-то отдельный указ, не вошедший в ПСЗРИ, или устное распоряжение императрицы о введении этого обозначения <Внук Петра Великого – *М.К.*> в титул наследника» не представляется аккуратным. По крайней мере, к 10 или 11 ноября 1742 года, т.е. к моменту издания Сенатом вышеупомянутого *Описания,* вопрос о характере титула, присвоенного Петру Феодоровичу при объявлении его наследником российского престола, уже должен был быть решен окончательно и бесповоротно на самом высоком уровне.

Очевидно, что корректировка в пару недель, а то и дней не имеет принципиального значения в вопросе о точной датировке момента

[91] К сожалению, в копии *Описания*, воспроизведенной в 1839 году в *Сыне отечества*, точная дата издания этого документа отсутствует. При этом само *Описание* не включено в перечень печатной продукции, изданной в России в 1742 году, приведенном в *Сводном каталоге* [Сводный каталог, V: 11]

возникновения экстравагантного титула Петра Феодоровича. Намного более интересен вопрос о том, какую роль в процессе кристаллизации окончательной версии титула наследника престола сыграло процитированное нами выше заглавие февральской оды Ломоносова 1742 года, посвященной приезду Петра Феодоровича в Петербург и его же Дню Рождения. Ведь именно заглавие ранней ломоносовской оды указывает на то, что еще задолго *до* объявления 14-летнего голштинского принца законным наследником российского престола, а также *до* принятия им православного вероисповедания в ноябре 1742 года, обозначение *Внук Государя Императора Петра Великаго*, пусть пока еще и неофициально, было тем не менее прочно инкорпорировано в титул буквально только что прибывшего в Россию молодого человека.

Тут возможны два варианта.

С одной стороны, можно с некоторой долей вероятности предположить, что февральская ода Ломоносова 1742 года была не только первым печатным, но и первым вообще текстом в самом широком смысле этого слова, в котором реальные родственные отношения Петра Феодоровича с Петром I трансформировались в часть его титула и тем самым приобрели отчетливо символический, подчеркнуто знаковый характер. В этом случае февральский панегирик Ломоносова следовало бы рассматривать в качестве текста, сыгравшего ключевую роль в появлении интересующего нас компонента в титуле наследника престола позднее, в ноябре 1742 года.

С другой стороны, возможно, в феврале 1742 года Ломоносов следовал в своем тексте определенному – предположительно сложившемуся в первые месяцы царствования Елисаветы Петровны – придворному этикету наименования Петра Феодоровича. Акцент на тесных родственных отношениях самой Елисаветы, а также ее единственного племянника с Петром I органично вписывался в идеологический вектор “кровного наследования” престола, отчетливо заданный внутренней российской политике ноябрьским дворцовым переворотом 1741 года. Таким образом, не к «12 и 29 ноября 1743 г.», а скорее всего именно к концу 1741 – началу 1742 года следует отнести предполагаемое Е.И. Кисловой «устное распоряжение императрицы» о прибавлении обозначения *Внук Петра Великого* к титулу ее голштинского племянника.

Текст ломоносовской оды 1742 года косвенно указывает на то, что верна скорее всего вторая, наименее литературоцентрическая, гипотеза, предполагающая вторичность литературного текста по отношению к обуславливающим его специфику внелитературным обстоятельствам. Так, в самом тексте оды 1742 года молодой человек определяется Ломоносовым как *Петрово племя*, а также как *Петровой крови плод прекрасной*. При этом нигде – кроме заглавия текста – его тесные родственные отношения с Петром I ни разу не упоминаются напрямую; лексемы *дед* и *внук*

характерным образом вообще отсутствуют в оде на день рождение Петра Феодоровича. Очевидно, что в феврале 1742 года факт того, что голштинский герцог Карл Петер Ульрих являлся именно *внуком* Петра Великого, не становится для Ломоносова объектом какой бы то ни было отчетливой рефлексии. Родственные отношения молодого человека и первого российского императора отмечаются Ломоносовым в названии оды, однако не подвергается никакой мифологической и / или идеологической концептуализации в самом тексте его февральского панегирика. Данное обстоятельство заставляет нас предположить, что решение включить обозначение *Внук Государя Императора Петра Великаго* в заглавие его февральской оды 1742 года не являлось оригинальным риторическим изобретением молодого адъюнкта Академии наук. Напротив, скорее всего, оно было обусловлено желанием Ломоносова вписаться в – пусть еще и очень краткосрочную, однако сильно заряженную идеологически – придворную традицию всеобъемлющей и всепроникающей "петровскости" нового царствования[92].

Принципиально иную, по сравнению с одой 1742 года, риторическую ситуацию мы наблюдаем в июньской оде Ломоносова 1743 года.

Начатая в третьей строфе тема родственных отношений двух петров пронизывает всю оду на тезоименитство Петра Феодоровича насквозь. В 3-ьей строфе автор говорит: *И тем* <ты, солнце – *М.К.*> *почти* ***Петрова внука.*** Затем, в 7-ой строфе, описывая широкий спектр будущих достижений именинника в различных сферах государственного управления, Ломоносов вновь вводит образ его деда, который на этот раз придает соответствующий масштаб ожидаемым грядущим военным победам своего внука: <Ты, Петр Феодорович– *М.К.*> *Покажешь мечь и страх в день брани, / 64* ***Подобно, как Твой Дед*** *в полках.* Далее, в хрестоматийно известном монологе Марса и Минервы, разворачивающемся в финале оды, античные боги, обращаясь к России, так характеризуют Петра I: *«Он Бог, он Бог твой был, Россия, / … / Он ныне в вечности сияет, /* ***На Внука весело взирает*** */ 130 Среди Героев, выше звезд».* Настойчивое подчеркивание тесной родственной связи между – заметим, не только никогда не встречавшимися друг с другом, но и вообще никак (например, эпистолярно) не пересекавшимися в реальности[93], – дедом и внуком становится одной из магистральных идеологем, в соответствии с которой формируется одический образ Петра Феодоровича в посвященной ему июньской оде Ломоносова 1743 года.

---

[92] О справедливости именно этого предположения свидетельствует также и ценное замечание Е.А. Погосян, сообщившей, что в календаре на 1742 год, составленном сотрудниками Академии Наук в конце 1741 года, Петр Феодорович уже определен как *внук Петра I* и его тезоименитство, что особенно любопытно, уже намечено к празднованию на июнь 1742 года.

[93] Петр I умер (1725 г.) за три года до рождения Петра Феодоровича (1728 г.).

Да превзойдет Его летами / Наследник имени и дел: чему именно посвящена ода 1743 года?

Акцент на наличии именно родственных отношений между Петром Феодоровичем и Петром I (*дед – внук*) довольно необычен для оды, посвященной не дню рождения, а, что характерно, дню тезоименитства Великого Князя. Выше нам уже приходилось отмечать, что специфика дня рождения как такового автоматически легитимизирует самые разнообразные по жанру – и стихотворные в том числе – размышления на тему *от кого родился* виновник торжества. Однако логика празднования именин, и специфика под-жанра *оды на тезоименитство* соответственно, подразумевает скорее размышления в духе *в честь кого был назван,* а вовсе не *от кого родился,* августейший тезоименинник.

Любопытнейшие вопросы о том, в честь кого был назван племянник Елисаветы Петровны при крещении в лютеранство, а также о том, в честь кого Петр Феодорович был *переназван* при принятии им православного вероисповедания в ноябре 1742 года, представляются отнюдь не праздным в контексте описания процесса формирования одической мифологии молодого человека.

При рождении голштинский герцог Karl Peter Ulrich был отчасти назван в честь своего отца Karl'a Friedrich'a, который в свою очередь получил это имя в честь своего великого дяди Карла XII, носившего корону шведского императора с 1697 по 1718 гг. В лютеранское имя Петра Феодоровича – Karl Peter Ulrich – оказались характерным образом вшиты имена обоих его великих дедов – и Карла XII, и Петра I. Это обстоятельство вряд ли можно считать случайным, если принять во внимание, что по праву рождения, чисто теоретически, племянник Елисаветы Петровны являлся законным наследником корон обеих великих империй.

При этом чисто практически права голштинского герцога на российский трон были довольно призрачны; более того, при рождении, равно как и на всем протяжении жизни Карла Петера Ульриха в Голштинии, его реальные шансы на получение в будущем российской короны стремились к нулю. Еще до рождения молодого человека, при подготовке бракосочетания Анны Петровны и Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, 24 ноября 1724 года, между отцом невесты Петром I и ее женихом, будущим отцом Петра Феодоровича, был заключен брачный договор, во втором пункте которого было вполне однозначно определено:

> Ея Императорское Высочество, Пресветлейшая Принцесса, невеста Анна отрекается силою сего, с совершенной воли и соизволения своего всепресветлейшаго и милостиваго Государя родителя, Его Всероссийскаго Императорскаго Величества, от которого она к сему отреканию именно авторизована и уполномочена, <...> за себя[,] своих наследников, десцендентов и потомства мужеска и женска пола от всех прав, требований, дел и притязаний, какое б они имя ни имели, которые б она или от нее происходящие наследники; десценденты и потомство на корону и Империум Всероссийский и все онаго статы,

> Княжения, провинции и земли нынешния и впредь будущия по наследству, или инако когда получить и учинить могли, от которых прав, запросов и притязаний, безо всякого изъятия высокопомянутое Ея Императорское Высочество Принцесса невеста **за себя и своих наследников, десцендентов и потомство мужеска и женска полу в вечные времена, сим благоразмысля, отступается и от них отрекается**, тако и таким образом, что она и ея наследники и потомство в вечныя времена оных употреблять не будут, ниже какого притязания на корону и Всероссийский Империум и к тому принадлежащие статы, провинции и земли, хотя по наследству, или инако чинить могут ниже хотят, из которых она, ея наследники и десценденты от сего числа в вечныя времена весьма исключены суть и быть имеют [ПСЗРИ, VII: 374-375].

Т.е., выходя замуж за голштинского герцога в мае 1725 года, мать Петра Феодоровича навсегда отреклась как лично от себя, так и от имени всех своих будущих наследников, *десцендентов и потомства* как мужского, так и женского пола, от каких бы то ни было прав на российский престол. Более того, именно дед Петра Феодоровича, *всепресветлейший и милостивый Государь родитель, Его Всероссийское Императорское Величество* Петр I *авторизовал* и *уполномочил* свою дочь на подписание этого отречения. Таким образом, именно волей Петра I, с его подачи и при его благословении, нерожденный еще тогда Петр Феодорович был лишен каких бы то ни было законных прав на корону российской империи.

В этом контексте совершенно закономерно, что не только имя, но и в целом все до-российское воспитание будущего Петра Феодоровича, с самого его рождения и вплоть до приезда молодого человека в Санкт-Петербург в 1742 году, было строго подчинено вполне вероятной возможности наследования им в будущем отнюдь не российской, а, совсем напротив, шведской императорской короны. Ждать шведской короны стало с некоторых пор семейным увлечением Голштин-Готторпской династии, пристрастие к которому передавалось по наследству от одного поколения Голштинских герцогов к следующему. Вот, что сообщает, например, Я. Штелин об отце Петра Феодоровича Карле Фридрихе: «Герцог был **воспитан как Карл XII**, знал хорошо богословие и латинский язык. В Петербурге охотно говорил по-латыни со знатнейшими русскими духовными особами» [Штелин: 313-314]. Кроме того, именно *шведа* видела в муже Анны Петровны русская сторона. В частности, современный историк О.А. Иванов отмечает, что «[ш]ведскость» старшего голштинского герцога не осталась незамеченной современниками: «Он <А.Д. Меншиков – *М.К.*> говорил о Карле-Фридрихе, что «ему, **как шведу** (!), не доверяют»» [Иванов: 146].

Тот же О.А. Иванов справедливо указывает, что «[с]ын Карла Фридриха во многом унаследовал как личную мифологию, так и ключевые моменты идеологического воспитания своего отца» [Иванов: 78]. В подтверждение своего тезиса исследователь приводит следующий фрагмент из воспоминаний Я. Штелина: «Добрый герцог внутренне радовался, видя в сыне такую преобладающую склонность к военному делу, и, вероятно,

представлял себе **второго Карла XII** в наследнике этого героя» [Штелин: 313]. О.А. Иванов приводит и другие многочисленные свидетельства того, что все раннее воспитание Петра Феодоровича было ориентировано на формирование из него достойного наследника шведского престола:

> После смерти герцога <отца Петра Феодоровича – *М.К.*> планы на русскую корону в Голштинии почти полностью рухнули. Штелин пишет: «При Кильском дворе совершенно потеряли надежду на наследие российского престола и потому, имея в виду права принца на **шведский престол**, стали со всем старанием учить его **шведскому языку** и лютеранскому закону». Хотя очевидно, что **шведское влияние было значительным и до этого**. Сам Штелин пишет, что когда мальчику исполнилось семь лет, то к нему приставили гофмейстеров, среди которых он, прежде всего, называет Адлерфельдта, *шведа*, автора «**Истории Карла XII**». <...> примечательное обстоятельство, сообщенное Штелином: «Из упражнений молодого герцога на шведском языке хранится у меня его собственноручный перевод разных газетных статей того времени <...> [Иванов: 150][94].

Мы видим, что с самого детства краеугольным камнем личной мифологии Петра Феодоровича был образ Карла XII, на символическом уподоблении которому строилось раннее воспитание его личности и характера. Именно на шведский, а вовсе не на российский престол имел все основания претендовать в будущем молодой голштинский герцог. В этом контексте выглядит вполне естественно, что при рождении, точнее при крещении в лютеранство во младенчестве, сын Анны Петровны, внук Петра Великого, получил в качестве первого компонента своего имени вовсе не *Петер*, а совсем напротив *Карл.*

Однако, осенью 1741 года исторические обстоятельства сложились совершенно неожиданным, никак не предвиденным ни родителями, ни воспитателями юного голштинского герцога, образом. Восшествие на престол Елисаветы Петровны, ее официальная бездетность, а также острая необходимость в скорейшем назначении законного наследника, органически вписывавшегося бы в “петровскую” идеологию нового царствования дочери Петра, – все эти факторы в совокупности стали причиной того, что именно российская, а вовсе не так давно ожидаемая поколениями голштинских герцогов шведская корона внезапно упала если и не прямо на голову, то по крайней мере к ногам Петра Феодоровича в феврале 1742 года.

Примечательно, однако, что буквально в том же 1742 году в Стокгольме шведский риксрод со своей стороны принял решение объявить Карла Петера Ульриха Голштин-Готторпского официальным наследником шведского престола при бездетном короле Фредрике I. Как вспоминает Я.Я. Штелин,

> [к]огда молодой герцог уже выучил катехизис, и пришло известие о смерти шведскаго короля, тогда стали спешить приготовлениями к приобщению герцога к

[94] Наконец, Екатерина, в своих *Записках* отмечает: «Этого принца **воспитывали в виду шведского престола** при дворе, слишком большом для страны, в которой он находился <...>» [Цит. по: Иванов: 150].

> православной церкви. <...> В половине декабря <уже после принятия Петром Феодоровичем православия – *М.К.*> прибыли из Швеции в Москву три депутата от тамошних государственных чинов, и привезли великому князю, как наследнику шведскаго престола, предложение принять корону Швеции.
> Но принять ее было уже поздно, после того, как великий князь переменил веру. И потому, вместо него, корону Швеции предложили его дяде, епископу Эйтинскому, администратору Голштинии [Штелин: 320-321][95].

Осенью 1742 года 14-летний голштинский герцог принял – ставшее для него впоследствии роковым – решение отказаться от шведской короны в пользу российской, и 20 августа 1743 года на конгресс в Абов российской стороной был послан *Акт отречения Великаго Князя Всероссийскаго Петра Феодоровича от всех наследственных на Швецию притязаний и всяких требований* [ПСЗРИ, XI: 878].

Таким образом, перемена племянником Елисаветы Петровны имени с Karl'a Peter'a Ulrich'a на *Петра Феодоровича* при принятии им православия в ноябре 1742 года была переполнена смыслами. Своеобразная рокировка первого и второго компонентов оригинального, лютеранского, имени голштинского принца (выдвижение на первый план *Петра* и, соответственно, исчезновение *Карла*) узаконивала символическое дистанцирование Петра Феодоровича от германо-скандинавской ветви своего генеалогического древа, а также наглядно подтверждала его отказ от законных прав на шведский престол, условно добровольно отвергаемый им в пользу российского.

Смыслы, наполнявшие перемену имени молодого человека, поддерживались и усиливались характером относительно произвольно присвоенного ему отчества. Строго говоря, даже после смены своего оригинального германского имени *Karl* на исконно русское *Петр* четырнадцатилетний Karl Peter, сын Karl'a Friedrich'a, должен был бы превратиться в России в *Петра Карловича*, а вовсе не в *Петра Феодоровича*. Отчество *Феодорович* было выбрано скорее всего на основании отдаленного созвучия второго – чисто германского – имени его отца *Карла Фридриха* русскому варианту греческого имени *Теодор*. Однако

[95] Ср. также: «В самом Стокгольме потерпевшая полное политическое фиаско в войне "партия шляп" пыталась вывернуться из той ситуации, в которую она завела страну и искала подходящий способ или предлог, чтобы и заключить мир, и отвлечь внимание возмущенного народа от самой себя. Таким предлогом стал вопрос о престолонаследии. Король Швеции Фридрих Гесеннский был уже преклонных годов, а наследников не имел. Тогда "партия шляп", пользуясь своим влиянием в риксдаге, направляет в Петербург к русской Императрице делегацию из графа Бунде, барона Гамильтонга и барона Шеффера, с предложением сделать преемником шведского короля ее племянника Карла-Петра-Ульриха, герцога Голштинского, внука и Петра Великого и Карла XII. Однако к этому времени Карл-Петр-Ульрих был крещен в Православие под именем Петра Федоровича и объявлен наследником русского престола. Взамен, Императрица Елизавета предложила шведам избрать королем другого своего племянника, епископа Любекского, Адольфа-Фридриха» [Шкваров].

не просто про-русский, но в высшей степени анти-шведский пафос православного имени наследника престола подчеркивался настойчивым отрицанием имени *Карл* не только в его имени, но и в его отчестве. В той же мере, в какой в ноябре 1742 года, при принятии православия, Петр Феодорович был назван в честь своего великого российского деда, он был не-назван в честь своего выдающегося шведского предка.

Русское православное имя наследника российского престола – *Петр Феодорович* – стало двойным отрицанием его настоящего оригинального имени – *Карл Карлович*. Конвертация Карла Карловича в *Петра Феодоровича* в ноябре 1742 года – когда, заметим, в полной мере продолжалась начатая шведами еще при Иоанне Антоновиче реваншистская анти-российская военная кампания – очевидно была призвана помочь российской стороне выиграть своеобразную Полтавскую битву за душу юного наследника обоих великих престолов. И на этот раз, в 1742 году, равно как и 33 года назад, российская сторона вновь одержала победу над своими могущественными соперниками. По крайней мере именно так, по всей вероятности, казалось всем заинтересованным наблюдателям в тот момент.

Все описанные нами выше обстоятельства, сопровождавшие смену имени наследника престола осенью 1742 года, придавали очень своеобразный оттенок празднованию дня первого православного тезоименитства Петра Феодоровича. Чисто теоретически, 29 июня 1743 года, в день святых апостолов Петра и Павла, полагалось отмечать тезоименитство Петра Феодоровича со святым апостолом Петром. Однако фактически в этот день при российском дворе, без всяких сомнений, праздновалось вовсе не тезоименитство наследника престола святому апостолу Петру-Кифе, а его навсегда изменившему ход российской истории деду Петру I. Соответственно, ломоносовская ода на тезоименитство Петра Феодоровича 1743 года была призвана отметить вовсе не именины молодого человека в классическом смысле этого слова (идентичность имени виновника торжества имени покровительствующего ему святого). Стихотворный панегирик находящегося под стражей адъюнкта Академии наук был посвящен тезоименитству молодого человека его великому деду Петру I. Финальные строки текста вполне отражают этот идеологический нюанс: *Как естьли сей предел положен, / Что выше степень не возможен, / Куда делами Петр возшел, /* <Творец – *М.К.>, [я]ви сию щедроту с нами, / Да превзойдет Его летами / 140* ***Наследник имени*** *и дел.* Понимание этого обстоятельства в частности объясняет почему на протяжении всего текста Ломоносовым – на первый взгляд, вопреки логике празднования тезоименитства – так настойчиво педалируется отмеченная нами выше тема родственных отношений Петра Феодоровича с его дедом (*дед – внук*).

Настойчивое указание на наличие кровного родства между Петром Феодоровичем и Петром Великим служит в оде Ломоносова своеобразной

мифологической гарантией не только чисто номинального, обеспеченного обрядом переименования, но и внутреннего сходства двух персонажей. Логика конструируемого Ломоносовым одического образа Петра Феодоровича предполагает, что функция "быть *Петровым внуком*" в очень большой степени должна выражаться для молодого человека в том, чтобы, собственно говоря, "стать новым Петром I". Как если бы наличия тесных родственных отношений самого по себе было недостаточно, новое православное имя Петра Феодоровича осмысляется Ломоносовым в качестве еще одной, если и не ключевой, то крайне важной и существенной, составляющей, работающей на подчеркивание общей повышенной "петровскости" его одического образа.

В сей день веселья солнце тмилось, / Но днесь Тобою светит вновь: солярная метафорика как еще один способ иллюстрации воскресения Петра I в своем внуке

Родственные отношения и тезоименитство Петра Феодоровича с Петром I оказываются не единственными направлениями, по которым следует мысль Ломоносова в процессе формирования личной мифологии молодого человека в июньской оде 1743 года. Не что иное, как *внешность* племянника Елисаветы Петровны, в частности черты его лица, становится еще одним элементом, укрепляющим и цементирующим "петровский" компонент его одической мифологии: *Какой веселый лик приходит? / Се вечность от пространных недр / Великий ряд веков приводит: / В них будет жить* ***Великий Петр****, / Тобой, Великий Князь Российский. / В тебе весь Норд и край Азийский / Воскресшу прежню чтит любовь. / Как в гроб* ***лице Петрово*** *скрылось, / В сей день веселья солнце тмилось, / 40 Но днесь Тобою светит* ***вновь*** [VIII: 105]. Финальная синтагма данной строфы, занимающая последние три строки, представляет из себя очевидную реминисценцию пассажа из февральской оды 1742 года, посвященного манифестации выраженного физического сходства Петра Феодоровича со своей матерью, с одной стороны, и со своим дедом, с другой: *Ты паки зриш любезну Анну, / В* ***лице Петровом*** *свыше данну. / Ты зришь* ***Великаго Петра****, / Как феникса рожденна снова*[96] <...>. В обоих панегириках, и в февральской оде на день рождения и в июньской оде на день тезоименитства молодого человека, именно его *лицо – лицо Петрово* – становится триггером, запускающим в действие дальнейший механизм развернутого риторического обоснования не только внешней, но и внутренней идентичности деда и внука.

[96] Ср. также в переводе Ломоносова оды Штелина на восшествие Елисаветы Петровны 1741 года: *Величество являлось всем / В особе и во всяком деле, / На полном благ лице Твоем / И велелепом купно теле. /* ***Желает кто Петра смотрить*** */* ***Или Екатерину чтить*** */ И их доброт дивиться цвету, / 40* ***Возрит пусь на Елисавету*** [VIII: 55-56].

Как мы помним, в оде 1742 года идея внутреннего подобия двух петров была остроумно оформлена Ломоносовым при помощи обладающего значительным мифологическим потенциалом образа *феникса*. В свою очередь, в оде 1743 года тема воскресения Петра Великого в своем потомке решается поэтом путем использования намного менее экстравагантной и намного более укорененной в одической традиции солярной метафорики, реализующейся в тексте в виде образа заходящего (*тмящегося*), но затем вновь восходящего (*светящего*) *солнца.*

Даже в раннем 1743 году использование образа *солнца* при описании *лица* августейшего адресата оды (как правило, с *глазами* испускающими *лучи*) уже являлось общим местом совсем небогатой еще в то время русской одической традиции. Приведем несколько наиболее наглядных примеров из од самого же Ломоносова 1740-х годов: *Надежда долго в тишине / С желаньем на Тебя* <на Елисавету Петровну – *М.К.*> *взирала, / Любезное Твое* ***лице, / Как ясно солнце****, почитала, / Которо в грозных бед волнах / 54 Несносной утоляло страх* [VIII: 56] (Ода на восшествие Елисаветы Петровны, перевод немецкой оды Штелина, 1741), а также: ***Как ясной солнца лучь в немрачной утра час****, / Так Твой приятной взор отрадой светит в нас. / 35 В Тебе с величеством сияет к нам приятство, / С небес влиянной дар — доброт Твоих изрядство, / К почтенью нас ведет* ***прекрасной зрак лица*** [VIII: 70] (Стихи на коронацию Елисаветы Петровны, перевод немецкой оды Юнкера, 1742). Нетрудно заметить, что традиционное употребление образа *солнца* при описании внешности монарха строилось по схеме: *ясное солнце – приятное лицо*, с мотивом выдающейся *красоты* и *внутреннего света* в качестве сквозного элемента, объединяющего оба компонента сравнения. Описание *лица* Петра Феодоровича в оде 1743 года до некоторой степени следует уже сложившейся в более ранних текстах Ломоносова риторической традиции: *лицо – солнце*. Однако, более широкий контекст, в котором используется этот образ в июньской оде на тезоименитство наследника престола, добавляет совершенно новые обертоны к реальному значению солярной метафорики в данном тексте.

Так, в приведенном выше отрывке мы наблюдаем тесную контаминацию двух относительно отдельных друг от друга солярных образов. С одной стороны, Ломоносов использует вполне традиционный образ *лицо* монарха как *солнце:* ***лице*** *Петрово скрылось – веселья* ***солнце*** *тмилось*. С другой стороны, данный – вполне классический – образ инкорпорируется поэтом в довольно неожиданный в этом контексте микро-сюжет *заката* (*лице* ***скрылось*** – *солнце* ***тмилось***) и последующего *восхода* (*Тобою* ***светит вновь***) одического *солнца веселья*. *Закат солнца* однозначно соотносится в оде 1743 года со смертью Петра I (*в гроб лице Петрово скрылось – [в] сей день веселья солнце тмилось*). *Восход*, в свою очередь, по всей видимости, корреспондирует с официальным принятием Петром

Феодоровичем титула Великого Князя и наследника российского престола при Елисавете Петровне, т.е. с символическим *рождением* молодого человека в хронотопе российской имперской истории. В результате диффузии этих двух риторических единиц мы и получаем тот образ, который замыкает собой четвертую строфу оды 1743 года.

Описание рождения императора, являющегося наследником и гипотетическим последователем своих великих предков, при помощи образа *восходящего солнца* уже было отработано Ломоносовым в одной из его более ранних од, не имеющей ничего общего с напряженной петровской проблематикой оды 1743 года. Очень отчетливо риторическая схема *рождение наследника – восход солнца – возобновление идеального прошлого* была выражена в оде 1741 года, посвященной первому дню рождения императора-младенца Иоанна Антоновича: <Говорит Россия – *М.К.*> *[м]олчу заслуги, что недавно / Чинила* ***Царска*** *мне* ***любовь. / Твое*** *коль,* ***Рурик, племя*** *славно! / Коль мне твоя полезна кровь! / 145 Оттудуж нынь* ***взошло Светило****, / Откуду* ***прежне*** *щастье было. / Спешите скоро, те лета, / Когда увижу, что желаю. / О младом Свете больше чаю, / 150 Неж предков слава мне дала* [VIII: 39-40]. Иоанн Антонович был правнуком Ивана V, единокровного брата Петра I, и считался, по материнской линии, прямым наследником рода Рюриковичей. В 1741 году именно восстановление на российском престоле династии Рюриковичей (династии, к которой принадлежали и Анна Иоановна, и назначенный ей на царствование малолетний Иоанн Антонович), осмыслялось Ломоносовым в качестве *восхода Светила* и возобновления *прежнего щастья.*

Ни Петр I, ни Елисавета Петровна, ни, естественно, сам Петр Феодорович не имели ничего общего ни с Рюриком, ни с его потомками. Однако, символическое восстановление на российском троне потомков Петра Великого, к которым как раз и принадлежали все персонажи ломоносовской оды 1743 года, интерпретируется Ломоносовым с использованием совершенно тех же самых риторических средств, что и восстановление потомков конкурирующей с ними династии Рюриковичей двумя годами ранее. Подобного рода повторение образа *императора – солнца,* а также авто-реминисценция микро-сюжета *восход солнца* → *рождение наследника* не может не натолкнуть на мысль о том, что для Ломоносова в принципе было совершенно безразлично, чья именно *кровь, семя* и / или *племя* находились на российском троне в каждый конкретный момент времени. Восшествие на престол потомков и Рюриковичей, и Романовых описывалось им в 1741 и 1743 годах с использованием одних и тех же поэтических приемов. По-настоящему важным для поэта оказывается соответствие и следование императоров, императриц и их наследников схеме циклической смены власти, т.е. регулярного восстановления в лице членов императорской фамилии *царской любви* и *прежнего щастья*, в

терминологии оды 1741 года, или *прежней любви* и *солнца радости*, в дефинициях оды 1743 года.

Тут стоит обратить внимание на лексему *вновь*: *но днесь тобою светит* ***вновь***. В оде 1743 года она корреспондирует с мотивом *воскресения* в 7-ой, находящейся по отношению к ней в рифменной позиции, строке текста: ***воскресшу*** *прежню чтит любовь*. И различные варианты лексемы *вновь,* и мотив *воскресения* уже встречались нам в оде 1742 года[97]. Т.е. мы видим, что именно тема *повторения* и *цикличности*, выраженная на уровне лексики различными вариантами слова *вновь,* а на образном уровне сопровождающаяся мотивом *воскресения,* настойчиво выдвигается Ломоносовым на первый план в одическом образе Петра Феодоровича с самого момента его прибытия в Россию. При этом в оде 1742 года для передачи идеи цикличности, являющейся идеологическим стержнем одического образа Петра Феодоровича, Ломоносов использовал образ *феникса*. В свою очередь, в оде 1743 года он обращается к солярной метафорике, творчески обрабатывая предшествующую традицию ее употребления в одическом жанре и придавая устойчивой метафоре *лицо – солнце* несколько неожиданный поворот[98].

Младаго шум Орла паряща / И предкам в след взлететь спешаща:
включение Петра Феодоровича в замкнутый круг одических *орлов*

В июньской оде 1743 года развернутое описание Петра Феодоровича в качестве *Младого Орла* инкорпорировано в обращение Ломоносова к солнцу, полностью занимающему 3-ью строфу текста: *И тем* <ты, солнце – *М.К.*> *почти Петрова внука; / Сияй, как наш веселый дух / Горит от радостнаго звука, / Который в наш внушает слух /* ***Младаго шум Орла паряща / И предкам в след взлететь спешаща, / На мир возреть, искать побед. / Он выше бурь и тучь промчится, / Против перунов ополчится, / 30 Одним обозрит взглядом свет.*** Постараемся понять, какое значение

[97] В оригинальном варианте 1742 года: *Ты* ***паки*** *зришь любезну Анну / <...> / Ты зришь Великого Петра / Как феникса рожденна* ***снова***. В то же время в варианте 1757 года этот пассаж выглядел так: *Ты зришь Великаго Петра, / Как феникса,* ***воскресша*** *ныне; / Дражайшая Твоя Сестра / 40 Жива в своем любезном сыне.*

[98] Интересные соображения об идее *цикличности* и *повторяемости* как основных организующих принципах механизма самосоотнесения Ломоносова с предшествующей литературной традицией высказаны в статье К. Осповата *Quisquis Pindarum studet aemulari: заметки о "литературном направлении" Ломоносова*: «<...> сама по себе классицистическая теория оды генерирует миф о величии (образцовости) поэта, в полной мере реализовавшийся в сознании Ломоносова; думается, что именно этой многоплановостью организующих категорий одической эстетики и их мифогенным потенциалом обусловлено беспрецедентное для западноевропейской словесности абсолютное доминирование оды в системе ломоносовской поэзии» [Осповат 1999]. Представляется, что манифестирующий себя на различных уровнях текста феномен *мифогенного потенциала* оды как жанра заслуживает тщательного дальнейшего изучения.

имеет содержащееся в этих строках яркое сравнение Петра Феодоровича с *Младым Орлом*.

В 1741 году, в оде на тезоименитство Иоанна Антоновича, Ломоносов писал по поводу победы русских войск над шведскими под Вильманстрандом: *Российских войск хвала растет, / Сердца продерсски страх трясет, / **Младой Орел** уж льва терзает; / Преж нежель ждали, слышим вдруг / 5 Победы знак, палящий **звук*** [VIII: 43]. Через два года, летом 1743 года, в рассматриваемой нами оде на тезоименитство Петра Феодоровича мы читаем: *<...> наш веселый дух / Горит от радостнаго **звука**, / Который в наш внушает слух / **Младаго** шум **Орла** паряща*. Мы видим, что, во-первых, мотив резкого *звука*, сопровождающего полет *орла*, равно как и сам образ *Младого Орла*, объединяют два приведенных выше пассажа. Во-вторых, победа российских войск под Вильманстрандом в оде на тезоименитство Иоанна Антоновича осмыслялась Ломоносовым как следование императора-младенца по стопам своих великих предков: *Хотя и млад Монарх у нас, / Но славны Он чинит **победы**, / **В Своих ступает Предков следы**, / 190 Недавно что карали вас* [VIII: 50]. В июньской оде на тезоименитство Петра Феодоровича мотив малолетства именинника исчезает, однако анонс будущих военных побед наследника престола оформляется Ломоносовым с использованием практически тех же самых риторических средств: *Младаго шум Орла паряща / И **предкам в след взлететь спешаща**, / На мир возреть, искать **побед***. Т.е. топика, однажды разработанная поэтом для описания малолетнего императора Иоанна Антоновича в 1741 году (дефиниция тезоименинника как *Младого Орла*; мотив *звука*, сопровождающего его полет; ступание главного героя *в след предкам*), смело переносится им в описание 14-летнего наследника престола в 1743 году. Однако, ода на тезоименитство Иоанна Антоновича 1741 года и созданный в ней одический образ императора является не единственным претекстом, важным для адекватного понимания образа Петра Феодоровича в оде 1743 года.

Четырьмя годами ранее Ломоносов уже использовал ключевые мотивы, сопровождающие описание *орла* в оде на тезоименитство наследника престола, в описании *Росской Орлицы*-Анны Иоановны в Хотинской оде, приуроченной к победе русских войск над турками и татарами летом 1739 года: *Как в клуб змия себя крутит, / Шипит, под камень жало кроет, / **Орел** когда **шумя** летит / И там **парит**, где ветр не воет; / 185 **Превыше** молний, **бурь**, снегов / Зверей **он видит**, рыб, гадов, — / Пред Росской так дрожит Орлицей, / 188 Стесняет внутрь Хотин своих* [VIII: 27]. Общие для обоих текстов мотивы *шума* (1739: ***Орел** когда **шумя** летит* – 1743: *Младаго **шум Орла***), *парения* (1739: *И там **парит**, где ветр не воет* – 1743: *шум Орла **паряща***), *полета* на исключительной высоте (1739: ***Превыше** молний, **бурь**, снегов* – 1743: *Он **выше бурь** и тучь промчится*), а также *сверх-зрения* (1739: *Зверей **он видит**, рыб, гадов* – 1743:

Одним обозрит взглядом свет) дают нам серьезные основания для интерпретации обоих описаний *орлов* – 1739 и 1743 года – в качестве частных манифестаций единого образного инварианта.

Приведенные выше примеры наглядно демонстрируют, что практически *все* августейшие адресаты ранних ломоносовских од – Анна Иоановна в 1739 году, Иоанн Антонович в 1741, Елисавета Петровна в 1742 году[99], а затем и Петр Феодорович в 1743 – в тот или иной момент описывались Ломоносовым в качестве *Орлов* или *Орлиц.* Сопоставив все эти "орлиные" образы между собой, с одной стороны, довольно легко выявить своеобразный ломоносовский "канон" подобных орнитологических описаний, строящихся по довольно однообразной схеме и с использованием относительно ограниченного набора устойчивых мотивов (*полет, парение, шум, зрение*, возможно, *битва с противником*). С другой стороны, при всем единообразии подобных описаний, совершенно очевидно, что в зависимости от реальных обстоятельств и текущей политической конъюктуры отличные друг от друга семантические компоненты *орлиной* метафорики выходят на первый план в каждом из приведенных выше описаний.

Так, например, ключевым мотивом орлиного микро-сюжета в Хотинской оде становится *обреченность* вынужденной прятаться под камень *змеи* (турецких войск) во время охоты на нее легко преодолевающего любые препятствия *орла* (российской армии). В оде на тезоименитство Иоанна Антоновича организующим мотивом всего орлиного описания становится напряженное противостояние между *Младым Орлом* и *орлицей* (Иоанном Антоновичем и его матерью) и терзаемым ими *львом* (т.е. шведской армией). В свою очередь, сравнение Петра Феодоровича с *орлом* в оде 1743 года ярко выделяется на фоне всех предшествующих "орлиных" описаний полным отсутствием в нем внутреннего сюжета и / или какого бы то ни было одного доминирующего семантического компонента. При этом сравнение с *орлом* в оде на тезоименитство наследника престола 1743 года обращает на себя внимание своеобразной риторической избыточностью и семасиологической "пустотой" всего приведенного нами выше девятистрочного пассажа. Наименование Петра Феодоровича *Младым Орлом* в оде на его тезоименитство не означает ничего кроме, собственно говоря, наименования его *Младым Орлом.* Основное значение в данном тексте приобретает сам факт использования "орлиного" сравнения применительно к совсем еще недавно провозглашенному официальным наследником престола молодому

---

[99] Ср.: *35 Ты твердь оставь, о древня Лира, / Взнесенна басньми к верьху мира: / Моя число умножит звезд, / Возвысившись до горних мест / **Парящей славою Орлицы**, / 40 Прияв от Росской свет Денницы* [VIII: 84], а также: *Как нельзя лить рекам к верьшине / Против крутизны вод своих / И силы взять огню в пучине, / Так к нам ввести людей твоих. / 145 **Орлы на тое не взирают**, / Что львовы челюсти зияют* [VIII: 88] (Ода на коронацию Елисаветы Петровны, 1742).

человеку. Сравнение племянника Елисаветы Петровны с *орлом* в оде, посвященной дню его первого православного тезоименитства, становится своеобразным знаком если пока еще и не канонизации, то по крайней мере одической “орнитологической беатификации” Петра Феодоровича, т.е. почетным знаком причисления его к своеобразному птичьему “лику святых”, сформированному Ломоносовым в его одах начала 1740-ых годов.

<u>*Холмов Ливанских верьх дымится! / Там Наввин иль Сампсон стремится*:</u>
<u>темпоральная аберрация</u>

До этого момента, анализируя образ Петра Феодоровича в адресованных ему одах Ломоносова 1740-х годов, мы столкнулись с двумя типами описания наследника. Эти типы можно обозначить как *историческую* и *метафорическую* номинации. Как мы видели, историческая номинация работает по принципу установления тождества между объектом описания (в нашем случае, Петром Феодоровичем) и историческим персонажем прошлого. *Великий Князь Петр Феодорович – это Петр Великий сегодня,* подобного рода пример исторической номинации мы неоднократно встречали в обеих рассмотренных нами выше одах Ломоносова. В свою очередь, метафорическая номинация подразумевает установление отношений подобия между объектом описания и другим произвольно выбранным явлением, животным или растением. *Петр Феодорович – это наше солнце, Петр Феодорович – молодой орел, лев* и проч. – это типичные примеры метафорической номинации. Однако, в июньской оде 1743 года мы встречаем еще один очень яркий способ осмысления личности Петра Феодоровича. Назовем этот, последний, тип описания личности наследника *мифологической* номинацией.

В оде на тезоименитство Петра Феодоровича основные мифологические образы и мотивы, относящиеся к личности адресата, сосредоточены в 6-й строфе: *Возвысится,* ***как кедр*** *высокий, / Над сильных всех Твоя глава; / Ты,* ***как змею, попрешь пороки***, ***/ Пятой наступиш Ты на Льва****. / Твоими сам Господь устами /* ***Завет*** *во век* ***поставит*** *с нами; / И крепче Мавританских гор / Твои плещи, Петром скрепленны / И силой свыше облеченны, / 60 Надежный будут нам подпор.* В этом пассаже мы без труда замечаем очень высокую концентрацию ветхозаветной топики. Попробуем реконструировать ее источники. Так, пассаж про возвышающийся кедр (*Возвысится,* ***как кедр*** *высокий, / Над сильных всех Твоя глава*) может быть сопоставлен, например, со следующим отрывком: 13 **Пра́ведникъ** ꙗ҆́кѡ фі́нїѯъ процвѣте́тъ: **ꙗ҆́кѡ ке́дръ**, и҆́же въ лїва́нѣ, ᲂу҆мно́житсѧ [Псалом 91: 13]; фрагмент о попрании змеи и льва (*Ты,* ***как змею, попрешь пороки***, */* ***Пятой наступиш Ты на Льва***), возможно, отсылает к 90-му псалму: 13 на а҆спі́да и҆ васїлі́ска насту́пиши, и҆ **попере́ши льва̀ и҆ ѕмі́ѧ** [Псалом 90: 13]; строки об установлении завета могут быть соотнесены с заключением

Богом завета с Ноем, Авраамом или Моисеем. Однако однозначное установление определенно-точных библейских источников ломоносовских строк в данном случае не только невозможно, но и не нужно, т.к. понимание функции библейских микроцитат в рассматриваемом тексте никак не связано с прямым установлением их первоисточника.

На наш взгляд, перенасыщая описание наследника престола осколками ветхозаветной образности, Ломоносов преследует вполне определенную цель: задать масштаб восприятия личности, создать подходящий смысловой контекст для описания будущих подвигов Петра Феодоровича. И соответственно, по версии Ломоносова, именно подвиги ветхозаветных патриархов оказываются адекватным масштабом и подходящим контекстом для осмысления личности именинника, которому посвящена ода 1743 года.

Ветхозаветная топика встречается нам и далее, в 9-й строфе: *Мой дух течет к пределам света, / Охотой храбрых дел пленен, / В восторге зрит грядущи лета / И грозный древних вид времен: / Холмов Ливанских верьх дымится! / Там Наввин иль Сампсон стремится! / Текут струи Евфратски вспять! / Он Тигров челюсти терзает, / Волнам и вихрям запрещает,/ 90 Велит луне и солнцу стать.* Этот отрывок представляет собой крайне любопытное описание *храбрых дел* прошлого в таком его виде, как оно видится Ломоносову. Рассмотрим этот фрагмент подробнее.

Упоминаемые Ломоносовым в этой строфе микросюжеты распадаются на две группы. Первая группа – это динамические описания природных катаклизмов: *[х]олмов Ливанских верьх дымится, [т]екут струи Евфратски вспять.* Основная функция этих драматических описаний природы заключается в создании фона, в установлении соответствующих декораций, в которых впоследствии стремительно разворачиваются действия того или иного главного героя. Вторая группа ломоносовских микросюжетов – это непосредственно сами действия: *Наввин или Сампсон стремится, он терзает челюсти Тигров, он запрещает волнам и вихрям, он велит стать солнцу и луне*.

При внимательном чтении этой строфы обращает на себя внимание тот факт, что славное военное прошлое оказывается связано для Ломоносова с событиями библейской истории. Важно отметить один нюанс: как мы видели выше, прошлое Российской Империи отождествляется Ломоносовым не с каким-либо конкретным событием, а прежде всего с именем, с личностью Петра I, т.е. имеет ярко выраженный номинальный характер. Основным происшествием в истории России при таком подходе становится *смерть* первого российского императора. В свою очередь, славное военное прошлое как таковое имеет для поэта подчеркнуто глагольную природу (см. избыток глаголов настоящего времени в процитированной выше строфе: *дымится, стремится, текут, терзает, воспрещает, велит*), и отождествляется прежде всего с событиями Ветхого Завета.

В этом контексте вполне закономерно, что конкретные имена и личности библейских патриархов отходят в этой строфе на второй план; так, исключительно симптоматичным представляется союз *иль*, используемый автором при описании древних героев: *Там Наввин **иль** Сампсон стремится!* Несмотря на то, что сам выбор имен героев очевидно не нейтрален, действующие лица библейской истории демонстрируют полную обоюдную взаимозаменяемость в этом пассаже Ломоносова. Более того, в результате повышенной сосредоточенности автора исключительно на динамике и его полного равнодушия к конкретным героическим личностям, в 8-10 строках процитированной выше строфы действие вообще полностью обезличивается, и имена собственные вполне безболезненно заменяются на местоимение *он*: ***он** Тигров челюсти терзает, <**он**> волнам и вихрям запрещает, <**он**> велит луне и солнцу стать*. Автор не ощущает принципиальной разницы в том, какому именно библейскому персонажу атрибутируется то или иное конкретное действие, намного важнее для него наличие, и даже избыток, самого этого действия как такового.

Проанализируем, какие именно события / действия интересуют поэта в первую очередь. В процитированной выше строфе, в очень сжатой форме, Ломоносов создает своеобразный каталог важных, по его мнению, ветхозаветных микросюжетов. Несмотря на кажущееся обилие материала, только для одного библейского микросюжета из этого списка можно относительно точно установить первоисточник: *велит луне и солнцу стать*. Этот пассаж ломоносовской оды довольно однозначно отсылает к известной истории победы израильтян над Аморреями в битве при Гаваоне[100]. Все остальные Ломоносовские “как бы ветхозаветные” сюжеты из оды 1743 года не имеют прямого библейского источника.

Рассмотрим, например, микросюжеты из первой группы динамических описаний природных катаклизмов: *[х]олмов Ливанских верьх дымится, [т]екут струи Евфратски вспять.* Во-первых, стоить отметить, что *Ливанские холмы* как таковые в Библии вообще ни разу не упоминаются. Однако горы в Ветхом Завете тем не менее *дымятся* многократно и по разным поводам. Приведем по крайней мере две показательных цитаты: **31**

[100] «**12** Тогдà глаго́ла і̓исꙋ́съ ко гдⷭ҇ꙋ, <...> и̓ речѐ і̓исꙋ́съ: да **ста́нетъ со́лнце** <...> **и̓ лꙋнà** пря́мѡ де́бри є̓лѡ́нъ. **13 И̓ стà со́лнце и̓ лꙋнà въ стоя́нїи**, до́ндеже ѿмстѝ бг҃ъ врагѡ́мъ и̓́хъ. **Н**е сі́е ли є̓́сть пи́сано въ кни́гахъ првⷣнагѡ: и̓ **стà со́лнце посредѣ̀ небесѐ и̓ не и̓дя́ше на за́падъ въ соверше́нїе днѐ є̓ди́нагѡ; 14 И̓** не бы́сть де́нь таковы́й нижѐ пре́жде, нижѐ послѣдѝ, є̓́же послꙋ́шати бг҃ꙋ та́кѡ гла́са человѣ́ча, ꙗ̓́кѡ гдⷭ҇ь спобо́рствова і̓и҃лю» [Ис Нав 10: 12-14].

Бꙋ́ди сла́ва гдⷭ҇нѧ во вѣ́ки: возвесели́тсѧ гдⷭ҇ь ѡ҆ дѣ́лѣхъ свои́хъ: 32 призира́ѧй на зе́млю и҆ творѧ́й ю҆̀ трѧсти́сѧ: **прикаса́ѧйсѧ гора́мъ, и҆ дымѧ́тсѧ** [Псалом 103: 32]. А также: 16 **Бы́сть же въ тре́тїй де́нь бы́вшꙋ ко ᲂу҆́трꙋ, и҆ бы́ша гла́си и҆ мѡлнї́ѧ и҆ ѻ҆́блакъ мра́ченъ на горѣ̀ сїна́йстѣй,** <...> 18 **Гора́ же сїна́йскаѧ дымѧ́шесѧ всѧ̀**, схожде́нїѧ ра́ди бж҃їѧ на ню̀ во ѻ҆гнѝ, и҆ восхожда́ше ды́мъ, ꙗ҆́кѡ ды́мъ пе́щный: и҆ ᲂу҆жасо́шасѧ всѝ лю́дїе ѕѣлѡ̀ [Исход 19:16-18]. Очевидно, что ломоносовская строка не отсылает нас ни к одному из этих мест Ветхого Завета конкретно. Дымящийся верх Ливанских холмов в данном случае – это очень обобщенный знак явного присутствия Бога в отдельно взятой, описываемой автором, географической точке.

Во-вторых, рассмотрим строку, описывающую противоестественное течение вод Евфрата: *текут струи Евфратски вспять*. В библейских описаниях воды Евфрата ни разу не меняют своего направления. Однако подобное действительно случается с водами Иордана:

> 1 Во и҆схо́дѣ і҆и҃левѣ ѿ є҆гѵ́пта <...> 3 Мо́ре ви́дѣ и҆ побѣжѐ, **і҆орда́нъ возврати́сѧ вспѧ́ть:** 4 го́ры взыгра́шасѧ ꙗ҆́кѡ ѻ҆вни̑, и҆ хо́лми ꙗ҆́кѡ а҆́гнцы ѻ҆́вчїи. 5 Что́ ти є҆́сть, мо́ре, ꙗ҆́кѡ побѣ́гло є҆сѝ, и҆ **тебѣ̀, і҆орда́не, ꙗ҆́кѡ возврати́лсѧ є҆сѝ вспѧ́ть;** 6 го́ры, ꙗ҆́кѡ взыгра́стесѧ ꙗ҆́кѡ ѻ҆вни̑, и҆ хо́лми ꙗ҆́кѡ а҆́гнцы ѻ҆́вчїи [Псалом 113: 1-6].

Мы видим, что трансформации, происходящие и с *Ливанскими холмами,* и с *Евфратскими струями* в оде Ломоносова имеют довольно опосредованное отношение к Библии как таковой. Ровно то же самое можно сказать и о микросюжетах из второй – выделенной нами выше – группы (не декорации, а непосредственно сами действия). Так, строки *[т]ам Наввин иль Сампсон стремится* и *[в]олнам и вихрям запрещает* не могут быть соотнесены ни с каким библейским претекстом в силу их исключительной краткости и отрывочности. Решительно невозможно установить источник и для 7-й строки: *Он Тигров челюсти терзает* (никто не терзает челюсти Тигров в библейском тексте; более того, никаких *тигров* там нет вообще).

Подводя промежуточные итоги о функции ветхозаветных образов, мотивов и сюжетов в ломоносовском тексте 1743 года, отметим, что один микро-сюжет из 9-й строфы оды на тезоименитство Петра Феодоровича – *остановка луны и солнца волей Иисуса Наввина* – может быть напрямую соотнесен со вполне определенным библейским претекстом; два других микро-сюжета (*дымление Ливанских гор* и *течение вспять Евфратских струй*) имеют пусть и не столь явные, но все-таки довольно отчетливые библейские источники; и, наконец, третий – *Он Тигров челюсти терзает* – является ломоносовской импровизацией на тему событий Ветхого Завета.

Попробуем ответить на вопрос: какое отношение все это имеет к процессу формирования личной мифологии Петра Феодоровича?

Тут следует обратить внимание на любопытную темпоральную аберрацию, смоделированную и акцентированную Ломоносовым в начале анализируемой нами строфы: *Мой дух течет к пределам света, / Охотой храбрых дел пленен, / В восторге* ***зрит грядущи лета*** */ И* ***грозный древних вид времен.*** Силой авторского воображения прошлое (*грозный древних вид времен*) и будущее (*грядущи лета*) прямо накладываются на и проникают друг в друга перед по-одически восторженным мысленным взором поэта. Библейские герои прошлого (Наввин и Сампсон) становятся прямыми предшественниками юного наследника российского престола, а совершенные ими в прошлом героические подвиги осмысляются как прообразы и модели будущих (описываемых далее в тексте) побед и свершений петровского внука. В этом контексте обретают вполне определенный смысл и бросающиеся в глаза несовпадения ломоносовских псевдо-цитат с библейским текстом. Они могут быть проинтерпретированы примерно так: струи Евфрата еще никогда не текли вспять, однако будущее царствование Петра Феодоровича будет настолько грандиозно, что это непременно случится, точно так же, как это уже случалось, например, с водами Иордана во времена исхода израильтян из Египта под предводительством Моисея.

Иисус Наввин, Сампсон, Моисей, Петр Феодорович – примерно такой именной ряд выстраивает Ломоносов в своей оде, а несколько избыточно напряженно нагнетаемая автором ветхозаветная топика функционирует как своеобразная сетка оригинальной историко-мифологической системы координат, в которую поэт настойчиво вписывает будущего российского императора Петра III.

ГЛАВА II

ЗАКЛЮЧИТАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОЙ МИФОЛОГИИ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА

(*на материале торжественных од 1762 года*)

§1. М.В. Ломоносов, *Ода на восшествие Петра III Феодоровича и купно на 1762 Новый Год*, декабрь 1761 года

§1.1. Восшествие Петра Феодоровича на престол в 1761 году

1762 год оказался без преувеличения одним из самых сложных, драматических и богатых событиями в истории русского государства. События начали разворачиваться уже в конце 1761 года, когда 25 декабря, в самый канун православного Рождества, изнурительной болезнью и неожиданной смертью окончилось двадцатилетнее правление – лишь неделю назад отметившей свое 52-летие – императрицы Елисаветы Петровны. Вот как, по свежим следам, описывает это событие австрийский посланник в Санкт-Петербурге граф Мерси д'Аржанто в депеше, отправленной им 25 декабря 1762 года своему непосредственному начальнику, полковнику, придворному и государственному канцлеру, сиятельному графу Кауницу Риттбергу:

> Припадок, которым началась болезнь русской Императрицы, повторился с Ея Величеством в ночь с 3-го на 4-ое число этого месяца[101] и притом так сильно, что она несколько часов спустя лежала изнеможенная, как бы при последнем издыхании; после чего наступило истощение всего организма, при постоянной потери крови из различных органов тела. 4-го числа поутру Государыня приобщилась Св. Таин, и наконец сегодня[102] между 3-мя и 4-мя часами пополудни скончалась. <...> мало было поводов ожидать столь поразительнаго несчастия; тем более, что лейб-медики до помянутого дня считали Императрицу вне опасности [Мерси д'Аржанто: 1-2].

В тот же день, 25-го декабря 1761 года, племянник Елисаветы Петровны был провозглашен новым российским императором. К моменту вступления на престол Петру Феодоровичу исполнилось 33 года, двадцать из которых он провел в России. Вопреки политическим традициям “бунташного” XVIII века, восшествие внука Петра I на трон

> <...> произошло совершенно спокойно и без малейшаго нарушения порядка. Находящияся здесь <в Санкт-Петербурге – *М.К.*> войска охотно явились по приказанию новаго монарха и присягнули ему, не выражая ни особенной радости, ни отвращения. При дворе еще у всех глаза полны слез, и лица выражают всеобщее сильное сожаление, соединенное со страхом и упадком духа [Мерси д'Аржанто: 32-33].

Накануне наступления нового 1762 года мало кто в России понимал, чего именно стоило ожидать от столь внезапно случившейся политической перемены. Конкретные планы нового российского императора как в сфере внутренней, так и внешней политики довольно долгое время оставались неопределенными даже для самых проницательных и приближенных ко

---

[101] Граф Мерси д'Аржанто указывает все даты по григорианскому календарю, т.е. по новому стилю. В данном случае *3-ье и 4-ое число этого месяца* в его депеше соответствуют 23 и 24 декабря 1761 года по старому стилю.

[102] 5 января 1762 года по новому стилю, т.е. 25 декабря 1761 года по старому.

двору наблюдателей. С одной стороны, в *Манифесте о вступлении на престол*, оперативно опубликованном Петром Феодоровичем все в тот же день, 25-го декабря 1761 года, он вполне определенно декларировал последовательную преемственность нового политического курса по отношению к идеалам и принципам правления его венценосных предшественников:

> Мы, навыкнув Ея Императорскаго Величества безпрекладному великодушию в правительстве, за главное правило поставляем, владея Всероссийским Престолом, **во всем подражать** как Ея Величества щедротам и милосердию[103], так **во всем последовать** стопам премудраго Государя, Деда Нашего Императора Петра Великаго, и тем возстановить благоденствие верноподданных Нам сынов Российских [ПСЗРИ, XV: 875].

С другой стороны, высокая степень осведомленности о реальном положении дел заставляла хорошо информированных внешних аналитиков достаточно скептически относится к официальным декларациям политических намерений новой власти. Через пять дней после смерти Елисаветы Петровны, 30 декабря 1761 года, все тот же граф д'Аржанто сообщал графу Кауницу следующие подробности об образе мыслей нового императора:

> Все, что до сих пор известно, на счет образа мыслей новаго русского Государя до восшествия его на престол, слишком неблагоприятно, и дает достаточный повод предполагать, что этот Государь будет действовать **совершенно в ином духе**, чем действовала покойная Императрица. <...> Приняв во внимание его ум, так мало упражнявшийся в серьезных занятиях и размышлениях, и постоянно руководствовавшийся предубеждениями, равно как и его природный характер – упрямый, необузданный и вспыльчивый, надо сознаться, что хорошаго ожидать трудно [Мерси д'Аржанто: 30].

При этом своеобразие *природного характера* Петра Феодоровича характеризуется в более поздних сообщениях австрийского посланника следующим примечательным образом:

> Что касается странных, личных качеств нового монарха, его неспособности основательно вникать во все, его недостатков и безразсудного поведения, то все это было уже описано в докладах моих предшественников так подробно и живо, что я нахожу совершенно излишним входить здесь в подробное повторение об таком неприятном предмете и удовольствуюсь лишь тем, что упомяну, как трудно понять, не будучи личным свидетелем, сколько заключается безтолковаго, неприличного в его речах, телодвижениях и во всем поведении [Мерси д'Аржанто: 56].

Отнюдь не прибавляли ясности и отчетливости политическому образу Петра Феодоровича и довольно скоро ставшие широко известными в придворных кругах обстоятельства кончины недавно преставившейся

---

[103] Ср. также: «Находясь под влиянием всеобщаго живейшаго впечатления неожиданной и тяжкой потери Государыни, искренно любимой своими подданными, я считаю своим долгом выразить мою полную уверенность в том, что Его Императорское Высочество Великий Князь, в настоящее время повелитель всей России, вступив на престол усопшей Императрицы, **без сомнения пойдет по Ея достославным следам** <...>» [Мерси д'Аржанто: 2-3].

императрицы. Через пару дней после смерти Елисаветы Петровны при дворе стали стремительно распространяться слухи о том, что, уже находясь на смертном одре, монархиня имела намерение огласить свою последнюю государственную волю, посредством чего собиралась то ли полностью лишить Петра Феодоровича короны, то ли ограничить его власть торжественными обещаниями строго исполнять ее предсмертные распоряжения. В *Объяснении*, созданном Екатериной II в 1784-1785 гг. и относящемся к написанной Графом А.А. Безбородко краткой истории ее царствования, бывшая супруга Петра Феодоровича так описала этот переломный момент:

> Во время болезни Блаж: Пам: Государ: Императ[104]: Елисаветы Петровны, в декабре месяце 1761 года слышала я <…> Что трое Шуваловы: Петра Иванович, Александр Иван: и Иван Ивано: чрезвычайно робеют о приближающей кончине Государины Императрице [и] о будущем жребии их. <…> что Наследника Ее все боятся, что он не любим и не почитаем никем, что сама **Государиня сетует кому поручить престол**, что склоностъ в ней находят отрешить наследника не способного от которого много имела сама досады, и взять сыно его, седмилетняго, и мне поручить управление, но что сие последное касательно моего управления не по вкусу Шуваловым. Из сих проектов родилось что посредством Мельгунова Шуваловы помирились с Петром III и Государина скончалась без иных распоряжений [Шумигорский].

Бесспорно, у нас есть все основания не доверять рассказу Екатерины. Однако очень похожую историю о предсмертном наказе, данном Елисаветой Петровной, рассказывает в своей депеше вездесущий австрийский посланник. 30 декабря 1761 года граф Мерси д'Аржанто писал своему высокопоставленному корреспонденту:

> Вечером, накануне своей кончины, Императрица позвала к себе Великаго Князя и Великую Княгиню, и, пригласив удалиться всех присутствующих, кроме Олсуфьева, объявила Великому Князю следующее: в благодарность за все, что она для него сделала, он пусть обещает при ее последних минутах не обижать в особенности графа Розумовского и каммергера Ивана Шувалова, также и прочих находившихся на ея службе особ, считать верными слугами; вообще предать полному забвению все то, что в некоторых случаях могло возбудить его неудовольствие против них. На это Великий Князь, как говорят, чрезвычайно растроганный этою краткою последнею просьбою Императрицы, торжественно обещал Ея Величеству, что ея последния приказания будут исполняться точно и неизменно. Тоже самое последовало бы относительно и других важных вопросов, если бы в то время при Императрице находился кто нибудь честный и вполне преданный интересам государства, кто направил бы ея мысли на полезное. К сожалению **этого не случилось, все было забыто**, отсюда и вытекает полнейшая неизвестность о важных последствиях перемены правления [Мерси д'Аржанто: 27][105].

---

[104] *Объяснение* писалось Екатериной II по-русски. В публикации 1899 года Е. Шумигорский сохранил авторскую орфографию и пунктуацию.

[105] Ср. также: «... я неотступно просил графа Воронцова внушить ея Величеству, как можно лучше, какое важное значение будет иметь для ея будущей славы, равно как и для благоденствия ея государства, чтобы она **сама дала понять наследнику свои последния**

Полная аполитичность и исключительно частный характер распоряжений, якобы сделанных умирающей императрицей своему племяннику, порождали больше вопросов, чем ответов, не понижая, а, напротив, до предела увеличивая степень неопределенности грядущих политических перемен, напряженно ожидаемых подданными от своего нового императора[106].

Итак, декабрь 1761 года оказался очень непростым временем в истории российского государства. Стремительно наступающие рождественские и новогодние праздники; довольно неожиданная, глубоко взволновавшая всех кончина относительно молодой еще и в общем любимой всеми императрицы; хорошо известная сложность, неоднозначность и определенная противоречивость личных качеств Петра Феодоровича; исключительно человеческая, и при этом полностью внегосударственная, последняя воля Елисаветы Петровны; и как совокупное следствие всего этого – полная непроницаемость политических планов нового российского императора, вызывавшая, по меткому выражению Екатерины, *ферментатсию публики* [Шумигорский] – таковы основные характеристики внешнего исторического контекста, в котором создавались торжественные оды на восшествие Петра Феодоровича, которые будут проанализированы во второй главе настоящей работы.

§1.2. Русские торжественные оды в 1762 году

Вступление Петра Феодоровича на престол и последовавшие вслед за этим широкомасштабные политические изменения в области как внешней, так и внутренней политики, создали благоприятные условия для возникновения исключительно интересной, необычной и в значительной мере уникальной ситуации в русской литературе. В частности, в жанре торжественной оды.

распоряжения, в особенности касающиеся нынешней политической системы, и дальнейшаго распространения точнаго соглашения касательно союза, столь выгоднаго для русскаго государства. <...> ясно выраженныя самою Государынею указания не только наверное подействовали бы на сердце Великого Князя, но если бы она только пожелала, то могла бы вытребовать с него положительное обещание в том, что он не захочет уклоняться от главных принципов, принятых в государственном управлении.

Эта новая связь успокоила бы нацию и высоких союзников, а ему стяжала бы как с той, так и с другой стороны великую славу и благодарность» [Мерси д'Аржанто: 25-26].

[106] Ср., например: «<...> многие находятся **в неизвестности**, касательно образа мыслей будущаго русского монарха» [Мерси д'Аржанто: 8].

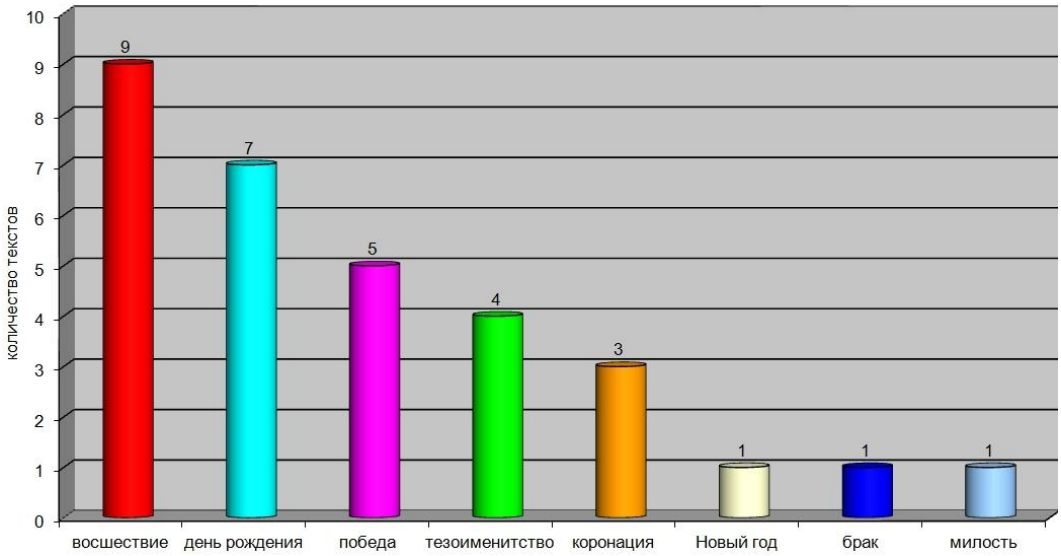


Диаграмма 1. *Поводы создания торжественных од в 1733-1761 гг.*

Как мы видим на *Диаграмме 1*, празднование восшествия того или иного монарха на престол традиционно являлось самым популярным поводом создания одических текстов до 1762 года. До восшествия Петра Феодоровича на престол в России было написано и опубликовано *девять* оригинальных торжественных од, посвященных этому событию: 1) 19 января 1733, Тредиаковский В.К., *Ода на восшествие Анны Иоановны* [Тредиаковский 1733]; 2) 25 ноября 1743, Сумароков А.П., *Ода на восшествие Елисаветы Петровны* [Сумароков: 58–63]; 3) 25 ноября 1746, Ломоносов М.В., *Ода на восшествие Елисаветы Петровны* [VIII: 137-146]; 4) 25 ноября 1748, от Российской Академии Наук (автор М.В. Ломоносов), *Ода на восшествие Елисаветы Петровны* [VIII: 215-225]; 5) 25 ноября 1751, Голеневский И.К., *Ода на восшествие Елисаветы Петровны* [Голеневский 1751 b]; 6) 24 ноября 1753, Херасков М.М., *Ода на восшествие Елисаветы Петровны* [Херасков 1753]; 7) 25 ноября 1754, Поповский Н.Н., *Ода на восшествие Елисаветы Петровны* [Поповский]; 8) 25 ноября 1759, Карин А.Г., *Ода на восшествие Елисаветы Петровны* [Карин]; 9) 25 ноября 1761, Ломоносов М.В., *Ода на восшествие Елисаветы Петровны* [VIII: 742-750].

Нетрудно заметить, что, во-первых, мы видим, что до 1762 года восшествие на престол новых российских императоров, а вернее – императриц, отмечалось публикацией не более, чем *одной*, торжественной оды (или одоподобного панегирического текста) за раз. На протяжении 28-ми лет (с 1733 по 1761 гг.) торжественные оды на восшествие писались в России далеко не каждый год. При этом никогда не создавалось одновременно несколько текстов на восшествие, принадлежавших перу разных авторов.

Во-вторых, до 1762 года адресатами русских торжественных од на восшествие являлись исключительно царствующие *женщины*-императрицы. Сначала, в 1733 году, В.К. Тредиаковский отметил торжественной одой третью годовщину восшествия на престол Анны Иоановны. Во все последующие годы исключительно личность Елисаветы Петровны, а также воспоминание о драматических обстоятельствах, сопровождавших ее восшествие на российский престол, продолжали подавать российским поэтам повод для создания торжественных од этого типа.

В-третьих, обратим внимание на общий состав, а также примечательные биографические обстоятельства тех авторов, которые внесли свой вклад в формирование под-жанра торжественных од на восшествие в русской литературе до 1762 года. В.К. Тредиаковский (1703-1769), А.П. Сумароков (1717-1777), М.В. Ломоносов (1711-1765), И.К. Голеневский (1723-1786), М.М. Херасков (1733-1807), Н.Н. Поповский (1726/1728-1760), А.Г. Карин (?-1769) – эти семь человек были авторами всех известных нам од на восшествие, созданных в 1733-1761 годах. При этом именно они были теми поэтами, которые более или менее продуктивно работали в этот период в жанре торжественной оды вообще.

Все авторы, выступавшие в России в жанре торжественной оды до 1762 года, непременно имели в своем творческом портфолио хотя бы одну оду на восшествие. Примечательно, однако, что для большинства из них оды на восшествие не являлись первыми экзерсисами в одическом жанре. Так, В.К. Тредиаковский не писал собственно торжественных од до 1733 года, однако написанные и изданные им в 1730 году *Песнь на коронацию Анны Иоанновны*, а также *Стихи эпиталамические на брак А.Б. Куракина* смело можно отнести к его первым опытам написания стихотворного панегирика. В свою очередь, для таких авторов как А.П. Сумароков, И.К. Голеневский, Н.Н. Поповский[107] и М.М. Херасков оды на восшествие Елисаветы Петровны являлись *вторым* упражнением в заданном жанре, а в случае с М.В. Ломоносовым первая написанная им ода на восшествие стала *пятым* стихотворным панегириком в его творчестве. При этом юный и только-только вступавший в 1759 году как в литературу, так и в жизнь А.Г. Карин представлял собой любопытное исключение из правила, в большой степени предсказывая своим выбивающимся из сложившейся литературной

[107] Традиционно оду Н.Н. Поповского на день восшествия Елисаветы Петровны 1754 года принято считать его первым одическим текстом. Однако в статье Н.Д. Кочетковой *Н.Н. Поповский* в *Словаре русских писателей XVIII века* указано, что: «В рапорте 12 янв. 1753, <Ломоносов – М.К.> упомина[ет] оду П[оповского] на день коронования Елизаветы Петровны (1752) <...>» [Кочеткова 1999]. Таким образом, ода конректора и руководителя «верхнего латинского класса» Академической гимназии, посвященная 13-ой годовщине восшествия Елисаветы Петровны на престол, также является его вторым произведением в этом жанре.

традиции дебютом то направление, в котором станет происходить развитие жанра уже после восшествия на престол Петра Феодоровича.

В-четвертых, отметим неизменно существовавшую до 1762 года удаленность и разделенность во времени исторического повода написания оды (т.е. непосредственного восшествия императрицы) и факта создания / публикации оды, посвященной этому событию. Как мы видим, минимально необходимый срок, через который становилась возможной публикация оды на восшествие в России до 1762 года, составлял как минимум два-три года. Этому правилу следует В.К. Тредиаковский в 1733 году. Затем точно такая же закономерность определяет литературное поведение певцов восшествия Елисаветы Петровны. Возведший Елисавету Петровну на престол бескровный военный переворот состоялся в ноябре 1741 года; однако, первая оригинальная русская ода, официально посвященная этому событию (случайно дошедшая до нас в трактате В.К. Тредиаковского ода А.П. Сумарокова), вышла в печати только осенью 1743 года. Все остальные оды на восшествие дочери Петра I – это оды, посвященные той или иной *годовщине* данного исторического события. Ни одной оды, являвшейся бы непосредственной литературной реакцией на заявленный в заглавиях панегирических текстах случай (т.е. оды, написанной напрямую на само восшествие императора или императрицы на престол), до 1762 года в России создано не было[108].

В-пятых, отметим, что до 1762 года восшествие монарха на престол отмечалось в России не только *одами* в строгом смысле этого слова, но и другого рода стихотворными сочинениями панегирического характера. Так, например, в 1735 году Сухопутный Шляхетный Корпус поздравил *входящу на трон царствующу* Анну Иоановну *похвалами краткими стихами* [Шляхетна юность]; в 1738 году то же учебное заведение отметило *высокоторжественный день восшествия на престол* племянницы Петра I *радостным воскликновением с удивлением* [Шляхетно юношество]; в 1747 году, в рамках празднования очередной годовщины восшествия на престол Елисаветы Петровны, Академия наук поднесла императрице сочиненные Ломоносовым *радостные и благодарственные восклицания муз российских* [VIII: 196-207]; наконец, в 1752 году *на пресветлый и всерадостный праздник восшествия на всероссийский престол ее величества* М.В. Ломоносов уже лично от себя представил Елисавете Петровне сочинение, им самим определенное как *всеподданейшее поздравление лирическим стихом изображенное* [VIII: 498-506]. Все эти разнородные, на первый взгляд, стихотворные сочинения на восшествие объединяет одна общая черта, а именно – исключительная размытость их авторского жанрового

[108] При этом максимальная, известная нам, удаленность во времени одического текста от повода его написания составляла 20 лет: таким текстом является юбилейная, посвященная двадцатой годовщине восшествия на престол Елисаветы Петровны ода Ломоносова 1761 года.

определения, безошибочно свидетельствующая о принадлежности *похвал, воскликновений, восклицаний и поздравлений* раннему, начальному, этапу формированию одического жанра в России.

Восшествие на престол Петра Феодоровича в декабре 1761 года резко, кардинально и необратимо изменило ландшафт русского одического жанра вообще и под-жанра од на восшествие в частности. Радикальная трансформация этого отдельно взятого участка литературного поля произошла стремительно, а случившиеся изменения исключительно глубоко затронули не только формальную, но и содержательную стороны стихотворных панегириков. Именно в конце 1761 – в начале 1762 года отчетливо наметился тот вектор развития жанра, которому подавляющее большинство работающих в нем авторов будут следовать в течение практически всех последующих тридцати лет царствования Екатерины II.

Так, во-первых, обратим внимание на то, что в 1762 году происходит гигантский количественный скачок в производстве русских од. Внимательно посмотрим на приведенный ниже график:

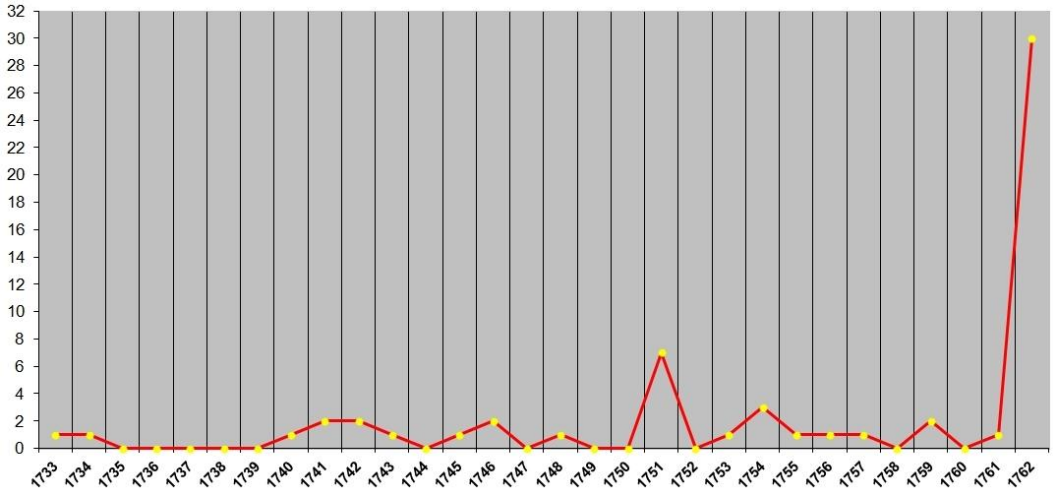


Диаграмма 2. *Русские оды в 1733-1762 гг.*

В общей сложности 27 (!) оригинальных торжественных од было опубликовано отдельным изданием в России в 1762 году. Для сравнения, только 2 текста подобного рода было выпущено в предшествующем 1761 году [VIII: 742-750], [Хмельницкий][109] и 14 – в последующем 1763 [Сводный каталог, V: 17-19], [Русская книга]. Отметим, что 13 из 27-ми опубликованных в 1762 году торжественных од являлись одами на восшествие. В свою очередь, 4 из этих 13-ти были созданы зимой 1762 года

[109] Ода Сумарокова, посвященная восшествию на престол Петра Феодоровича, лишь формально может быть отнесена к изданиям 1761 года.

и посвящались восшествию на престол Петра Феодоровича[110]. Именно эти тексты и будут находиться в центре нашего внимания во 2-ой главе настоящей работы.

Во-вторых, в 1762 году устойчивая предшествующая традиция принципиальной единичности русских од на восшествие оказалась нарушена. Сразу несколько авторов отметили восшествие на престол нового российского императора созданием стихотворных панегириков. Написание и публикация од, посвященных восшествию Петра Феодоровича на престол, растянулись на три месяца. В декабре 1761 года, наиболее оперативно и практически одновременно, стихотворными панегириками восшествие нового императора отметили мэтры и живые классики русской литературы того времени М.В. Ломоносов [VIII: 751-760] и А.П. Сумароков. Затем, в январе 1762 года их менее именитые московские коллеги – М.М. Херасков и И.Ф. Богданович – последовали примеру ветеранов российского стихотворства. И уже только после этого, в феврале и марте 1762 года, совсем еще неизвестные широкой публике в качестве одописцев А.В. Нарышкин и А.А. Ржевский также посвятили свои сочинения восшествию на престол нового монарха.

Оды Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и Богдановича были исключительно оперативно напечатаны отдельными изданиями при трех основных российских образовательных учреждениях. Ода Ломоносова была опубликована в типографии Петербургской Академии наук; ода Сумарокова вышла из печати при Сухопутном Шляхетском Корпусе; а оды Хераскова и Богдановича были изданы книгопечатней молодого Московского Университета. В свою очередь, торжественные оды Нарышкина и Ржевского никогда не были выпущены отдельными изданиями; увидев свет в февральском и, соответственно, мартовском выпусках журнала М.М. Хераскова *Полезное увеселение* [Полезное увеселение][111], сочинения молодых москвичей так навсегда и вошли в историю русской литературы только в виде журнальных публикаций. Таким образом, за первые три месяца 1762 года было напечатано в общей сложности *шесть* оригинальных русских од, посвященных восшествию на престол нового российского императора Петра III Феодоровича. Пришпоренное драматическими изменениями политической обстановки в стране производство торжественных од в России шло совершенно небывалыми темпами, приобретая никогда не виданные доселе в российской словесности размах и широту.

---

[110] Остальные 9 од на восшествие были написаны уже после июньского переворота 1762 года и посвящались вступлению на престол Екатерины Алексеевны.

[111] Отметим, что ода Богдановича не только вышла отдельным изданием при Московском Университете, но также была напечатана в первом, январском, выпуске *Полезного увеселения* за 1762 год.

В-третьих, нельзя не отметить, что с восшествием на престол Петра Феодоровича естественным образом поменялся пол адресата, а, значит, и основного объекта описания русских торжественных од. К 1762 году литературная традиция од на восшествие была сформирована по большей части одами, посвященными восшествию на престол одной единственной монархини – Елисаветы Петровны. После ее кончины русским одописцам пришлось ad hoc решать отнюдь нетривиальную задачу поэтической маскулинизации одической мифологии правящего монарха, а также стремительно формировать топику и идеологию стихотворных панегирических текстов, впервые в российской истории посвященных восшествию на престол монарха-мужчины.

В-четвертых, обратим внимание на то, что в начале 1762 года ряды русских одописцев значительно пополнились и расширились. Восшествие Петра Феодоровича на престол становится причиной массового и одновременного дебюта целой когорты талантливых начинающих – и примечательно юных – одописцев. В первой половине 1762 года такие, никогда прежде не писавшие оды, поэты как И.Ф. Богданович, И.С. Барков[112], А.В. Нарышкин и А.А. Ржевский впервые решают попробовать свои силы в жанре торжественной оды.

В-пятых, в 1762 году восшествие нового российского монарха на престол было отмечено написанием исключительно *од*. Промежуточные и гибридные жанровые образования, наблюдавшиеся нами в авторских определениях текстов более раннего периода (*похвалы стихами*, *воскликновения с удивлением* и проч., и проч.) бесследно исчезают из родовой классификации российских стихотворных панегириков, окончательно уступая место четкому и однозначному авторскому определению жанра, в том или ином виде присутствующему, как правило, в заглавии каждого конкретного текста (например, *Ода его императорскому величеству*... или *Ода. Его императорскому величеству*[113]... и т.д.).

Таким образом, в 1762 году русская торжественная ода не только очевидным образом резко молодеет, но также и “опрощается”. За примечательно короткое время пребывания Петра Феодоровича у власти каждый из полных надежд и амбиций дебютантов 1762 года – и И.Ф. Богданович, и А.В. Нарышкин, и А.А. Ржевский – успели создать не одну, а даже *две* оды новому императору. Вторая ода А.В. Нарышкина, посвященная уже не восшествию Петра Феодоровича на престол, а изданному им 18 февраля 1762 года *Манифесту о вольности дворянства,* была опубликована в мартовском выпуске *Полезного увеселения*. В том же

[112] В феврале 1762 года И.С. Барков в первый (и в последний) раз в своей стихотворной карьере выступил в жанре классической торжественной оды, посвятив свое творение 34-му дню рождения Петра Феодоровича [Барков: 43-47].

[113] Такой вид имеет заглавие оды М.М. Хераскова.

номере херасковского журнала были помещены сразу две оды А.А. Ржевского: и на восшествие Петра Феодоровича, и на его взбудораживший умы всего прогрессивного российского общества *Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству*. В свою очередь наиболее энтузиастически настроенный – и самый молодой из всех дебютантов – И.Ф. Богданович посвятил и приурочил свою вторую оду тезоименитству несчастливого монарха. Подобная – крайне необычная на фоне всей предшествующей русской одической традиции – как многочисленность, так и плодовитость литературных новичков 1762 года свидетельствует о резком снижении ценности и статуса каждого отдельно взятого одического текста. Литературное поведение трех юных москвичей было очевидным образом продиктовано революционным представлением о том, что при новом императоре практически каждый человек может создать и опубликовать торжественную оду, прямо адресованную царствующему монарху. После долгих лет замкнутого существования, в 1762 году торжественная ода неожиданно превращается в намного более открытый и доступный литературный жанр, беспрепятственно практиковаться в котором вдруг допускаются буквально все желающие.

В-шестых, крайне оперативное создание и публикация од на восшествие Петра Феодоровича уже зимой 1762 года свидетельствует о кардинальном сокращении минимально необходимой временной дистанции, прежде столь значительно отделявшей непосредственное восшествие монарха на престол ото дня написания и выпуска в свет первой торжественной оды, посвященной этому событию. В 1762 году семантическая связь между *реальным событием* (восшествием) и интерпретирующим его *литературным текстом* (ода) становится существенно короче и плотнее, заметно повышая степень “случайности” и укорененности в непосредственном историческом контексте всех создаваемых с этого момента русских торжественных од.

Оды на восшествие Петра Феодоровича 1762 года выводят русскую литературную традицию на качественно новый виток эволюции. Для большей наглядности представим все отмеченные нами выше тенденции в виде таблицы:

	оды на восшествие с 1733 до 1761 года	**оды на восшествие Петра Феодоровича 1762 года**
Жанр	оды, но также и *краткие стихи, радостное воскликновение с удивлением, радостные восклицания, поздравление лирическими стихами*	только оды
общее	9 од за 28 лет	6 од за 3 месяца

количество:	единичность (не более одной оды одновременно)	множественность (6 од на один и тот же повод)
адресат	женщина-монарх	мужчина-монарх
авторы	никто не дебютирует в жанре оды одой на восшествие; все авторы солидного возраста	трое дебютантов: И.Ф. Богданович – 18 лет, А.В. Нарышкин – 19 лет, А.А. Ржевской – 24 года
время публикации	минимум: через 2 года после восшествия (А.П. Сумароков в 1743 г.); максимум: через 20 лет (М.В. Ломоносов в 1761 г.)	минимум: через 2 дня после восшествия (М.В. Ломоносов) максимум: через 3 месяца (А.А. Ржевский)

Таблица 1. *Основные тенденции в развитии жанра русских торжественных од в первой половине 1762 года.*

Проследим, как отмеченные нами выше тенденции реализуются на уровне конкретных панегирических текстов, созданных в первые месяцы 1762 года.

§1.3. Общая характеристика оды Ломоносова 1761 года[114]

С самого момента написания и публикации оды Ломоносова на восшествие Петра Феодоровича в последних числах декабря 1761 года этот текст приобрел совершенно особенный статус во всем одическом творчестве российского Пиндара. Благодаря сразу нескольким примечательным обстоятельствам, не только современники, но и последующие поколения академических исследователей останавливали особенное внимание на этом стихотворном панегирике (см., например, [Чернов: 133-155]). Мы, со своей стороны, отметим следующие особенности этого текста.

Во-первых, ода на восшествие Петра Феодоровича была написана Ломоносовым исключительно оперативно, в рекордно – практически невообразимо – сжатые сроки. При этом высокая скорость публикации в полной мере соответствовала необычной стремительности ее создания. Как отмечают комментаторы *Полного собрания сочинений* Ломоносова, буквально через два дня после смерти Елисаветы Петровны «<…> 28

[114] Подробную реконструкцию стратегии бытового и писательского поведения Ломоносова в 1760-1761 гг., анализ социологических коннотаций его этической, социальной и эстетической программ этих лет см. в статье К. Осповата *«Sublime misanthrope»: Ломоносов в 1760—1761 годах* [Осповат 2004].

декабря, в первой половине дня, Ломоносовым и двумя другими членами Академической канцелярии было уже подписано определение о печатании оды» [VIII: 1158]. Таким образом, в декабре 1761 года Ломоносов стал самым первым русским поэтом – как вообще, так и в контексте произошедшей в декабре 1761-январе 1762 гг. смены власти – талантливо приспособившим жанр торжественной оды для произнесения традиционной в таких случаях фразы *le Roi est mort, vive le Roi!* и, тем самым, литературно легитимизировавшим восшествие нового российского монарха на престол.

Во-вторых, декабрьская ода Ломоносова на восшествие Петра Феодоровича была напечатана не только очень быстро, но еще и совершенно огромным, ни разу не виданным до того времени в русской литературе, *четверным* тиражом. Предполагаемый комментаторами *Полного собрания сочинений* грандиозный успех и востребованность этой оды Ломоносова в самых широких кругах современных ему читателей является, на наш взгляд, абсолютно справедливым объяснением запредельно высокого количества выпущенных экземпляров.

В-третьих, стоит отметить, что ода на восшествие 1761 года – это первая как формально, так и прагматически “нормальная” ломоносовская ода, посвященная Петру Феодоровичу. С одной стороны, текст 1761 года не характеризуется нетипично коротким объемом, а также определенной недоработанностью формы, наблюдавшимися нами в одах 1743, и особенно 1742, годов. Объем оды 1761 года составляет совершенно традиционные для Ломоносова 250 строк, вполне объективно охарактеризованные комментаторами как *тщательно отделанные* и *полные сложного политического содержания* [VIII: 1158]. С другой стороны, ода на восшествие Петра Феодоровича не была написана Ломоносовым под давлением каких-то чрезвычайных личных обстоятельств и, будучи вполне традиционным образом напечатана в типографии Академии наук, имела – в отличие от оды на тезоименитство 1743 года – совершенно адекватное и сообразное жанру бытование и функционирование в читательской среде. Ода 1761 года окончательно замыкает круг стихотворных панегириков, адресованных Ломоносовым Петру Феодоровичу, являясь при этом своеобразной кульминацией, наивысшей точкой, достигнутой поэтическим талантом российского одописца при обращении им к описанию бывшего наследника престола, а ныне 7-го российского императора Петра III.

Проанализируем, каким именно образом описывается только что сменивший звание *Великого Князя* на титул *Его Императорского Величества* Петр Феодорович в этой новаторской, но одновременно и образцовой, классически яркой и обладающей всеми эталонными сигнатурами ломоносовского стиля оде русского Пиндара.

§1.4. Личная мифология Петра Феодоровича в оде М.В. Ломоносова 1761 года

Прошло затмение ужасно: солярная метафорика

Ода Ломоносова 1761 года начинается очень характерным и довольно неожиданным образом: *Сияй, о новый год, прекрасно / Сквозь густоту печальных туч. / Прошло затмение ужасно; / Умножь, умножь отрады луч. / 5 Уже плачевная утрата, / Дражайшая сокровищ злата, / Сугубо нам возвращена* [VIII: 751]. Учитывая случившуюся буквально на днях смерть Елисаветы Петровны, вполне естественно предположить, что образы *печальных туч, ужасного затмения* и *плачевной утраты* должны были бы соотноситься именно с недавней, внезапной и поразившей всех верных подданных кончиной императрицы. Однако, дальнейшее развитие ломоносовского текста не подтверждает наше предположение; 1-ая строфа заканчивается строками: *Благополучны мы стократно: / **Петра Великого обратно** / 10 Встречает Росская страна*. Т.е. вопреки, казалось бы, очевидным требованиям непосредственного исторического контекста вся траурная метафорика 1-ой строфы соотносится вовсе не со смертью Елисаветы Петровны, а с кончиной – и последующим воскресением в лице Петра Феодоровича – его деда Петра I.

Модель описания Петра Феодоровича как воскресшего Петра I именно с использованием примечательного образа *солнечного затмения* уже была опробована Ломоносовым в оде 1743 года: *Как в гроб лице Петрово скрылось, / В сей день веселья **солнце тмилось**, / 40 Но днесь Тобою светит вновь*. Равно как и в оде на тезоименитство Великого Князя, в тексте 1761 года период *ужасного затмения* связывается поэтом со смертью Петра I. В свою очередь, период *окончания затмения* соотносится в обеих одах с моментами знаковой актуализации личности Петра Феодоровича в хронотопе российской истории (принятием им титула официального наследника престола в 1742 году и восшествием на этот самый престол в 1761 году, соответственно), неизбежно возвращающими в пространство российской официальной идеологии фигуру его великого деда. Солярная метафорика оды 1761 года – в частности, образ Петра I в качестве временно затмившегося, однако, вновь воссиявшего во внуке *солнца российской истории* – очевидным образом генеалогически связана с ярким образом *солнечного затмения*, использованного поэтом еще в 1743 году[115]. Однако нельзя не заметить, что образ *солнца* в каждой из двух обращенных к Петру

[115] Мы благодарим Е.А. Погосян за указание на то, что одним из ближайших контекстуальных рядов для анализа солярной метафорики оды Ломоносова 1761 года можно считать его астрономические исследования этого периода, отразившиеся, в частности, в трактате *Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санктпетербургской императорской Академии Наук майя 26 дня 1761 года* [IV: 361-376]. Этот вопрос несомненно требует более подробного и пристального изучения.

Феодоровичу ломоносовских од имеет свои уникальные и заслуживающие отдельного внимания нюансы.

Так, в оде 1743 года *солнце* является активным действующим лицом. В частности, именно ему адресовано развернутое авторское обращение в зачине оды: *Поспешно ясный* ***вождь светил.*** *// Но, о небес пресветло око, / Веселых дней прекрасный* ***Царь****! / Как наша радость, встань высоко, / Пролей чистейший лучь на тварь, / В прекрасну облекись* ***порфиру****, / Явись великолепен миру / И в новом блеске вознесись, / В* ***златую*** *седши* ***колесницу****, / В зенит вступи, прешед границу, / 20 И пожже в Океан спустись, / И тем почти Петрова внука; / Сияй, как наш веселый дух* <...> [VIII: 103-104]. Отметим изобилие приписываемых Ломоносовым *солнцу* монарших атрибутов (*порфира*, *златая колесница*), а также прямую номинацию: *вождь светил* и *прекрасный Царь*. В оде на тезоименитство Петра Феодоровича *вождь светил* не просто совершает свой обычный путь по небосклону, а последовательно посвящает свой восход, зенит, а затем и закат *Петрову внуку*. Ломоносовское *Царь-солнце* превращает самое свое движение по небесному склону в акт субординации Великому Князю Российскому, таким образом опосредованно сообщая ему тень собственного царского великолепия и августейшего сияния.

Центральный солярный образ оды 1761 года строится с использованием принципиально другой риторической модели. В оде на восшествие Петра Феодоровича *солнце* оказывается интегральной частью одического образа нового императора, иллюстрирующей один из ключевых аспектов его государственной ипостаси – отношения монарха с подданными: *Когда пучину не смущает / Стремление насильных бурь, / В зерцале жидком представляет / Небесной ясности лазурь / И солнце с высоты дивится, / Что само толь глубоко зрится. / Так ТЫ, о наших дней Венец, / Во внутренних грудях сияеш / И светлый лик изображаешь / 210 В спокойной радости сердец* [VIII: 758-759]. В этом пассаже уже знакомая нам по оде 1743 года образная пара *солнце – океан* приобретает совершенно новую интерпретацию. Беря нейтрально-живописный образ сияющего в небесной лазури и отражающегося, как в зеркале, в спокойной воде морской пучины *солнца*, Ломоносов неожиданно присваивает этой красочной пейзажной зарисовке оригинальное политическое звучание: по его мнению, ровно таким же образом сияющий во *внутренних грудях светлый лик* нового императора отображается в сердечных глубинах его, охваченных радостью, подданных.

Предлагаемый Ломоносовым солярный образ, а более всего его оригинальная авторская интерпретация исключительно любопытны по крайней мере в двух аспектах.

Во-первых, отметим, что в оде 1743 года образ юного Петра Феодоровича только лишь метонимически сополагался Ломоносовым с перенасыщенным царскими атрибутами образом *Царя-солнца*. В таком

симптоматически тесном сближении несомненно присутствовало и обещание, и намек на законно ожидающий Петра Феодоровича в будущем статус российского монарха, царя, императора, однако прямого тождества между тогда еще Великим Князем Петром Феодоровичем и августейшим одическим *солнцем* в 1743 году Ломоносовым обозначено не было. В свою очередь, в оде 1761 года соположение одических образов Петра Феодоровича и *солнца* приобретает ярко выраженную метафоричность, подразумевающую высокую степень внутреннего подобия обоих составляющих его компонентов; после восшествия на престол, в пространстве посвященной ему ломоносовской оды, Петр Феодорович непосредственно становится самим этим *сияющим солнцем*. Т.е. изменение государственного статуса адресата текста влияет не столько на наличие либо отсутствие определенного рода топики в посвященной ему оде, сколько сказывается на нюансах риторического оформления и семантической интерпретации остающихся формально неизменными образов.

Во-вторых, обратим внимание на то, в чем именно Ломоносов усматривает связь между образом нового российского императора и *солнца*. Общим местом, дающим поэту основания для установления тождества между двумя компонентами сравнения, становится мотив *отражения*. Только что взошедший на российский престол Петр Феодорович изображается Ломоносовым как бы пристально смотрящимся в зеркало отражающих его новый императорский облик человеческих душ.

Примечательна чутко зафиксированная Ломоносовым вторичность образа нового российского императора. Образ Петра Феодоровича (его *светлый лик*) тонко определяется поэтом как *отражение* некоторой объективной сущности (реального – что бы это ни значило – Петра Феодоровича) в жидком – а, значит, неверном и переменчивом – зеркале человеческих душ. Таким образом, Ломоносов беспощадно обнажает высочайшую степень конвенциональности и его собственного описания нового императора, указывая внимательному читателю на то, что *светлый лик* Петра Феодоровича, т.е. в том числе и его одический образ, – это не более чем отраженный, а, значит, и опосредованно трансформированный нормами литературного жанра оттиск с оригинала.

Ломоносовский Петр Феодорович варианта 1761 года напряженно смотрится в зеркало отражающих его образ человеческих душ. Какое изображение видит в них новый российский император? Развернутому ответу именно на этот вопрос в значительной степени и посвящена рассматриваемая нами ода Ломоносова, дающая одно из наиболее сильных идеологически заряженных “отражений” нового императора.

Смерть старого, равно как и восшествие на престол нового монарха неизменно провоцируют серьезный кризис политической и идеологической идентификации в обществе. *Кто он? какой он? чего нам от него ждать?*

куда мы идем? что с нами теперь будет?[116] – все эти вопросы неизменно задают себе осмысленно воспринимающие реальность современники перемены власти. На примере оды Ломоносова мы имеем возможность наблюдать талантливо поэтически оформленный результат сублимации интеллектуального беспокойства по поводу личности только что взошедшего на престол нового российского императора. Упоминавшаяся нами выше размытость и неоднозначность реального образа Петра Феодоровича оказалась с сейсмографической чуткостью зарегистрирована Ломоносовым в виде мотива *смотрения в зеркало*, несколько завуалировано, однако оттого не менее симптоматично, инкорпорированного поэтом в одический образ нового императора. К моменту вступления Петра Феодоровича на престол идеологическая модель его политического образа была очевидным образом неготова. Его пригодный для "употребления" и широкомасштабного тиражирования мифологический облик еще не был создан. В декабре 1761 года образ нового императора создавался здесь и сейчас, приобретая некоторую целостность и относительную законченность именно в произведениях российских одописцев, и по необходимости, и по традиции принявших на себя функции "имиджмэйкеров" и "политтехнологов" при только что взошедшем на престол российском самодержце.

Ода Ломоносова, изображающая Петра Феодоровича смотрящимся в зеркало человеческих душ, сама оказывается одним из самым характерных "зеркал" подобного рода. Присмотримся повнимательнее, каким именно отражен в нем наш неизменный герой.

Петр III как Самсон, побеждающий льва

Квинтэссенцией генерируемого Ломоносовым "отраженного" образа Петра Феодоровича становится 22-ая строфа его оды: *Великолепно облекися, / Российский радостный Сион, / Главой до облак вознесися: / Сампсон, Давид и Соломон / В ПЕТРЕ тобою обладают / И Голиафов презирают. / Сильнее тигров он и львов, / Геройска бодрость в нем избранна: / Иссохнет на земли попранна / 220 Свирепость змиевых голов* [VIII: 759]. Комментаторы *Полного собрания сочинений* снабдили этот буквально переполненный библейскими именами собственными поэтический пассаж следующим примечанием:

> Нельзя <...>, конечно, принимать за чистую монету и понимать в прямом смысле встречающиеся в оде уподобления Петра III <...> Сампсону, Давиду, Соломону и Петру I, однако сбрасывать вовсе со счета эти гиперболические сравнения было бы тоже неосторожно. Официальная, вынужденная лесть имела свои оттенки. Они таили в себе скрытый смысл, в котором отлично, по-видимому, умели и очень любили разбираться современные Ломоносову читатели его од [VIII: 1159].

[116] Соответственно, *кем он был? каким он был? что он сделал для нас? куда (и откуда) мы пришли? как хорошо / плохо нам было под его управлением?* – это вопросы, актуальные для ситуации смерти монарха.

Кажется совершенно необходимым выяснить, какие именно *оттенки* имела *вынужденная лесть* Ломоносова Петру Феодоровичу; что за *скрытый смысл таили* в себе эти *гиперболические сравнения* для современных Ломоносову читателей?

Разобьем использованное Ломоносовым сравнение – *Сампсон, Давид и Соломон / В ПЕТРЕ тобою обладают* – на составные части: А) Петр III = Сампсон (↔ лев); Б) Петр III = Давид (↔ Голиаф); В) Петр III = Соломон, и рассмотрим каждое из этих уподоблений по отдельности.

Как мы хорошо помним, еще в далеком 1743 году образ ветхозаветного Сампсона уже фигурировал в торжественной оде, адресованной Ломоносовым Петру Феодоровичу: *Холмов Ливанских верьх дымится! / Там Наввин иль* ***Сампсон*** *стремится!* Как мы уже отмечали выше, в оде, посвященной тезоименитству Великого Князя, основной смысловой акцент был смещен в сторону воссоздания общей динамической картины, насыщенной масштабными событиями ветхозаветной истории, а вовсе не на прямом – выглядевшем бы довольно курьезно в обстоятельствах того времени – уподоблении юного наследника престола фигурам конкретных ветхозаветных патриархов. После восшествия Петра Феодоровича на престол риторическая аранжировка уже однажды использованного Ломоносовым библейского образа характерным образом меняется. В оде 1761 года Ломоносов оказывается будто бы поражен лихорадкой прямой мифологической номинации нового императора, со свойственным ему размахом плотно вписывая имена сразу нескольких библейских героев в пространство одной лишь стихотворной строки. При этом одописец уже не смутно, как в 1743 году, намекает на наличие некоторой косвенной связи между приводимыми им именами ветхозаветных героев и адресатом оды, а открыто подчеркивает прямое и непосредственное тождество только что принявшего скипетр и державу российского монарха с целой вереницей выдающихся персонажей священной истории.

Несмотря на разную функциональную нагрузку, как в оде 1743, так и в оде 1761 года упоминание Сампсона оказывается тем не менее тесно связано с сюжетом борьбы и победы над *тигром* и / или *львом*; 1743: *Там Наввин иль* ***Сампсон*** *стремится! / … / Он* ***Тигров*** *челюсти терзает* – 1761**:** ***Сампсон****, Давид и Соломон / В ПЕТРЕ тобою обладают / … / Сильнее* ***тигров*** *он и* ***львов****.* Подобная композиционная *несвобода* (в понимании Б.В. Томашевского) самсоновского образа, его плотная сцепленность с микро-сюжетом борьбы и победы над диким зверем, дает нам возможность довольно однозначно определить, к какому именно эпизоду богатой героическими поступками биографии библейского Самсона отсылает читателя Ломоносов в упомянутых выше пассажах:

> **5** И҆ сни́де самѱѡ́нъ и҆ ѻ҆те́цъ є҆гѡ̀ и҆ ма́ти є҆гѡ̀ во ѳамна́ѳꙋ, и҆ прїидо́ша до
> вїногра́да ѳамна́ѳа: и҆ сѐ, львичищь рыка́ющь во срѣ́тенїє є҆мꙋ̀. **6** И҆ сни́де на

него̀ дх҃ъ гдⷭ҇ень, и҆ растерза̀ его̀ ꙗ҆́кѡ ко́злища ѿ ко́зъ, и҆ ничто́же бѧ́ше въ
рꙋкꙋ̀ е҆гѡ̀: <...> **8** **И҆** возврати́сѧ по дне́хъ поѧ́ти ю҆̀, и҆ ѡ҆брати́сѧ ви́дѣти
тру́пъ льво́въ, и҆ сѐ, ро́й пче́лъ во ѹ҆стѣ́хъ льво́выхъ и҆ ме́дъ: **9** и҆ и҆зѧ̀ его̀
ѿ ѹ҆́стъ е҆гѡ̀ въ ру́цѣ своѝ, и҆ и҆дѧ́ше и҆ды́й и҆ ꙗ҆ды́й <...> [Книга Судей 14: 5-6].

К моменту написания обеих ломоносовских од как сам образ Самсона, так и связанный с ним библейский сюжет чудесной победы надо львом, имели вполне определенный смысл и хорошо устоявшуюся традицию интерпретации в русской культуре. В частности, *битва Сампсона со львом* была одним из наиболее востребованных элементов условного каталога мифологических сюжетов петровской эпохи.

Буквально через месяц после Полтавской битвы, в июле 1709 года, в Киевском Софийском соборе молодой и никак еще не отмеченный Петром I Феофан Прокопович произнес в присутствии императора *Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе* [Прокопович: 22]. Остроумно контаминируя исторические реалии (льва в гербе побежденной Россией Швеции) с особыми календарными обстоятельствами (Полтавская победа произошла в день св. Самсона Странноприимца), талантливый и амбициозный преподаватель Киево-Могилянской академии настойчиво проводит в своем *Слове* параллель *Петр I → Самсон*. При этом именно сюжет чудесной победы библейского силача надо львом выбирается проповедником в качестве основного мифологического сценария, в рамках которого он интерпретирует совсем недавно одержаную Петром I викторию:

> <...> преславной твоей победи величество и славу, пресветлейший наш монархо, не инным мерылом мерим, токмо силою и храбростию побежденнаго от тебе супостата, свирепством и лютостию **льва свейскаго**, **ногою твоею попранного** <...> [Прокопович: 23][117].

А также:

> Яко убо иногда **Самсон** в **растерзанном** от себя **льве** обрете пчелы и мед, и усладився от него, предложи гадание: *от ядущаго, рече, ядомое изыде, и от крепкаго изыде сладкое*: **подобно и тебе**, пресветлейший монархо, Божиим благословением случися. **Растерзал еси, аки вторый Самсон** (не без смотрения же, мню, божия и в день сей Самсона случися победа твоя), **растерзал еси мужественне льва** Свейского. Се убо обретаеши в нем сладкий нектар: се и **на тебе Самсоново гадание исполняется**: *от ядущаго изыде ядомое*, от того, иже пожерл бяше отеческия твоя земли и многих народов пожре имения, имееши ядомое, толикий и толь дивный воинства его план, и все пребогатыя корысти: *от крепкаго изыде сладкое*; понеже крепкий и сый и страшный, непобедимою твоею

[117] Ср. также в *Слове похвальном в день рождения Государя Царевича и Великаго Князя ПЕТРА ПЕТРОВИЧА*: «Еще отроческою рукою разори Казикермень, разруши Азов и дракона асийского устраши; возярев же неправедным терзанием **льва Свейскаго**, коль ему много наложи ран, коль много отсече градов и крепостей <...>» [Прокопович: 113].

десницею побежден есть: того ради сладчайшая есть торжественная радость [Прокопович: 46-47][118].

Найденный Прокоповичем эффектный риторический ход впоследствии оказался много раз заимствован и массово растиражирован в самых разнообразных по жанру текстах петровского времени. Вот какие примеры его позднейшего функционирования в панегирических текстах петровского времени приводит В.П. Гребенюк:

> Образ Самсона, раздирающего пасть льву, мы встречаем в панегирической пьесе «Божие уничижителей гордых... уничижение», где он появляется в «предидействии».
>
> В похвальном слове, произнесенном по случаю Полтавской победы, Стефан Яворский также уподобляет Петра Самсону: «...прехрабрый Самсон, наш государь царь, заградил есть уста тому льву, паче же растерза льва шведска». И в конклюзии-программе И.Ф. Зубова и М.Д. Карновского, посвященной победе под Полтавой (исполненной в 1709 г. к диспуту Феофила Кролика и Василия Гоголева), видное место занимает композиция с изображением Самсона, раздирающего пасть льву. На проекте триумфального столпа, выполненном А.Н. Нартовым и Б.К. Растрелли под руководством А.Н. Нартова в 1720—1730 гг., на цилиндре, посвященном Полтавской битве, изображено, как «российский Самсон шведского при Полтаве льва расаерза»[119] [Гребенюк: 26-27].

Таким образом, уподобление российского императора Самсону, равно как и сюжет борьбы Самсона со львом, являлись устойчивыми элементами, практически общим местом, панегирического дискурса Петровской эпохи. Однако, среди множества разнородных текстов, активно эксплуатировавших Сампсоновский *львинный* сюжет, *Панегирикос* Феофана Прокоповича очевидно обладал дополнительным весом и особенным значением для создававшего в декабре 1761 года оду на восшествие Петра Феодоровича М.В. Ломоносова.

Не только выдающиеся, имманентно присущие *Панегирикосу* художественные характеристики – яркость стиля и новаторство риторических приемов – обеспечили тексту Прокоповича пальму первенства

---

[118] Ср. также надпись на гравюре, выполненной на меди Даниилом Голяховским и преподнесенной Феофаном Прокоповичем в дар Петру I осенью 1709 года: «Богом данному, Богом венчанному, Богом хранимому, <...> Малой России свободителю, гордих супостат наших Преславному Победителю, побеждением **Льва Свейского, изобразившему в себе Сампсона, Давида**, Даниила, отцу отечества нашего, царю и воину непобедимому. В незабвенную память преславной его над свейскими войсками победы принесе Его Царскому Священнейшему Величеству нижайшей слуга и не достойный Богомолец Феофан Прокопович, училищ Киевских префект» [Иванюк].

[119] См. запись А.К. Нартова: «"В среднем апартаменте, в малой каморе, в 2 шафах:

Из красной меди продолговатых обронных чеканных разных баталей, сделанных мною для переводу к литью триумфального круглаго столпа, восемь, которых ниже сего значит звание: 1) **Российский Сампсон шведскаго при Полтавии лва растерза.** 1709-м году. <...>"» [Материалы, Т.4: 589].

в иерархии “сампсоновских” претекстов петровского времени. Свою роль сыграли вполне прозаические внешние обстоятельства. Буквально за год до написания Ломоносовым его оды, в 1760 году, в Санкт-Петербурге, в относительно недавно открытой типографии Сухопутного Шляхетного Кадетского Корпуса [Шамрай: 293, 297-298], стараниями преподавателя словесности С.Ф. Наковальнина, была выпущена в свет первая часть *Собрания сочинений* Феофана Прокоповича, ставшая не только первым научным изданием ораторской прозы Прокоповича [Автухович], но и вообще первым русским изданием, «подготовленным и выпущенным после смерти автора» [Омилянчук]. Полвека спустя после его создания и произнесения, *Слово похвальное* Прокоповича было вновь опубликовано именно в первой части его *Собрания сочинений*. Несмотря на более, чем скромный общий успех этого издания у покупателей [Шамрай: 298], у нас есть все основания полагать, что Ломоносов относился именно к тому малому числу внимательных и заинтересованных читателей, которые не пропустили эту книгу в не очень плотном потоке книжных новинок 1760 года. На это указывают крайне любопытные нюансы дальнейших мифологических проекций, сквозь призму которых интерпретируется образ Петра Феодоровича в оде 1761 года.

Самсон и Геракл: история подмены и замещения

Кроме прямого отождествления с целой вереницей библейских персонажей, в цитированной нами выше 22-ой строфе ломоносовской оды Петр Феодорович также косвенно описывается поэтом в качестве борца и победителя *змиевых голов*: *Геройска бодрость в нем избранна: / Иссохнет на земли попранна / 220 Свирепость* ***змиевых голов***. Битва со змеями (со *змиевыми головами*) решительно не вписывается в набор библейских образов и ветхозаветных сюжетов, с которыми Ломоносов связывает имя нового императора в первую очередь. Более того, триумф Петра Феодоровича над представленным метонимически многоголовым змееподобным чудовищем остается в оде 1761 года как бы “сюжетом без героя”. Создается несколько парадоксальная ситуация, когда в перенасыщенной именами собственными ломоносовской строфе *победа над змеинными головами* оказывается удивительным образом не атрибутирована прямо никакому мифологическому персонажу. Тем не менее не вызывает никаких сомнений, что речь в приведенных выше строках идет о втором подвиге Геракла, а именно об убийстве им Лернейской гидры.

В самом факте использования Ломоносовым известного античного сюжета при описании им Петра Феодоровича нет совершенно ничего ни удивительного, ни примечательного. К 1761 году сюжет истребления Гераклом Лернейской гидры стал уже вполне каноническим для жанра российской оды. Так, в 1748 году, Сумароков в *Эпистоле II* включил историю битвы Геракла с гидрой в своеобразный каталог образцовых сюжетов, особенно подходящих, по его мнению, для использования в

одическом жанре: *Гремящий в оде звук, как вихорь, слух пронзает, <…> / Эдип гаданьем град от Сфинкса избавляет, / **И сильный Геркулес злу Гидру низлагает*** [Сумароков: 118]. В конце 1750-х годов все тот же сюжет был (в числе прочих) включен им же во *Вторую Вздорную Оду* уже в качестве объекта пародии: *Борей, озлясь, ревет и стонет, / Япония в пучине тонет, / **Дерется с Гидрой Геркулес*** [Сумароков: 289].

Ломоносов, со своей стороны, также уже использовал историю победы античного героя над многоголовым чудовищем в одной из своих более ранних од. Именно этот сюжет – с крайне характерной метонимической репрезентацией Гидры в виде *змеиных голов* – встречается нам в оде на день рождения Павла Петровича 1754 года в развернутом описании многолетнего российско-турецкого противостояния на Балканском полуострове: *Там вкруг облег Дракон ужасный, / Места святы, места прекрасны / И к облакам **сто глав** вознес! / Весь свет чудовища страшится, / 155 Един лишь смело устремиться / Российский может **Геркулес**. / Един сто острых жал притупит / И множеством низвержет ран, / Един на **сто голов наступит**, / 160 Восставит вольность многих стран* [VIII: 562-563]. Кроме того, как мы помним, в оде на тезоименитство Петра Феодоровича 1743 года мы встречали следующие строки: *Возвысится, как кедр высокий, / Над сильных всех твоя глава; / Ты, **как змию, попрешь пороки**, / Пятой наступишь ты на Льва* [VIII: 106].

То, что в 1761 году Ломоносов инкорпорирует рефлексы этого, как мы видим, довольно распространенного в русских одах, античного микро-сюжета в свой стихотворный панегирик, посвященный восшествию на престол нового российского императора, представляется вполне естественным и в некотором смысле даже закономерным. Однако, обратим внимание на удивительное постоянство синтагматического окружения интересующей нас риторической единицы. Так, и в оде 1743, и, особенно, в оде 1761 года, обращаясь к описанию личности Петра Феодоровича, поэт неизменно тесно сополагает сюжет *убийства змеи* с сюжетом *борьбы с львом*; 1743: *Ты, как **змею, попрешь** пороки, / Пятой **наступиш** Ты **на Льва*** – 1761: *Сампсон, Давид и Соломон / В ПЕТРЕ тобою обладают <...> / **Сильнее** тигров он и **львов**, / Геройска бодрость в нем избранна: / Иссохнет на земли **попранна** / Свирепость **змиевых голов***. Подобного рода взаимозависимость и прочная сцепленность “змеиного” и “львиного” микро-сюжетов имеет примечательную и любопытную историю в русской культуре.

Устойчивая аллегорическая параллель *Петр I → Геркулес* была одним из наиболее распространенных общих мест в производившихся в петровское время в больших количествах панегирических текстах. Сравнение российского монарха с античным героем началось задолго до победы Петра I в Полтавской битве и происходило, в частности, в рамках двух ярких сюжетов: победы Геркулеса над Лернейской гидрой, а также его

виктории над Немейским львом. На этом этапе *гидра*, как правило, соотносилась с одним врагом Российской империи (например, с турками), а *лев* непременно с другим (безусловно со Швецией). Так, например, в 1703 году на триумфальных воротах, сооруженных в Москве *на торжественное его царскаго пресветлаго величества от побед возвращение* и символически посвященных вхождению *непобедимо[го] имени* ***Новаго в России Геркулеса*** *в Храм безсмертныя Славы,* присутствовало примечательное изображение: «Ниже ног его царскаго пресветлаго величества лежит **лев**, знамение свейскаго короля, **попраный седмоглавный змий** (изъображение Фракии побежденыя)» (Цит. по [Гребенюк: 144]). В следующем, 1704, году на других триумфальных воротах, поставленных усилиями и стараниями *новосозданныя в царствующем граде Москве академии* и на этот раз посвященных возвращению в столицу *свободителя Ливонии <...> пленителя и покорителя прегордаго льва свейскаго <...> великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексйевича*, вновь были использованы оба эти сюжета:

> Еже тако быти Свей, Нарва город, и толико офицеров и солдат и всякаго чина пленников свейских изъявляет. На третией тояжде страны картине написахом **Геркулеса**, возвращающагося от **брани со львом немейским** в город Мицены, на раменах лва побежденнаго несуща <...> На облацех Юно с павлином, о победе нелюбимаго себе Геркулеса скорбя, и власы терзающая с оружием в руце, грызением перста множайшими наветы ему прещает. В крузе же верхнем рука от небес держит над убиенным **лвом и змием седмоглавным** булаву Геркулеса, фиником обложенную с надписанием: «Еще познают мя дивии».
>
> Знаменает же его царское пресветлое величество возвращающа от брани и победы силы свейския пленившия. Несет же льва свейскаго, яко не токмо свояси свободи, но и многую корысть и пленников всяких чинов, божиим дарованием и своею храбростию получив, в царствующий град приведе (Цит. по [Гребенюк: 159-160]).

В 1709 году, после Полтавской битвы, в составе столь устойчивого до сих пор сюжетного тандема *немейский лев + лернейская гидра* происходит примечательная мутация: побежденное античным Геркулесом немейское чудовище превращается в растерзанного библейским Самсоном дикого хищника. Впервые подобную замену осуществляет в своем *Слове* Феофан Прокопович. Как мы видели выше, в *Панегирикосе* проповедник стремится максимально семантизировать и мифологизировать все возможные внешние обстоятельства Полтавской битвы. В частности, он приписывает характер не случайности, но высшего божьего промысла календарной приуроченности одержанной Петром I победы: *Растерзал еси, аки вторый Самсон (не без смотрения же, мню, божия и* ***в день сей Самсона случися победа твоя****), растерзал еси мужественне льва Свейского.* Именно подмеченное, а в определенном смысле и сфальсифицированное[120], ритором календарное совпадение ключевой битвы Северной войны с июньскими именинами

[120] 27 июня – день Самсона-странноприимца, который не имеет к упоминаемому Прокоповичем ветхозаветному Самсону никакого отношения.

Самсона запустило механизм постепенного разрушения и изменения устойчивой сюжетной пары *лев + гидра*. В дальнейшем в *Панегирикосе* Прокопович прямо сополагает античный микро-сюжет с библейским, риторически оформляя их в качестве распространенных однородных членов единого длинного синтаксического периода:

> Дело воистинну неслыханное, дело преславное, дело, его же изрещи не доволен есть всяк язык, всякая быстрота ветийская! Победи бо величество от супостата побежденнаго, како силен, страшен и славен есть, к тому от лютости брани, от тяжести подвигов, от великих нужд и различных препятий познавается. Не великий победитель Домитиан, о нем же повествуют, яко мухи убивати обыкл бяше; великий же **– Самсон, иже льва растерза, великий, аще истинный, Ираклий, иже многия неукротимыя зверы и змия седьмоглавнаго умертви**. Подобне и преславной твоей победи величество и славу, пресветлейший наш монархо, не инным мерылом мерим, токмо силою и храбростию побежденнаго от тебе супостата, свирепством и лютостию льва свейскаго, ногою твоею попраннаго, и множеством нужд, злоключений, наветов и препятий великих, обаче воскоре оружием твоим раздрушенных и испразднившихся [Прокопович: 23-24][121].

Т.е. на втором этапе эволюции происходит – спровоцированное и поддержанное несомненным риторическим талантом приметливого Прокоповича – изменение в составе сюжетного тандема: античный лев заменяется библейским, а образ Петра-Геркулеса расслаивается и усложняется, вбирая в себя новую – на этот раз ветхозаветную – мифологическую составляющую. Трансформация в составе сюжетной пары сопровождается изменением специфики преобладающих в ней семантических связей. Тип референции обоих сюжетов по отношению к актуальным событиям исторического процесса приобретает характер все большей синонимичности.

Движение обоих микро-сюжетов в сторону постепенно возрастающей обоюдной взаимозаменяемости достигает логического завершения на следующем этапе. После окончания Северной войны, вызванный усилиями Прокоповича к активной жизни библейский Сампсон полностью заменяет, а затем и вытесняет из пространства мифологической идеологии петровской эпохи побеждающего многоголовую гидру античного Геракла. Так, в 1723 году Петр I собственноручно составил краткое указание по поводу того, как именно, по его мнению, должна была выглядеть монументальная скульптура, предположительно украшавшая бы Марлинский каскад петергофского дворца: «Перед большою кашкадою наверху делать **историю**

[121] Ср. также в *Слово благодарственное Богу триипостасному о полученной победе над Каролом королем шведским и войски его под Полтавою*: Должни же еще благодарение приносити величествию его и за таковых храбрых, дерзостных и мужественных воинов, иже, вооружившеся и подвигшеся по благочестии, не престаша дотоле, донележе наступиша на **змию и скорпию** и на всю силу вражию, донележе, аки **втории Самсони**, в день преподобнаго Самсона **растерзаша челюсти Лва свейскаго**, иже готови бяху за государя своего нити чашу, юже сам за целость Российской державы готов был испити, и крещением креститися, еже сам готов был креститися (Цит. по [Гребенюк: 253]).

Еркулову, который дерется с гадом седмиглавым, называеммым гидрою, из которых голов будет идти вода по кашкадам» [Исторический очерк: 108]. В дальнейшем Петр не оставлял вниманием предложенный им проект. Как сообщает Д. Самин:

> Растрелли <...> исполнил рисунки Геркулеса. В 1724 году Земцов представил эти проекты Петру, который внес изменения в первоначальную композицию скульптуры «Геркулес с гидрой», потребовав, чтобы она была аналогична уже утвержденной растреллиевской группе для Руинного каскада («у змей вода лилась бы так, как у модели, что у Нептуновой телеги»), но исполнение модели передал скульптору Нине [Самин].

Однако петровской идее фонтана-Геркулеса не суждено было воплотиться ни при его жизни, ни после смерти. В 1730-х годах предложенный монархом *Геркулес, поражающий гидру,* по инициативе все того же Б.Ф. Растрелли оказался волюнтаристски заменен на ставшего теперь уже классическим *Самсона, разрывающего пасть льва:*

> В феврале 1732 года Земцов, стремясь осуществить один из петровских проектов, хотел поставить на Руинном каскаде «статую Геркулесову». <...> [М]одель скульптуры выполнили К. Оснер и К. Ган <...>[,] но строительство каскада затянулось, и проект остался невыполненным. К нему вернулись вновь в 1735 году, избрав для установки группы центр всей композиции петергофского ансамбля — Большой каскад. Но Растрелли, который в это время исполнял фонтанные скульптуры для Петергофа, предложил поставить не Геркулеса, а Самсона.
> В 1735 году он создал группу «Самсон, разрывающий пасть льва» для самого крупного петергофского водомета [Самин].

Изначально успешно функционировавшие в качестве окказиональных синонимов античный и библейский микро-сюжеты со временем слились в единый знак, компоненты которого приобрели удивительную способность совершенно безболезненно заменять друг друга без какого-либо семантического ущерба для более широкого идеологического контекста. Претерпевший сложные метаморфозы сюжетный тандем окончательно распался, однако рефлексы его прежнего гармонического существования оказались любопытным образом инкорпорированы в панегирические тексты последующих эпох. В оде на восшествие Петра Феодоровича 1761 года Ломоносов чутко фиксирует все нюансы сложной эволюции петровских мифологических сюжетов. Он воспроизводит и синонимию образов Самсона и Геракла[122], и сформировавшееся со временем главенство истории о *победе надо львом* по отношению к истории о *победе над змеей*, и окончательный поворот личной мифологии российских императоров от античных к библейским мотивам и сюжетам.

[122] Ср. также в *Риторике* 1748 года (в варианте 1744 года этот пассаж еще отсутствует): «К сим первым идеям присовокупляются вторичные <...>. К силе: от уравнения — **Сампсон, Геркулес**» [VII: 112-113].

Петр Феодорович как Давид и Соломон

Панегирикос Феофана Прокоповича оказывается источником по крайней мере еще одного использованного Ломоносовым мифологического микро-сюжета. Упоминаемая поэтом битва Давида и Голиафа – *Сампсон, **Давид** и Соломон / В ПЕТРЕ тобою обладают / И **Голиафов презирают*** – также уже была приспособлена его красноречивым предшественником для нужд государственной идеологии:

> И сотворися **победа, подобная Давидовой над гордым филистином победе**. Яко же бо Давид иногда, силою вышняго подкрепленный, поразив во главу Голиафа, исторже из руку его меч его и темжде обезглави его, тако и российское воинство, поразивши самаго короля свейского, сиесть самую главу новаго сего Голиафа, супостата нашего, поношающаго роду нашему, новому Исраилю, полкам бога живаго; поразивши, глаголю, великою язвою на теле, крайним же страхом на душе и сердци, исторже от руку его толь славное и всем народам страшное оружие [Прокопович: 42].

Нельзя не заметить характерного отличия в методах работы двух панегиристов с одним и тем же ветхозаветным материалом. В 1709 году Прокопович отнюдь не сравнивает самого Петра I с Давидом непосредственно; проповедник аккуратно проецирует образ библейского героя на некоторый собирательный образ *российского воинства*, осторожно смещая основной акцент предлагаемой им аллегории с параллели между положительными героями библейского микро-сюжета на развернутое отождествление шведского императора с *гордым филистином*. Подобное построение мифологической проекции кардинально отличается от того, что мы видим в оде Ломоносова, где побеждающий Голиафа Давид оказывается одним из вариантов прямого мифологического наименования нового императора. Тем не менее, используемый Ломоносовым риторический прием и по форме, и по содержанию совершенно тождественен тому, что мы наблюдаем в другом, намного более позднем по сравнению с *Словом на Полтавскую победу,* панегирике Прокоповича, а именно в его *Слове на погребение Петра Великого*, произнесенном им уже в должности вице-президент Святейшего Правительствующего Синода 8 марта 1725 года.

Вопрос, на который страстно и вдохновенно отвечает Прокопович в *Слове на погребение*, звучит так: ***Кого** бо мы, и **какового**, и **коликаго** лишилися?* [Прокопович 1725]. Первым ответом на этот вопрос становится уподобление Петра Сампсону: ***Се оный твой, Россие, Сампсон**, каковый да бы в тебе мог явитися, никто в мире не надеялся, а о явшемся весь мир удивился* [Прокопович 1725]. Этим, однако, не исчерпываются те мифологические параллели, которые проводит в своем слове архиепископ. В следующем параграфе, продолжая отвечать на свой вопрос, ритор последовательно нанизывает одно ветхозаветное имя на другое, манифестируя, в частности, что Петр Великий:

се твой первый, о Россие, Иафет <...>. Се Моисей твой, о Россие! <…> Се твой, Россие, **Соломон,** приемший от Господа смысл и мудрость многу зело. <...> Се же твой, о и церкве российская, и **Давид,** и Константин [Прокопович 1725 а].

Уже только на примере *Слова на погребение* Прокоповича отчетливо заметно, что в 1725 году неожиданная смерть Петра I спровоцировала в обществе своеобразный кризис идентификации личности монарха[123]. Автор надгробного слова старается преодолеть вызванную этим кризисом глубокую фрустрацию при помощи многочисленных сравнений усопшего императора с героями библейского прошлого. Подобная ситуация во многом тождественна той, в которой создавалась ода Ломоносова на восшествие Петра Феодоровича. Ситуация смерти старого императора типологически сходна восшествию на престол нового в отношении тех вопросов, которые начинают задавать себе склонные (либо по природной предрасположенности, либо по служебной необходимости) к рефлексии подданные. Для панегириста необходимость задавать подобного рода вопросы оказывается обусловлена глубинной природой выбранной им социальной позиции толкователя и интерпретатора актуального политического контекста, а также самим жанром создаваемого им текста.

Итак, пытаясь осмыслить огромную утрату, нанесенную российскому государству несвоевременной смертью ее выдающегося правителя, в *Слове на погребение* Петра I 1725 года Прокопович последовательно примеривает на покойного императора образы многочисленных библейских героев. При этом каждому из поименованных им персонажей ветхозаветной истории Прокопович приписывает определенное доминирующее в его биографии качество (Самсон → воинская доблесть, Иоафет → основание флота, Моисей → законотворчество, Соломон → житейская мудрость и научная прогрессивность, Давид и Константин → церковное благочестие), а затем кропотливо инкорпорирует каждое из них в единый образ Петра I.

Абсолютно тот же самый прием Прокопович использует и в *Слове на похвалу... памяти Петра Великаго*, приуроченном к петровским именинам 29 июня 1725 года. В этом панегирике архиепископ, уже не углубляясь, как

---

[123] Для полноты картины отметим, что тенденция интерпретировать кончину первого российского императора именно через многочисленные и разнообразные его именования начала формироваться еще до произнесения Прокоповичем его знаменитой речи. Уже 13-го февраля (т.е. примерно через две недели после кончины Петра I и за три недели до произнесения Прокоповичем надгробного *Слова*) на пирамидах, украшавших печальную залу, в которую гроб с телом императора было перенесен из меньшей дворцовой залы, имелась следующая надпись: «[О]т обучения воинства: *Изнемог телом, но не духом, / Уснул от трудов,* ***Сампсон российский.*** <...>. [О]т строения флота: *Нового в мире,* ***первого в России Иафета****, / <...> И нам в сообщение вселенную приведшего, / Плавающего уже не узрим*» [Соловьев, XVIII, 4: 562-563].

прежде, в развернутые сравнения, лаконично формулирует свою позицию следующим образом:

> Было бы дивно, есть ли бы одно один, а другое другий государь зделал: как римляне первых своих двоих царей, Ромула и Нуму, похваляют, что он войною, а сей миром укрепил отечество; или как и в священной истории Давид оружием, а Соломон политикою блаженство Исраилю сотворил. А у нас и се и другое, да еще в безчисленных и различных обстоятелствах, совершил един Петр. Нам **и Ромул, и Нума, и Давид, и Соломон** — един Петр [Прокопович 1725 b]**.**

Нетрудно заметить, что условный список библейских персонажей – Самсон, Иоафет, Моисей, Соломон, Давид, – составленный Прокоповичем для интерпретации личности Петра I после его смерти в 1725 году, в очень большой степени совпадает с тем, которым пользуется Ломоносов при описании фигуры взошедшего на престол Петра Феодоровича в 1761 году (Сампсон, Давид и Соломон). Подобного рода пересечения невозможно считать случайными.

Отметим, что принципы функционирования ветхозаветных сравнений в панегириках Прокоповича 1709 и 1725 годов несколько отличаются друг от друга. С одной стороны, характерной чертой библейских сравнений в *Словах* 1725 года является их повышенная номинальная и практически невыраженная глагольная составляющая. В обоих панегириках 1725 года сравнения Петра I с разнообразными персонажами библейской и античной истории оказываются удивительным образом не связаны ни с какими микро-сюжетами. Так, называя в 1725 году Петра I Самсоном, Прокопович совершенно не припоминает при этом битву библейского героя со львом; говоря о Соломоне, он не приводит в пример никакой истории, ярко иллюстрировавшей бы приписываемые этому царю, например, экстраординарные судейские качества; упоминание о Давиде, в свою очередь, не инициирует последующего появления в тексте имени Голиафа. С другой стороны, в *Слове* 1709 года используемые Прокоповичем сравнения строятся по принципиально иной схеме, в которой акцент делается именно на характере действия, совершаемого тем или иным героем. Например, как мы видели выше, практически каждое упоминание о Самсоне сопровождается хотя бы кратким описанием его победы надо львом; в свою очередь, сравнение с Гераклом связывается с кратким рассказом о его победе над многоголовой змеей. В частности, в 1709 году сравнение русского войска с Давидом становится важно для Прокоповича не само по себе, а именно в свете того сюжетного потенциала (битва с Голиафом), который оно помогает ему реализовать в его панегирике.

Личная мифология Петра Феодоровича в первой оде 1761 года несомненно моделируется Ломоносовым с опорой на те образные и нарративные модели, которые были использованы Прокоповичем при выстраивании личной мифологии Петра I как во время его царствования, так и после его смерти. Одический образ нового российского императора в декабрьской оде Ломоносова представляется нам своеобразным

органическим синтезом тех риторических тактик и стратегий, которыми пользовался талантливый проповедник петровского времени. В 1761 году образы и мотивы, привлекаемые Ломоносовым для мифологизации личности нового российского императора, переплавляются его поэтическим талантом в новую жанровую форму, однако в основе своей остаются неизменными заимствованиями из идеологического арсенала петровской эпохи. Важно отметить и подчеркнуть, что их применение по отношению к Петру Феодоровичу оказывается совершенно не подкреплено никаими объективными внешними обстоятельствами, а основывается исключительно на произвольном желании Ломоносова видеть в новом российском монархе реинкарнацию его великого деда.

§2. А.П. Сумароков, *Ода на восшествие Петра III Феодоровича, январь 1762 года*

§2.1. А.П. Сумароков в конце 1761-начале 1762 года

1761 год оказался сложным, во многом переломным и поворотным, периодом в жизни и творчестве А.П. Сумарокова. В 1756 году именным указом Елисаветы Петровны Сумарокову как первому – и по очередности, и по значимости – российскому драматургу было доверено управление только-только учрежденным монархиней *Русским для представления Трагедий и Комедий театром* [ПСЗРИ, XIV: 613]. Создание национального русского театра было сопряжено с огромными трудностями и сопровождалось массой интриг как внутри него, так и вовне. Запутанные личные отношения с актерами, ни на минуту не прекращающиеся хозяйственные хлопоты, а также многочисленные административные сложности, неизменно сопутствовавшие организации представлений российской труппы[124], провоцировали Сумарокова вновь и вновь проявлять феноменальную, ставшую к тому времени уже легендарной, неуживчивость и неровность характера. В результате Северный Расин смог удержаться на этой – требовавшей в обстоятельствах того времени огромного такта, титанического терпения и немалой настойчивости – должности без малого пять лет. Хроническая конфронтация с придворными чиновниками всех уровней, в частности, острые столкновения с гофмаршалом двора гр. К.Е. Сиверсом, привели к тому, что весной 1761 года номинально все еще исполнявший обязанности директора театра А.П. Сумароков вынужден был писать покровительствовавшему ему генерал-адъютанту императрицы И.И. Шувалову:

> Милостивый государь! Для имени божиего помилуйте меня и не позабудьте моей просьбы. Помилуйте меня: я служил ровно тридцать лет, и двадцать лет взавтре исполнится, как я служу е. в. <...> Мне сегодни Сиверс новое озлобление сделал противу всех на свете прав <...>. Помилуйте меня и избавьте от Сиверса; избавьте меня и сделайте мне отставку. <...> А двадцать лет е. в. во службе и тридцать лет всего службы моей без отпусков прошло. <...> Я уставил театр. Я сочинениями своими России бесчестия не сделал, и еще сочинять буду многое, кроме драм, покамест театр зависети будет от Сиверса и от приказных служителей. Да и всего времени к сочинению осталося мне четыре года. Помилуйте меня и не лишите меня оставшего моего здоровья и оставшего моего времени. Отставьте меня предстательством своим. Помилуйте меня, а при театре я стихотворцем из директоров быть не хочу; да и никак, а особливо с моим злодеем главным Сиверсом, я никакого дела иметь не хочу. Помилуйте меня. Взавтре двадцать лет, как я служу е. в., а всей моей службы тридцать лет уже прошло [Письма: N28, от 24 апреля 1761 года].

[124] Ср., например: «"от начала театра, говорил он <Сумароков – *М.К.*> в мае 1759, "ни одного представления еще не было, которое бы миновалося без превеликих трудностей, не приносящих никому плода, кроме приключаемых мне мучений и превеликих замешательств"» [Грот: 8].

13 июня 1761 года ходатайство мятежного и беспокойного театрального директора об отставке от должности было удовлетворено. Елисавета Петровна подписала именной указ, в котором постановила:

> <...> господина бригадира Сумарокова, имеющего дирекцию над российским театром, по его желанию от сей должности уволить. Жить ему где пожелает. <...> за его труды в словесных науках, которыми он довольно сделал пользу, и за установление российского театра производить жалованья, каковое он ныне имеет, без задержания [Письма: примечания к письму от 24 апреля 1761].

Общепринятой практикой того времени было производство при отставке в следующий чин[125]. В письме от 30 марта 1761 г. А.П. Сумароков писал все тому же И.И. Шувалову: «Помнится мне, что при отставке даются чины всем, хотя бы кто год только в чину своем был настоящем. А я шесть лет старший бригадир и несчастнейший человек <...>» [Письма: 91]. Однако, несмотря на многочисленные жалобы и добровольные унижения Сумарокова, связанные с его желанием получить повышение в звании, летом 1761 года он был хладнокровно «уволен от должности» без какого бы то ни было продвижения по службе, все в том же присвоенном ему в 1755 году статусе бригадира. Таким образом, совсем незадолго до восшествия на престол Петра Феодоровича взбалмошный Сумароков внезапно прервал свою многолетнюю службу, крайне невыгодно и неудачно вышел в отставку и, как следствие, оказался в совершенно новом и крайне неудобном для себя положении.

Поэту шел 44-ый год. Практически всю свою сознательную жизнь он провел на государственной службе (см. выше: *тридцать лет всего службы моей без отпусков прошло*), совмещая ее с активным участием как в жестоких и широкомасштабных литературных войнах, так и в многочисленных светских интригах. После напряженных тридцати лет активной работы размеренная жизнь отошедшего от дел и наслаждающегося заслуженным отдыхом отставного бригадира была Сумарокову не только абсолютно чужда, но и физически недоступна по целому ряду причин. С одной стороны, скандальные обстоятельства ухода из театра сделали для него совершенно невозможным продолжение литературного творчества на – в течение последних лет остававшегося для него отчетливо приоритетным – драматургическом поприще (см. выше*: еще сочинять буду* ***многое, кроме драм****; при театре я стихотворцем из директоров быть не хочу*). С другой стороны, за полтора года до выхода в отставку, в декабре 1759 года, будучи вынужден под давлением обстоятельств прекратить издание *Трудолюбивой*

[125] Согласно петровской *Табели о рангах*, следующим для Сумарокова был чин *генерал-майора*, в случае получения обеспечивавший ему не только формальный переход в более высокий – 4-ый – чиновничий класс, но и совершенно иное жалование и социальное положение.

пчелы[126], на последней странице последнего номера Сумароков публично, со свойственной ему безоглядной решительностью и окончательностью, зарекся работать также и в лирическом жанре: *Для множества причин / Противно имя мне Писателя и чин; / С Парнаса нисхожу, схожу противу воли, / Во время пущего я жара моего, / И не взойду, по смерть, я больше на него, — / Судьба моей то доли. /* ***Прощайте, музы, на всегда! / Я более писать не буду никогда*** [Трудолюбивая пчела: 768]. Т.е. ко второй половине 1761 года Сумароков собственными усилиями плотно загнал себя в, казалось бы, безвыходный творческий тупик.

Культурная деятельность в академической сфере была для Сумарокова равно недоступна. Основной трудностью на этом пути было остро переживаемое поэтом отсутствие у него аффилиации с каким бы то ни было русским академическим институтом. Несмотря на свое страстное желание, Сумароков так никогда и не был принят в члены российской Академии наук[127]. При этом, несмотря на крепкие неформальные связи как с самим М.М. Херасковым, так и с группировавшимися вокруг него молодыми поэтами, Сумароков никогда не имел никакого официального статуса в Московском Университете, никогда формально к нему не принадлежал.

Карьерный и творческий кризис в жизни новоиспеченного отставного бригадира усугублялся всегдашним его безденежьем. Всю жизнь преследовавшие Сумарокова материальные затруднения особенно обострились весной 1761 года в связи с необходимостью переезжать из казенных комнат в Головкинском доме на новую частную, значительно более дорогую, квартиру[128].

---

[126] См. об этом: «<...> в глазах правительства «Трудолюбивая пчела» была нежелательным явлением; тем более это было так, что в 1759 г. обострились трения Сумарокова с начальством и по театру, и он вынес эту распрю на страницы своего журнала, редко нападая на Сиверса и апеллируя к общественному мнению. К концу года выяснилась невозможность продолжать журнал» [Гуковский 1941: 381].

[127] Ср. письмо Сумарокова И.И. Шувалову от 17 декабря 1760 года: «Милостивый государь! Я сии дни смертно был болен и насилу пишу, хотя мне и легче. Взавтре праздник, а отчаяние мое на самом верху своей меры. Вы мне изволили предлагать об **академическом месте, которое, кажется мне, и принадлежит несколько мне**. <...> Помилуйте меня. Пускай Ломоносов обладает всеми науками. Помилуйте меня и освободите от гр. Сиверса и от команды Тауберта, Штелина, Миллера и Ломоносова по печатанию книг. Помилуйте меня. А сверх того и чина я не получаю» [Письма: 88].

[128] См. письмо Сумарокова И.И. Шувалову от 23 февраля 1761 года: «Ежели актеры, как может быть учреждено, переедут, мне на Васильевском острову жить нельзя, и вместо малой цены должно мне платить большую. А денег негде взять; на той стороне дома меньше пятисот рублев нанять не можно. Ежели мне не будет места, где актеры жить будут, **так надобно мне в воду броситься**. Я о квартерных деньгах никогда вашему превосх<одительству> не докучал, <...> да квартерных же денег мне и не дают. Сжальтеся вы надо мною, и когда угодно вашему превосх<одительству> Головк<инский> дом взять, так подумайте, куда мне деваться» [Письма: 88].

В дополнение ко всем прочим, и без того многочисленным, жизненным неурядицам состояние здоровья совсем уже, по меркам XVIII века, немолодого литератора медленно, однако неуклонно, ухудшалось (см. выше: *всего времени к сочинению* ***осталося мне четыре года***. *Помилуйте меня и не лишите меня оставшего моего здоровья и* ***оставшего моего времени***.). Как отмечает Я.К. Грот, «последним пределом своей авторской деятельности он полагал 48-й год жизни. Почему? неизвестно; но подобную мысль о скором окончании своего литературнаго поприща он высказывает где-то и в другом месте» [Грот: 14-15]. Что бы ни было реальной причиной приступов ипохондрии Сумарокова, важно отметить, что в это время у поэта явно обостряется трагическое ощущение строгой ограниченности и исчерпаемости времени, отпущенного ему на полноценное и адекватное участие в современном культурном процессе.

В 1761 году весь этот комплекс проблем – ощущение утекающего сквозь пальцы драгоценного времени, наложенное на принципиальную невозможность писать ни для театра, ни для литературы, вкупе с крайней бедностью и бытовой неустроенностью – казалось бы, совершенно не оставлял своенравному поэту, последовательно загнавшему себя и в метафизический, и во вполне реальный финансово-бытовой тупик, решительно никакого пространства для маневра.

В контексте частной сумароковской жизни смерть Елисаветы Петровны, восшествие на престол Петра Феодоровича и все последовавшие затем бурные политические изменения случились как нельзя более кстати. Именно остро-драматические внешние обстоятельства дали окончательно разорвавшему все прежние связи, но так и не сформировавшему до тех пор никаких новых ориентиров Сумарокову прекрасную возможность начать следующий этап в его жизни и творчестве. В декабре 1761 года и пресловутый *дух времени*, и сама природа произошедших государственных перемен отчетливо диктовали неизменно чуткому к динамике общественных процессов Сумарокову единственное безошибочно верное направление его личной литературной эволюции. Исключительные исторические обстоятельства активно подстегивали и ускоряли движение отставного бригадира, последовательно отказавшегося и от свирели Эвтерпы, и от мантии Мельпомены, к новому поэтическому жанру. Вполне закономерно этим жанром становится торжественная ода.

§2.2. Ода А.П. Сумарокова на восшествие Петра Феодоровича на фоне его предшествующего одического творчества

Свою деятельность на относительно новом для него литературном поприще Сумароков начинает с рвением и усердием пылкого неофита, соединенными в его стихах этого периода со знаниями и мастерством, присущими опытному стихотворцу. В 1762 году Сумароков создает ни много, ни мало *пять* торжественных од, демонстрируя уровень продуктивности, являвшийся совершенно неслыханным на протяжении всех

предшествующих лет существования жанра оды на русской почве. Никто и никогда прежде не писал в России так много торжественных од за такой сравнительно короткий отрезок времени.

Три из пяти стихотворных панегириков, опубликованных Сумароковым в 1762 году, были созданы им во второй половине 1762 года и адресованы уже Екатерине Алексеевне. Еще одна – крайне своеобразная и в некотором смысле авангардная – ода 1762 года была посвящена поэтом состоявшемуся 25 января 1762 года в Санкт-Петербурге погребению Елисаветы Петровны[129]. Однако дебютным текстом, вновь возвращавшим имя Сумарокова на ступени совсем уже было покинутого им российского Парнаса, а также ознаменовавшим новый этап в творческой биографии поэта, становится его ода на восшествие Петра Феодоровича.

К моменту восшествия Петра Феодоровича на престол Сумароков не был абсолютным новичком в создании одических текстов. Официально зарегистрированное начало его литературной деятельности было связано именно с этим жанром, в котором он выступил в последний – выпускной – год своего обучения в Сухопутном Шляхетном Корпусе:

> Первые дошедшие до нас стихотворения Сумарокова показывают, что он начал писать, следуя урокам Тредиаковского. Это — две оды, напечатанные в 1739 г. брошюркой с таким заглавием: «Ее императорскому величеству, всемилостивейшей государыне Анне Ивановне, самодержице всероссийской, поздравительные оды в первый день нового года 1740 от кадетского корпуса сочиненные чрез Александра Сумарокова» [Гуковский 1941].

Последовавшее за десятилетним правлением Анны Иоановны долгое царствование Елисаветы Петровны изобиловало поводами для создания панегирических текстов. На протяжении 1740-х и 1750-х годов Сумароков вполне адекватно поэтически реагировал на то и дело возникавшие в культурном пространстве эпохи исторические стимулы. В частности, в уже цитированной нами выше статье *Сумароков и его литературно-общественное окружение* Г.А. Гуковский замечает:

> <...> Сумароков при Елизавете написал всего четыре похвальных оды, из которых характер развернутого образца данного жанра имеет едва ли не одна только ода на день рождения императрицы 1755 г.; остальные три чисто военные оды: две «О прусской войне», одна, в частности «На франкфуртскую победу», коротенькая ода.

---

[129] Как указывает Д.В. Ларкович, до 1762 года в русской поэзии не создавались оды на смерть или погребение: «<В додержавинской поэзии – *М.К.*> [с]тихотворные сочинения, созданные «по случаю смерти», в большинстве своем воспринимаются вне одического контекста и идентифицируются иными жанровыми пометами. Наиболее известны в этом ряду *Елегия о смерти Петра Великого* (1725) В. К. Тредиаковского, впервые опубликованная в 1752 г. под названием *Плач о кончине… Петра Великого, отца отечества*; *Умозрителство душевное… о переселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгановой* (1734) П. Буслаева, фактически представляющее собой поэму; *Плачъ по… Елисавете Петровне* (1762) И. К. Голеневского; *На смерть сестры авторовой Е. П. Бутурлиной* (1759) <...> А. П. Сумарокова [Ларкович].

> Видимо, Сумароков был готов приветствовать победы русского оружия, но вне военной темы по общим вопросам политики он не желал высказываться в хвалебно-одическом духе в течение шести лет, от декабря 1755 до конца 1761 г. [Гуковский 1941].

Для целостной историко-литературной концепции Г.А. Гуковского было важно остро противопоставить типологически отличного и не склонного *высказываться в хвалебно-одическом духе* Сумарокова записному панегиристу Ломоносову, чьи многочисленные и разнообразные экзерсисы в одическом жанре формировали стилистический и образно-мотивный стандарт этого литературного рода на протяжении практически всего царствования Елисаветы Петровны. Ограниченный рамками своей теории блестящий советский литературовед несколько искажает реальную картину одического творчества Сумарокова в 1740-1750-х годах.

Свою первую силлабо-тоническую оду (вполне имеющую право носить статус *развернутого образца жанра*) Сумароков создает отнюдь не в 1755, а в гораздо более раннем 1743 году. Это был первый в истории русской литературы стихотворный панегирик, посвященный восшествию (а точнее – второй годовщине восшествия) Елисаветы Петровны на престол[130].

В 1740-х годах опыты Сумарокова в рассматриваемом нами жанре отнюдь не ограничились созданием одной оды. Задолго до 1755 года, т.е. до написания единственной признанной Г.А. Гуковским полноценным *образцом жанра* оды на день рождения императрицы, молодой поэт создает еще по крайней мере один, самолично определенный им как *ода*, стихотворный текст – *Оду на государя Петра Великого* (ту самую, которую, спустя почти четверть века после ее создания, матушка И.И. Дмитриева читала по памяти своим сыновьям). В книге *Петр I в русской литературе XVIII века* Ю.М. Стенник следующим образом охарактеризовал это сумароковское сочинение:

> Очень рано и, по-видимому, первым из классицистов Сумароков обратился к восхвалению самого Петра. В 1743—1744 гг. им была написана первая русская ода, посвященная памяти императора, спустя 11 лет она была напечатана под названием «Ода на государя Петра Великого». <...> Еще далеко было до русской эпопеи, только-только определялся характер русской оды, но Петр Великий как тема, на которой будет вырастать русская героическая поэзия, была уже осознанна [Стенник].

Таким образом, мы видим, что, вопреки предложенной Г.А. Гуковским модели, к началу 1762 года Сумароков успел приобрести довольно богатый

---

[130] Этот текст имел довольно замысловатую эдиционную историю: «[н]и один печатный экземпляр этой оды не сохранился; текст ее дошел до нас в критической статье Тредиаковского Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю. 1750» <...> Критически анализируя оду Сумарокова строфу за строфой, Тредиаковский полностью передал ее текст» [Сумароков: 519].

и исключительно разнообразный опыт в одическом жанре. В его творческом портфолио были и ученические силлабические оды Анне Иоановне; и вполне "ломоносовские" по всем критериям торжественные оды Елисавете Петровне; и довольно редкие в русской традиции оды, посвященные не повторяющимся событиям придворного календаря (восшествие, коронация, день рождения или тезоименитство), а, напротив, сингулярным, не вшитым заранее в цикл ежегодных торжеств, поводам (таким как военные победы). Кроме того была там и несколько особняком стоявшая ода Петру I, создание которой обогатило Сумарокова редким для панегириста времени царствования Елисаветы Петровны опытом развернутого описания монарха-мужчины. Рассмотрим, как из всего этого многообразия в 1762 году вырастает сумароковская ода Петру Феодоровичу. Традиционно сконцентрируемся на риторических приемах, используемых автором для конструирования одического образа только что взошедшего на престол российского императора.

§2.3. Личная мифология Петра Феодоровича в оде А.П. Сумарокова 1762 года

Родство с членами императорской фамилии как одна из основных сущностных характеристик нового императора

С самых первых строк оды Сумарокова на восшествие Петра Феодоровича обращает на себя внимание крайне высокая концентрация в ней разнообразных терминов родства. Текст открывается обращением автора к усопшей Елисавете Петровне; при этом первичной характеристикой покойной императрицы становится ее родственное отношение к Петру I: *Хотя мы вышняго судьбою, / **Преславнаго МОНАРХА Дщерь**, / На век расталися с ТОБОЮ, / 4 Со вшедшею в небесну дверь <...>*[131]. Само по себе определение Елисаветы Петровны в качестве *Петровой Дщери* являлось вполне традиционным. Начиная с момента ее восшествия на престол и практически до самой кончины монархини в 1761 году, подобная дефиниция (зачастую именно в рифменном сочетании с лексемой *дверь*) часто и широко использовалась в одических текстах при обращении к ней. Например, в оде Ломоносова 1742 года: *Священный ужас мысль объемлет! / Отверз Олимп всесильный дверь. / Вся тварь со многим страхом внемлет, / 44 **Великих** зря **Монархов Дщерь***[132] [VIII: 84] (Ода на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург по коронации), а также, в частности, в юбилейной оде 1761 года: *Ужасны хляби, стремнины / Стоят против **Петровой***

[131] Здесь и далее все ссылки на оду Сумарокова Петру Феодоровичу 1762 года даются по тексту первого издания, воспроизведенному в *Приложении* к настоящей работе.

[132] Ср. там же: *На запад смотрит грозным оком / Сквозь **дверь** небесну Дух Петров, / Во гневе сильном и жестоком / Преступных он мятет врагов. / 335 Богиня кротко с ним взирает / На Невский брег и простирает / Свой перст на **Дщерь** свою с высот* <...> [VIII: 97].

***Дщери**, / И твердость тяжкия стены, / И в век заклепанныя двери, / 55 И непроходных страх морей* [VIII: 744] (Ода на восшествие Елисаветы Петрвоны). В предшествующем одическом творчестве самого Сумарокова подобное определение Елисаветы Петровны также встречалось неоднократно. Например, в классической торжественной оде на день рождения Елисаветы Петровны 1755 года: *Премудрость отворила двери / ПЕТРУ, и для **ПЕТРОВОЙ ДЩЕРИ**, / 147 Во храм сокровищей своих* [Сумароков 1957: 491])[133]. Кроме того, крайне сходный с одой 1762 года зачин мы встречаем в его небольшой *Оде о прусской войне* 1758 года: *Великая ИМПЕРАТРИЦА, / **Достойная ПЕТРОВА Дщерь**, / Порфирородная девица, / 4 Отверзла мне к Парнассу дверь* [Сумароков 1781: 20].

Данная Сумароковым в первых строках оды 1762 года "родственная" дефиниция Елисаветы Петровны не заслуживала бы нашего особенного внимания, если бы не являлась лишь первым звеном в довольно длинной и развернутой цепочке терминов, описывающих родственные взаимоотношения членов императорской фамилии, насквозь пронизывающей весь текст сумароковской оды. Так, во 2-ой строфе путем развернутой акцентуации родственных взаимосвязей описывается непосредственный адресат текста, новый российский император Петр Феодорович: *ТОБОЙ* <Елисаветой Петровной – *М.К.*> *наследник утвержденный, / МОНАРХОМ нашим наречен: / **Твоею сын Сестрой рожденный**, / Уже в порфиру облечен. / От Бога, от ПЕТРА, толикий, / И ото **Дщерей**, нам, ЕГО, / Дан дар, и для ради того, / 16 Дабы ТЫ ПЕТР был ПЕТР ВЕЛИКИЙ.* Далее, в 3-ьей строфе, на первый план вновь выходят родственные отношения главных героев оды (Елисаветы Петровны и ее племянника) с Петром I: *Се вижу во краях безвесных, / **ПЕТРОВА ДЕДА** я теперь: / Объемлет в областях небесных, / От нас вознесшуюся **Дщерь:** / Целуя там ЕЛИСАВЕТУ, / Вещает ей: **о дочь моя!** / Тебя родил на свете я, / 24 Для образа щедроты свету.* В 4-ой строфе, представляющей собой сжатую речь Петра Великого, обращенную им к России, первый российский император еще раз подчеркивает свое родство с только что взошедшим на престол новым монархом: *Вас* <россиян – *М.К.*> *Вышний вечно не забудет: / А **внук Мой,** Богу, Мне и Ей* <Елисавете Петровне – *М.К.*>, */ И чистой совести своей, / 32 Последуя владети будет.* Наконец, в финале оды, в ответной реплике Карлу XII, Петр Первый еще раз, несколько тавтологическим образом, указывает на кровные узы, связывающие его с Петром Феодоровичем: *«Всерадостна сия победа* <над Шведской империей

[133] Ср. там же: *О **дщерь великому Герою**! / Готовы мы идти под Трою* [Сумароков 1957: 489], а также: *С разверстаем свирепа зева / Бежит из рощей алчный зверь, / За ним стремится храбра дева, / Диана, иль **Петрова дщерь*** [Сумароков 1957: 490].

*– М.К.>», / Российский отвечал Герой: / «Владей **мой внук на троне деда**, / И покажи что **внук ты мой**»*[134].

Сначала обратим внимание на один частный момент. Во второй части 2-ой строфы Петр Феодорович описывается Сумароковым как *дар*, данный России совокупно *от Бога, от ПЕТРА, <...> [и] ото Дщерей, нам, ЕГО*. Концепция монарха как *дара* подданным уже была озвучена Сумароковым ранее в его оде Петру I: *«Я — хранитель сей державы, — / В небе Всемогущий рек, — / Россы, шествуйте в храм славы, / Расцветет Петром ваш век. / Вашего царя Я крою / С высоты Своей рукою / И хочу вас превознесть, / Украшая им природу, / **Я послал сей дар народу** / В пользу и в бессмертну честь»*[135] [Петр I в литературе: Сумароков]. Существенно совпадая по форме, сумароковские характеристики Петра I и Петра Феодоровича значительно отличаются друг от друга по содержанию. При описании Петра I Сумароков остроумно переосмысливает устойчивое выражение *божий дар*, недвусмысленно указывая непосредственно на Бога как на, с одной стороны, хранителя, а, с другой стороны, *дарителя* российского царя. При этом реальная генеалогия Петра Великого остается решительно за рамками сумароковского описания. В свою очередь, именно настоящие предки Петра Феодоровича выступают в оде 1762 года в качестве *дарителей* нового российского императора. По контрасту с *богоданным* Петром I, для Петра Феодоровича особенно важной оказывается его укорененность в реальном царском роду. Синтаксическая амбивалентность сумароковского выражения *от Бога, от Петра* представляется нам скорее всего намеренной. Мы полагаем, что это выражение следует читать как от *Петра-Бога* (что, в свою очередь, является реминисценцией ломоносовского пассажа *он Бог, он Бог твой был Россия* из оды на тезоименитство Петра Феодоровича 1743 года). Таким образом, именно родственные отношения нового монарха с Петром I, Анной и Елисаветой становятся структурообразующей характеристикой его одического образа в стихотворном панегирике Сумарокова, созданном им в январе 1762 года.

Теперь присмотримся повнимательнее к приведенным выше примерам – *дщерь, сын, сестра, внук, дед* – и попытаемся сформулировать, какой именно процесс мы наблюдаем, когда сталкиваемся с подобного рода номинацией. Отличительной чертой терминов родства в любом языке является их повышенная релятивность. В естественном языке подобного рода слова традиционно имеют минимальную автосемантическую

---

[134] Риторическое буйство семейно-ориентированной терминологии осложняется инкорпорированным Сумароковым в основную часть оды описанием Петра Феодоровича в качестве *отца* подданных: *Над теми царствуя странами, / Будь щастья нашего творец! / Владей щедролюбиво нами, / 76 И буди подданных **отец**! / ... // **Будь нам отец**! **мы будем чада**, / 82 Достойны милости ТВОЕЙ <...>*.

[135] Ср. там же далее: *Счастливое россов племя, / Торжествуй на всяко время / День, как **дан монарх** нам сей*.

составляющую, указывая, как правило, не на отличительный признак или характеристику того или иного субъекта, а исключительно на отношение одного субъекта к другому. В этом контексте симптоматично, что нейтральное и общеупотребительное значение терминов родства характерным образом трансформируется и сдвигается в рассматриваемой нами оде Сумарокова.

Знание фактических родственных отношений всех упомянутых в оде членов императорской фамилии между собой (Петра I, Анны и Елисаветы, Петра Феодоровича) входило в базовый набор знаний о мире всякого современника Сумарокова. Потенциальная читательская аудитория оды на восшествие Петра Феодоровича решительно не нуждалась ни в дополнительном уточнении, ни в настойчивом разъяснении нюансов и без того довольно прямого генеалогического древа нового российского императора. Соответственно, переполняющие сумароковскую оду 1762 года термины родства выполняют в ней совершенную иную функцию, кардинально отличающуюся от присущей им в естественном языке.

Нетрудно заметить, что все приведенные нами выше примеры использования терминов родства в оде Сумарокова концентрируются вокруг двух основных персонажей: Елисаветы Петровны и Петра Феодоровича. Именно они являются определяемыми при помощи этих терминов субъектами. Причем, как мы видели выше, определения, даваемые Сумароковым Елисавете Петровне, совершенно однообразны; усопшая императрица неизменно определяется через своего отца в качестве его *дочери* или *дщери*. В свою очередь, дефиниции, прилагаемые Сумароковым к Петру Феодоровичу, несколько более разнообразны. Во-первых, новый монарх описывается в оде как *сын сестры* (*Твоею сын Сестрой рожденный*). Во-вторых, опосредованно, Петр Феодорович определяется и как *сын* собственно Елисаветы Петровны (*И ото Дщерей, нам, ЕГО, / Дан дар*). В-третьих, оказываются неоднократно определены и акцентированы родственные отношения Петра Феодоровича с его великим тезоименитым предшественником. При этом обратим внимание на то, что, например, в случае с Елисаветой Петровной ее родственные отношения с Петром I описываются как отчетливо односторонние: сама Елисавета неизменно выступает в качестве его *дочери* или *дщери,* однако при этом мы ни разу не встречаем наименования Петра *отцом.* Однако при описании Сумароковым Петра Феодоровича мы наблюдаем наличие отчетливой двусторонней связи: не только он сам неоднократно именуется *внуком* Петра I (*А* ***внук*** *Мой, Богу, Мне и Ей …*, а также: *Владей мой* ***внук*** *на троне деда, / И покажи что* ***внук*** *ты мой*), но также и Петр I ретроспективно определяется автором путем родственного отношения к своему потомку: *Се вижу во краях безвесных, / ПЕТРОВА* ***ДЕДА*** *я теперь <…>.*

При кажущемся разнообразии все приведенные нами выше определения Петра Феодоровича (а равно и Елисаветы Петровны) в

терминах генеалогического родства объединены одним общим свойством: они не просто манифестируют наличие определенного рода связи между образами двух одических персонажей, но причудливым образом трансформируют факт наличия подобного рода связи в сущностную, психологическую и содержательную *характеристику* этих самых персонажей. Будучи безусловно примарной в условиях естественного языка, в одическом тексте релятивная функция терминов родства отходит на второй план. Ее место занимает гораздо менее выраженная у этого рода слов в естественном языке функция наименования и, что особенно важно, оценивания. Именно выдвижение на первый план автосемантической, оценочной, составляющей из общего набора семантических признаков терминов родства дает мощный толчок для образования новых, глубоко контекстуальных, значений у этого рода слов в одическом тексте. В результате данного процесса семантической трансформации сумароковское определение Петра Феодоровича в качестве *сына сестры* Елисаветы Петровны или настойчиво повторяющаяся в его адрес дефиниция *внук Петра I* кардинально меняют свое значение. В контексте оды традиционно присущая им функция указания на то, кем именно был рожден или от кого в более глубокой временной перспективе произошел новый российский император, оказывается абсолютно невостребованной. Таким образом, все приведенные нами выше определения отнюдь никак не соотносят, но, напротив, вполне отчетливым образом *характеризуют* нового монарха.

Остановимся подробнее на следующих вопросах: какие конкретно семантические нюансы выходят на первый план при подобного рода характеристике одического персонажа? и почему именно при описании Петра Феодоровича наименование по типу родственных связей оказывается выражено столь разнообразно, ярко и отчетливо?

Стоит заметить, что к 1762 году в рамках торжественной оды как жанра российские стихотворцы довольно хорошо научились описывать механизм обретения верховной власти, добытой тем или иным императором посредством государственного переворота. Именно таким образом в 1741 году взошла на престол Елисавета Петровна; за 20 лет ее царствования в русских стихотворных панегириках сформировался вполне устойчивый канон описания государственного переворота. В рамках этого канона нравственно безупречный и юридически законный, однако несправедливо угнетаемый и находящийся в небрежении, наследник престола (например, Елисавета Петровна) силой, однако при этом – что важно – бескровно, отнимает по праву причитающийся ей российский престол у окончательно морально разложившихся, зарвавшихся и всячески неправых, утеснителей и узурпаторов[136]. В 1762 году тихое, 20 лет тому назад запланированное и

[136] Ср., также прозаическое описание восшествия Елисаветы Петровны в проповеди Амвросия Юшкевича от 18 декабря 1741 года [Соловьев, XXI, 2: 147-149].

наконец закономерно осуществившееся, восшествие Петра Феодоровича на престол поставило перед российскими одописцами принципиально иную задачу. Впервые в рамках жанра потребовалось описать не насильственный и "бунташный", а совершенно мирный, абсолютно легитимный, однако при этом не вполне патриотический (учитывая германское происхождение и сомнительную в смысле любви к России репутацию Петра Феодоровича) переход престола от одного российского монарха к другому. Самобытность текущего исторического момента и своеобразие современной политической жизни требовали от российских авторов формирования абсолютно новых риторических моделей описания законного императора.

Настойчивое акцентирование тесных родственных отношений Петра Феодоровича с Елисаветой Петровной и с Петром I представляется нам одним из тех способов, при помощи которых Сумароков стремится осмыслить, а, возможно, и преодолеть абсолютно легитимную de jure, однако довольно неоднозначную de facto, ситуацию перехода российского престола в руки безусловно законного, но при этом с трудом говорящего по-русски, очень условно православного, а кроме того не скрывающего своих не самых патриотически ориентированных политических преференций августейшего наследника. Черты семейной биографии Петра Феодоровича, то чей он *внук, сын, племянник*, становятся одним из основных компонентов его формирующегося здесь и сейчас политического образа. В мире одических текстов реальная фамильная генеалогия трансформируется в мифологическую историю о подчеркнуто законном происхождении, превращаясь в сущностную и содержательную характеристику только-только взошедшего на престол российского монарха[137].

Сюжет *восхода солнца*: трансформация классической одической топики и диффузия жанров

Прямо и непосредственно к адресату своей оды Сумароков впервые обращается лишь в 7-ой строфе. Апелляция к Петру Феодоровичу следует сразу же за развернутым описанием восхода солнца, с которым Сумароков сравнивает восшествие нового императора на престол: *Когда Аврора возвещает, / Что Солнце покидает Понт, / Долы и горы освещает, / Бросая злато в горизонт: / Зефир плененный Розы ищет, / Дня светла красны Нимфы ждут, / Свирели ясный глас дадут, / 48 Свободный соловей засвищет. // Тогда и взора возведенья, / На Феба, удовляет тварь: / Начало ТВОЕГО владенья, / Тому подобно ГОСУДАРЬ. / Сверкнула молния вселенной, / Пред громом славы ТВОЕЯ, / И скора вестница сия, / 56 Летит*

[137] Эта тенденция, конечно же, была задана еще при переезде Петра Феодоровича из Германии в Россию, когда выражение *внук Петра Великого* было включено в его официальный титул в качестве наследника престола. С восшествием Петра III на престол эта тенденция упрочивается, и подобного рода номинация становится краеугольным камнем его личной мифологии.

дорогой отдаленной. В этом пассаже Сумароков, с одной стороны, вполне оригинально поэтически реализует языковую метафору *восход императора*, а с другой стороны довольно последовательно вписывает свой текст в устойчивую одическую традицию описаний *восхода солнца*.

К 1762 году сюжет *восхода солнца* стал одним из общих мест российских од. Множество *восходов* было описано в посвященных различным адресатам одах Ломоносова. Например, в Хотинской оде: *Златой уже денницы перст / Завесу света вскрыл с звездами; / От востока скачет посту верст, / Пуская искры конь ноздрями. / 175 Лицем сияет Феб на том* [VIII: 26]. Развернутое описание *восхода солнца* присутствует также и в рассмотренной нами выше оде Ломоносова Петру Феодоровичу 1743 года: *Но, о небес пресветло око, / Веселых дней прекрасный Царь! / Как наша радость, встань высоко, / Пролей чистейший лучь на тварь, / В прекрасну облекись порфиру, / Явись великолепен миру / И в новом блеске вознесись, / В златую седши колесницу, / В зенит вступи, прешед границу, / 20 И пожже в Океан спустись, // И тем почти Петрова внука; / Сияй, как наш веселый дух* [VIII: 104]. Вспомним также хрестоматийное описание *восхода* из оды на восшествие Елисаветы Петровны 1746 года: *И се уже рукой багряной / Врата отверзла в мир заря, / От ризы сыплет свет румяной / В поля, в леса, во град, в моря, / 15 Велит ночным лучам склониться / Пред светлым днем и в тверьди скрыться / И тем почтить его приход. / Он блеск и радость изливает / И в красны лики созывает / 20 Спасенный днесь Российский род* [VIII: 138]. И далее там же: *О утра час благословенный, / Дражайший нам златых веков! / О вестник щастья, вожделенный / Для нас и будущих родов! / <...> / Мы в скорбной темноте заснули, / Но в радости от сна вспрянули, / 60 Как ты нощный рассыпал мрак. // <...> Но Бог, смотря в концы вселенны, / В полночный край свой взор возвел, / 65 Взглянул в Россию кротким оком / И, видя в мраке ту глубоком, / Со властью рек: «Да будет свет». / И бысть! О твари Обладатель! / Ты паки света нам Создатель, / 70 Что взвел на трон Елисавет* [VIII: 139-140]. Схожие описания мы встречаем также в оде Ломоносова 1748 года (на восшествие Елисаветы Петровны): *Заря багряною рукою / От утренних спокойных вод / Выводит с солнцем за собою / Твоей державы новый год. / 5 Благословенное начало / Тебе, Богиня, воссияло. / И наших искренность сердец / Пред троном Вышняго пылает, / Да щастием Твоим венчает / 10 Его средину и конец* [VIII: 215] и 1751 года (на милость в Царском Селе): *Когда заря багряным оком / Румянец умножает роз, / Тогда на ветвии высоком / И посреде зеленых лоз / 75 Со свистом птицы воспевают, / От сна к веселью возбуждают, / Что царствует в моих лугах. / И солнце восходя дивится, / Увидев то, чем Инд пестрится / 80 Обильно при моих ключах* [VIII: 397].

Кроме того, относительно развернутые описания *рассвета* встречаются в зачине практически всех единичных не-ломоносовских од, написанных на русском языке до 1762 года. Например, ода Н.Н. Поповского

1754 года, посвященная очередной годовщине восшествия на престол Елисаветы Петровны, открывается следующей пейзажной зарисовкой: *От тихих солнце вод восходит, / В Россию сквозь багряну дверь / Прекрасный день с собой приводит, / В который мы Петрову дщерь / Восшедшу на престол узрели; / Сердца весельем закипели, / Всерадостный тот вспомнив час; / Шумят поля, леса и воды, / До облак разные народы / 10 Торжественный возносят глас* [Поповский]. А вот как начинается ода А.Г. Карина 1759 года, написанная по тому же поводу: *Уже вселенныя светило / Взошло на вышний горизонт, / Лучем приятным озарило / Все землю, небо, понт; / Парнасс ведет согласны хоры, / Шумят веселы разговоры, / И громкой славы глас звучит, / Гласит во все концы земныя: / В сей день воскресла ты Россия, / 10 В веселый облекайся вид* [Карин].

Нетрудно заметить, что сумароковское описание *восхода солнца* в оде 1762 года оказывается плотно вписано в богатую, сформированную в основном в торжественных одах Ломоносова, традицию одических *восходов*. Однако при этом его оригинальная интерпретация этого сюжета стоит особняком в тесной череде многочисленных ломоносовских *зорь,* а также *тихих* или *громких восходов* ученических од его подражателей. И разветвленная персонажная структура (*Аврора, Зефир и Роза, Нимфы, соловей, Феб, молния*), и отчетливо выраженный античный колорит, и сам стиль сумароковского описания *восхода* резко отличают его ото всех, типологически сходных, однако структурно и стилистически отличных дескрипций в одах Ломоносова, а также более или менее близких его последователей.

При отчетливой дистанцированности, а в некотором смысле и противопоставленности сумароковского описания *восхода солнца* предшествующей русской одической традиции уровень авто-цитации в нем крайне высок. Так, в его же оде на восшествие Елисаветы Петровны 1743 года мы встречаем следующее описание молодой российской императрицы: *Тобой восшел наш* ***луч полдневный*** */ На мрачный прежде* ***горизонт****, / Тобой разрушен облак гневный, / 54 Свирепы звезды пали в* ***понт****. / … / В покое град,* ***леса и горы, / С покоем нимфы ждут Авроры****. / Едина лишь Елисавет, / Исполненная днесь любови, / Брежет своих подданных крови / 100 И в тихости свой скиптр берет* [Сумароков 1957: 60]**.** Во-первых, нельзя не обратить внимание на присутствующуюся в обоих текстах (как в оде 1743, так и в оде 1762 года) именно при описании рассвета рифму *понт – горизонт*. Во-вторых, в 1743 году Сумароков описывает пространство, ожидающее прихода Авроры как: *град, леса и горы*, а в оде 1762 года это же пространство незначительно трансформировано им в *долы и горы***.** Характерно, что в обеих одах присутствует рифма *горы – Авроры*: в оде 1743 года это концевая рифма, связывающая строки 95-96, а в оде 1762 – внутренняя рифма в строках 41-43. И, наконец, в-третьих (и в главных) примечательно наличие в обоих текстах определенной комбинации

мифологических персонажей: так, и в оде 1743, и в оде 1762 года присутствует Аврора в сочетании с Нимфами, совершающими в обоих сумароковских текстах одно и тоже действие, а именно *ждущих рассвета* (1743: *С покоем* ***нимфы ждут*** *Авроры*; 1762: *Дня светла красны* ***Нимфы ждут***)[138]. Кроме того, в оде Сумарокова 1755 года, посвященной дню рождения Елисаветы Петровны, автор разворачивает перед нами следующую идиллическую картину всеобщего процветания, наступившего в России благодаря мудрому правлению дочери Петра I: *Но днесь, народа храбра племя, / <...> / И наслаждайся тишиной. /* ***Вспевайте птички*** *песни складно, / Дышите ветры вы прохладно, /* ***Целуй любезную Зефир****, / Она листочки преклоняет, / Тебя подобно обоняет, / 100 Изображая сладкий мир. // На нивах весело пархает, /* ***И в жирных пелепел травах****, / И земледелец отдыхает, / На мягких лежа муравах <...>* [Сумароков 1957: 65]. Отметим следующие точки пересечения с описанием восхода солнца в оде на восшествие Петра Феодоровича 1762 года: 1) *птички*, с позднейшей спецификацией (*перепел* в 1755 году и *соловей* в 1762); принципиальна схожесть самой структуры описания, непременно включающего в себя *птичку*; 2) наличие микро-сюжета, описывающего взаимодействия Зефира и Розы. Таким образом, сопоставление отрывков из сумароковских од 1743, 1755 и 1762 года ясно демонстрирует нам высокую степень сходства описания Сумароковым восшествия Елисаветы Петровны, с одной стороны, и Петра Феодоровича, с другой. Это свидетельствует о том, что в одах Сумарокова формируется своеобразный авторский "канон" описания восшествия на престол нового монарха, основными составляющими элементами которого являются: сравнение восшествия императора с восходом солнца; описание восхода, оформленное с непременным использованием античной метафорики; наличие относительно устойчивой персонажной структуры (например, Аврора и Нимфы; птички и Зефир); описание некоторого условно-обобщенного пейзажа (*град, леса, горы и долы*, *понт* и *горизонт*).

Важно при этом отметить, что к 1762 году образ *рассвета* был вполне освоен и тщательно разработан Сумароковым не только в рамках его все-таки немногочисленных торжественных од, но также и – более того в основном – за пределами одического жанра. Так, во 2-ой из его *Эпистол* 1747 года приводится подробный шаблон образцово-"правильного"

[138] Для сравнения стоит отметить, что, например, в других русских одах Нимфы совершают следующие действия: *Нимфы ликуют* (И.К. Голеневский, *Ода на восшествие Елисаветы Петровны 1751 года*, вариант 1777 года) [Голеневский 1777], *Нимфы вьют венцы* (Ломоносов, 1742, Ода на коронацию Елисаветы Петровны), *Нимфы ликовствуют* (Ломоносов 1745, *Ода на бракосочетание Петра Феодоровича с Екатериной Алексеевной*), *Нимфы повторяют речь* (Ломоносов 1761, *Ода на восшествие Елисаветы Петровны*) и проч. Т.е. соположение Нимф с Авророй и атрибутирование им действия *ожидания рассвета* – это уникальная, исключительно сумароковская сюжетно-персонажная комбинация.

описания *восхода солнца*, которое, что примечательно, начинающим авторам рекомендуется использовать отнюдь не в оде, а, напротив, в идиллии: *Вставай в идиллии мне ясны небеса, / Зеленые луга, кустарники, леса, / <...> / Любовник в сих стихах стенанье возвещает, / Когда* ***аврорин всход*** *с любезной быть мешает,* и далее: *Когда не льстит тебе всегдашний града шум / И ненавидит твой лукавства светска ум, / Приятна жизнь в местах, где к услажденью взора / И обоняния ликует красна Флора, / Где чистые струи по камышкам бегут / И* ***Птички сладостно Аврорин всход поют****, / Одною щедрою довольствуясь природой, / И насыщаются дражайшею* ***свободой****. / Пускай на верх горы* ***взойдет*** *твоя нога / И око кинет взор в зеленые луга, / На реки, озера, в кустарники, в дубровы: / Вот мысли там тебе по склонности готовы* [Сумароков 1957: 118]. В 1759 году Сумароков сам же и последовал собственному совету, инкорпорировав эталонное, с точки зрения его предшествующих рекомендаций, описание *восхода солнца* в заключительную часть собственной эклоги *Дамон*: *По сем из волн морских* ***Аврора выступала*** */ И* ***спящих в рощах нимф****, играя, возбуждала, /* ***Зефир по камышкам*** *на ключевых водах / Журчал и нежился в пологих берегах. / Леса, поля, луга сияньем освещались, / И* ***горы*** *вдалеке* ***Авророй озлащались****. / Восстали пастухи, пришел трудов их час, / И был издалека* ***свирельный слышен глас****. / Пастушка с пастухом любезным разлучалась, / Но как в последний раз она поцеловалась* [Сумароков 1957: 497][139].

Кроме того, у Сумарокова существует еще одно произведение, образы, темы и мотивы которого буквально дословно совпадают с описание *восхода солнца* в оде 1762 года. Мы имеем в виду незаконченную и нигде не напечатанную вплоть до 1781 года *Оду*, в которой присутствует следующий пассаж: *Тихи ветры повевают, / В рощах голосы звенчат. / Птички сладко воспевают, / В берегах струи журчат, / Благовонные цветочки / Распремляют там листочки. // Былие тогда и крины / Красоту свою брегут, / Чисты с гор ключи в долины / Со стремлением бегут. /* ***Роз зефиры бодро ищут****, /* ***Соловьи, не дремля, свищут*** [Сумароков 1957: 107]. Особенно интересны для нас последние две строки. Во-первых, как мы помним, в сумароковской оде на восшествие Петра Феодоровича 1762 года также присутствовал Зефир: ***Зефир*** *плененный* ***Розы ищет***. В неоконченной *Оде* мы видим почти дословное – с поправкой на хореический размер – повторение этой строки: ***Роз зефиры*** *бодро* ***ищут***. Во-вторых, образ *свищущего соловья*, также уже хорошо знакомый нам по оде 1762 года: *Свободный* ***соловей засвищет***, продублирован им и в *Оде*: ***Соловьи****, не дремля,* ***свищут***. Представляется важным зафиксировать как повторение каждого их этих образов самих по себе, так и плотное соположение их в

[139] В 1768 году Сумароков переработал эклогу *Дамон* в эклогу *Дориза*. Примечательно, однако, что он полностью сохранил приведенное нами выше описание *восхода солнца*, оставив его абсолютно без каких-либо изменений.

рамках одного четверостишия, объединяющего образы *зефира* и *соловья* рифмой *ищет – свищет.*

В нигде не напечатанной до 1781 года сумароковской *Оде* основная авторская задача заключается в описании *золотого века*. Как сообщает в примечаниях к этому произведению П.Н. Берков, «[т]ема «золотого века» постоянно интересовала Сумарокова; к ней поэт обращался в своих эклогах, упоминал в притчах. Очевидно, в данной оде он хотел нарисовать «золотой век» более конкретно, чем в других своих произведениях» [Сумароков 1957]. Разработка одних и тех же тем в разных жанрах – явление довольно типичное и распространенное в поэзии XVIII века. В статье *Тема «золотого века» в литературе русского сентиментализма* Н.Д. Кочеткова описывает две классических жанровых модификации данного топоса*:*

> В русской литературе XVIII в. <...> тема <золотого века – *М.К.*> получает развитие в связи с возникновением разного рода утопий и поисками «рая на земле». В похвальной оде о счастливом веке обычно говорится не в прошлом, а в настоящем времени. В соответствии с панегирической установкой оды период правления монарха, царствующего в данный момент, объявляется «золотым веком» — порой всеобщего благоденствия и процветания.
>
> Противостоявшая традиционной похвальной оде идиллия открывала новые возможности для развития интересующей нас темы. Основное различие состояло в том, что для оды «золотой век» — это здесь и сейчас; для идиллии — это где-то в другом, очень далеком месте и в другое, далекое время [Кочеткова 1993: 172][140].

На примере всех процитированных выше сумароковских текстов, мы имеем возможность наблюдать любопытнейший частный пример кросс-жанровой интерференции. Очевидно, что на одном из самых ранних этапов творчества, в поэтическом арсенале Сумарокова образовался своеобразный шаблон описания *восхода солнца*, включавший в себя определенный устойчивый набор лексики, персонажей, образов и мотивов. Шаблон этот был весьма оригинален и никак – ни полемически, ни гармонически – не соотносился с формировавшейся параллельно стихотворным опытам Сумарокова поэтикой описания *восходов солнца* в торжественных одах авторов, принадлежавших условной “ломоносовской школе”. Самое интересное, однако, заключается в том, что на протяжении почти двадцати лет (с 1743 по 1762 год) Сумароков не считал нужным как-то существенно модифицировать или адаптировать интересующий нас микро-сюжет ни для специфических нужд определенного жанра, ни для конкретного описания

[140] Ср. также: «В русской литературе второй половины XVIII века мифологема разрабатывается как одической, так и идиллической поэзией. Первая жанровая модификация актуализирует политические коннотации мифологемы, усматривая наступление Золотого века в приходе к власти каждого нового монарха <...>. Во второй реализуется пасторальная компонента мифологемы, представляя блаженными временами патриархальную, «естественную» жизнь в сельской усадьбе <...>» [Попович].

восшествия на престол того или иного императора или императрицы. Восход солнца в идиллии Сумароков описывает точно так же, как и в торжественной оде. В свою очередь, описывая в рамках торжественной оды восшествие на престол Петра Феодоровича, он делает это ровно тем же самым способом, каким он пользовался при описании восшествия на престол Елисаветы Петровны почти 20 лет назад.

Подобная исключительная верность Сумарокова самому себе выглядит особенно удивительной на фоне постоянно менявшихся, трансформировавшихся и эволюционировавших риторических приемов в творчестве Ломоносова. Как мы видели выше, в частности, на примере заимствований Ломоносовым из его же од 1741 года, адресованных Иоанну Антоновичу, по крайней мере в начале творческого пути у Ломоносова также существовала определенная устойчивая матрица тем и сюжетов, так или иначе подходивших для описания определенного набора типовых образов, ситуаций и чувств внутри отдельно взятого жанра (см., в частности, пример с модификацией микросюжета *Девы с младенцем на руках*). Однако, с одной стороны, Ломоносов всегда стремился максимально возможным образом приспособить устойчивые образные или нарративные модели к конкретным нуждам текущего момента. С другой стороны, в его творчестве практически невозможно найти отчетливых поэтических примеров явного межжанрового взаимовлияния. Ломоносов очевидным образом полностью мыслит категориями жанра. При этом Сумароков понимает необходимость жанровой спецификации собственных произведений скорее как определенный набор требований к плану содержания, а отнюдь не к плану выражения его текстов. Таким образом, для Сумарокова оказывается вполне естественным писать о совершенно разнородных объектах (о Елисавете Петровне, о пастухах и пастушках, о золотом веке, о Петре Феодоровиче) принципиально одним и тем же способом.

Хины, Инды и Японы: новый император, новые границы империи

Восшествие на престол нового российского императора не заставляет упрямого Сумарокова искать новые поэтические средства для его описания. Ему вполне хватает и старых. Однако, как мы помним, сильнейшая потребность в обновлении поэтического каталога тем и мотивов, соответствовавших бы задаче моделирования в рамках одического жанра уникального образа занявшего трон самодержца, ярко выражается в оде Ломоносова 1761 года. Примечательно при этом, что Сумароков, со своей стороны, чутко улавливает вводимые Ломоносовым новаторские мифологемы и пытается встроить их в собственный текст. Так, например, в оде 1762 года Сумароков дает исключительно примечательное определение границ тех территорий, над которыми, по его мнению, предстоит царствовать новому императору: *От разкаленнаго вод юга, / От двух* ***шумящих*** *там морей, / В концы земнаго полукруга, / Где в ярости ревет* ***Борей****, / ТЕБЕ ТВОЙ скипетр по* ***закону****, / Под троном положил ковер, / И*

оный в долготу простер, / 72 От Бельта, к ***Хине и Японе.*** В оде Ломоносова на восшествие Петра Феодоровича мы встречаем и мотивно, и лексически очень схожее описание: *Там мерзлыми* ***шумит*** *крилам / Отец густых снегов* ***борей*** */ И отворяет ход меж льдами / Дать воле путь в восток Твоей, / Чтоб* ***Хины,*** *Инды и* ***Яппоны*** */ Подверглись под ТВОИ* ***законы****. / ТЕБЕ от верной глубины / Руками плещут воды белы, / Ликуют Западны пределы, / 160 Предвидя счастие войны* [VIII: 757]**.**

Как сама тема, так и синтаксическая форма “территориального комплиментирования” в одах Ломоносова, была кратко, однако вполне исчерпывающе описана Л.В. Пумпянским в блестящей работе *Ломоносов и немецкая школа разума* [Пумпянский]. Пумпянский проницательно замечает, что знаменитая синтаксическая формула протяженности Российской Империи "от — до" впервые появляется в текстах Ломоносова в 1741 году в “неудачной”, по мнению исследователя, оде на день рождения Иоанна Антоновича:

> как прямое, по-видимому, заимствование из общего фонда европейской оды, для которой формула эта давно уже была привычным элементом то придворного комплиментирования, то национально-патриотической гордости. <...> Наконец-то немецкая ода нашла страну с географией, благоприятствующей территориальному комплиментированию! [Пумпянский].

Ученый приходит к выводу о том, что после “неудачного” дебюта в 1741 году данная формула имела долгую (длящуюся, надо отметить, до сих пор) традицию использования в русской литературе и стала для русской поэзии, по словам исследователя, «сигнатурой национально-государственной темы Ломоносова» [Пумпянский]. Л.В. Пумпянский также делает несколько небрежное наблюдение по поводу использования темы *территориального комплиментирования* в торжественных одах Сумарокова: "замечательно, что Сумароков и его школа <...> не прибегают к ней <к формуле "от – до" – *М.К.*> в тех вообще редких случаях, когда им приходилось писать оды: очевидно, она неотделима от ломоносовского стиля" [Пумпянский].

Приведенные нами выше пассажи из од Ломоносова и Сумарокова 1762 года интересны в данном контексте в нескольких аспектах. Во-первых, на примере ломоносовской оды мы отчетливо видим, что риторические модели ломоносовского *территориального комплиментирования* отнюдь не ограничивались синтаксической формулой *от – до*. Во-вторых, приведенный выше пример из оды Сумарокова, конечно же, совершенно опровергает замечание Л.В. Пумпянского о том, что Сумароков и его школа, будто бы, “никогда не прибегают” к этой формуле в своих одах. Так, мы четко видим, что в том месте, где Ломоносов использует альтернативный способ описания расширяющихся границ империи нового монарха (*Дать воле путь в восток Твоей, / Чтоб* и далее), Сумароков прибегает именно к идентифицированной Л.В. Пумпянским формуле: ***От*** *разкаленнаго вод юга, /* ***От*** *двух шумящих там морей, /* ***В*** *концы земнаго полукруга, / <...> /* ***От***

Бельта, ***к*** *Хине и Япону.* Сумароковский вариант формулы *территориального комплиментирования* несомненно включает в себя другие, отличные от ломоносовских, пары предлогов (*от – в* и *от – к*), и тем не менее их функциональная нагрузка при этом совершенно равнозначна и эквивалентна той роли, которую выполняют в одическом тексте элементы, составляющие классическую ломоносовскую формулу (*от – до*).

Отметим, что синтаксически отличную, однако содержательно идентичную, схему описания территориального могущества России Сумароков использует и в оде на Новый 1763 Год, написанной им ровно через год после оды на восшествие Петра Феодоровича: *А ежели устав природы, / Пресек нам смертным оный путь; / Причина рок, не непогоды; / Он может те врата сомкнуть; / Сей путь Россия оставляет:/ Другой Камчатка путь являет, / Преплыть пучину без препон. / Там* ***Хина, Индии*** *там обе, / И на морской стоящ утробе, / 70 Водами окружен* ***Япон*** [Сумароков 1761]. Сходство сумароковского текста с одой Ломоносова на восшествие Петра Феодоровича в данном случае еще более усиливается, во-первых, повторением ломоносовского местоимения *там* (Ломоносов 1761: ***Там*** *мерзлыми шумит крилами*, Сумароков 1762 НГ: ***Там*** *Хина, Индии* ***там*** *обе*), а, во-вторых, введением отсутствовавшей у Сумарокова в его январской оде (но присутствовавшей у Ломоносова в оде Петру Феодоровичу), *Индии*, соположенной с *Хиной* (Ломоносов 1761: *Чтоб* ***Хины, Инды*** *и Яппоны*, Сумароков 1762 НГ: *Там* ***Хина, Индии*** *там обе*). Интересно и наличие японской темы в этом тексте. С одной стороны, упорно сохраняемая Сумароковым рифменная позиция этнонима *япон* косвенно указывает на связь его новогодней оды с одой Ломоносова 1761 года. С другой строны, заключительное место данной лексемы в финальной строке строфы отмечает связь с январской одой Сумарокова на восшествие Петра Феодоровича, в которой этноним *японы* занимал ровно такую же позицию (Ломоносов 1761: *Чтоб Хины, Инды и* ***Яппоны*** */ Подверглись под твои* ***законы***; Сумароков 1762 ПФ: *ТЕБЕ ТВОЙ скипетр по* ***закону****, / … / От Бельта, к Хине и* ***Японе***; Сумароков 1762 НГ: *Преплыть пучину без* ***препон*** */ … / Водами окружен* ***Япон***).

Все эти примеры наглядно демонстрируют процесс образования своеобразной устойчивой одической формулы описания географических границ Российской Империи. Как сам факт, так и непосредственно процесс выпадения подобных формул-кристаллов из (порой довольно мутного) раствора одической продукции 1762 года представляет довольно серьезный исследовательский интерес. Нас, однако, более занимает вопрос о том, каким образом формирование данной устойчивой, несколько раз мигрирующей из одного текста в другой, риторической единицы было связано с процессом формирования личной мифологии Петра Феодоровича в январе 1762 года. Однако, чтобы ответить на этот главный вопрос, нам прежде придется найти ответы на некоторые второстепенные: откуда

появилась интересующая нас формула? есть ли какие-то предшествующие одам 1761-1762 гг. источники ее возникновения в одах Ломоносова и Сумарокова?

Прежде всего отметим, что честь "изобретения" интересующей нас формулы описания границ империи несомненно принадлежит М.В. Ломоносову. В свою очередь, А.П. Сумароков в оде Петру Феодоровичу 1762 года довольно ловко заимствует ее у изобретателя. Этот факт легко установить, сопоставив хронологию публикаций од на восшествие Петра Феодоровича. Мы точно знаем, что первое издание ломоносовской оды на восшествие Петра III было осуществлено в последних числах декабря 1761 года. Нам также известно, что хотя на титульном листе сумароковской оды на восшествие Петра Феодоровича в качестве даты публикации и было указано 25 декабря 1761 года, на самом деле она была напечатана в типографии Шляхетного Кадетского Корпуса только в январе 1762 года [Сводный каталог, III: 188]. Единственно возможный вариант появления этой формулы в оде Сумарокова – это либо заимствование ее у напечатавшего свою оду ранее Ломоносова, либо ориентация каждого из авторов на какой-то третий, общий для них обоих, источник.

В этом контексте важно отметить, что к 1762 году и *китайская,* и *индийская* темы уже были отчасти разработаны как в одах Ломоносова, так и в произведениях других авторов. Так, например, *китайская* тема имела довольно стандартное решение в предшествующих русских одических текстах: *Откуда ты [Гданск] смелость имеешь, / Что пред Анною не бледнеешь? / Народы поддаются целы, / Своевольно, без всякой брани; / Чтоб не давать когда ей дани, / 110 Чтут дважды ту* ***хински пределы*** [Тредиаковский 1963: 132] (В.К. Тредиаковский, 1734, *Ода торжественная о сдаче города Гданска*)[141]. Или: *В полях, исполненных плодами, / Где Волга, Днепр, Нева и Дон, / Своими чистыми струями / Шумя, стадам наводят сон, / 165 [Россия] Седит и ноги простирает / На степь, где* ***Хинов отделяет / Пространная стена от нас****; / Веселый взор свой обращает / И вкруг довольства исчисляет, / 170 Возлегши лактем на Кавкас* [VIII: 222, сноска *л*] (М.В. Ломоносов, 1748, Ода на восшествие Елисаветы Петровны). В оде В.К. Тредиаковского *хинские пределы*, т.е. Китай, выступают как некоторое вполне автономное, отдельное от России образование. У Тредиаковского речь никоим образом не идет о том, чтобы "подвергнуть" *хинов* под российские законы. *Хинские пределы* в его оде хоть и "чтут дважды" российскую императрицу, все-таки выступают при этом как вполне самостоятельный и независимый субъект действия. Очень схожая картина наблюдается и в оде Ломоносова 1748 года: несмотря на то, что ломоносовская Россия, конечно, символически *простирает ноги* в сторону

[141] Ср. в редакции 1752 года: *Поддаются племена / Добровольно и без брани; / Чтоб не дать когда ей дани, / 110* ***Хинска дважды чтит страна*** [Тредиаковский 1963: 456].

китайской степи, *хины* тем не менее остаются надежно и однозначно отделены от России Великой китайской стеной (*Хинов отделяет / Пространная стена от нас*). Таком образом, до 1762 года Китай присутствует в русских одах скорее как обозначение внешнего, не завоеванного и не ассимилированного постоянно расширяющейся Российской Империей пространства. Четко обозначенная *пространной стеной* российско-китайская граница не оставляла никакого сомнения в отношении своей непроницаемости и не давала развиваться жадной поэтической фантазии на тему расширения пределов империи на юго-востоке. В предшествовавшей 1762 году русской традиции одического *географического комплиментирования* мы не находим даже тени намека на экспансионизм в отношении Китая.

На этом фоне довольно легко заметить, каким именно образом меняется картина в 1762 году. В оде на восшествие Петра Феодоровича Ломоносов предлагает своим слушателям / читателям такую модель государства, в которой *хины* (а также *инды* и *яппоны*) однозначно лишены какого бы то ни было национального, религиозного или государственного суверенитета, а, напротив, как формулирует это поэт, полностью *подвергнуты под российские законы*. Иными словами, Ломоносов однозначно указывает на возможность (и даже необходимость) завоевать под руководством нового императора те, еще до недавнего времени внешние, географические пространства, которые в одах предшествующим императрицам все еще считались однозначно "не-нашими".

В свою очередь, разработка *индийской* проблематики в русских торжественных одах, созданных до 1762 года, имела несколько иную специфику. С одной стороны, судя по количеству упоминаний в текстах, *индийская* тема в русских одах разрабатывалась более активно, чем китайская. С другой, по чисто литературным, а не геополитическим причинам к 1762 году она аккумулировала гораздо больше семантических коннотаций. Так, Индия упоминается Ломоносовым в трех одах: 1) *Он [Зефир] легкими шумит крилами, / Взвивается под небесами / И льет на воздух аромат; / Царицу мест, любовь, сретает, / Порфиру и власы взвевает: / Она спешит в свой светлый град. / **Индийских рек брега веселы**, /Хоть вечна вас весна пестрит, / Не чудны ваши мне пределы, / 90 Мой дух красу любови зрит* [VIII: 131] (1745, Ода на бракосочетание Петра Феодоровича и Екатерины Алексеевны); 2) *Толикое земель пространство / Когда Всевышний поручил / Тебе в щастливое подданство, / Тогда сокровища открыл, / 145 **Какими хвалится Индия**; / Но требует к тому Россия / Искусством утвержденных рук. / Сие злату́ очистит жилу, / Почувствуют и камни силу / 150 Тобой восставленных наук* [VIII: 203] (1747, Радостные и благодарственные восклицания на восшествие Елисаветы Петровны); 3) *Когда заря багряным оком / Румянец умножает роз, / Тогда на ветвии высоком / И посреде зеленых лоз / 75 Со свистом*

птицы воспевают, / От сна к веселью возбуждают, / Что царствует в моих лугах. / И солнце восходя дивится, / Увидев ***то, чем Инд пестрится*** */ 80 Обильно при моих ключах* [VIII: 397, сноска *б*] (1751, Ода на милость в Царском селе). Во всех трех случаях контексты упоминания Индии в ломоносовских текстах довольно похожи. Индия представлена как царство Зефира, веселья, лета и / или весны. Ее постоянный признак – это *пестрота* (1745: *хоть вечна вас весна* ***пестрит***; 1751: *увидев то, чем инд* ***пестрится***). До 1762 года Индия Ломоносова – это *чудные пределы*, которые тем или иным способом (в 1745 году – магией любви, в 1747 году – волей Всевышнего, в 1751 – искусством садоводов и паркоустроителей Царского Села) оказываются перенесены на российскую почву. Т.е. функция Индии в ломоносовских одах 1740-х и 1750-х годов – обозначать пространственно удаленную и несколько схематичную российскую экзотику, а стандартное развитие этой темы в ранних одах Ломоносова подразумевает внутреннюю трансформацию самой России в Индию. При этом, точно также как и в случае с темой Китая, во всех приведенных нами выше отрывках невозможно найти ни намека на то, что индийский земной рай надо завоевывать и расширять до него российские территориальные границы. Сама по себе самодостаточная логика приравнивания одной страны к другой (*у нас в России теперь Индия*) препятствует появлению каких бы то ни было экспансионистских обертонов при разработке индийской темы в ломоносовских текстах.

Таким образом, мы видим, что к 1762 году в русской одической традиции существовали вполне понятные и устойчивые риторические модели и приемы как для описания Китая, так и для характеристики Индии. Япония же, в свою очередь, до 1762 года по большей части вообще не являлась хоть сколько бы то ни было релевантным локусом для авторов, вносивших свой вклад в формирование одической географической карты. На этом фоне оды и Ломоносова, и последующего ему Сумарокова 1762 года на восшествие Петра Феодоровича дают совершенно новое развитие уже довольно хорошо известных в одической традиции тем. Попробуем идентифицировать те факторы, которые повлияли на этот характерный сдвиг в интерпретации как *китайской*, так и *индийской* тем в творчестве обоих авторов, а также сделали возможным сам факт их соположения в одах обоих поэтов.

В примечании к интересующей нас строфе оды Ломоносова на восшествие Петра Феодоровича комментаторы *Полного собрания сочинений* отмечают:

> Ломоносов <…> выставля[ет] вперед третью проблему, давно и неизменно <…> его волновавшую, — дальневосточную или, еще шире, — всеазиатскую. В строфе 16 развертывается план экспансии на восток («путь в восток»). Ее объектами должны стать Китай, Япония и даже Индия («Хины, Инды и Яппоны»). Основной ее трассой будет Северный Ледовитый океан («ход меж льдами»), а отправной точкой — Белое море («воды белы»), т. е. тот самый «проход Сибирским океаном в

> Восточную Индию», на исследование которого Ломоносов положил так много труда в последние годы жизни [VIII: 1161-1162].

Упоминаемый комментаторами «труд последних лет жизни» Ломоносова отразился, в частности, в сочинении, носящем название *Краткое описание разных путешествий по северным морям и показания возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию* [VI: 417-498]. Как раз во время написания оды Петру Феодоровичу, т.е. в начале 1762 года (и далее) Ломоносов работал над его подготовкой и составлением. Окончательный текст *Краткого описания* был закончен к осени 1763 года. В декабре 1763 года Ломоносов подал свой труд на рассмотрение в учрежденную осенью того же года Комиссию российских флотов. В письме к рейхс-графу М.Л. Воронцову от 19 января 1764 г. он сообщал:

> Е. в. цесаревичу поднесена от меня письменная книга о возможности мореплавания Ледовитым нашим Сибирским океаном **в Японию, Америку и Ост-Индию**; почему и велено в Адмиралтейской комиссии учинить расположение с рассмотрением, и не сумневаюсь, что экспедиция туда воспоследует [X: 569-570].

Несмотря на то, что официальный статус это ломоносовское сочинение получило только в конце 1763 года, а напечатано и вовсе не было вплоть до 1847 года[142], при анализе оды на восшествие Петра Феодоровича 1762 года *Краткое описание* заслуживает самого пристального нашего внимания. Так, в *Предисловии* Ломоносова к этому сочинению мы читаем:

> Но в сем <в отсутствии развитого мореходства – *М.К.*> Россию до нынешних времен извинить должно <…> [Н]о ныне, по открытии Петровою рукою во многие моря пристаней, по введении знания в мореплавании и строении корабельном, бывшие неудобности исчезли, и ход российских военных и купеческих судов знатно прирастает <…>. Не упоминаю во всем том довольствия, что к строению кораблей потребно, ибо избыток оных <…> ясно разглашает по всему свету российское богатство, которым как в европейских купеческих пристанях утвердиться, так и **в Яппонию, в Китай, в Индию** и к западным берегам американским достигнуть в состоянии, чем наше купечество не токмо приобрести новые преимущества, великое богатство и громкую славу, но и на всех завистников своего благополучия страх навести может"[143] [VI: 422].

Мы четко видим, что возможность соположения в одной синтагме *хинов, индов* и *яппонов* ведет свое происхождение от идей, высказанных Ломоносовым в его научном труде. Т.е. трактат является своего рода научной и идеологической базой, сделавшей возможным соположение в стихах на пространстве одной строфы никогда ранее не сочетавшихся между собой в рамках одического жанра географических названий и этнонимов.

---

[142] В 1847 году оно было напечатано Гидрографическим департаментом Морского министерства.

[143] Ср. также: «Итак <…> еще останется чистого моря против льдов около десяти раз больше, — довольное пространство к корабельному ходу севером **в Яппонию и в Ост-Индию»** [VI: 478].

Однако, намного любопытнее отметить другое: идеи, высказанные в трактате Ломоносова, в оде 1762 года выражаются поэтом по вполне определенной и уже опробованной ранее поэтической схеме. В частности, в оде на восшествие Петра Феодоровича 1762 года Ломоносов следует риторической модели, однажды уже опробованной им в оде на день рождения Иоанна Антоновича 1741 года: *Боязнь трясет **Хинейски стены**, / Геон и Тигр теряют путь, / Под горы льются, полны пены. / Всегдашней всток не смеет дуть. / 165 **Индийских трубят вод Тритоны** / Пред тем, что им дает **законы**. / Он скиптр склонил среди валов, / Упал пред младым ниц Героем, / Что молвил, войск идя пред строем: / 170 «Сколь много есть впреди светов?»* [VIII: 40]. Обратим внимание на то, что как в оде 1741 года, так и в оде 1761 года мы встречаем высокую концентрацию общих элементов: 1) упоминание *востока* (Ломоносов 1741: *Всегдашней **всток** не смеет дуть*; Ломоносов 1761: *Дать воле путь в **восток** Твоей*); 2) китайской и индийской тем (Ломоносов 1741: *Боязнь трясет **Хинейски** стены, / ... / 165 **Индийских** трубят вод Тритоны*; Ломоносов 1761: *Чтоб **Хины, Инды** и Яппоны*); 3) а также тему навязываемых извне *законов*, формально оказывающихся в рифменной позиции с экзотической лексемой, функцию которой в 1741 году выполняют мифологические *Тритоны,* а в 1762 практически столь же мифологические в пространстве русской оды *яппоны* (Ломоносов 1741: *Индийских трубят вод **Тритоны** / Пред тем, что им дает **законы***; Ломоносов 1761: *Чтоб Хины, Инды и **Яппоны** / Подверглись под ТВОИ **законы***).

Комментаторы *Полного собрания сочинений* дают крайне нетипичное в своей беспомощности объяснение к приведенной выше строфе из оды 1741 года:

> Строфа 17 содержит весьма сложное политическое иносказание, трудно поддающееся расшифровке. <...> Наименее понятны заключительные четыре стиха, где под «младым героем» следует разуметь, вероятно, другого завоевателя Индии, Александра Македонского <...> [VIII: 883].

Намного более осмысленно эта строфа объясняется в диссертации Е.А. Погосян, в которой семантика данного пассажа реконструируется следующим образом:

> «восторг» переносит рассказчика в <...> воображаемое пространство «вечности», в котором пребывают «герои»: тут он видит <...> победы Александра Македонского. При описании последнего <...> Ломоносов, воспроизводя то или иное географическое название, отсылает читателя к известным эпизодам, связанным с именем Александра.
>
> Слова «Боязнь трясет хинейски стены» <...> указывают на легендарный рассказ о посещении войск Александра китайскими полками; стихи «Геон и Тигр теряют путь» отсылают к театру военных действий знаменитого полководца; «Индийских трубят вод тритоны» и «Сколь много есть впреди светов?» — указание на знаменитую легенду о границе завоеваний Александра; и, наконец, слова «Пред тем, кто им дает законы» намекают на его известные утопические планы по спасению завоеванных народов от варварства [Погосян 1997].

Нам не остается ничего иного, кроме как согласиться с этим тонким и блестящим прочтением ломоносовского произведения. Однако, кроме восстановления общего смысла текста, нас интересует в нем вот какой момент.

В оде 1741 года сочетание на пространстве одной строфы *китайской* и *индийской* тем стало возможно благодаря сквозной для этого текста теме Александра Великого. Напомним, что в 1-ой трети этого сочинения мы встречаем следующую строфу: *Господствуй, радость, ты едина / Над властью толь широких стран. / Но, мышлю, придет лишь година, / Познаешь как, что враг попран / Твоих удачьми славных дедов, / Что страшны те у всех соседов; / **Заплачешь как Филиппов сын**; / Ревнивы слезы будут литься. / Но твой весельем плач скончится. / 80 Монарх! то было лишь почин* [VIII: 37][144]. Т.е. в оде на день рождения Иоанна Антоновича Ломоносов пересказал два эпизода, связанных с *плачущим* по разным причинам Александром. В первом случае комплимент Ломоносова действующему российскому монарху строился по принципу прямого приравнивания малолетнего Иоанн Антоновича к Александру Македонскому (*заплачешь как Филиппов сын*). Во втором случае (*Он скиптр склонил среди валов, / Упал пред младым ниц Героем*) введение образа Александра представляло из себя вариант опосредованного *территориального комплиментирования*. Его смысл заключается в том, что Александр Македонский, широко известный как покоритель Индии и других огромных пространств, добровольно склонял свой скипетр и падал ниц перед младенцем Иоанном (*младым Героем*), тем самым как бы подчиняя последнему все завоеванные им раннее бескрайние территории.

Итак, в 1762 году для Ломоносова существовало два по-разному значимых источника введенной им в оде на восшествие Петра Феодоровича географической формулы. С одной стороны, его научные изыскания этого периода, посвященные теоретическому обоснованию возможности прохода Северным морским путем, делали возможным и идеологически перспективным тесное соположение интересующих нас этнонимов друг с другом (см. *Краткое описание*). С другой стороны, ранняя ода 1741 года, в которой сближение *китайской* и *индийской* тем было обусловлено

[144] Наибольшую популярность сюжет плачущего из-за побед отца юного Александра приобрел в пересказе Плутарха: «Всякий раз, как приходило известие, что Филипп завоевал какой-либо известный город или одержал славную победу, Александр мрачнел, слыша это, и говорил своим сверстникам: «Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего». Стремясь не к наслаждению и богатству, а к доблести и славе, Александр считал, что чем больше получит он от своего отца, тем меньше сможет сделать сам. Возрастание македонского могущества порождало у Александра опасения, что все великие деяния будут совершены до него, а он хотел унаследовать власть, чреватую не роскошью, удовольствиями и богатством, но битвами, войнами и борьбою за славу» [Плутарх].

устойчивыми проекциями адресата на Александра Македонского, давала поэту довольно удобную, уже однажды вполне успешно опробованную им, поэтическую форму для выстраивания личной мифологии монарха-мужчины[145]. Оба эти источника причудливым образом пересеклись и преломились в 1762 году в процессе моделирования Ломоносовым (а затем и Сумароковым) образа нового российского монарха Петра III Феодоровича. Восшествие императора на престол требовало от русских одописцев, с одной стороны, существенного сдвига мифологической парадигмы в сторону маскулинизации личной мифологии нового адресата торжественных од, а, с другой стороны, изобретения новых формул протяженности империи. Образ Петра Феодоровича как нового Александра Македонского идеально удовлетворял обеим этим потребностям. Ломоносов нигде прямо не проецирует образ племянника Петра I на Александра Великого, однако, предлагаемые им масштабы дальнейшего расширения империи отчетливо придают образу только что взошедшего на престол императора специфические героические обертоны.

Роль оды Сумарокова на восшествие Петра Феодоровича во всем этом процессе несколько второстепенна, но, однако, очень показательна. Сумароков очевидным образом не улавливает всей сложности и многообразия смыслов предлагаемой Ломоносовым географической формулы. В его интерпретации характеристика протяженности империи Петра Феодоровича *От Бельта, к **Хине и Японе*** полностью лишена как характерного для Ломоносова экспансионистского пафоса, так и присутствующих в оде его гениального современника проекций на огромные территории империи Александра Македонского. Чуткий к форме, но при этом не очень восприимчивый к содержанию ломоносовского текста Сумароков чисто механически подхватывает звучные экзотические слова, видимо, записав их в своем словаре в тот набор типично одических поэтических средств (тем, образов, мотивов и сюжетов), которые он, в зависимости от конфигурации актуального литературного контекста, считал возможным то пропагандировать, то высмеивать[146], а то и просто свободно копировать в своих собственных торжественных одах[147].

---

[145] Годовалый Иоанн Антонович не может быть назван «монархом-мужчиной» в строгом смысле слова, однако его гендерная принадлежность очевидным образом задавала вполне определенное направление выбору связанной с ним одической топики и идиоматики.

[146] Ср., например, во *Второй вздорной оде: Борей, озлясь, ревет и стонет, / Япония в пучине тонет, / Дерется с Гидрой Геркулес* [Сумароков 1957: 289].

[147] Симптоматично, что Сумароков переносит эту формулу в оду Екатерине Алексеевне на Новый 1763 год. В силу своей “пустоты” и лишенности мифологических ассоциаций для Сумарокова она легко могла быть применена им к описанию монарха любого пола, и обладающего любыми личностными характеристиками. Явное заимствование из текста Ломоносова указывает нам на ту роль, которую в конце 1762 года Сумароков намеревался играть при Екатерине Алексеевне.

§3. М.М. Херасков, *Ода на восшествие Петра III Феодоровича, январь 1762 года*

§3.1. М.М. Херасков в конце 1761-начале 1762 года

В декабре 1761 года, к моменту смерти Елисаветы Петровны и восшествию на престол Петра Феодоровича, М.М. Херасков был вполне еще молодым человеком, буквально пару месяцев назад отметившим свое 28-летие. Будучи на 22 года младше совсем недавно разменявшего шестой десяток М.В. Ломоносова и на 16 лет моложе только-только прошедшего зенит своей литературной славы А.П. Сумарокова, Херасков принадлежал к совершенно иному, новому, поколению российских литературных (и государственных) деятелей.

Ретроспективный взгляд на жизненный и литературный путь Хераскова дает нам прекрасную возможность заметить, что и блестящая административная карьера, и напряженные духовные поиски, и многообразное литературное творчество Михаила Матвеевича достигли апогея своего развития значительно позже 1762 года, ближе ко второй половине царствования Екатерины II. Так, например, официальное утверждение Хераскова на посту директора, а впоследствии и куратора, Московского Университета – должностях продуктивно и плодотворно, с кратковременными перерывами, занимаемых им на протяжении почти сорока лет – состоялось уже после смерти Петра Феодоровича, в 1763 году[148]. В свою очередь, самых верхних степеней как петербургских, так и московских лож масонского ордена Херасков достиг еще позже, в 1770-1780-х годах[149]. И, наконец, уже лишь приближаясь к своему 50-летнему юбилею, в 1779 году, поэт создает произведение, навсегда вписавшее его имя в анналы отечественной изящной словесности – первую в истории русской литературы “ироическую поэму” *Россияда*. Несколькими годами позже, в 1786 году, из под пера Хераскова вышел второй выдающийся образец этого жанра “ироическая поэма” *Владимир*. Именно *Россияда* и *Владимир* еще при жизни поэта принесли ему настоящую литературную известность и глубокое признание среди самого широкого круга

[148] «13 июля 1763 Х[ерасков]был назначен директором Моск. ун-та в чине канцелярии советника, <...> 28 июня 1778 [он] был назначен куратором Моск. ун-та. <...> [П]осле воцарения Александра I <...> [Херасков] возобновил деятельность куратора; высочайшим указом от 10 нояб. 1802 был окончательно уволен с пенсионом «по прошению и за старостию» [Кочеткова 2010].

[149] «<...> в 1773—1774 — [Херасков был] мастером ложи «Гарпократ», в 1776 — одним из ораторов ложи «Озирис»; в 1781 — ее почетный член. <...> В Москве <...> принял участие в основании ложи «Гармония» (кон. 1780—1783); в 1780-е гг. <...> стал одним из основателей капитула «Латона»; тогда же был оратором в московской «Провинциальной ложе»; в 1782 принят в теоретический градус ордена розенкрейцеров; в 1782—1784 — член провинциального капитула. Масонское имя — «Michael ab arista naturante» («Михаил от натурального колоса») [Кочеткова 2010].

современников. Кроме того, как раз заслуги Хераскова в эпическом, а отнюдь не в лирическом жанре наиболее часто вспоминались благодарными (и не очень) потомками уже после смерти поэта. Так, например, в 1879 году Петр Полевой следующим образом характеризовал вклад М.М. Хераскова в развитие русской литературы:

> Публика уже успела освоиться в это время с лирикой Российского Пиндара, с драмой Российского Расина, ей недоставало только *Российского Гомера*, – и его то явил собою Херасков в своей *Россияде*, в своем *Владимире* [Полевой: 416].

Роскошь обратной перспективы позволяет нам особенно отчетливо осознать, что конец 1750-х и самое начало 1760-х годов были для Хераскова своеобразным "периодом первоначального накопления капитала", временем тщательной и кропотливой подготовки будущих успехов во всех значимых для него сферах государственной и культурной деятельности. Многие очень важные шаги на пути, впоследствии приведшим его к самым высоким вершинам литературной и государственной деятельности, были аккуратно сделаны им именно в этот период.

Так, например, начав свою университетскую карьеру в 1755 году – одновременно с открытием в Москве первого российского высшего учебного заведения – Херасков очень быстро продвигался по служебной лестнице. Несмотря на то, что de jure обязанности директора Московского Университета он начинает исполнять только в 1763 году, de facto молодой, но способный и амбициозный бывший поручик Ингерманландского полка занял эту должность именно в 1761 году. Когда в июне этого года И.И. Мелиссино вышел в бессрочный отпуск, именно М.М. Херасков принял на себя все его обязанности и к зиме 1762 года стал, без преувеличения, одной из ключевых фигур в самых высших эшелонах университетской администрации[150].

Стремительное восхождение Хераскова по карьерной лестнице в конце 1750-х – начале 1760-х годов сыграло свою роль в том, что к моменту восшествия Петра Феодоровича на престол и служебная карьера, и общественное положение, и литературная репутация молодого человека были установлены уже очень твердо. Поэт был прочно аффилирован с Московским Университетом. Кроме того, после женитьбы в 1760 году на Елизавете Васильевне Нероновой, его московский дом превратился в один из самых изысканных и популярных салонов старой Москвы. При этом литературные достижения Михаила Матвеевича к этому времени также

[150] «В 1761 <году Херасков был – *М.К.*> произведен в надв. советники; с 10 июня 1761 во время отпуска И. И. Мелиссино <он> выполнял обязанности директора университета» [Кочеткова 2010]. В 1763 году И.И. Мелиссино окончательно оставляет пост директора университета в связи с получением им должности обер-прокурора Святейшего Синода. После его ухода Херасков оказывается официально утвержден императрицей в – de facto занимаемой им уже несколько лет – должности директора Московского Университета.

были уже вполне значительны[151]. Однако, при всей общей благополучности, к началу 1762 года успехи поэта именно в наиболее интересующем нас одическом жанре были более чем скромны.

§3.2. Ода М.М. Хераскова на восшествие Петра Феодоровича на фоне его предшествующего одического творчества

К 1762 году в творческом портфолио М.М. Хераскова уже имелось по крайней мере две торжественных оды. Оба стихотворных панегирика были созданы молодым поэтом в самом начале 1750-х годов.

Торжественная ода оказалась именно тем жанром, с которого в 1751 году Херасков начал свою литературную деятельность. Не отметив еще своего 18-го дня рождения, при этом числясь уже на самом последнем курсе Сухопутного Шляхетного Корпуса, будущий поэт бесстрашно опубликовал в Санкт-петербургской академической типографии свой первый опыт в жанре стихотворного панегирика – *Оду <...> Елисавете Петровне <...> сочиненную на торжественное воспоминовение победы Петра Великого над шведами под Полтавою* [Херасков 1751]. Эта публикация не произвела ровным счетом никакого резонанса в окружающем культурном пространстве и не имела решительно никаких последствий ни для литературной, ни для служебной деятельности молодого человека. Отнюдь не обескураженный этим результатом, после двухлетнего перерыва, в 1753 году, молодой человек вновь решает испытать свои силы в одическом жанре. Как и дебютное произведение, его вторая ода была также адресована Елисавете Петровне. Однако, на этот раз панегирик Хераскова был опубликован уже не в Санкт-Петербурге, а в Москве и был более традиционно посвящен вполне актуальному и конъюктурно-благоприятному событию, а именно – 12-ой годовщине *восшествия ее императорского величества на российский престол* [Херасков 1753].

Выше нам уже приходилось отмечать, что с самого начала относительно отчетливого существования жанра торжественной оды на русской почве, т.е. ориентировочно с первой половины 1730-х годов и вплоть до выхода из печати херасковской оды 1751 года, жанр стихотворного панегирика в русской литературе представлял собой довольно замкнутое поле, на котором в течение первых 20 лет его бытования более-менее активно действовали всего три игрока – В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков и М.В. Ломоносов. На протяжении всех этих лет степень литературной активности данных разновозрастных, однако,

[151] «В 1755—1756 он сотрудничал в «Ежемес. соч.», публикуя свои стихи за подписью «М. Х.»: «Ода к господину В*» (1755. Ч. 1. Авг.), «Ода христианскому закону» (1756. Ч. 2. Февр.), анакреонтические оды, сонет, эпиграммы, притчи и др. Уже первые оды Х. были новаторскими (горацианские по теме и пиндарические по форме) и оказали влияние на последующую поэзию» [Кочеткова 2010].

принадлежавших приблизительно к одному литературному поколению поэтов была очень различной.

Так, например, В.К. Тредиаковский, который еще в 1740-х годах упорно продолжал писать стремительно становившиеся все менее и менее жизнеспособными силлабические оды, очень быстро оказался на обочине развития жанра и безвозвратно выпал из обоймы активно практикующих одописцев. Его последняя торжественная ода – *Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Элисавете Петровне <...> в высочайший день ее коронования в царствующем и столичном городе Москве* [Тредиаковский 1963: 135-140] – вышла из печати в апреле 1742 года. После этого Тредиаковский значительно редактировал и переписывал свои ранние оды для издания в *Собрании Сочинений* 1752 года [Тредиаковский 1752], однако никаких принципиально новых текстов в этом жанре после 1742 года не создавал.

В свою очередь, Сумароков, напечатав в 1740 году два чисто ученических силлабических панегирика, адресованных Анне Иоановне [Сумароков 1957: 49-53], а через три года сочинив уже вполне зрелую и самостоятельную оду Елисавете Петровне [Сумароков 1957: 58], впоследствии в течение долгих двенадцати лет (с 1743 по 1755 год) предпочитал фокусировать свою творческую энергию на других жанрах и осторожно воздерживался от написания классических торжественных од.

На фоне упорного движения Тредиаковского по тупиковой ветви развития жанра и предусмотрительного одического молчания Сумарокова однозначное и безусловное доминирование Ломоносова в этой узко-специальной поэтической сфере стало абсолютно очевидным и бесспорным уже в самом начале 1740-х годов. Вскоре после восшествия на престол Елисаветы Петровны и вплоть до литературного дебюта Хераскова в 1751 году, Михайло Васильевич оставался без преувеличения *единственным* российским поэтом, продолжавшим настойчиво, неуклонно и плодотворно разрабатывать жанр торжественной оды на русском языке.

В контексте долговременной монополизации жанра в руках одного крупного игрока, одический – и шире вообще литературный – дебют Хераскова 1751 года выглядел крайне неожиданно. Дополнительной экстравагантности и без того необычному поэтическому выступлению молодого человека без сомнения добавлял его возраст. В свое время и Тредиаковский, и Ломоносов официально дебютировали в одическом жанре довольно поздно – в 30 лет (Тредиаковский – в 1733 году с одой на восшествие Анны Иоановны [Тредиаковский 1733], Ломоносов – в 1741 году с одой, посвященной дню рождения младенца Иоанна Антоновича). В свою очередь, Сумароков напечатал свои первые стихотворные панегирики несколько раньше – в 23 года; однако, как мы помним, его “настоящий” дебют в этом жанре состоялся тремя годами позже, в 1743 году, т.е. уже в 26 лет. Однако, какую бы из ранних од Сумарокова мы ни принимали за точку

отсчета, нельзя не заметить, что никто из предшествующих российских поэтов никогда не создавал торжественные оды так замечательно рано, как это сделал Херасков в 1751 году – в неполные 18 лет.

К моменту своего литературного дебюта Херасков был, во-первых, крайне молод, а, во-вторых, не имел прочной аффилиации с учебным заведением[152]. Создавая свою первую оду, он существенно – если не сказать революционно – нарушал неписанные правила, традиционно определявшие процесс создания торжественных од в русской литературе. То ли благодаря, то ли вопреки несоответствию внешних обстоятельств создания его первых од относительно прочно устоявшимся к тому времени канонам, ни первая, ни вторая ода Хераскова не вызвали никакого, хоть сколько-нибудь заметного, литературного резонанса. Полное, граничащее с пренебрежением равнодушие современников к первым стихотворным опытам Михаила Матвеевича отчетливым рельефом проступает в одном, крайне симптоматичном в каждой своей детали, фрагменте из воспоминаний Ю.Н. Бартенева:

> Княгиня <Надежда Ивановна, племянница Хераскову по мужу – *М.К.*> разсказывала, что **до 22 лет Хераскова считали человеком простеньким и ни к чему большему не способным**; но когда он написал трагедию «Венецианская Монахиня», которая есть **первое его творение**, то обратил на себя всеобщее внимание, и с тех пор стали многаго ожидать от Хераскова, чего **прежде в нем не предполагали** [Бартенев: 29].

Неудивительно в этом контексте, что, будучи выпущенными отдельными изданиями в 1751 и 1753 годах, обе дебютные оды молодого поэта и по сей день ни разу не перепечатывались. Они никогда не включались ни самим Херасковым, ни последующими издателями его произведений ни в одно из собраний его сочинений. В частности, А.В. Западов в обзорной статье *Творчество Хераскова* отмечает, что: «В.С. Сопиков в "Опыте российской библиографии" указывает изданную уже в 1751 году "Оду на воспоминание победы Петра Великого над шведами" Хераскова, пометив, что это – "издание редкое"» [Западов 1961: 10]. Именно по причине их крайней маргинальности и обусловленной ею раритетности, оба херасковских текста 1750-х годов, к огромному сожалению, остались нам решительно недоступны.

Однако, не имея возможности ознакомиться с текстами ранних торжественных од Хераскова непосредственно, обратим внимание на то, что писали об этих двух произведениях позднейшие исследователи его

---

[152] Вряд ли можно говорить о серьезной принадлежности Хераскова к Шляхетному Кадетскому Корпусу в это время. Ода 1751 года была посвящена годовщине Полтавской битвы, которая, как мы помним, состоялась 27 июня 1709 года. Ода Хераскова 1751 года датирована 26 июня. Меньше, чем через 3 месяца, 15 сентября 1751 года, Херасков официально окончил курс наук в Кадетском Корпусе и «был выпущен поручиком в Ингерманландский полк» [Кочеткова 2010].

творчества. Так, например, в фундаментальной монографии *Русская ода: Развитие одической формы в XVII-XVIII веках* Н.Ю. Алексеева дает следующую характеристику оды Хераскова 1751 года:

> Посвященная давнему событию ода не могла служить непоэтическим, служебно-придворным целям, к тому же молодой человек, пасынок Н.Ю. Трубецкого, для успещного продвижения по службе в своем пере не нуждался. <...> [С]ледов чтения од Сумарокова у Хераскова нет, он, по-видимому, не знал их. <...> На всех своих уровнях ода Хераскова отражает большую зависимость от од Ломоносова [Алексеева: 262].

При этом сам характер *большой зависимости* ранней оды Хераскова от ломоносовских текстов Н.Ю. Алексеева описывает следующим образом:

> При создании образов Аполлона или шведа <в оде 1751 года – *М.К.*> Херасков не подражал Ломоносову прямо (заимствованный словарь еще не есть подражание), а, проникнутый мало кому видимой, потаенной стороной ломоносовского гения, сумел нарисовать картины в его манере [Алексеева: 265].

Для описания отношений между творчеством Хераскова, с одной стороны, и поэзией Ломоносова и Сумарокова, с другой, Н.Ю. Алексеева прибегает к использованию несколько причудливого терминологического аппарата. Если абстрагироваться от избыточной психологичности и визуальной гиперболичности приведенного выше пассажа, становится совершенно понятно, что санкт-петербургская исследовательница (являющаяся младшим научным сотрудником Сектора по изучению русской литературы XVIII века при Институте Русской Литературы РАН) вполне закономерно продолжает в своей работе долгую, начатую еще Г.А. Гуковским, традицию настойчивого отнесения одического творчества Хераскова к той или иной литературной школе. Школ этих в 1750-х годах XVIII века было ровно две: ломоносовская и сумароковская. Один из основных тезисов историко-литературной концепции Г.А. Гуковского (являвшегося с 1931 по 1941 годы старшим научным сотрудником все того же Института литературы АН СССР) заключался именно в том, что практически во всех разрабатываемых им жанрах М.М. Херасков полностью принадлежал ко второй волне учеников Сумарокова и даже в какой-то момент являлся главой этого изначально подражательного, однако со временем обретшего самобытность и оригинальность литературного направления[153]. В процитированном выше анализе дебютной оды Хераскова Н.Ю. Алексеева вступает в напряженный

[153] См., например: «Первой оригинальной русской комедией после сумароковских была пьеса М.М. Хераскова, также **ученика Сумарокова** и воспитанника кадетского корпуса, – «Безбожник»», а также: «Всего Сумароков написал 374 притчи. Современники не находили слов для прославления их. **Многочисленные ученики Сумарокова** – В. Майков, **Херасков**, Ржевский, Богданович и другие – усердно подражали ему в басенном творчестве», а также: «Время обостренной борьбы за гегемонию в русской литературе Ломоносова и Сумарокова падает на 1750-е годы. К концу этого десятилетия **ученики Сумарокова** образовали целую группу, вскоре отделившуюся от своего учителя и начавшую следующий этап развития дворянского классицизма в России. Во главе этой группы стоял М.М. Херасков» [Гуковский 1999].

и полемически заостренный диалог с самым ярким представителем ленинградской школы советского литературоведения. После рассмотрения нюансов словоупотребления, а также тонкостей использования уникальных и заимствованных элементов топики в ранних одах Хераскова Н.Ю. Алексеева безоговорочно относит не только дебютные, но и все последующие торжественные оды Хераскова вовсе не к сумароковскому, а, напротив, к ломоносовскому направлению российской словесности, манифестируя, таким образом, позицию, диаметрально противоположную сформулированным около века назад тезисам Г.А. Гуковского.

Монография Н.Ю. Алексеевой становится своеобразным антитезисом концепции Г.А. Гуковского. Благодаря работе санкт-петербургского ученого, счет в напряженной конкурентной борьбе, все еще ведущийся на поле истории русской литературы между Ломоносовым и Сумароковым за творческую душу Михаила Матвеевича Хераскова, становится один-один. Наблюдать внутрикорпоративную полемику представителей ленинградско-петербургской школы литературоведения по поводу творчества одного из самых интригующих русских авторов XVIII века без сомнения увлекательно. Правда несколько отвлекает то, что как в жизненном, так и в творческом профиле самого М.М. Хераскова мы, при желании, можем найти более чем достаточное количество и непосредственного биографического материала, и в высшей степени отрефлексированных автометаописаний, позволяющих раз и навсегда уяснить исключительно отчетливую и с присущей поэту ясностью сформулированную позицию по поводу его отношения к двум столпам российского стихосложения.

Позиция эта уже вполне сформировалась к 1762 году, и нам важно понять ее прежде, чем мы приступим к детальному анализу январской оды Хераскова на восшествие Петра Феодоровича. В частности, вспомним, например, реакцию Михаила Матвеевича на остро-сатирическую, присланную ему конференц-секретарем Академии наук Г.-Ф. Миллером, *Эпистолу от водки и сивухи к Ломоносову*[154]. В январе 1758 года Херасков послал следующий эпистолярный ответ своему сановитому корреспонденту:

> За ваше приятнейшее письмо и за приобщенную при нем эпиграмму нижайше благодарствую, она весьма остро и язвительно написана, видно, что ее делал не великий приятель сочинений г. Ломоносова. Но как стихотворцы издревле друг о другу <sic> хорошо говорить и писать, может быть и думать, не любят, то неудивительно, что и его ода маленькую атаку претерпела, **а достойна того или нет, решить не мое дело** [Пастушенко: 206].

Мы видим, что Херасков явно не без удовольствия прочел злую и крайне обидную для Ломоносова *Эпистолу* [Поэты, II: 399-400], с легкой иронической улыбкой несколько даже умиляясь этой эпиграмме (*видно, что ее делал не великий приятель сочинений г. Ломоносова*). Однако, его

[154] Об идентификации присланного Миллером текста см. подробнее примечание Л.М. Пастушенко к данному письму [Пастушенко: 209].

дальнейшее острое рассуждение насчет традиционной нравственной испорченности коллег по поэтическому цеху резко смещает смысловые нюансы, наметившиеся в первом предложении. Херасков отнюдь не спешит бездумно примкнуть к дружному хору голосов, громко смеющихся над Михайлой Васильевичем и нарочито *не разбирающих вздора его сумбурных од*. Пассаж, посвященный описанию этической небезупречности внутрикорпоративных обычаев литераторов, в очень большой степени смягчает и нейтрализует – отмеченную Херасковым выше с очевидным сочувствием – остроту сатиры. С одной стороны, Херасков искренне смеется вместе с Миллером и с неизвестным автором задорной анти-ломоносовской *Эпистолы*. Однако с другой стороны, секундой позже, он сам мысленно одергивает себя, пытаясь защитить Ломоносова предположением, что присланная ему Миллером стихотворная насмешка на самом деле соотносится не столько с объективными недостатками творчества или личности русского Пиндара, сколько является побочным продуктом принадлежности ее автора к a priori склонному к склокам и интригам поэтическому сословию.

Поэтическим языком свое мнение по поводу ломоносовско-сумароковского литературного противостояния Херасков с кристальной ясностью сформулировал пару лет спустя после написания процитированного выше письма Миллеру. В *Письме* к российским стихотворцам, созданном в 1760 году и опубликованном в декабрьском номере *Полезного увеселения*, Херасков так определил призвание стихотворца: *Ты <стихотворец – М.К.> пением своим невеж увеселишь / И грубость их сердец, как Амфион, смягчишь, / Когда так станешь петь для утешенья россов, / **Как Сумароков пел и так, как Ломоносов**, / **Великие творцы, отечеству хвала**, / И праведную честь им слава воздала* [Херасков: 102-103].

Все эти – и многие другие – факты свидетельствуют о полной методологической безосновательности и контр-продуктивности однобокого причисления одического (и, шире, вообще поэтического) творчества Хераскова к тому или иному литературному лагерю. В силу своей принадлежности к принципиально новому поколению литераторов, а также благодаря крайне гибкому и толерантному, настроенному в гораздо большей степени на гармонический синтез, чем на слепую селективную лояльность, устройству личности сам Херасков сознательно не позиционировал себя в качестве сторонника одного или другого направления и как бы внутренне сопротивлялся собственным же стихийным отклонениям (наподобие смеха над эпиграммой) от ранее однажды выбранного курса. В результате подобной позиции, а также во многом благодаря высокой степени ее осознанности самим Херасковым, его одическое творчество по определению не поддается идентификации в терминах сколько бы то ни было

последовательного подражания (*зависимости, рисования картин в духе* и проч.) ни Сумарокову, ни Ломоносову[155].

Обозначив рамки того историко-литературного дискурса, в котором преимущественно и обсуждается творчество М.М. Хераскова в русскоязычном литературоведении, вернемся к его дебютным одам 1750-х годов.

После публикации херасковских од 1751 и 1753 годов внутренняя структура жанра, а главное состав выступающих на этом литературном поле игроков начинает динамично меняться. Так, через пару месяцев после выхода из печати "полтавской" оды Хераскова, буквально в сентябре того же года, свою первую торжественную оду публикует еще один абсолютный новичок в литературе И.К. Голеневский. Сентябрьская ода Голеневского 1751 года оказывается посвящена тезоименитству Елисаветы Петровны [Голеневский 1751 a] и становится первым, однако отнюдь не последним, панегирическим сочинением, опубликованным 28-летним поэтом в этом году. В ноябре 1751 года все тот же Голеневский издает в свет еще одну торжественную оду собственного сочинения, на этот раз посвященную годовщине восшествия Елисаветы Петровны на престол [Голеневский 1751 b]. Затем, в 1754 году, т.е. через год после выхода второй оды Хераскова, со своей первой одой вступает в литературу Н.Н. Поповский. Далее, в 1759 году первую в своей жизни оду публикует А.Г. Карин. Было бы непростительным преувеличением и натяжкой устанавливать причинно-следственные связи между публикацией первых од Хераскова в 1751, 1753 годах и появлением целой когорты молодых и талантливых поэтов, выступивших в одическом жанре в 1750-е годы, утверждая, например, что именно смелый дебют Хераскова открыл своеобразные шлюзы, через которые в жанр торжественной оды на русской почве начали проникать новые имена. Намного более вероятно, что "шлюзы" эти открылись совершенно самостоятельно, в силу каких-то внутренне закономерных процессов в развитии жанра, а кадет-выпускник М.М. Херасков – в силу своей культурной чуткости и общей одаренности – просто оказался первым звеном в череде новых имен, действовавших без какой-либо внутренней связи друг с другом, а просто в строгом соответствии с духом времени и сиюминутными требованиями культурного контекста.

Как бы ни обстояло дело с одическими дебютами других авторов, первые опыты Хераскова в этом жанре на долгое время остались его единственными экзерсисами в этом роде литературы. В течение почти 10

[155] Сам Г.А. Гуковский с присущей ему точностью очень отчетливо сформулировал этот нюанс. Давая характеристику писателям группы *Полезного Увеселения* и их творчества начала 1760-х годов, он отмечал: «Впрочем, для Хераскова и поэтов его круга борьба Ломоносова и Сумарокова – уже пройденный этап. Усвоив принципы социально близкого им Сумарокова, они видели в нем уже классика, чуть ли не историческую фигуру, так же, как они воспринимали и Ломоносова» [Гуковский 1999].

лет – с 1753 по 1762 год – несмотря на обилие подходящих поводов и случаев, Херасков ни разу не предпринял больше ни одной попытки написать еще одну торжественную оду. Однако, смерть Елисаветы Петровны и восшествие на престол ее племянника оказались достаточно сильными стимулами для повторного возвращения поэта жанру, с которого он более десяти лет назад начал (хоть и не очень успешно) свою литературную карьеру.

Ода Хераскова на восшествие Петра Феодоровича была выпущена отдельным изданием в январе 1762 года в типографии Московского Университета. Принимая во внимание предшествующую литературную биографию Михаила Матвеевича, мы видим, что текст этот становится как бы повторным дебютом уже вполне сформировавшегося поэта в одическом жанре. Как отмечает Н.Ю. Алексеева,

> [н]ачиная с оды "На восшествие на престол императора Петра Феодоровича" (1762) Херасков становится одним из самых заметных одописцев 1760-1770-х годов. К 1762 году у него уже определился свой характер и стиль торжественной оды. Как и первая ода, все следующие оды Хераскова представляют собой феномен внутреннего подражания Ломоносову, невозможного без строго отбора из его словаря[,] репертуара образов и тем [Алексеева: 265-266].

Стоит отметить, что равно как и первые литературные попытки Хераскова 1750-х годов, его повторный одический старт 1762 года также оказался не совсем удачен, однако, уже по совсем иным, вовсе не зависящим от самого поэта, причинам.

Вся основная литературная жизнь Хераскова пришлась на время царствования Екатерины II. Неудивительно в этом контексте, что, как и две свои самые первые оды, оду на восшествие Петра Феодоровича Херасков впоследствии никогда и нигде не перепечатывал. В самом конце XVIII века, в финале VII тома собрания своих сочинений он так охарактеризовал собственные произведения этого периода:

> Многия из моих кратких сочинений в сию Часть не внесены для того, что они в разных Изданиях напечатаны и не могли быть отысканы; другия для того, что они **писаны были в моей молодости**, когда я учился писать стихи, и **повторения не заслуживают** [Херасков 1796, VII: 249].

Раздел *Оды Торжественныя* в VII томе собрания сочинений Хераскова 1796-1802 годов открывается одой 1762 года, адресованной Екатерине II и посвященной *ее всерадостному восшествию на престол* [Херасков 1796, VII: 44]. Видимо, именно этой одой сам Херасков исчислял начало своего одического творчества как такового, причисляя все остальные произведения в этом жанре – а в частности и оду Петру Феодоровичу – к затянувшемуся в его жизни этапу литературного ученичества.

Рассмотрим, при помощи каких именно образов, тем, мотивов и сюжетов Херасков моделирует образ нового российского императора в своем январском сочинении 1762 года. Помня об описанной нами выше

внутренней дискуссии историков литературы ленинградской школы по вопросу принадлежности Хераскова к лагерю Ломоносова или Сумарокова, обратим особенно пристальное внимание на то, каким образом использованные поэтом риторические средства соотносятся с теми темами и сюжетами, которые были рассмотрены нами выше при анализе од Ломоносова и Сумарокова, адресованных Петру Феодоровичу.

§3.3. Личная мифология Петра Феодоровича в оде М.М. Хераскова 1762 года

Паки Петр престол приемлет: *паки* как одический риторический прием

На уровне плана содержания структурообразующим элементом оды Хераскова Петру Феодоровичу является идея о возвращении в Россию власти Петра I. Этот концепт пронизывает херасковскую оду от начала и до самого конца, становясь тем смысловым стержнем, на который последовательно нанизываются все остальные компоненты кропотливо выстраиваемой поэтом личной мифологии Петра Феодоровича. В свою очередь на уровне плана выражения параллелизм образов Петра I и Петра Феодоровича манифестируется Херасковым посредством нескольких вполне устойчивых, уже не раз встречавшихся нам в предшествующих текстах и, соответственно, описанных в предыдущих главах работы, риторических приемов.

Во-первых, Херасков, как и Сумароков в своей январской оде 1762 года, стремится как можно более отчетливо прописать и всеми доступными ему средствами подчеркнуть родственные отношения двух Петров. Наименование Петра I – *дедом* и, в особенности, Петра Феодоровича – *внуком* многократно повторено в его оде 1762 года: *Великий ПЕТР простер к вам руку: / 26 Хвалу его днесь пойте* ***Внуку...***; а также: *То видели уже народы / В ПЕТРЕ, что Геркулес ростет, / ... / И что он устрашит Нептуна / 50 Так как* ***Его Великий Дед***; а также: *О! ты Российская страна, / Ты раз под Скипетром Петровым, / Премудростью озарена; / ... / Днесь милости отверзя двери / 57 Тебе их* ***Внук*** *пришел отдать*; а также: *Российски воины рождайте / В сердцах безстрашных пламень нов: / Сугубых сил вы ожидайте, / 84 Вам будет вождем* ***Внук Петров***. Во-вторых, в очередной раз сополагая образы деда и внука, Херасков – вполне в духе ломоносовской оды 1743 года – обращает довольно пристальное внимание на символическую тезоименность двух императоров: ***ПЕТРОВО имя*** *вам приятно / О музы; долженствует быть*; а также: *Но зря Авроры новой всход, / <Россия – М.К.> Главу с веселием подъемлет, /* ***ПЕТРОВО имя*** *всюды внемлет, / 40 Что оживляет Росской род*; а также: *Я внемлю перемнны речи: / Одних отчаянье и стон /* ***Петровым именем*** *их вяжет, / И в каждом воине им кажет / 90 Их страх, что то приходит Он*; а также: *Держава та подобна саду / Обильну, сладка, винограду, / Где истина в суде цветет. / Себя* ***Великий ПЕТР*** *тем славит, / И* ***третий ПЕТР*** *ее*

возставит, / 130 Подобно как Елисавет. В-третьих, функционально определяя Петра Феодоровича в качестве *отрасля, преемника* и *наместника* Петра I, Херасков усиленно педалирует прямую и непосредственную ориентированность ожидаемых от Петра Феодоровича политических реформ и свершений на сформированный задолго до его рождения курс петровских преобразований: *О! Вы Герои, что венчались / Оставя Трон небес венцем, / Вы с нами и поднесь остались, / В* ***любезном отрасле своем****; / **Преемник** мудрой Вашай славы / ... / 110 Обеих вас в Себе вместил*; а также: *А вы щастливыя науки! / Имеете уже покров; / Петровы вас прияли руки, / Теперь* ***приемлет Дух Петров****. / 155* ***Наместник*** *дел Его владеет!*

Все перечисленные выше риторические приемы, работающие на установление тесной связи между одическими образами Петра I и Петра Феодоровича, мастерски инкорпорированы и вполне адекватно функционируют в стихотворном панегирике Хераскова. Однако, к моменту публикации рассматриваемой нами оды все эти темы и мотивы были уже неоднократно использованы и относительно широко растиражированы в более ранних текстах других авторов, адресованных Петру Феодоровичу. Родственные отношения Петра Феодоровича с Петром I, знаковая тезоименность деда и внука, ожидаемый от будущего императора буквально с самого момента приезда в Россию высокий градус “петровскости” его дел и поступков – к январю 1762 года весь этот набор устойчивых идеологем уже довольно прочно трансформировался в своего рода loci communes личной мифологии Петра Феодоровича, частое использование которых в предшествующих одах отполировало их до состояния глубокой выхолощенности смысла. Ода Хераскова 1762 года в значительной мере представляет собой именно качественно подобранный и кропотливо составленный сводный каталог общих мест личной мифологии нового императора. В своем январском тексте Херасков взвешено и сбалансировано подвел итог всему тому, что было сказано о Петре Феодоровиче до него.

При этом, однако, московский просветитель не остался чужд и определенному своеобразию в моделировании одического образа совсем недавно обретшего скипетр и державу нового российского монарха. В частности, большой интерес для нас представляют семантические нюансы своеобразного способа употребления Херасковым лексемы *новый* и всех производных от нее. Впервые слово из этого семантического гнезда встречается нам уже в заглавной строфе оды. В экспозиционно оформленной интродукции Херасков живописно повествует о том, как, примкнув к хору Муз, его лирический герой набирается мужества *строить лиру* для того, чтобы *гласить миру Росских Монархов.* При этом основной эмоцией лирического героя вполне закономерно становится обусловленная самим жанром оды *пременна радость*. Конкретным поводом, вызывающим

в авторе это чувство, оказывается созерцание прекрасной *новости*[156], открывшейся перед его глазами при опускании взора с парнасских высот на землю: *И се пременну радость внемлю, / Когда я взор взвожу на землю; / 10 Какую* ***новость*** *зрю на ней!* В дальнейшем различные грамматические формы прилагательного *новый* встречаются в оде на восшествие Петра Феодоровича с необычной, резко бросающейся в глаза, частотой: 1) *Весельем многим восхищенна / Россия входит* ***в новой рай****: / Народна радость невмещенна / 14 Простерлась света в дальний край;* 2) *Россия так хоть вспоминает / Печаль, что грудь Ея стеняет: / Но зря* ***Авроры новой всход****, / 38 Главу с веселием подъемлет;* 3) *Виясь над Прусскими полями, / Российские орлы шумят; / Что вскоре* ***новыми хвалами*** */ 44 При* ***новой силе*** *загремят*; 4) *Российски воины рождайте / В сердцах безстрашных* ***пламень нов****: / Сугубых сил вы ожидайте, / 84 Вам будет вождем Внук Петров;* 5) *Границы Росския державы / Кругом стрегущия моря, / Исполнитесь приятной славы, / 144 Услыша* ***новаго Царя***.

На первый взгляд, повышенная частотность употребления лексемы *новый* вполне гармонично сочетается с тем поводом, которому посвящена ода Хераскова. Представляется вполне логичным (по крайней мере, не противоестественным), что восшествие на престол *нового* российского императора риторически аранжируется, в частности, посредством описанных нами выше лингвистических средств. Нюанс, однако, заключается в том, что семантика прилагательного *новый* в оде Хераскова на восшествие Петра Феодоровича оказывается существенно сдвинута по отношению к привычному нам, словарному, значению этого адъектива. *Новый рай, новый пламень, новый царь* и прочие *новые* объекты, субъекты и сущности в оде Хераскова отнюдь не подразумевают диалектического противопоставления их условному *старому* или даже *прежнему раю, пламени, царю* и т.д. Семантика этих словосочетаний в рассматриваемом тексте генерируется совершенно вне участия их зависимого адъективного компонента в какой бы то ни было бинарной оппозиции. Более того, устойчивое контекстуальное значение прилагательного *новый* в оде Хераскова осциллирует на границе спектра значений указательного местоимения *тот* и несуществующего в русском языке определенного артикля. Парадоксальным образом в смысловой структуре лексемы *новый* в оде Хераскова совершенно отсутствует семантический компонент *незнакомый*, *прежде небывалый*; напротив, данное прилагательное выполняет в его тексте функцию указания на индивидуально-определенного, ранее уже названного и хорошо известного читателям субъекта. *Новый* в оде Хераскова означает – *тот же*, *тот самый* или, в предельно конкретном смысле, *петровский*.

[156] Обратим внимание пусть и не на рифменную соотнесенность, однако на вполне заметную фонетическую симметрию *радости* и являющейся ее причиной *новости*.

Выдвинем предположение, что деформация семантических границ слова *новый* именно в этом направлении становится возможной и, более того, происходит в херасковском панегирике совершенно без какого бы то ни было текстуального напряжения, в силу того, что значение *тот же, тот самый* по умолчанию встроено в рассматриваемое нами прилагательное и в полной мере соответствует его этимологическому происхождению[157]. В русском языке именно этот, несколько противоречащий интуитивному языковому чутью, компонент значения оказался наиболее ярко реализован в вызывающем легкий когнитивный диссонанс у рядового современного носителя языка наречии *вновь*. Довольно неожиданно это слово применяется вовсе не для описания уникального действия, совершаемого *в первый раз*; напротив, оно широко используется для характеристики именно повторяющегося, возможно, когда-то прерванного, но теперь возобновленного действия, уже имевшего место в некоторый момент времени в прошлом. *Вновь* означает вовсе не *впервые*, а, совсем напротив, *снова, еще раз.*

Примечательно, что наречие *вновь* – в его старославянском варианте *паки* – повторяется в оде Хераскова трижды. В начале произведения оно аккомпанирует первичному введению имени Петра Феодоровича в текст оды: *Когда и воздух радость внемлет, / Что* ***паки ПЕТР престол приемлет****: / 20 Удобно ль Музы вам молчать?* Далее тоже самое наречие мы встречаем в заключительной строке 3-ьей строфы: *ПЕТРОВО имя вам приятно / О музы; долженствует быть. / .../ Вас* ***паки ПЕТР с Екатериной****, / 30 Как чад под свой покров зовет*. Повторяется оно и в финальной части херасковского панегирика: *Границы Росския державы / Кругом стрегущия моря, / Исполнитесь приятной славы, / Услыша новаго Царя. / Как ПЕТР с Своим расстался Троном / Брега вы наполняли стоном: / 147* ***Днесь паки ваш Владетель ПЕТР.*** Все перечисленные выше *вновь* воспроизводимые Петром Феодоровичем символические действия (повторное принятие престола, вновь происходящее призывание муз, а также возвращение власти над пограничными водными пространствами) прямо соотносятся со сквозной для всей оды идеей *возобновления* петровской власти в России.

Напомним, как именно та же самая идея реинкарнации власти Петра I в России была разработана в предшествующих, адресованных Петру Феодоровичу, одах Ломоносова и Сумарокова.

С одной стороны, в двух “петровских” текстах Ломоносова 1740-х годов полностью отсутствует многократное повторение старославянской формы интересующего нас наречия (*паки*). Однако, с другой стороны, в этих же самых текстах мы наблюдаем самое широкое разнообразие других форм

[157] См. в словаре М. Фасмера: «Новый. Родственно лит. naũjas – **то же**, <...> гот. niujis – **то же**, <...> арм. nor, род. п. noroy – **то же»** [Фасмер: 445].

данной лексемы: 1) *35 Ты <Елисавета – М.К.>* ***паки зришь любезну Анну*** */ В лице Петровом свыше данну. / Ты зришь* ***Великаго Петра****, / Как феникса* ***рожденна снова***; 2) *Текут млеком и медом реки, / Собой земля плоды растит, /* ***Златы приспели снова веки****, / 104 Из облак манна к нам росит* (Ода 1742, на прибытие и День Рождения Петра Феодоровича); 3) *Как в гроб лице Петрово скрылось, / В сей день веселья* ***солнце*** *тмилось, / 40 Но днесь* ***Тобою светит вновь***; 4) *Под инну Трою* ***вновь приступит*** */* ***Российский храбрый Ахиллес****, / Продерсский мечь врагов притупит, / 73 Хвалой взойдет к верьху небес* (Ода 1743, на тезоименитство Петра Феодоровича). Во-первых, обратим внимание на экстенсивное, стремящееся к полной исчерпанности всех возможных модификаций, освоение Ломоносовым разнообразных стилистических вариантов интересующего нас наречия: *паки, снова, вновь*. Во-вторых, нельзя не отметить характерного семантического разнообразия предикатов, соотнесенных с наречием *паки* в "петровских" одах Ломоносова 1740-х годов: *паки зришь, снова рожден, снова приспели, вновь светит, вновь приступит*. В-третьих, с широким спектром повторяющихся действий вполне гармонично соотносится множественность актантов, эти действия совершающих: *Елизавета, Петр I, златы веки, солнце, Российский храбрый Ахиллес*. В целом, в "петровских" одах Ломоносова 1740-х годов мы не встречаем ни малейшего повторения ни в одном из перечисленных выше традиционных синтаксических элементов (субъект, действие с ним связанное, характеризующее предикат дополнение образа действия). Наречие лишается в текстах Ломоносова минимальной образной "памяти" – каждый раз в одах 1740-х годов оно оказывается включено в совершенно новый, уникальный, риторический контекст.

Словоупотребление Ломоносова характеризуется крайне высокой степенью вариативности как на формальном лингвистическом, так и на образно-мотивном уровне текста[158]. В "петровских" одах 1740-х годов поэт стремится к неуклонному расширению своеобразного каталога образов, тем и сюжетов, пригодных для иллюстрации частных случаев более общей идеи *цикличности*. Наследственное физическое сходство матери и сына (*паки зришь*), мифологическое возрождение феникса (*снова рожден*), периодически повторяющееся наступление *золотого века* на территории отдельно взятого государства (*снова приспели*), врѐменное затмение и последующее неизменное появление солнца (*вновь светит*), регулярно случающееся в истории воспроизведение образцовых античных героических

[158] Отметим, что в декабрьской оде 1761 года (на восшествие Петра Феодоровича) Ломоносов вообще отказывается от использования этого риторического приема; ни *паки,* ни другие стилистические варианты этого наречия (*снова* или *вновь*) не использованы в этом тексте ни разу. Таким образом, Ломоносов не только стремится реализовать все возможные варианты, но и логически замыкает круг разнообразия полным отказом от использования этого наречия. На фоне прежнего интенсивного использования, отсутствие данного наречия в оде 1761 года становится одним из вариантов функционирования.

подвигов (*вновь приступит*) – все это связанные общей идейной основой парадигматические варианты единого концепта циклических итераций в ломоносовских одах. По всей видимости, проблематика повторения, возрождения и цикличности занимала Ломоносова сама по себе. При этом Петра Феодоровича, с самого момента своего приезда в Россию позиционировавшегося в качестве преемника Петра I, первый российский поэт воспринимал в качестве одного из многочисленных вариантов проявления этой идеи, в частности, например, на государственном уровне.

В свою очередь, в январском панегирике Сумарокова 1762 года мы наблюдаем совершенно иную картину, принципиально отличающуюся от тех тенденций, которые были описаны выше на материале ломоносовских од. Наречие *паки* неоднократно встречается в оде Сумарокова на восшествие Петра Феодоровича. Так, 1-ая строфа заканчивается следующим образом: *Зря жизни ТВОЕЯ* <Елисаветы – *М.К.*> *конец, / Мы* ***видим паки ТВОЙ венец, / 8 ТВОЮ щедроту на престоле.*** Затем в 4-й строфе поэт инкорпорирует все ту же старославянскую форму данного наречия в речь Петра I, вполне в ломоносовском духе *вещающего* ко всей России из открывшегося восторженному мысленному взору поэта видения. Петр I у Сумарокова говорит о своем внуке: *Моя* ***кровь паки на престоле / 28 В порфире ныне вместо нас.*** Таким образом, в январской оде 1762 года Сумароков, в отличие от Ломоносова 1740-х годов, стремится к строгому единообразию как на лексическом, так и на стилистическом уровнях (в его тексте мы наблюдаем двойное повторение именно старославянской формы наречия – *паки*). Кроме того, в строгом соответствии со стилистическим единообразием, в сумароковском тексте мы наблюдаем высокую степень однородности того, что именно возобновляется в России с восшествием на престол Петра Феодоровича: это *венец* и *щедроты* Елисаветы Петровны, во-первых, и *кровь* Петра I, во-вторых. Т.е. оба случая употребления местоимения *паки* в оде Сумарокова прямо соотнесены с *престолом* (образ *престола* является устойчиво повторяющимся элементом в обеих цитатах). При этом Сумароков не то, чтобы не расширяет соотносящийся с *паки* набор тем и мотивов, но он даже приблизительно не создает ничего похожего на разнообразный риторический реестр образов и мотивов, тем или иным образом связанных с общей идеей цикличности или возобновления, наблюдавшийся нами в одах Ломоносова. *Паки* в тексте Сумарокова не сочетается с яркими образами или мифологическими микро-сюжетами; напротив, в приведенных выше примерах мы наблюдаем практически полное отсутствие тропов и ярко выраженный образный минимализм.

На идейном уровне в центре внимания Сумарокова находится отнюдь не глобальная концепция пронизывающей все уровни мироздания цикличности, а ее более конкретный, строго локально и темпорально ограниченный, исторический вариант – процесс легитимной передачи императорской власти в России. Нельзя не заметить, что в сумароковской

оде наблюдается разнообразие в субъектах, собственно совершающих повторяющееся действие (Елисавета, Петр I). При этом в его оде полностью отсутствует какое бы то ни было разнообразие самого повторяющегося действия, которое в обоих случаях остается неизменным (*передача престола*). Таким образом, вопрос о том, кому конкретно все-таки наследует Петр III: своему деду Петру I или же тетке Елисавете Петровне? представлялся для Сумарокова глубоко вторичным; в центре его внимания оказывается тема циклической смены "правильных" правителей на российском престоле сама по себе.

Самое время задаться вопросом: какое место на фоне этих двух – таких отличных друг от друга – вариантов описания возвращения власти Петра I в Россию занимает ода М.М. Хераскова на восшествие Петра Феодоровича 1762 года?

Во-первых, нельзя не заметить, что практически все приведенные нами выше примеры с прилагательным *новый* в оде Хераскова являются своеобразным "переводом" ломоносовских образцов использования различных вариантов наречия *вновь*. Для наглядности, представим эти соответствия в виде таблицы:

М.В. Ломоносов, "петровские" оды 1740-х гг. лексемы *снова, вновь*	М.М. Херасков, январская ода 1762 года лексема *новый*
***Цветет в России красной рай**, / 100 Простерт во все страны широко. // Текут млеком и медом реки, / Собой земля плоды растит, / **Златы приспели снова веки**, / 104 Из облак манна к нам росит.*	*Весельем многим восхищенна / **Россия входит в новой рай**: / Народна радость невмещенна / 14 Простерлась света в дальний край.*
*Как в гроб лице Петрово скрылось, / В сей день веселья **солнце** тмилось, / 40 **Но днесь Тобою светит вновь**;*	*Россия так хоть вспоминает / Печаль, что грудь Ея стеняет: / **Но зря Авроры новой всход**, / 38 Главу с веселием подъемлет;*
*Под инну Трою **вновь приступит** / **Российский храбрый Ахиллес**, / Продерсский мечь врагов притупит, / 73 Хвалой взойдет к верьху небес.*	*Виясь над Прусскими полями, / Российские орлы шумят; / Что вскоре **новыми хвалами** / 44 При **новой силе** загремят / <...> / Российски воины рождайте / 82 В сердцах безстрашных **пламень нов**: /*

Таблица 2. *Примеры употребления лексем «снова» и «вновь» в одах М.В. Ломоносова 1740-х годов и лексемы «новый» в оде М.М. Хераскова 1762 года.*

Практически полное отсутствие прямых лексических пересечений лишь усиливает эффект внутреннего подобия "новых" образов и мотивов оды Хераскова исходным ломоносовским прототипам. Вспомним, что санкт-петербургская исследовательница Н.Ю. Алексеева, несколько

экстравагантно и на другом материале, но тем не менее довольно верно по сути утверждала, что «Херасков не подражал Ломоносову прямо <...>, а, проникнутый мало кому видимой, потаенной стороной ломоносовского гения, сумел нарисовать картины в его манере».

В общем и целом соглашаясь с наличием следов сильнейшего ломоносовского влияния на топику Хераскова, сделаем, однако, одну крайне существенную оговорку. Пристально посмотрев на приведенную выше таблицу, мы без труда заметим, что единственным, не попавшим в нее примером из оды Хераскова стал пассаж про *нового Царя*, вновь – на этот раз в лице Петра Феодоровича – обретающего власть над российскими пограничными морскими территориями: *Границы Росския державы / Кругом стрегущия моря, / Исполнитесь приятной славы, / Услыша* ***новаго Царя****. / Как ПЕТР с Своим расстался Троном / Брега вы наполняли стоном: /* ***Днесь паки ваш Владетель ПЕТР****; / На радость стон сей премените, / За валом вал во след гоните, / 150 Промчите весть сию чрез ветр.* Это единственный пример прямого соположения у Хераскова на пространстве одной строфы прилагательного *новый* (*услыша нового Царя*) с неизбежно инфицирующим его своим значением наречием *паки* (*днесь паки ваш Владетель ПЕТР*). В данном случае мы имеем дело с прямой цитатой из оды Сумарокова 1743 года на восшествие Елисаветы Петровны: *Великий понт, что мир объемлет / И вполы круг земный делит, / Тобою нашу славу внемлет / И уж в концах земли гремит. / Балтийский брег днесь ощущает, / Что* ***морем паки Петр владает*** */ 117 И вся под ним земля дрожит* [Сумароков 1957: 61]. В своей январской оде 1762 года Херасков повторяет не только ранее использованное Сумароковым наречие *паки* (Сумароков 1743: *морем* ***паки*** *Петр* владает; Херасков 1762: *моря <...> днесь* ***паки*** *ваш Владетель ПЕТР*), но также включает в свой текст и старославянский вариант наречия *теперь – днесь* (Сумароков 1743: *Балтийский брег* ***днесь*** *ощущает*; Херасков 1762: ***днесь*** *паки ваш Владетель ПЕТР)*. Кроме того обратим внимание на другие многочисленные лексические пересечения этих фрагментов: *берег* (Сумароков) – *берега* (Херасков), *морем паки Петр владает* (Сумароков) – *паки ваш <морей> Владетель Петр* (Херасков). В этом контексте стоит заметить, что и самый первый случай прямого использования Херасковым наречия *паки* – ***паки*** *Петр* ***престол*** *приемлет...* – также генетически восходит к сумароковским примерам из оды 1762 года: *Зря жизни ТВОЕЯ <Елисаветы – М.К.> конец, / Мы видим паки ТВОЙ венец, / 8 ТВОЮ щедроту* ***на престоле***, а также *Моя кровь* ***паки на престоле*** */ 28 В порфире ныне вместо нас*. Как мы видели выше, все *паки* в оде Сумарокова связаны именно с темой передачи *престола*. Именно по его стопам идет в этом случае Херасков.

Ровно как Сумароков, в рассматриваемом нами тексте Херасков демонстрирует ярко выраженную тенденцию к реализации высокой степени формального стилистического единообразия. Он полностью игнорирует

наблюдавшееся нами в текстах Ломоносова широкое разнообразие стилистических вариантов интересующего нас наречия и троекратно повторяет в своей оде одну лишь только старославянскую его форму: *паки, паки, паки*. В этом аспекте, равно как и в отсутствии в рассматриваемых нами фрагментах его оды хоть сколько-нибудь заметной образной метафорики, Херасков прямо и уверенно следует по стопам Сумарокова.

Предположим, что в основе стремления многократно использовать наречие *паки* в оде на восшествие Петра Феодоровича лежит желание поэтов обратить внимание читателей на цикличность времени, а именно – цикличность исторического и государственного времени в частности. Именно представления о нелинейности, а, напротив, цикличности государственного времени и истории являются тем базисом, на котором с самого начала строится личная мифология Петра Феодоровича в торжественных одах. Различные описания повторяющихся *циклов* российской истории – это основной прием интерпретации образа нового российского императора авторами одических текстов на его восшествие.

Классицистическое в своей основе представление о циклически организованном времени оказалось, в частности, в полной мере реализовано в троекратном повторении Херасковым рассмотренного нами в этой подглавке местоимения *паки*. При этом довольно неожиданно – в отличие как от Сумарокова, так и от Ломоносова – на протяжении всей оды Хераскова мы наблюдаем завидную настойчивость, проявляемую автором в последовательном атрибутировании повторяющегося действия все одному и тому же субъекту – Петру (*Петр приемлет, Петр зовет, Петр владеет*). Хераскова не интересует ни идея цикличности сама по себе, ни вопрос легитимной репликации законной императорской власти на российском престоле. Его внимание в оде 1762 года полностью сосредоточено на том, какие именно символические действия нового императора обеспечивают его связь с эталонным предком и, в некоторой степени, частичную трансформацию в него.

Паки Петр с Екатериной зовет муз под свой покров: образ Екатерины в предшествующих одах

В оде Хераскова вопрос ставится так: что должен совершить Петр Феодорович, чтобы стать новым Петром I? Какие действия полагается повторить новому императору, чтобы возобновить власть Петра I в России? Ответы Хераскова на эти вопросы вполне ожидаемы (принять престол, обрести власть над морями...). Кроме одного. В оде Хераскова Петр Феодорович совершает одно крайне нетипичное для всех рассмотренных нами выше текстов действие – он, в паре с Екатериной Алексеевной, вновь призывает под свой *покров* российских муз: *<Музы – М.К.> [у]множьте Лирной глас стократно / Российску радость вострубить; / ПЕТРОВО имя вам приятно / О музы; долженствует быть. / Великий ПЕТР простер к вам руку: / Хвалу его днесь пойте Внуку, / Была вам Мать Елисавет / Ея лишася*

*злой судьбиной, / **Вас паки ПЕТР с Екатериной, / 30 Как чад под свой покров зовет**.* Рассмотрим подробнее этот интереснейший пример ни разу не виденного нами ранее тесного включения Екатерины Алексеевны в орбиту личной мифологии ее мужа.

В процитированном выше отрывке интересна семантическая амбивалентность, возникающая при описании Херасковым не Петра Феодоровича, взятого изолированно и самого по себе, а их с Екатериной Алексеевной исторического тандема. Начало предпоследней строки – *Вас <Музы – М.К.> паки **Петр с Екатериной*** – генерирует сильное читательское ожидание дальнейшего совместного действия августейших супругов. Однако вопреки заданной наличием пары имен собственных категориальной пресуппозиции множественного числа предиката сам глагол действия в финальной строке – *Как чад под свой покров **зовет*** – довольно неожиданно употребляется Херасковым вовсе не во множественном, а, напротив, в единственном числе: *зов**е**т* вместо *зов**у**т*[159]. Т.е. несмотря на первоначальное появление Екатерины Алексеевны в качестве символической союзницы Петра Феодоровича, de facto именно действующему императору, а вовсе не его супруге Херасков однозначно отдает безусловный приоритет непосредственного совершения государственно важного действия *опеки над музами*.

Тем не менее, сам по себе факт введения Херасковым в его текст образа Екатерины Алексеевны, который впервые появляется в его оде именно при описании символических “петровских” действий Петра Феодоровича, представляется крайне примечательным. Обратим внимание на специфику распределения функции *опеки над музами* не в синхронном, а в диахронном срезе, т.е. не между новоявленными августейшими супругами, а между историческими персонажами как относительно далекого, так и недавнего прошлого. По озвученной Херасковым версии, Петр I – выступая во вполне привычной ему роли демиурга и основателя – первым из русских царей *простер* покровительственную *руку* в направлении прекрасных дочерей Зевса: *Великий ПЕТР простер к вам руку;* жест, который скорее всего следует интерпретировать в качестве намека на основание Петром I *Академии наук и курьезных художеств* в Санкт-Петербурге в 1724 году[160]. В свою очередь дочь Петра I, Елисавета Петровна, после восшествия на престол стала, по мнению автора, русской *Матерью* Пермесских сестер: *Была вам **Мать** Елисавет*; статус, по всей видимости, прямо соотносящийся с основанием российской Минервой Московского Университета в 1755

[159] Рифменная позиция данного глагола (*Елисавѣт – зовѣт*) исключает типографскую опечатку и, напротив, лишь подчеркивает специфику оригинального авторского замысла.

[160] См. указ Петра I «об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов...» от 28 января 1724 года [ПСЗРИ, VII: 220].

году[161]. Наконец, по утверждению Хераскова, после восшествия Петра Феодоровича на престол, именно внук Петра I с супругой становятся очередными *родителями* Пиерид, вновь *призывающими* парнасских богинь *под свой покров.* Т.е. кратко изложенная в оде Хераскова история поселения Аонид в Российском государстве выглядит следующим образом: Петр I был их *Отцом*, его дочь – *Матерью*; в свою очередь от Петра Феодоровича с Екатериной подданные, по крайней мере в рамках текста Хераскова, ожидают продолжения исполнения родительских функций по отношению к музам.

Мифологическая функция Петра Феодоровича в этом процессе не вызывает каких бы то ни было сомнений. Его одический образ вновь явившегося во плоти нового Петра I вполне гармонично сочетается с изначально принадлежавшей его деду ролью *отца* покровительниц наук и искусств. Из-за богатейшего многообразия других "петровских" проекций его одического образа вновь провозглашенный император довольно органично наследует, в частности, и эту функцию от своего великого предка. Однако, историко-мифологические проекции, инкорпорированные в образ его супруги, оказываются в данной ситуации несколько запутанными. Обратим внимание на то, что оригинальный – взятый имманентно и автономно – образ Екатерины I вообще отсутствует в рассматриваемой нами оде. В результате этой лакуны, одические образы Петра Феодоровича с супругой номинально оказываются условной реинкарнацией пары *Петр I* + *Екатерина I*, однако функционально образ *призывающей муз-чад* Екатерины Алексеевны проецируется в тексте вовсе не на реальную супругу Петра I, а на охотно исполнявшую роль *матери муз* вплоть до самой своей смерти Елисавету Петровну. Т.е. в качестве жены Петра Феодоровича-Петра I Екатерина Алексеевна довольно естественным образом оказывается новой Екатериной I; однако в роли очередной *матери* Муз-чад, будущая Екатерина II выступает и как новая Елисавета Петровна. Подобная диффузия мифологических проекций в образе Екатерины Алексеевны указывает на сложносоставность и полиморфность ее одического образа.

Чтобы более полно понять специфику образа Екатерины Алексеевны в январской оде Хераскова 1762 года, проследим основные этапы его формирования и эволюции в русских одах 1740-1760-х годов.

Образ Екатерины Алексеевны и ее личная мифология начинают формироваться в русских одах практически с самого момента сочетания ее браком с тогда еще Великим Князем Петром Феодоровичем 21 августа 1745 года. Этому событию оказалась посвящена единственная эпиталамическая

[161] См. проект учреждения Московского Университета, утвержденный Елисаветой Петровной 12 января 1755 года [ПСЗРИ, XIV: 287]. Определение Московского Университета как «храма муз» было общим местом художественных, эпистолярных и публицистических текстов второй половины XVIII века (и позже).

ода Ломоносова, напечатанная отдельным изданием в конце августа 1745 года, спустя всего несколько дней после самой церемонии бракосочетания[162]. Комментаторы *Полного собрания сочинений* Ломоносова справедливо отмечают, что «ода <на бракосочетание Петра Феодоровича и Екатерины Алексеевны – *М.К.*> была звучна, гладка и пышна, но **бедна публицистическим содержанием**» [VIII: 917]. Этот текст имел второ- или даже третьестепенное значение в процессе формирования личной мифологии Петра Феодоровича в его бытность наследником престола. В оде 1745 года Ломоносовым не было добавлено никаких новых штрихов или оттенков к тому образу Петра Феодоровича, который был сформирован им ранее в посвященных Великому Князю одах 1742 и 1743 годов.

Однако именно этот, совершенно неактуальный при разговоре об одическом образе Петра Феодоровича, текст сыграл, как кажется, ключевую роль в формировании самих основ личной мифологии его юной супруги. Именно в свадебной оде 1745 года Ломоносовым задаются те мифологические константы, которые прочно легли в основу личной мифологии Екатерины Алексеевны в бытность ее Великой Княгиней, а в дальнейшем оказались (с ее молчаливого согласия) широко растиражированы в более поздних панегирических текстах. Так, в оде Ломоносова на бракосочетание 1745 года мы по крайней мере дважды встречаем использованную Херасковым в январской оде 1762 года формулу – *паки Петр с Екатериной*: 1) *Исполнил Бог свои советы / С желанием Елисаветы: / Красуйся светло, Росский род. / Се* ***паки Петр с Екатериной*** */ Веселья общаго причиной: / 16 Ликуйте, сонмы многих вод; 2) Пусть сей приятный глас промчется / По холмам, рощам и лугам: / «К утехе Росскаго народа /* ***Петра с Екатериной вновь*** */ Счетает щастье и порода, / 40 Пригожство, младость и любовь».* В этих двух примерах мы наблюдаем уже отмечавшуюся нами выше на материале од Ломоносова 1740-х годов тенденцию к использованию разнообразных стилистических форм наречия *паки*. Однако в данном случае разнообразие на уровне плана выражения не превращается в разнообразие идей, заложенных автором в текст на уровне плана содержания. В обоих примерах наречие *паки* (или *вновь*) служит Ломоносову для подчеркивания знаковой природы полной идентичности имен новоиспеченных супругов именам их великих предшественников. Таким образом, уже в оде Ломоносова 1745 года образ Екатерины Алексеевны приобретает определенную многомерность и историко-мифологическую глубину. Официальное позиционирование Екатерины Алексеевны в качестве новой Екатерины I (ярко выразившееся прежде всего в имени, присвоенном Софии Фредерике при обращении в православие) было обусловлено вполне определенным пониманием предлагавшихся как самой Екатерине, так и ее супругу ролей в российской истории. Во-первых,

[162] Подробнее о самом бракосочетании, о посвященной ему проповеди С. Тодорского 1745 года, а также об оде Ломоносова того же года см. [Кислова 2011].

наличие у Петра Феодоровича жены Екатерины Алексеевны являлось, конечно же, одним из элементов его собственного личного мифа и служило косвенным доказательством исторической состоятельности Великого Князя в качестве нового Петра I. Знаковое имя его жены поднимало градус его собственной хоть и гипотетической, но от того не менее страстно желаемой со стороны политической и старательно моделируемой силами культурно-литературной элиты "петровскости". Во-вторых, полный параллелизм имен молодоженов задавал определенный (опять же желаемый всеми заинтересованными наблюдателями) формат отношениям Петра Феодоровича с его женой. Соответствие их православных имен именам Петра I и его второй жены как бы намекало на возможность наличия сильной личной симпатии и искренней привязанности между только что обвенчавшимися супругами.

Настойчивое сравнение супруги Петра Феодоровича с Екатериной I, видимо, удовлетворяло интересам всех в той или иной мере принимавших участие в моделировании образа Екатерины Алексеевны сторон. Оно формировало широкий спектр ожиданий в отношении реализуемых Великой Княгиней принципов как личного, так и государственного поведения. Неудивительно, что в своих последующих торжественных одах Ломоносов старался не отступать от выбранной им в 1745 году тактики. Так, в 1757 году, в оде, одним из поводов написания которой стало рождение у Петра Феодоровича с Екатериной Алексеевной дочери Анны, Ломоносов вновь использовал этот же, основанный на параллелизме имен, принцип исторической проекции. На этот раз поэт со свойственной ему привычкой экспансивного освоения новых образов для иллюстрации ранее неоднократно артикулированных идей включил и трехлетнего Павла, и новорожденную девочку в орбиту общего "петровского" мифа семьи Великого Князя: *О божеской залог! О племя! / Чем наша жизнь обновлена, / **Возвращено Петрово время, / О вы, любезны имена!** / 15 О твердь небеснаго завета, / Великая Елисавета, / **Екатерина, Павел, Петр** / О новая нам радость — **Анна**, / России свыше дарованна, / 20 Божественных порода недр!...* [VIII: 632-633]. В этом тексте Ломоносов прямо и просто, без посредства завуалированных образов и сложных метафор, выражает идею цикличности российской истории.

Как мы видим, до восшествия Петра Феодоровича на престол именно двойная (а если учитывать Павла с Анной в оде 1757 года, то и четырехкратная) идентичность имен супругов и их наследников именам Петра I, Екатерины I и их детей являлась одним из основных аргументов Ломоносова при спекуляциях на тему циклического *повторения* и / или *возвращения петровских времен* в России. В свою очередь, в декабрьской оде Ломоносова 1761 года (на восшествие Петра Феодоровича) Екатерина Алексеевна прямо упоминается четыре раза: 1) ***Петра воздвиг с ЕКАТЕРИНОЙ** / И **с ПАВЛОМ**, о драгой залог! / Послал нам радость за*

судьбиной / 14 В щедротах неизмерный бог; 2) Петр 1 говорит Елисавете: *«Но больше чту сию заслугу, / Что ты, усердствуя к Нему, /* ***Достойную дала СУПРУГУ, /*** *Любезну Отчеству всему. / Уже из общей их любови / Цветет от Нашей Отрасль крови, / 118 Дражайший ПАВЕЛ, Правнук Мой.»; 3) Спеши, спеши, весна златая, / Умножь отраду теплотой / И, новы веки начиная, / Стихии здравием напой; / Вели благоухать Зефиру; / С ПЕТРОМ поля одень в Порфиру /* ***И всем приятностям твоим / Подобную ЕКАТЕРИНУ, / Надежды нашея причину****, / 240 Снабди, снабди Плодом драгим; 4) Преславный век ЕМУ подай, | 248* ***СУПРУГЕ****, ветви вожделенной.* Таким образом, на протяжении немногим меньше двадцати лет (с 1745 по 1762 годы) Екатерина Алексеевна довольно регулярно упоминается в ломоносовских одах. При этом ее образ в этих текстах имеет одну исключительно устойчивую характеристику: Екатерина никогда не упоминается изолированно; ее имя всегда оказывается прочно инкорпорировано в контекст описания либо ее мужа (как, например, в оде на бракосочетание 1745 года), либо детей – или уже родившихся (как в оде 1757 года) или горячо ожидаемых от нее в самом ближайшем будущем (как в оде 1761 года). С 1740-х годов и вплоть до восшествия Петра Феодоровича на престол функция Екатерины Алексеевны в одах Ломоносова заключалась в том, чтобы быть, во-первых, женой нового Петра I (реинкарнировавшегося в Петре III) и, во-вторых, матерью его детей. Самостоятельной – не детерминированной матримониальной или репродуктивной функциям – ценности, значения, специфики или даже атрибутов образ Екатерины в одах Ломоносова не имеет.

При этом образ супруги Петра Феодоровича претерпевает в ломоносовских текстах определенную эволюцию. Так, нетрудно заметить, что в приведенных выше примерах из од, написанных Ломоносовым до 1762 года (1745, 1757), Екатерина Алексеевна всегда – либо посредством своего собственного имени, либо через имена своих детей – проецировалась на Екатерину I; ее амплуа в качестве Великой Княгини – новое воплощение жены Петра I. Однако, после восшествия Петра Феодоровича на престол это историко-мифологическое измерение ее образа решительно пропадает. Ни в одном из приведенных выше отрывков из декабрьской оды Ломоносова 1761 года Екатерина Алексеевна не сравнивается с Екатериной I, ее образ в оде Ломоносова 1761 года максимально упрощен и напрочь лишен какого бы то ни было мифологического или исторического измерения.

Тот же самый процесс мифологического выхолащивания образа Екатерины Алексеевны мы наблюдаем и в оде Сумарокова на восшествие Петра Феодоровича 1762 года. У Сумарокова – возможно, просто в силу небольшого общего размера его оды – чисто технически Екатерине уделено гораздо меньше внимания, чем в оде Ломоносова 1761 года. Супруга Петра Феодоровича упоминается в его тексте всего лишь единожды, однако сути ее – абсолютно внемифологического – образа это совершенно не меняет: *А*

ТЫ ЕКАТЕРИНА, буди / Предстательницей у ПЕТРА, / И буди к помощи быстра, / 120 Когда к Тебе прибегнут люди! Любопытно отметить, что в лексическом отношении функция *быть предстательницей у Петра*, которую Сумароков предлагает взять на себя Екатерине Алексеевне, является на самом деле прямой цитатой из оды Ломоносова 1745 года (на бракосочетание Петра Феодоровича и Екатерины): *Дражайшия Его Супруги / Везде прославятся заслуги, / И свет щедрота удивит. / Он <Петр Феодорович – М.К.> добродетель чрез награду / В народе будет умножать; / Она* ***предстательством*** *отраду / 170 Потщится бедным подавать* [VIII: 135]. Таким образом, сумароковское описание супруги Петра Феодоровича предстает как начисто лишеное оригинальности: во-первых, поэт дословно следует формату описания Екатерины Алексеевны, заданному Ломоносовым; во-вторых, Сумароков поддается заданной Ломоносовым в его оде 1761 года инерции "простого", лишенного каких бы то ни было сложных мифологических / исторических проекций или аналогий описания Екатерины.

В целом, мы видим, что восшествие Петра Феодоровича на престол сопровождается интенсификацией "петровской" составляющей его личного мифа, однако при этом – по крайней мере в одах Ломоносова и Сумарокова декабря 1761-января 1762 года – происходит сильнейшее ослабление того же мифологического "петровско-екатерининского" компонента в образе его супруги. В первых двух одах на восшествие Петра Феодоровича весь мощный мифологический потенциал жанра аккумулируется только и исключительно в образе нового императора. При этом образ его супруги претерпевает своего рода мифологическую деградацию. Парадоксально, но образ Екатерины Алексеевны в русских одах не углубляется со временем, не обрастает новыми значениями и нюансами. Напротив, даже те незначительные зачатки личной мифологии, которые были заложены в ее образ в одах Ломоносова 1745 и 1757 годов, быстро выветриваются из него в момент восшествия на престол ее супруга.

Тут стоит отметить, что идентичность имен Петра Феодоровича и Екатерины (а также их потомков) именам их великих предшественников – это только один из множества возможных путей описания возобновления петровских времен в России. В оде Ломоносова 1748 года на восшествие Елисаветы Петровны использован и другой прием описания возобновленных в России петровских времен: *Тебя* <Елисавета – *М.К.>, богиня, возвышают / Души и тела красоты, / Что в многих разделясь блистают; / Едина все имеешь Ты. / 145 Мы видим, что* ***в Тебе единой / Великий Петр с Екатериной / К блаженству нашему живет*** [VIII: 221]. Мы видим, что мифологема одновременной реинкарнации Петра I и Екатерины I была, в частности, одной из составляющих личной мифологии Елисаветы Петровны. По версии Ломоносова 1748 года, новая императрица инкорпорировала в себе достоинства и Петра I, и Екатерины I, соположение

ее образа с которыми инициировалось не параллелизмом имен, а непосредственным, ближайшим, родством с ними. Данный пример во многом объясняет, почему проекции Петра Феодоровича на Петра I с одновременным сравнением Екатерины Алексеевны с Екатериной I не очень активно использовались авторами первых двух од на восшествие 1762 года. Если учесть, что на мифологическом уровне все достоинства Петра I и Екатерины I оказались соединены и сосредоточены в Елисавете Петровне, то на этом фоне повторное распределение / расщепление их добродетелей в образах "нового Петра" и "новой Екатерины" было бы свого рода умалением значимости образа нового императора.

Принимая во внимание все вышесказанное, нетрудно заметить, что, создавая образ Екатерины Алексеевны в своей оде на восшествие Петра Феодоровича в 1762 году, Херасков решительно ломает инерцию, заданную в текстах Ломоносова и Сумарокова. Благодаря используемому им местоимению *паки* (*Вас паки Петр с Екатериной*), поэт идет по пути, намеченному Ломоносовым в оде 1745 года. Неслучайно и дословное, отмеченное нами выше, пересечение этих текстов (Ломоносов, 1745: *Се **паки Петр с Екатериной***; Херасков, 1762: *Вас **паки Петр с Екатериной***). Примечательно, однако, что в 1762 году как сам Ломоносов, так и полемически-воинственно наследующий ему Сумароков синхронно отказались от идеи проведения параллелей между Екатериной I и Екатериной Алексеевной. Тем не менее, Херасков вновь актуализирует эту мифологему и вводит ее в активный литературный оборот, внося некоторую многоплановость и многомерность в образ супруги нового российского императора. Поэт реанимирует и образ, и связанную с ним мифологему образца 1745 года, миф юности Екатерины Алексеевны, созданный для нее русскими одописцами в то время, когда она еще только-только приехала в Россию. Стоит отметить, что после выхода из печати оды Хераскова параллель *Екатерина Алексеевна – Екатерина I* становится неотъемлемой частью не только всех последующих од на восшествие Петра Феодоровича, но также трансформируется в важный элемент личной мифологии Екатерины Алексеевны в более поздних стихотворных панегириках, адресованных ей уже в качестве новой российской императрицы.

Новая Аврора: описание рассвета

Одним из образов, активно используемых Херасковым при описании восшествия Петра Феодоровича на престол, становится образ *восходящего солнца*. Описание солнца начинается во 2-ой строфе рассматриваемой нами оды: *Там солнце теплый луч пустило, / И стужу в Норде укротило, / Чтоб жару Россов отвечать / Когда и воздух радость внемлет, / Что паки ПЕТР престол приемлет: / 20 Удобно ль Музы вам молчать?* В дальнейшем теме рассвета оказывается целиком посвящена вся 3-ья строфа: *Как солнце в полдень после мрака / Выходит из-за темных туч, / И от блистательного зрака / Бросает радостнейший луч: / Россия так хоть вспоминает / Печаль,*

что грудь Ея стеняет: / Но зря Авроры новой всход, / Главу с веселием подъемлет, / ПЕТРОВО имя всюды внемлет, / 40 Что оживляет Росской род. // Виясь над Прусскими полями, / 42 Российские орлы шумят <...>. Выше нам уже доводилось анализировать описание *восхода солнца* в одах, посвященных восшествию Петра Феодоровича на престол. Как мы помним, такого рода картины присутствовали и в декабрьской оде Ломоносова 1761 года, и в январской оде Сумарокова 1762 года. Несмотря на относительное единообразие плана содержания, в сфере плана выражения ломоносовская и сумароковская солярная метафорика имеют между собой очень мало общего и, более того, существенно отличаются друг от друга как на образном, сюжетном, стилистическом, так и на всех прочих уровнях текста. Данное обстоятельство представляется важным.

Дело в том, что в декабре 1761-январе 1762 года оды на восшествие Петра Феодоровича Ломоносова, Сумарокова и Хераскова были опубликованы в течение одного месяца буквально одна за другой, с очень небольшими, однако достаточными для последовательного ознакомления с текстами друг друга, временными интервалами. Вследствие именно такого рода динамики публикаций описание *восхода солнца* в оде Сумарокова безусловно коррелирует (пусть и отрицательно) с описанием *рассвета* в оде Ломоносова. В свою очередь, описание *зари* в оде Хераскова имеет в подтексте предшествующие ему ломоносовско-сумароковские экзерсисы на эту тему. Сильнейшее отличие друг от друга этих двух, предшествующих херасковскому, описаний *восхода солнца* представляется нам счастливым обстоятельством, дающим возможность более четко и точно описать координаты одической риторики Хераскова по отношению к двум классикам отечественной поэзии.

Решаясь на использование традиционного образа *восхода солнца* в своей январской оде 1762 года, Херасков, с одной стороны, добровольно обрекает себя на безусловную вторичность и неоригинальность. С другой стороны, твердо ступая вслед своим именитым предшественникам, молодой поэт ставит перед собой интереснейшую творческую задачу самобытной и нетривиальной интерпретации этого микро-сюжета, неизбежно как со-, так и противо-поставленной многочисленным прежним претекстам. Специфика решения этой задачи Херасковым представляется нам своеобразным ключом, открывающим двери к более полному и адекватному пониманию позиции поэта в споре ломоносовцев и сумароковцев.

Иллюстрация 1. *Герб рода Херасковых*

Прежде, чем переходить к сопоставительному анализу образа *восхода солнца* в оде Хераскова с типологически сходными риторическими элементами в одах Ломоносова и Сумарокова, отметим, в частности, что золотое Солнце на голубом фоне и Орел – это одна из составных частей родового герба Херасковых: «[щ]ит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в голубом поле изображены золотое Солнце, серебреная Луна <...> и черный Орел с золотым на носу его крестом <...>» [Гербовник: 134]. Возможно, подобное совпадение сыграло свою роль в выборе поэтом материала для сравнений и соположений в его оде на восшествие Петра Феодоровича 1762 года.

В целом же нетрудно заметить, что процитированная нами выше 3-ья строфа (*Как солнце в полдень после мрака...* и далее) отчетливо распадается на две составные части. Первая часть – это выполненное во вполне натуралистическом духе описание рассвета, непосредственного выхода солнца *из-за темных туч* (строки 31-34). Вторая часть – это эмоциональная интроспекция, заключающаяся в прямом приравнивании внутренних переживаний России, связанных с восшествием на престол нового императора, к описанному ранее *всходу новой Авроры* (строки 35-40). Ясная внутренняя структура херасковского описания на уровне плана содержания любопытным образом соответствует наличию таких же четких маркеров, с одной стороны, ломоносовского, а, с другой стороны, напротив, сумароковского литературного стиля на уровне плана выражения. Рассмотрим две выделенные нами составные части приведенной выше строфы по очереди.

В первых 4-х строках 3-ей строфы Херасков описывает рассвет с использованием довольно интересного набора риторических средств. Так, он включает в свое описание яркий образ *бросаемого солнцем (из глаз) луча*, обрамляя при этом все четверостишие рифмами *туч – луч* и *мрака – зрака*. Все эти риторические средства были отнюдь не нейтральными, т.к. обладали к 1762 году вполне определенной традицией использования в одическом жанре. Точнее – все они были заимствованы Херасковым из од Ломоносова 1740-х и 1750-х годов: 1) *Тебе Россия вся открыла, / <...> / «Я в сердце много лет таила, / Что мне достоит жить Тобой. / Мне* ***полдень с утром вдруг вступает****, / Весна цветы и плод являет / В возлюбленной душе Твоей. / Но грудь пронзит народов льстивных / Ужасный* ***лучь*** *в полки противных, /*

50 ***Блистая из Твоих очей***[163] (Ода на тезоименитство Петра Феодоровича, 1743); 2) *Как вожделенный Солнца* ***лучь,*** */ Хотя не престая сияет, / Скрывается от мрачных* ***тучь*** */ И не повсюду согревает, — / 105 Подобно милосерда Власть* <...> (Ода на восшествие Елисаветы Петровны, 1761); 3) *О утра час благословенный, / Дражайший нам златых веков! / ... / 55 Ты коль велику дал отраду, / Когда открыл Петрову граду / Избавльшия Богини* ***зрак****! / Мы в скорбной темноте заснули, / Но в радости от сна вспрянули, / 60 Как ты нощный рассыпал* ***мрак***[164] (Ода на восшествие Елисаветы Петровны, 1746). Из этих примеров видно, что как мотив *испускания луча из глаз*, так и рифмы *туч-луч* и *мрак-зрак* принадлежат к числу явно ломоносовских признаков одического стиля. Т.е. чисто технически первая часть описания *рассвета* в оде Хераскова в очень большой степени ориентирована на многочисленные описания того же сюжета в более ранних одах Ломоносова.

Интересующие нас рифмы *туч – луч* и *мрак – зрак* встречаются также и в одах Сумарокова. Однако, у Сумарокова их использование никак не связано с более широкой темой описания рассвета[165]. Т.е. формальные пересечения од Сумарокова и Хераскова не поддерживаются на семантическом уровне текста ни тематической, ни мотивной близостью сополагаемых элементов. При этом именно такого рода соответствие связывает описания рассвета, а также в целом топику и метафорику оды Хераскова с одой Ломоносова на восшествие Петра Феодоровича:

Ломоносов 1761, на восшествие Петра Феодоровича	Херасков 1762, на восшествие Петра Феодоровича
Сияй, о новый год, прекрасно Сквозь густоту **печальных туч**. Прошло затмение ужасно; Умножь, умножь **отрады луч**. <...> Благополучны мы стократно:	Как солнце в полдень после мрака Выходит из-за **темных туч**, И от блистательного зрака Бросает **радостнейший луч** <...>

[163] У Ломоносова *луч блистает* из очей Петра Феодоровича, а у Хераскова – радостный луч светит из *блистательных очей солнца*. Важно, что у Ломоносова – это ода Петру Феодоровичу, т.е. налицо не просто внешнее сходство топики, а несомненное присутствие тематической связи.

[164] Возможно, косвенно важно и упоминание *родов* в этой оде Ломоносова (*Для нас и будущих родов*) и у Хераскова (*оживляет Росской род*).

[165] Ср.: 1) Рифма *туч – луч,* однако ситуация не рассвета, а напротив – сокрытия солнечного луча: *Пойдем против громовых* ***туч****!» / Но тщетно горесть гнев рождала, / И ярость воинов терзала: / 50 Сокрыло солнце красный* ***луч*** (Ода на восшествие Елисаветы Петровны, 1743); 2) Рифма *зраком – мраком*, но ситуация не отступления, а напротив покрытия земли *мраком*: *Где росские полки воюют, / Там огненные ветры дуют, / И тучи там текут горя: / Пыль, дым мешаются пред* ***зраком****, / И землю покрывают* ***мраком****, / 40 В полудни в небесах заря* (Ода на войну с Пруссией II, 1758).

Петра Великого обратно 10 Встречает Росская страна. **Петра воздвиг с ЕКАТЕРИНОЙ** И с ПАВЛОМ, о драгой залог! <...> **Орел великий** обновился, На высоте своей явился 17 И над Европою парит.	Когда и воздух радость внемлет, Что **паки ПЕТР престол приемлет:** 20 Удобно ль Музы вам молчать? <...> Вас **паки ПЕТР с Екатериной**, 30 Как чад под свой покров зовет. Виясь над Прусскими полями, 42 **Российские орлы** шумят <...>

Таблица 3. *Сопоставление риторических средств из оды М.В. Ломоносова на восшествие Петра Феодоровича с образами и мотивами оды М.М. Хераскова 1762 года*

Обратим внимание на компактно сгруппированные в одном – условно "ломоносовском" – месте текста Хераскова семантические соответствия: 1) Ломоносов 1761: *Сквозь густоту печальных туч* → Херасков 1762: *из-за темных туч*; 2) Ломоносов 1761: *отрады луч* → Херасков 1762: *радостнейший луч*; 3) Ломоносов 1761: *Петра Великого обратно / Встречает Росская страна* → Херасков 1762: *паки ПЕТР престол приемлет*; 4) Ломоносов 1761: *Петра воздвиг с ЕКАТЕРИНОЙ* → Херасков 1762: *Вас паки ПЕТР с Екатериной*; 5) Ломоносов 1761: ***Орел великий** обновился, / На высоте своей явился / И над Европою парит* → Херасков 1762: *Виясь над Прусскими полями, / **Российские орлы** шумят*. В этих примерах соотнесенности двух текстов поражает крайне низкая степень прямых лексических пересечений. Создается устойчивое впечатление, что при написании своего текста Херасков несомненно держит в уме ломоносовскую оду на восшествие Петра Феодоровича в целом и описания восхода солнца в ней в частности. Он определенно ориентируется на нее. Однако, это ориентация очень особого свойства. Яркие ломоносовские образы и магистральные идеи перекочевывают в херасковский текст, однако, оказываются при этом крайне своеобразно трансформированы и модифицированы. Читать оду Хераскова – это все равно, что читать оду Ломоносова, переведенную литературно талантливым и поэтически одаренным интерпретатором на другой язык.

В свою очередь, вторая часть образа рассвета Хераскова представляет собой эмоциональную интроспекцию, демонстрирующую полную конгруэнтность внутреннего состояния обретшей нового императора России описанному поэтом ранее утреннему *всходу новой Авроры* (строки 35-40). Именно олицетворяющая зарю Аврора становится главным мифологическим персонажем развернутого сравнения восхода солнца с восходом на трон нового императора. При обилии как *рассветов*, так и вообще микро-сюжетов неожиданного наступления света в одах Ломоносова, образ Авроры встречается у него только единожды. Исключительно эпизодическое, не разворачивающееся ни в микро-сюжет, ни в хоть сколько-нибудь развернутое сравнение, упоминание этого

персонажа римской мифологии присутствует в оде Ломоносова 1741 года на день рождения Иоанна Антоновича: *Щастливых дней* ***Аврора*** *ясна, / Монарх-Младенец, райской Цвет* [VIII: 35]. Кроме непосредственного наличия Авроры как в тексте Ломоносова 1741 года, так и в произведении Хераскова 1762 года, никакие другие элементы в тексте последнего не указывают на его соотнесенность именно с этой ранней одой Ломоносова. Вспомним, однако, как описывался восход солнца в оде Сумарокова 1762 года: *Когда* ***Аврора*** *возвещает, / Что* ***Солнце*** *покидает Понт, / Долы и горы освещает, / Бросая злато в горизонт: <...> // Тогда и взора возведенья, / На Феба, удоволят тварь: /* ***Начало ТВОЕГО владенья, / Тому подобно ГОСУДАРЬ***. Выше мы уже указывали на то, что в оде 1762 года при сравнении восшествия на престол Петра Феодоровича с *восходом солнца* Сумароков ориентировался на свою же собственную оду 1743 года на восшествие Елисаветы Петровны. В обоих текстах мы наблюдаем, во-первых, развернутое описание рассвета, в котором Аврора присутствует в качестве одного из ключевых персонажей, и, во-вторых, последующее прямое сравнение *рассвета* в природе с восшествием на престол нового российского императора (или, в случае оды 1743 года, императрицы). Нельзя не заметить, что именно эти две особенности отчетливо выражены во второй части приведенной выше строфы январской оды Хераскова 1762 года.

Таким образом, в целом мы можем отметить, что при сравнении восшествия Петра Феодоровича на престол с *восходом солнца* Херасков следует, с одной стороны, ломоносовской, а, с другой стороны, сумароковской одической традиции. Органически контаминируя характерные для каждого из конкурирующих литературных стилей риторические средства, молодой одописец создает на их основе собственный, вполне оригинальный, стихотворный текст.

Петр Феодорович как Геркулес

Анализ двух предшествующих од на восшествие Петра Феодоровича (Ломоносова и Сумарокова) дал нам прекрасную возможность убедиться, что библейские и античные персонажи устойчиво занимают существенное место в личной мифологии нового императора. Так, образы Самсона, Давида, Соломона и Геракла составляли своеобразный пантеон ролевых моделей Петра Феодоровича в оде Ломоносова. В свою очередь, Сумароков в январской оде 1762 года несколько парадоксальным образом предложил новому императору в качестве образцов для подражания Марса и Аполлона (*Будь* ***Марсом,*** *буди* ***Аполлоном****, / 114 Люби Оружье и Парнасс*). Ода Хераскова не становится исключением из общего правила. Он также использует имена мифологических персонажей при описании недавно взошедшего на престол российского монарха. В его интерпретации античными alter ego Петра Феодоровича становятся Геркулес, Марс и Нептун: *Еще в младенческие годы / То видели уже народы / В ПЕТРЕ, что*

***Геркулес ростет**, / Что **Марс родит его Перуна**, / И что **он устрашит Нептуна** / 50 Так как Его Великий Дед.*

Мы помним, что основное отличие мифологических проекций Петра Феодоровича в оде Ломоносова от типологически сходных с ними элементов в оде Сумарокова 1762 года заключалось в том, что все уподобления нового императора у Ломоносова развертывались в некоторый минимальный – как правило, основанный на остром противостоянии и борьбе двух персонажей – микро-сюжет: Самсон ↔ лев, Давид ↔ Голиаф, Геракл ↔ змеи. В тоже время сумароковские мифологические уподобления Петра Феодоровича носили исключительно степени номинальный характер: и сравнение с Марсом, и с Аполлоном оказывались у Сумарокова совершенно самодостаточны, ни одно из них не инициировало введения даже самого минимального действия или микро-сюжета. Наличие единственного глагола – *буди* – в тексте Сумарокова в высшей степени показательно; *будь* тем-то и тем-то, и на этом – собственно, на бытии – и заканчивались все предполагаемые и ожидаемые автором оды действия нового императора.

Мифологические проекции образа Петра Феодоровича в оде Хераскова представляются некоторым синтезом или компромиссом между этими двумя столь непохожими друг на друга риторическими стратегиями. С одной стороны, Херасков – как и Сумароков – выбирает не библейскую, а, напротив, античную мифологию в качестве основного источника сравнений для нового императора. С другой стороны, ровно как и в оде Ломоносова, все три сравнения Петра Феодоровича в оде Хераскова – с Геркулесом, с Марсом, с победителем Нептуна – подразумевают аккуратную реконструкцию слушателями или читателями определенных микро-сюжетов.

Первым, с кем сравнивает Херасков Петра Феодоровича, оказывается Геркулес. Это сравнение является наиболее развернутым из всех, содержащихся в процитированной нами выше строфе: *Еще в младенческие годы / То видели уже народы / В ПЕТРЕ, что **Геркулес ростет***. На то, что сравнение Петра Феодоровича с Геркулесом в оде Хераскова не самодостаточно, а обладает определенным дополнительным смысловым потенциалом и, соответственно, должно быть развернуто в некоторый – нуждающийся хотя бы в самой минимальной реконструкции – мифологический нарратив, указывает инкорпорированная в него тема *младенческих лет* главного героя. Настойчивое припоминание подвигов, совершенных протагонистом во *младенчестве*, в контексте прямого сравнения с Гераклом уже встречалось нам выше при анализе проповеди Тодорского. Описывая ключевые моменты жизни и перечисляя основные подвиги героического деда своего подопечного, Тодорский сравнивает Петра I с Геркулесом и неоднократно делает акцент именно на *отроческих летах* обоих героев. Именно облигаторное упоминание о *младенческих*

годах главного героя становится устойчивым лексическим маркером микро-сюжета борьбы Геракла со змеями[166]. Таким образом, два риторических компонента в херасковских строках: прямое сравнение с *Геркулесом*, с одной стороны, и указание на *младенческие годы* Петра Феодоровича с другой, указывают на сюжет борьбы и победы младенца-Геракла над змеями, посланными к нему в колыбель ревнивой Герой.

Зададимся закономерным вопросом: какова функция сравнения с Геркулесом – и особенно сюжета со змеями! – в личной мифологии Петра Феодоровича в 1762 году?

Полагаем, что образ Геракла (равно как и сюжет с утрашением Нептуна) служит в оде Хераскова 1762 года для поддержания и усиления основного компонента личной мифологии Петра Феодоровича – его соотнесенности с образом Петра I. В данном случае мы наблюдаем в действии ту же самую схему взаимопроникновения мифологических и исторических проекций, по которой развивается логика сравнений Петра Феодоровича с ветхозаветными персонажами в оде Ломоносова 1761 года. Как мы помним, Ломоносов последовательно сравнивает Петра Феодоровича со всеми теми библейскими персонажами (Самсоном, Давидом и Соломоном), которые традиционно входили в орбиту личной мифологии Петра I. Таким образом поэт не (с)только создает новые мифологические каналы, по которым могла бы быть направлена интерпретация образа Петра III современниками, сколько еще раз дополнительно актуализирует символическую функцию Петра III быть новым Петром I русской истории. Абсолютно ту же самую схему уподобления мы наблюдаем в оде Хераскова, который в своей январской оде демонстрирует вполне ломоносовскую тенденцию использовать ключевые элементы петровской мифологии в качестве основы, на которой строится одический образ недавно принявшего императорский титул Петра Феодоровича.

Тут стоит обратить внимание вот на какой нюанс. Для Петра I наличие в условном семиотическом пространстве его личной мифологии сравнения с Геркулесом, равно как и сюжета борьбы и победы над змеями в

---

[166] Ср., например, изображение раннего этапа жизни Петра I на Триумфальных ворот 1709 года: «*Весь храм сей украшен <...> картинами, представляющими в эмблеммах всю Историю Монарха,* ***от самого юношества*** *уподобляющими его Геркулесу,* ***от самыя-же юности*** *напаствуемому от злобной Юноны. На первой картине, сей древности ирой представлен в осмимесячном* ***младенчестве*** *своем растерзывающий двух змиев <...> Эмблеммою сею означаются* ***в самом детстве*** *его воздвигнутые Юноною Российскою (Царевною Софиею) бунты, устремленные на жизнь младого Государя*» [Голиков]. А также в *Похвальном слове* Г. Бужинского 1723 года: *«<...> Геркуле[с], которому <...>* ***еще младенцу сущу*** *в колыбели <...> злобная Юнона <...> пусти два змия <...> но отрок, аще и* ***мал****, сицевую в себе ощути силу, яко* ***младенческими*** *руками разодра и от себе отверже*» [Бужинский].

колыбели, имело вполне реальную причину и крайне серьезное биографическое обоснование (мятеж стрельцов 1762 года, царевна Софья в качестве желающей погубить героического младенца Геры, в конце концов наличие брата). Благодаря риторическим усилиям талантливых проповедников, вполне реальные события ранней биографии Петра I остроумно, и в соответствии с реальными нуждами актуальной государственной политики и идеологии, многократно осмыслялись в мифологическом ключе. Для Петра Феодоровича, в свою очередь, все важные и значимые для Петра I жизненные обстоятельства оказываются абсолютно нерелевантными. Но также как и в случае с Самсоном, Давидом и Соломоном, при сравнении Петра Феодоровича с Геркулесом и упоминании битвы младенца-героя со змеями мифологический сюжет, как шуба с чужого плеча, переходит к внуку Петра I просто по наследству.

Естественным и закономерным результатом невольного, и при этом чисто автоматического, наследования Петром III личной мифологии своего деда становится крайняя шаткость и неубедительность его одического образа. Слабость предлагаемых новому российскому императору мифологических сравнений и сюжетов заключается в их полном несоответствии реальным фактам биографии и обстоятельствам его жизни. В отличие от своего великого деда к моменту восшествия на престол Петр Феодорович никогда не побеждал шведов (Самсон ↔ лев), не рубил головы стрельцам (Геркулес ↔ гидра), его, как кажется, никогда всерьез не хотела погубить злая, наделенная необходимой для подобной интриги властью и твердостью намерения, родственница (Геркулес ↔ Гера / змеи) [167]. Однако, все эти сравнения и сюжеты оказываются не просто включены в систему личной мифологии Петра Феодоровича; они становятся той псевдо-надежной основой, на которой панегиристы 1740-х и 1760-х годов пытаются выстроить перегруженный мифологическими аллюзиями одический образ Петра III. При этом важно, что конкретные и реальные обстоятельства жизни нового российского императора мифологизации не подвергаются. В начале его пребывания в России кое-какие попытки в этом направлении делаются как Ломоносовым (не просто приезд наследника, а его *возвращение* в Россию), так и в особенности С. Тодорским (Петр Феодорович как проданный в рабство на чужбину Иосиф и спасенный от убийства Иродом младенец-Христос). Однако подобное направление выстраивания личной мифологии Петра Феодоровича не получает сколько бы ни было заметного развития в последующих текстах. Напротив, к моменту восшествия Великого Князя на престол данная тенденция индивидуально чуткого и небезразличного к его личности моделирования его политического образа затухает и вовсе сходит на нет в одах 1762 года.

[167] Реконструированное нами выше гипотетическое намерение Анны Иоановны избавиться от неудобного соперника все-таки не идет ни в какое сравнение с реальной жесткой политикой, проводившейся царевной Софьей по отношению к малолетнему Петру I .

Таким образом, мы видим, что чисто технически, на уровне риторических средств, ода Хераскова предстает перед нами как некоторый органический синтез и разумный компромисс между стилистически антитетичными Ломоносовым и Сумароковым. Несмотря на более явное тяготение в сторону открытого цитирования текстов Сумарокова, Херасков в очень большой степени ассимилирует и использует в своей оде как образно-мотивный, так и сюжетный арсенал стихотворных панегириков Ломоносова. При этом ода Хераскова демонстрирует довольно интересные, новые и оригинальные по сравнению с одами Ломоносова и Сумарокова, пути, по которым могла бы в дальнейшем развиваться личная мифология Петра Феодоровича.

§4. И.Ф. Богданович, *Ода на восшествие Петра III Феодоровича,* январь 1762, а также *Ода на тезоименитство Петра Феодоровича,* июнь 1762 года

§4.1. И.Ф. Богданович в конце 1761-начале 1762 года

В 1762 году в России отдельным изданием было опубликовано в общей сложности 4 торжественных оды, посвященных восшествию Петра Феодоровича на престол. Авторы первых двух панегириков, вышедших в свет в декабре 1761 – январе 1762 года, М.В. Ломоносов и А.П. Сумароков, являлись ветеранами литературного процесса и представляли собой старшее поколение российских стихотворцев. Выступивший вслед за ними, динамично вступающий в пору как жизненной, так и литературной зрелости М.М. Херасков представлял собой среднюю, наиболее активную в 1760-х годах, генерацию российских литературных и культурных деятелей. Наконец, последний автор из этого списка, И.Ф. Богданович, будучи на десять лет младше своего влиятельного коллеги по Московскому университету, в 1762 году без сомнения олицетворял собой самые молодые, еще только едва заявляющие о себе творческие резервы русской словесности.

В классическом учебнике Г.А. Гуковского *Русская литература XVIII века* присутствует очень яркое и колоритное описание начального этапа жизни и творчества Ипполита Федоровича Богдановича:

> Безродный украинский шляхтич, бедняк, получивший первые крохи образования в «подьяческой» школе и числившийся с одиннадцатилетнего возраста в «приказной службе», Богданович испытал с детства на своей спине тяготы жизни «маленького человека», не имевшего ни дворянских связей, ни денег. Затем он попал в кружок Хераскова, приютившего молодого человека у себя в доме и давшего ему местечко при университете, где он одновременно и учился. Кружок Хераскова «вывел в люди» Богдановича, который начал печататься в «Полезном увеселении», а затем оказался приближенным к крупным деятелям оппозиции, Е.Р. Дашковой и П.И. Панину <...> [Гуковский 1999: 226].

1761-1762 годы – это именно то время, когда, получив, по словам Гуковского, *местечко при университете, безродный украинский шляхтич* Богданович действительно во всех смыслах “выходит в люди”, довольно отчетливо заявляя о себе как на карьерном, так и на литературном поприще. Торжественная ода на восшествие Петра Феодоровича, опубликованная Богдановичем в январе 1762 года, имела крайне важное значение в процессе своеобразной литературной конфирмации молодого поэта.

Буквально за пару дней до смерти Елисаветы Петровны, 23 декабря 1761 года, Ипполит Феодорович Богданович отпраздновал свое совершеннолетие[168]. 18-ый год жизни талантливого выходца из Малороссии

[168] Как сообщает он сам в своей *Автобиографии:* «Ипполит Богданович родился 1743 года декабря 23, на первом часу дня» [Богданович 1853: 184].

был плотно заполнен важными, без преувеличения судьбоносными для его будущности, событиями, ключевую роль в которых сыграл его многолетний ментор, литературный наставник, а по совместительству и домовладелец М.М. Херасков.

Богданович познакомился с Херасковым во второй половине 1750-х годов. Пребывая в то время в чине юнкера Юстиц Коллегии, он, по его собственным словам, не оказывал решительно никакой склонности к приказной службе, а напротив *питал особую склонность к наукам* [Богданович 1853: 183]. На склоне лет, описывая основные вехи своего жизненного и творческого пути в лаконичной *Автобиографии*, Богданович относил удачу знакомства с Херасковым исключительно на счет своих собственных ранних – неординарных, по его мнению, – достижений на литературном поприще:

> По четырнадцатому году сочинил несколько духовных концертов, кои петы были с похвалою. По пятнадцатому же году, сочинил несколько стихов, и талантами своими приобрел себе особенную знаемость с домами князя Михаила Ивонича Дашкова, Александра Борисовича Неронова в Михайла Матвеевича Хераскова.
> В то время новозаведенный Московской Университет, под покровительством Ивана Ивановича Шувалова, представил ему[169] способ к другим учениям [Богданович 1853: 183-184].

Сам М.М. Херасков придерживался несколько иной версии начала их знакомства. В изложении Н.М. Карамзина история эта – рассказанная, по его утверждению, самим Херасковым – выглядела следующим образом:

> Однажды является к директору Московского театра мальчик лет пятнадцати, скромный, даже застенчивый, и говорит ему, что он дворянин и желает быть — актером! Директор, разговаривая с ним, узнает его охоту к учению и стихотворству; доказывает ему неприличность актерского звания для благородного человека; записывает его в университет и берет жить к себе в дом. Сей мальчик был Ипполит Богданович, а директор театра (что не менее достойно замечания) — Михайло Матвеевич Херасков. Итак, счастливая звезда привела молодого ученика муз к их знаменитому любимцу, который, имея сам великий талант, умел открывать его и в других [Карамзин: 3].

При каких бы обстоятельствах ни происходило знакомство двух поэтов на самом деле, несомненным фактом является то, что к 1761 году И.Ф. Богданович уже несколько лет жил в доме М.М. Хераскова в качестве практически полноправного члена семьи. По собственным словам будущего автора *Душеньки*, «[л]юбовь к Музам Михаила [Матвеевича][170] Хераскова, скоро сообщена была к воспринятому в дом Богдановичу, благосклонность

---

[169] В опубликованном Г. Геннади в 1853 году в *Отечественных записках* варианте *Автобиографии* Богданович пишет о себе в 3-ьем лице.

[170] В цитируемом нами источнике отчество Хераскова указано как *Алексеевич*, что, видимо, является технической ошибкой либо самого Богдановича, либо Г. Геннади, либо современного ре-публикатора.

же к воспитаннику сделала его <Богдановича – *М.К.*> знаемым между всеми родными и знакомыми Михайла Матвеевича» [Богданович 1853: 184].

Более чем естественным продолжением крайне благотворных и полезных для юного Богдановича отношений с просвещенным, благородным и, что немаловажно, социально успешным старшим товарищем стало закономерное поступление молодого человека в Московский Университет летом 1761 года. 10 июня 1761 года И.И. Мелиссино, последние несколько лет чисто номинально занимавший должность директора университета, уходит в длительный отпуск. С самого момента его отсутствия недавно произведенный в надворные советники Херасков принимает на себя фактическое исполнение всех директорских обязанностей. Через пару месяцев после укрепления Хераскова на новом посту его молодой protégé И.Ф. Богданович становится студентом, а впоследствии и служащим Московского Университета:

> 11 авг<уста> 1761 <года> указом Сената Б<огданович> был переведен в университет (продолжая числиться юнкером Юстиц-коллегии), где учился одновременно с С.Г. Домашневым, Д.И. и П.И. Фонвизиными, А.Г. Кариным. <...> По сенатскому указу 29 окт. 1761 с чином прапорщика и причислением к Навагинскому полку Б<огданович> был принят на службу в университет «к надзиранию над классами» [Кочеткова 1988].

Таким образом, нам важно иметь в виду, что к моменту публикации оды на восшествие Петра Феодоровича в январе 1762 года Богданович уже несколько лет как жил в доме Хераскова, входя в самый ближний круг его родственников и друзей. При этом с 1761 года молодой человек также учился и служил в Университете под непосредственным руководством своего старшего наставника и покровителя. Закономерно, что литературная, равно как и вся прочая, деятельность молодого поэта также начинается при активном участии и непосредственном влиянии харизматичного Михаила Матвеевича.

Официальный дебют Богдановича в литературе состоялся одновременно с началом издания Херасковым его первого литературного периодического издания *Полезное увеселение*. С самых первых номеров журнала, начавшего выходить в свет в 1760-ом году, имя Богдановича начинает часто появляться на его страницах:

> В журнале «Полезное увеселение» (1760—1762) были опубликованы разнообразные в жанровом отношении стихи Б<огдановича> (ориг. и пер. с фр.): басни, сказки, эпистолы, идиллии, стансы, сонеты, эпиграммы, переложения псалмов. Тематически они близки херасковской поэзии (темы денег, клеветы; нападки на приказных и подьячих и т. д.), но нравоучение Б<огдановича> носит преимущественно шутливый характер [Кочеткова 1988][171].

[171] Ср. также: «[в] течение 1760—1762 гг. Богданович сотрудничал в «Полезном увеселении». Его стихотворения этих лет не могут претендовать на особую оригинальность и составляют фон журнала, основной характер которого создавали Херасков и Ржевский» [Кулакова: 342]. Обратим внимание на упоминание Л.И. Кулаковой *неоригинальности* и

Примечательно, что при всем разнообразии жанров (басни, сказки, эпистолы, идиллии etc), в которых энергично пробует свои силы начинающий стихотворец в период с 1760 до 1762 года, Богданович ни разу за все это время не делает ни одной попытки написать торжественную оду. До восшествия Петра Феодоровича на престол жанр торжественной оды остается в своем роде табуированным в творчестве херпсковского воспитанника.

Однако, в январе 1762 года ситуация меняется самым кардинальным образом.

С начала 1760-го и до самого конца 1761-го года херасковское *Полезное увеселение* издавалось еженедельно. Однако, с января 1762 года первый в Москве литературный журнал[172] начинает выходить помесячно. Именно в первом ежемесячном номере *Полезного увеселения* впервые появилась в печати первая торжественная ода Богдановича – ода на восшествие на престол Петра Феодоровича. Этот текст открывает январский номер журнала Хераскова.

Крайне любопытно, что в январе 1762 года – т.е. фактически одновременно с журнальной публикацией – в типографии Московского Университета печатается еще и отдельное издание той же самой оды Богдановича. Это не первый случай в истории русской литературы, когда торжественные оды печатаются сразу в двух видах[173]. Тем не менее, несмотря на существование прецедентов, практика одновременной публикации торжественных од и отдельным изданием, и в журнале отнюдь не являлась широко распространенным явлением в российском литературном контексте. До появления в печати стихотворного панегирика Богдановича все оды в России издавались по преимуществу отдельными изданиями, хронологически приуроченными к дате того торжественного события, которому публиковавшийся текст был посвящен и которое, как правило, упоминалось в его заглавии[174]. Однако, после двойной публикации

вторичности стихов Богдановича этого периода. Тщательный анализ оды на восшествие Петра Феодоровича, в значительной степени являющейся квинтэссенцией творческого метода Богдановича этого периода, позволит нам сделать собственные выводы по этому вопросу и адекватнее оценить степени правоты высказывания советской исследовательницы.

[172] Подробнее о *Полезном Увеселении* см. [Западов 1973].

[173] Например, в 1741 году ода Ломоносова, посвященная тезоименитству Иоанна Антоновича, «являвшаяся первым выступлением Ломоносова в печати под полным своим именем», стала при этом и «первой одой Ломоносова, которую Академия наук не только напечатала в «Примечаниях к Ведомостям», но выпустила, кроме того, и отдельным изданием» [VIII: 885].

[174] Вторым типом публикации торжественных од было включение их в *Собрание сочинений* того или иного поэта (См., например, *Собрание сочинений* Ломоносова 1751 года).

оды херасковского питомца, в кругу московской университетско-литературной элиты все больше стала входить в моду практика публикации торжественных од только в периодическом издании. В последующие пару месяцев – в феврале и марте 1762 года – в *Полезном увеселении* оказалось напечатано сразу четыре торжественных оды, ни одна из которых впоследствии так никогда и не была опубликована в виде отдельного издания (две оды А.А. Ржевского [Ржевский 1762 a], [Ржевский 1762 b] и две оды А.В. Нарышкина [Нарышкин 1762 a], [Нарышкин 1762 b]). Напечатанная одновременно двумя способами январская ода Богдановича приняла на себя роль отчетливого водораздела между двумя периодами развития одического жанра в России, ознаменовав собой короткий переходный этап на пути изменения эдиционной практики бытования русских стихотворных панегириков.

В 1762 году обязанности надзора за типографией Московского Университета, в которой и была напечатана ода Богдановича, лежали на плечах М.М. Хераскова. Как мы видели в предыдущем параграфе, сам Херасков дебютировал в одическом жанре в возрасте 18 лет, опубликовав в 1751 году *Оду на воспоминание победы Петра Великого над шведами*. Предположим, что активное покровительство (с использованием всех доступных ему административных ресурсов), оказываемое уже опытным к тому времени в поэтической сфере Херасковым смелому 18-летнему одописцу, было тесно связано с и, возможно, в большой мере обусловлено его личными воспоминаниями о собственном раннем литературном дебюте в этом жанре.

Рассмотрим более подробно январскую оду Богдановича на восшествие Петра Феодоровича. Как всегда, обратим особое внимание на то, как именно – при помощи каких конкретных образов, тем, мотивов, сюжетов и других формальных риторических средств – разрабатывается в этом панегирике образ только что взошедшего на престол нового российского императора. Что нового вносит начинающий поэт в личную мифологию Петра Феодоровича, активно конструируемую в начале его царствования? Каким образом используемый Богдановичем для репрезентации августейшего адресата поэтический арсенал соотносится с темами и мотивами предыдущих трех од на восшествие Петра III?

§4.2. Личная мифология Петра Феодоровича в январской оде И.Ф. Богдановича

Ода Богдановича как каталог риторических способов приравнивания образов Петра Феодоровича и Петра I друг к другу

Имя Петра Феодоровича появляется в январской оде Богдановича буквально в 1-ой строфе: *По власти праведных небес, / Российских стран для утешенья, / Врагов ея для устрашенья, / 10* ***Опять великий Петр воскрес.*** С самого начала текста тема возобновления в России власти Петра

I, *воскрешения* и одновременной реинкарнации великого императора в своем внуке, становится магистральной идеей всей оды. В разных формах эта мысль неизменно и настойчиво повторяется Богдановичем буквально в каждой из 12 строф его текста, становясь тем ключевым тезисом, в развернутое риторическое доказательство которого постепенно превращается весь его панегирик. Идеологическая моновалентность юного поэта, его устойчивая фиксированность на одном единственном тезисе – на идее воскресения в лице Петра Феодоровича его деда – довольно однозначно определяют как формальную структуру всего текста, так и те конкретные темы и мотивы, которые используются Богдановичем для описания только что вступившего на престол нового российского императора.

Формальная структура оды Богдановича довольно проста: каждая строфа его текста представляет собой описание какого-то одного качества Петра I, которое, по мнению автора, должен скопировать и повторить во время своего правления внук первого российского императора. Такой синтагматически элементарный подход к теме приводит к тому, что в своей январской оде 1762 года Богданович последовательно создает своеобразный каталог символически значимых характеристик Петра I, просвечивающих, по его мнению, в Петре Феодоровиче.

Первым, на чем останавливает свое внимание Богданович, начиная перечисление более или менее достоверных достоинств деда и прогнозируемых добродетелей его внука, становится отношение Петра I к наукам: *Прими, МОНАРХ, Твой скипетр в руки / Твои народы им пасти, / Дабы цветущия Науки / Могли сугубо процвести; / Мы паки будем в щастьи новом, / Когда Ты будешь им покровом, / 26* ***Как был Великий ПЕТР, Твой Дед.*** Далее поэт упоминает характерно петровскую работоспособность Петра Феодоровича: *Лишь только Ты Престол приемлешь, / Приятный слух несется в свет: / Ты все труды для нас подъемлешь, / 34* ***Великий ПЕТР в Тебе живет.*** Следующим пунктом соответствия двух императоров становится для Богдановича будущая – если верить его тексту, страстно ожидаемая в Москве – коронация Петра Феодоровича: *Царей Российских град Престольной / Не может радости вместить, / Вещает: "Силы нет довольной / Во мне, сие изобразить, / С каким весельем я на Троне /* ***Опять ПЕТРА узрю в Короне,*** */ 47* ***Опять владеющаго мной"***, а также тезоименнность деда и внука: *Приди для нашего покрова, / МОНАРХ, во град, что ждет Тебя / Исполнен* ***имени ПЕТРОВА****; / Приди, и покажи Себя / <...> / И будь нам Матери лишенным / 60 Отцем,* ***Великим будь ПЕТРОМ.*** Далее, в седьмой строфе, Богданович прямо обращается к Петру Феодоровичу и призывает его строить отношения с подданными по – по-одически идеализированной в его пересказе – петровской модели: *Войди в сердца сугубо оны, / Которы чтут Твои законы, / <...> / Живи в них <в сердцах – М.К.>, обладай Ты ими <сердцами – М.К.>, / 70 Так* ***как Великий***

ПЕТР владел. В следующей строфе традиционное описание *золотого века*, якобы наступающего в России в результате идеального правления нового императора, также не обходится без упоминания Петра I: *Мы паче в щастливой судьбине, / Когда владеет нами ПЕТР; /* ***Он так, как Дед Его владеет****, / 76 Богатой беднаго не смеет...* Очередным поворотом темы становится описание героического противостояния Петра Феодоровича его условным врагам *злобе* и *дерзости.* Коварные недоброжелатели гипертрофированно бурно реагируют на восшествие на престол Петра Феодоровича именно по причине его очевидной "петровскости": *Сердца злодейски страх объемлет, / 86 Что* ***паки ПЕТР Престол приемлет****...* При этом Богданович записывает и *соседей* россиян, и самих *злодеев* в свидетели прежней – очевидно "петровской" – славы российского оружия: *Против* ***Российскаго Героя*** */ Кто может ополчиться в бой? / Свидетели тому соседы, / Какия* ***делали победы*** */ Россияне против врагов; / Свидетели злодеи сами, /* ***Которы побежденны нами****, / 100 Которы нам сплетали ков.* Непосредственно сам Петр I, его *Престол*, а также *Племя* фигурируют в следующей строфе: ***ПЕТРОВ Престол*** *недвижим будет, / <...> /* ***ПЕТРА Россия не забудет****, / <...> / Что Бог хранит* ***ПЕТРОВО Племя****, / <...> / Тебя залогом, ПАВЕЛ, зрим; / <...> / 110 Равняйся с* ***Прадедом Своим***. Наконец, в завершающем оду традиционном финальном обращении к Богу Богданович просит у Всевышнего прежде всего актуального подтверждения выстроенной им в тексте исторической параллели: *Исполнь желанье наше, Боже, / В Российскоим новом Ты Царе, /* ***Чтоб мы и в Третьем зрели тоже, /*** *114* ***Что в Первом видели ПЕТРЕ.***

Используемые Богдановичем способы риторического уподобления одического образа Петра Феодоровича образу его деда многочисленны и разнообразны. Однако, при кажущейся вариативности все они довольно легко могут быть разделены на два типа. К первой группе риторических средств мы отнесем не уникальные, а более или менее традиционные методы и приемы мифологизации образа Петра Феодоровича, которые уже не раз встречались нам в более ранних панегирических текстах. К образам и мотивам этой группы относятся: 1) описание воскресения и очередного телесного воплощения Петра I в Петре Феодоровиче; 2) акцент на наличии родственных связей между двумя Петрами; 3) подчеркивание тезоименности деда и внука; 4) семантизация тождественности имен супруг двух императоров; 5) проецирование на Петра Феодоровича психологических качеств и функций, являвшихся в свое время фирменными паттернами личной мифологии Петра Великого, в частности, трудолюбия, а также покровительства наукам и искусствам.

Ко второй группе риторических средств, используемых Богдановичем для уподобления одического образа Петра Феодоровича образу его деда, относится описание картины будущей коронации Петра Феодоровича. В этом случае Богданович смело ступает на совершенно

неизвестную, не то, чтобы не разработанную, но ни разу даже мимоходом не затронутую ранее в личной мифологии новоявленного императора территорию смыслов. Поэт приводит следующее описание будущей коронации*: Царей Российских град Престольной / Не может радости вместить, / Вещает: "Силы нет довольной / Во мне, сие изобразить, / С каким весельем я на Троне / **Опять ПЕТРА узрю в Короне**, / Опять владеющаго мной." / Коль будет та велика радость, / Когда теперь вкушает сладость / 50 Москва одною вестью той! // Приди для нашего покрова, / МОНАРХ, во град, что ждет Тебя / Исполнен имени ПЕТРОВА; / Приди, и покажи Себя / **В блистании Твоей порфиры**, / Что мы с ПЕТРОМ не будем сиры, / Что Твой врагам ужасен гром; / Снабди нас щастьем совершенным, / И будь нам Матери лишенным / 60 Отцем, Великим будь ПЕТРОМ.*

Рассмотрим подробнее, каким именно образом Богданович решает столь непохожие друг на друга в своей исключительной затертости, с одной стороны, и ультра-новой оригинальности, с другой, риторические задачи. В первом случае нас будет интересовать его стиль работы с предшествующими источниками: что и у кого он заимствует? каким именно образом поэт инкорпорирует заимствованные элементы в свой текст? а также: какова иерархия источников и подтекстов, обнаруженных нами в рассматриваемой оде 1762 года? Во втором случае мы постараемся ответить на вопрос о том, каково место приведенного нами выше пассажа про коронацию в общей структуре создаваемого Богдановичем образа Петра Феодоровича? почему юный студент Московского университета счел нужным упомянуть об этом, абсолютно игнорируемом всеми остальными авторами, обстоятельстве в своем панегирике?

Вторичная оригинальность или специфика работы Богдановича с литературными источниками

Если и не в каждой строчке, то по крайней мере в каждой строфе оды Богдановича отчетливо чувствуется напряженная работа, направленная юным поэтом на активное и творческое освоение предшествующих литературных источников. Подавляющее большинство риторических приемов, выполняющих функцию установления связи между образами Петра Феодоровича и Петра I в его оде, заимствуется Богдановичем непосредственно из панегирических текстов его немногочисленных старших современников.

Например, первоочередной “петровской” функцией Петра Феодоровича Богданович называет *покровительство наукам*. Именно *процветание наук* позиционируется Богдановичем в качестве стратегической сверх-задачи, которую молодой император начинает преследовать сразу же после *принятия скипетра*: *Прими, МОНАРХ, Твой скипетр в руки / Твои народы им пасти, / Дабы цветущия Науки / Могли сугубо процвести; / Мы паки будем в щастьи новом, / Когда Ты будешь им*

покровом, / Как был Великий ПЕТР, Твой Дед, / Пример и удивленье света... Теснейшая связь Богдановича с Московским Университетом (в котором он учится, работает, из типографии которого выходит его ода, в доме фактического директора которого он, в конце концов, живет) в полной мере объясняет, почему именно августейшее покровительство *цветущим наукам* становится в его тексте приоритетной, прежде всего подлежащей воспроизведению со стороны нового императора, характеристикой царствования Петра I. При этом, как мы помним, мотив *покровительства наукам,* осуществляемого Петром Феодоровичем в подражание своему деду, уже встречался нам ранее в финальной строфе январской оды Хераскова: *А вы щастливыя науки! / Имеете уже покров; / Петровы вас прияли руки, / Теперь приемлет Дух Петров. / Наместник дел Его владеет!* Кроме общей для обоих отрывков рифмы *руки – науки*, нельзя не заметить множественных микро-пересечений между двумя фрагментами на уровне лексики: ***щастливыя науки*** (Херасков) – *цветущия* ***науки***, ***в щастьи*** *новом* (Богданович); *имеете уже* ***покров*** (Херасков) – *ты будешь им* ***покровом*** (Богданович); *Петровы вас* ***прияли руки*** (Херасков) – ***прими****, монарх, твой скипетр в* ***руки*** (Богданович). Т.е. в начале своей оды Богданович как бы подхватывает последний аккорд оды Хераскова, кладя именно его текст в основу собственной разветвленной системы идеологической аргументации, разворачиваемой далее в его панегирике.

Нельзя, однако, не заметить, что тесная соотнесенность текстов Хераскова и Богдановича на лексическом уровне лишь еще отчетливее подчеркивает полную риторическую самостоятельность последнего. Так, с одной стороны, мы видим, что Богданович заимствует у Хераскова и саму тему (Петр I – покровитель наук, Петр Феодорович – достойный преемник деда на этом поприще), и львиную долю элементов ее лексического оформления. Однако, с другой стороны, молодой поэт находит своеобразный способ творчески переосмыслить заимствованную идею и таким образом перекомбинировать выражающие ее в тексте Хераскова риторические элементы, что в его исполнении все это трансформируется во вполне оригинальный – хоть и не лишенный некоторых стилистических шероховатостей[175] – текст, в котором невозможно зарегистрировать ни одной полноценной цитаты из, несомненно крайне важной для него, январской оды его учителя и наставника.

Вторым выдающимся качеством, присущим, по мнению Богдановича, как Петру I, так и его внуку, становится ярко выраженная *способность императора к труду.* С разработки именно этой темы начинается 4-ая строфа: *Лишь только Ты Престол приемлешь, / Приятный*

[175] См., например, излишне настойчивое повторение относящегося к Петру Феодоровичу притяжательного местоимения: ***Твой*** *скипетр,* ***Твои*** *народы,* ***Твой*** *Дед*, а также непростительно тавтологический анонс будущего *сугубого* ***процветания*** и без того уже ***цветущих*** *наук.*

*слух несется в свет: / **Ты все труды для нас подъемлешь**, / 34 **Великий ПЕТР в Тебе живет***. К 1762 году мифологический образ Петра I в качестве *труженика* на троне был уже, без сомнения, создан, однако, все еще не был в полной мере канонизирован в русской литературе. Ключевые для развития этого образа тексты (такие, как стихотворение *Вельможа* (1794) Г.Р. Державина[176], *Стансы* (1826) А.С. Пушкина[177]) будут созданы гораздо позднее. Однако, ко времени написания оды Богдановича уже существовал стихотворный прецедент именно такого рода описания первого русского императора. Так, в первых строках *Первой песни* своей неоконченной героической поэмы *Петр Великий*, впервые вышедшей – что немаловажно – отдельным изданием в декабре 1760 г., Ломоносов пишет: *И полон ревности спешит в восторге дух / Петра Великаго гласить вселенной в слух / И показать, как Он превыше человека / **Понес труды для нас**, неслыханны от века* [VIII: 699]. Как и в случае с заимствованием темы и слов из оды Хераскова, лексические пересечения поэмы Ломоносова и оды Богдановича заметны, но при этом минимальны: *слух*, *Великий Петр*, *труды для нас*. Однако, ряд внеположенных тексту Ломоносова обстоятельств (сравнительно недавняя публикация его героической поэмы, ее огромный – двойной – тираж и, что особенно важно, быстрый и громкий успех у современной читающей публики (об этом см. [VIII: 1128]) не дают нам возможности записать зарегистрированные пересечения по части случайных совпадений. Сам Богданович никогда не скрывал своего восторженно-почтительного отношения к творчеству Ломоносова. В уже цитированной нами выше – чрезвычайно краткой – *Автобиографии*, умолчав о многих важных событиях своей жизни и творчества, Богданович тем не менее счел необходимым сообщить о себе следующее: «[и]з детства любил чтение книг, рисование, музыку и стихотворство, к которому особливо получил вкус **чтением *Стихотворных сочинений* Михаила Васильевича Ломоносова**» [Богданович 1853: 183][178]. Итак, при описании Петра Феодоровича в качестве *царя-труженика*, вслед деду демонстрирующего благородное желание *подъять труды* на благо своих подданных, Богданович скорее

---

[176] *Оставя скипетр, трон, чертог, / Быв странником, в пыли и в поте, / Великий Петр, как некий бог, / **Блистал величеством в работе:** / Почтен и в рубище герой!* [Державин: 212-213].

[177] *То академик, то герой, / То мореплаватель, то плотник, / Он <Петр I – М.К.> всеобъемлющей душой / **На троне вечный был работник*** [Пушкин, II: 157].

[178] Не стесненный жанровыми рамками краткой автобиографии Н.М. Карамзин в уже цитированной нами выше статье *О Богдановиче и его сочинениях* так описал отношение молодого Богдановича к классику российской поэзии: «В 1754 году отвезли его в Москву и определили в Юстиц-коллегию юнкером. Президент ее, г. Желябужский <...> дозволил ему учиться в математической школе, бывшей тогда при сенатской конторе. <...> Богданович, утомленный арифметикою и геометриею, **отдыхал за творениями Ломоносова**, которого лира гремела и пленяла тогда россиян, еще не строгих судей в поэзии, но уже чувствительных к великим красотам ее» [Карамзин: 3].

всего держал в памяти вполне определенный пассаж из опубликованной двумя годами ранее *Первой песни* героической поэмы Ломоносова. При этом принцип его работы с чужим текстом остается неизменным: заимствуя и саму тему *царя-труженика*, и основные элементы ее лексического оформления у Ломоносова, Богданович тем не менее уникальным образом переосмысляет и переформулирует исходный текст, в результате чего следы условного оригинала оказываются практически полностью стерты из оды.

Обратим внимание еще на один характерный пример, ярко иллюстрирующий основной способ работы Богдановича с предшествующим литературным материалом. В 8-й строфе его оды мы встречаем относительно развернутое описание внутренней политики, проводимой Петром I во время его царствования и post factum осмысляемой Богдановичем в качестве идеала внутренней жизни российского государства; идеала, к которому внук Петра должен, по мысли поэта, стараться приблизиться в период своего правления: *Мы паче в щастливой судьбине, / Когда владеет нами ПЕТР; / Он так, как Дед Его владеет, / Богатой беднаго не смеет / Теснить за Правду на Суде: / За службы Милости даются, / Слезами сироты не льются, / 80 И правосудие везде.*

Развернутое описание идеального монархического правления неоднократно фигурировало в русских одах до 1762 года. С одной стороны, его одические описания отличаются высокой степенью образно-мотивного единообразия и, как правило, характеризуются четкой композиционной отграниченностью от основного текста оды. Распознать и вычленить их в каждом отдельно взятом тексте исключительно легко. Однако, с другой стороны, все эти описания достаточно вариативны внутри своей группы и не все они следуют образно-мотивному паттерну, наблюдаемому нами в оде Богдановича. Для нас в первую очередь представляют интерес те из них, в которых наиболее отчетливо выражены мотивы противостояния *богатого и бедного*, а также утираемых монархом *слез сирот*. Две разработки этой темы оказываются особенно мотивно близки приведенному нами выше описанию из оды Богдановича. Во-первых, это пассаж из оды Сумарокова 1755 года на день рождения Елисаветы Петровны: *Не слышны громы здесь Беллоны, / Не делают тревоги стоны, / **Нет** плача вдов и **бед сирот**. / Драгой довольствуяся частью, / Живя под милосердой властью, / 110 О, коль ты **щастлив,** Россов род!* [Сумароков 1957: 65]. И, во-вторых, конечно, перенасыщенные ветхозаветными аллюзиями строфы из оды Ломоносова 1757 года, посвященной, как и ода Сумарокова, очередному дню рождения Елисаветы Петровны (и рождению великой княгини Анны Петровны): *Божественный певец Давид / Священными шумит струнами, / И Бога полными устами / 120 Исайя восхищен гремит. // «Храните праведны заслуги / **И милуйте сирот и вдов**, / Сердцам нелживым будьте други / И **бедным** истинный покров, / 125 Присягу сохраняйте верно, / Приязнь к другам нелицемерно, / Отверзите просящим дверь, / Давайте страждущим*

отраду, / Трудам законную награду, / 130 Взирайте на Петрову Дщерь ....» [VIII: 636-637].

Ода Ломоносова 1757 года важна для нас не столько в качестве прямого претекста оды Богдановича, сколько в качестве поэтического свидетельства, в котором с редкой авторской прямотой указаны основные первоисточники лексики и фразеологии, используемой при описании идеального состояния Российской Империи в оде Богдановича. Вполне ожидаемо, риторический арсенал для описания эталонного царствования заимствуется поэтами XVIII века из Ветхого Завета. В оде 1757 года Ломоносов прямо указывает, с одной стороны, на Псалтирь (*Божественный певец Давид / Священными шумит струнами*) и, с другой стороны, на книгу пророка Исайи (*И Бога полными устами / Исайя восхищен гремит*). Попробуем точно реконструировать актуальные стихи тех библейских источников, к которым отсылает нас Ломоносов.

С достаточной долей вероятности можно утверждать, что отсылка к Псалтири подразумевает цитату из знаменитого 81-го Псалма:

> **1 Бг҃ъ** ста̀ въ со́нмѣ богѡ́въ, посредѣ́ же бо́ги разсꙋ́дитъ. **2 Доко́лѣ сꙋ́дите непра́вдꙋ**, и҆ ли́ца грѣ́шникѡвъ прїе́млете; **3 Сꙋди́те си́рꙋ** и҆ ᲂу҆бо́гꙋ, смире́на и҆ **ни́ща ѡ҆правда́йте: 4 и҆зми́те ни́ща** и҆ ᲂу҆бо́га <...> [Пс: 81, 1-4].

Вторым своим источником Ломоносов называет книгу пророка Исайи:

> **17 Наꙋчи́тесѧ** добро̀ твори́ти, взыщи́те **сꙋда̀**, и҆зба́вите ѡ҆би́димаго, **сꙋди́те си́рꙋ** и҆ ѡ҆правди́те вдови́цꙋ, **18** и҆ прїиди́те, и҆ и҆стѧ́жимсѧ, гл҃етъ гдⷭ҇ь. <...> **21 Ка́кѡ** бы́сть блꙋдни́ца гра́дъ вѣ́рный сїѡ́нъ по́лнъ сꙋда̀; въ не́мже **пра́вда почива́ше**, нн҃ѣ же (въ не́мъ) ᲂу҆бі̑йцы. <...> **23 Кнѧ̑зи** твоѝ не покарѧ́ютсѧ, ѻ҆́бщницы тате́мъ, лю́бѧще да́ры, гонѧ́ще воздаѧ́нїе, **си̑рымъ не сꙋдѧ́щїи** и҆ **сꙋдꙋ̀** вдови́цъ не внима́ющїи [Ис: 1, 17-23].

Приведем и еще один ветхозаветный источник, не обозначенный прямо в оде Ломоносова 1757 года, однако, потенциально важный для зарегистрированного нами описания идеального царствования в оде Богдановича:

> **3** сїѧ̑ гл҃етъ гдⷭ҇ь: **твори́те сꙋ́дъ и҆ пра́вдꙋ**, и҆ и҆зба́вите си́лою ᲂу҆гнете́на ѿ рꙋкꙋ̀ ѡ҆би́дѧщагѡ и҆̀, и҆ прише́лца **и҆ си́ра и҆ вдови́цы не ѡ҆скорблѧ́йте**, не ᲂу҆гнета́йте **беззако́ннѡ**, и҆ кро́ве непови́нныѧ не и҆злива́йте на мѣ́стѣ се́мъ [Иер: 22, 1-3].

Довольно много мотивов из всех трех ветхозаветных текстов повторяются в оде Богдановича: 1) **ни́ща** ѡ҆правда́йте, **и҆зми́те ни́ща** и҆ ᲂу҆бо́га, и҆з̾ рꙋкѝ

грѣ́шничи и҆зба́вите є҆го̀ (81-ый псалом); взыщи́те **сꙋда̀**, и҆зба́вите ѡ҆би́димаго, гра́дъ вѣ́рный сї́ѡнъ <...> въ не́мже **пра́вда почива́ше** (видение Исаии); твори́те **сꙋ́дъ и҆ пра́вдꙋ**, и҆зба́вите си́лою оу҆гнете́на ѿ рꙋкѝ ѡ҆би́дѧщагѡ (пророчество об Иерусалиме Иеремии) – *Богатой* ***беднаго*** *не смеет / Теснить за* ***Правду на Суде*** (Богданович); 2) **Сꙋди́те си́рꙋ** и҆ оу҆бо́гꙋ (81-ый псалом); **сꙋди́те си́рꙋ, сирымъ не сꙋдѧ́щїи** (видение Исаии); **си́ра и҆ вдови́цы не ѡ҆скорблѧ́йте** (пророчество об Иерусалиме Иеремии) – *Слезами* ***сироты*** *не льются*; 3) **Доко́лѣ сꙋ́дите непра́вдꙋ** (81-ый псалом); взыщи́те **сꙋда̀** (видение Исаии); твори́те **сꙋ́дъ и҆ пра́вдꙋ,** не оу҆гнета́йте **беззако́ннѡ** (пророчество об Иерусалиме Иеремии) – *И* ***правосудие*** *везде*. Все эти примеры довольно отчетливо демонстрируют, с одной стороны, сильную мотивную соотнесенность текста Богдановича с ветхозаветными источниками, а, с другой стороны, как и во всех предыдущих проанализированных нами случаях, относительно низкий уровень точных лексических пересечений его оды 1762 года с этим ресурсом.

Зато с другим важным для Богдановича претекстом ситуация оказывается прямо противоположной: при довольно существенных лексических пересечения мы наблюдаем значительные отличия двух текстов на мотивно-тематическом уровне. Мы имеем в виду уже цитированную нами выше оду Хераскова на восшествие Петра Феодоровича. Также как и в случае с идеей *покровительства наукам* со стороны императора, существенные моменты в описании идеального правления Богданович вновь заимствует из произведения своего наставника: *Он* ***правде*** *будет предводитель, / И* ***место даст ей на суде:*** */ Монарх рабов своих любитель / Разпространит ее* ***везде****. / Держава та подобна саду / Обильну, сладка, винограду, / Где* ***истина в суде*** *цветет. / Себя Великий ПЕТР тем славит, / И третий ПЕТР ее возставит, / 130 Подобно как Елисавет. // Блажите* ***щастливу судьбину*** */ Вы дети,* ***сиры*** *и вдовы, / И Матерью Екатерину / Имейте безсомненно вы* [Херасков 1762]. Итак, при описании идеального правления, изначально атрибутируемого Богдановичем Петру I, поэт, с одной стороны, ориентируется на более ранние русские оды, в которых к 1762 году постепенно складывается традиция подобных описаний. С другой стороны, в высшей степени идеализируя правления обоих Петров, молодой человек несомненно прямо пользуется ветхозаветными текстами (так отчетливо проиндексированными в оде Ломоносова 1757 года), эффективно используя библейские мотивы для поэтической мифологизации будущего правления Петра Феодоровича. При этом и в тематическом (тема *правды на*

суде и *повсеместного правосудия*), и в лексическом отношении описание Богдановича коррелирует с пассажем из январской оды Хераскова 1762 года. Опираясь одновременно на несколько источников, заимствуя из каждого необходимые ему риторические элементы, а также непременно добавляя от себя что-то совершенно оригинальное (как, например, мотив обмена монаршей *милости* на *службы*[179]) Богданович в итоге создает интересный и яркий пассаж.

Наконец, в финале оды очередным элементом всеобъемлющего сопоставления двух императоров становится образ Екатерины Алексеевны. В последней строфе оды Богдановича на восшествие Петра Феодоровича мы читаем: *Исполнь желанье наше, Боже, / В Российскоим новом Ты Царе, / Чтоб мы и в Третьем зрели тоже, / Что в Первом видели ПЕТРЕ; / **Чтоб нам дела ЕКАТЕРИНЫ, / Для нашей щастливой судьбины, / 117 Узреть в ЕКАТЕРИНЕ Сей***. Обратим внимание на избыток глаголов зрения в процитированных выше строках: *в Третьем **зрели** тоже, в Первом **видели**, **узреть** в ЕКАТЕРИНЕ.* Ранее (при анализе од Ломоносова и Сумарокова) мы уже сталкивались с подобного рода феноменом пристального "разглядывания" Петра Феодоровича и высматривания в нем – просвечивающих сквозь внутреннюю пустоту его образа – знакомых черт разнообразных значимых исторических персонажей. Как мы помним, у Ломоносова это имело следующую форму: *Ты <Елисавета – М.К.> паки **зриш любезну Анну**, / В лице Петровом свыше данну. / Ты **зришь Великаго Петра**, / Как феникса рожденна снова* (1742, Ода на прибытие из Голстинии и на день рождения Петра Феодоровича). Сумароков, в свою очередь, сформулировал типологически схожу мысль несколько иначе: *Зря жизни ТВОЕЯ* <Елисаветы – *М.К.*> *конец, / **Мы видим** паки ТВОЙ венец, / 8 ТВОЮ щедроту на престоле* (1762, Ода на восшествие Петра Феодоровича).

Во-первых, отметим, что в чисто лексическом отношении формулировки Богдановича *мы зрели, мы видели* больше похожи на сумароковскую формулу *мы видим*, чем на дважды повторенное ломоносовское *ты зришь*. Во-вторых, нельзя не обратить внимания на то, что в семантическом наполнении своего прозрения, т.е. в том, кого именно поэт видит в Петре Феодоровиче, Богданович следует скорее за

[179] Практически все мотивы из описания идеального царствования из оды Богдановича имеют свое соответствие в ветхозаветных источниках. Исключение составляет лишь довольно необычный, совершенно небиблейский, мотив обретения *милости* в обмен на *службы*. В Библии милость Бога присутствует просто так, это некоторая постоянная данность: «1 *Славьте Господа, ибо Он благ, ибо **вовек милость Его**. 2 Славьте Бога богов, ибо **вовек милость Его**. 3 Славьте Господа господствующих, ибо **вовек милость Его*** <...>» и проч. [Псалом 135]. При этом нам не удалось найти источник мотива *обмена милости на службы* в более ранних русских одах.

Ломоносовым, чем за Сумароковым. Именно в оде Ломоносова 1742 года автор регистрирует узнавание Елисаветой в своем племяннике не только черт своей сестры (матери Петра Феодоровича), но также и то, что императрица *узрела* в молодом человеке и их общего с Анной Петровной отца (Петра I). Как мы помним, именно нового Петра I Богданович на протяжении всей оды видит в его внуке. В-третьих, примечательно, что и у Ломоносова, и у Сумарокова объектом поэтического "разглядывания" становится только непосредственно сам Петр Феодорович. В свою очередь, в финале своей оды Богданович как бы расширяет поле своего одического зрения и "разглядывает" на предмет "проницаемости" не только Петра III, но и его супругу. Проекция Екатерины Алексеевны на Екатерину I тесно впаяна в оде Богдановича в очередное сравнение Петра Феодоровича с Петром I. Историческая мифологизация супруги императора становится элементом его личной – петровской – мифологии.

Выше мы уже описали подобный процесс на примере оды Хераскова. Богданович в полной мере следует традиции поэтического изображения Екатерины Алексеевны как Екатерины I, которая, как мы помним, хоть и не была создана с нуля, но, однако, была талантливо актуализирована в 1762 году в оде его влиятельного наставника. Однако, при очевидном сходстве, существенное отличие образа Екатерины Алексеевны в оде Богдановича от изображения императрицы в оде Хераскова заключается в том минимальном внимании, которое он на нее обращает, и в крайне вспомогательной и служебной функции, которой он наделяет ее образ в своем тексте. В оде Богдановича наличие жены Екатерины – это лишь не очень значительный (однако, все же стоящий упоминания!) элемент, лишний раз доказывающий равенство Петра III Петру I.

Коронация Петра Феодоровича как зеркало коронации Петра I: история одной литературной ошибки

Наиболее оригинальное раскрытие темы восшествия Петра Феодоровича на престол Богданович предлагает в 5-ой и 6-ой строфах. Продолжая добросовестно разрабатывать все ту же, заявленную еще в 1-ой строфе, идею *Петр III как Петр I*, Богданович смело заводит разговор о скорой коронации нового императора: *Царей Российских град Престольной / Не может радости вместить, / Вещает: "Силы нет довольной / Во мне, сие изобразить, / С каким весельем я* ***на Троне / Опять ПЕТРА узрю в Короне****, / 47 Опять владеющаго мной."* <...> // *Приди для нашего покрова, / МОНАРХ, во град, что ждет Тебя / Исполнен имени ПЕТРОВА; / Приди, и покажи Себя /* ***В блистании Твоей порфиры****, / Что мы с ПЕТРОМ не будем сиры, / Что Твой врагам ужасен гром; / Снабди нас щастьем совершенным, / И будь нам Матери лишенным / 60* ***Отцем, Великим будь ПЕТРОМ***. Богданович обогащает одический словарь развития темы *возобновления* петровской власти в России неоднократно повторенным им местоимением *опять*. Именно при помощи этой лексемы *исполненая имени Петрова*

Москва сообщает читателям о радостных воспоминаниях, связанных у нее (как у *Престольного Града*) с коронацией Петра I: *С каким весельем я на Троне* / ***Опять*** *ПЕТРА узрю в Короне* / ***Опять*** *владеющаго мной*. Обратим особое внимание на упоминание Богдановичем *трона*, *короны* и, далее, *порфиры* как непременных атрибутов обряда коронации обоих Петров. По замыслу молодого одописца, коронация Петра Феодоровича, предположительно станущая копией обряда, совершенного в свое время в Москве над его великим дедом, должна была оказаться последним этапом на пути окончательного обретения новым императором титула *Великий* (***Великим*** *будь ПЕТРОМ*), а также статуса *отца* своих подданных (*И будь нам Матери лишенным* / ***Отцем***). В этом контексте нам важно напомнить, каким именно образом на самом деле происходила коронация Петра I, о которой упоминает в своей оде Богданович.

Венчание Петра I на царство в 1682 году стало последней церемонией подобного рода, совершенной когда-либо над русскими царями. В реальности обряд венчания на царство будущего первого российского императора, а тогда просто 10-летнего мальчика, обладавшего не совсем бесспорными правами на российский престол, очень мало напоминал приведенное в оде Богдановича благостное описание. И идеологическая подоплека, и конкретные исторические декорации этой церемонии сильно отличались от того, как представлял их себе 80 лет спустя талантливый, но все еще очень молодой, студент Московского Университета.

Во-первых, непосредственному венчанию Петра Алексеевича на царство сопутствовали весьма острые и драматические исторические обстоятельства: неудачная попытка Нарышкиных провозгласить Петра единоличным правителем; спровоцированный Милославскими кровавый бунт стрельцов, требовавших по крайней мере совместного правления двух братьев недавно умершего царя Федора Алексеевича; экстренное, подготовленное в спешке и неспокойстве, венчание на царство малолетнего Петра и больного Ивана[180]; последовавшее за этим многолетнее регентство царевны Софьи и одновременная опала, фактически ссылка, будущего императора и его матери в Преображенском. Все эти исторические реалии довольно сложным образом соотносятся с *радостными* (*коль будет та велика* ***радость***) и *сладостными* (*теперь вкушает* ***сладость*** *Москва*)

[180] Ср., например: «После его <Феодора Алексеевича – *М.К.*> смерти произошло замешательство в преемстве престола. Патриарх Иоаким, высшее духовенство и бояре хотели утвердить на престоле младшаго царевича Петра Алексеевича вместо старшаго Иоанна, слабого телом и духом. <...> Патриарх <...> благословил на царство Петра.
Но младшему царевичу пришлось поцарствовать одному не более месяца, вследствие новаго стрелецкаго бунта. 23 мая князь Хованский донес царевнам, что послали выборных и хотят, чтобы царствовали оба брата вместе, в противном случае грозят опять прийти с оружием. <...> В заключение решено было обоим братьям быть на престоле» [Белозерская: 38-39].

переживаниями, якобы сопровождавшими коронацию Петра I в поэтическом переложении юного Богдановича.

Отметим, что эмоциональная и идеологическая амбивалентность, на самом деле сопутствовавшая принятию Петром I скипетра и державы, является важным, однако, отнюдь не ключевым отличием реальной церемонии венчания на царство от того описания этого обряда, которое мы встречаем в рассматриваемом нами одическом тексте. Второй существенной несостыковкой художественного вымысла Богдановича с условной исторической правдой следует считать конкретную характеристику тех царских регалий, обретение и принятие которых, собственно, и составляло символический смысл всей церемонии венчания на царство. По мысли Богдановича, по пришествии в Москву Петр Феодорович, последуя своему деду, должен был воссесть на *Трон*, облачиться в *порфиру* и принять *Корону*. И все эти элементы вместе, и каждый из них по отдельности существенно противоречат тому чину венчания на царство, в соответствии с которым в 1682 году патриарх Иоаким провел двойную церемонию в Успенском Соборе Московского Кремля. Вот как описывает внешние атрибуты венчания на царство Петра и Ивана Н. Белозерская:

> <...> для совместного венчания двух царей, назначеннаго 25 мая, понадобились двойныя царския регалии, и «для царя Петра все сделано вновь и так искусно, что древнее от новаго едва различить можно было; и сделаны также широкия кресла, на два разгороженныя, по древнему обычаю[181]».
> Венчание царей Иоанна и Петра было до малейших подробностей точным повторением венчальнаго обряда, совершеннаго над Феодором Алексеевичем. <...> На обоих братьях в этот день был одинаковый наряд: кафтаны золотные с кружевом и шапки с дорогими запонами [Белозерская: 39].

В частности, вот как выглядела *корона*, которая была возложена в ходе церемонии на голову малолетнего монарха:

> Шапка Мономаха второго наряда. Венец был изготовлен в кремлевских мастерских к венчанию в 1682 году на царство двух малолетних сыновей Алексея Михайловича Ивана и Петра Алексеевичей. Создатели постарались, насколько возможно, уподобить ее старинному оригиналу. <...> Однако есть определенные отличия в художественном оформлении венцов <...>. Вся поверхность древнего венца украшена тонким филигранным узором, благодаря чему он приобретает изысканно нарядный вид. Золотые пластины нового венца оставлены гладкими.

[181] Ср. в этом контексте описание двойного трона Петра и Ивана экспертами собрания Музеев Московского Кремля: «Серебряный, позолоченный трон изготовлен в кремлевских производственных мастерских в 80-х годах XVII века для двух братьев-соправителей Ивана и Петра Алексеевичей. Трон двойной, своей конструкцией вызывает ассоциации с архитектурным сооружением. <...> Вместе со спинкой они <две боковые стенки – *М.К.*> образуют за троном небольшое, закрытое с трех сторон пространство, выполнявшее роль потайного места, предназначенного для того лица из окружения малолетних царей, кто помогал им, а то и просто руководил ими во время официальных церемоний. Необходимые наставления и советы передавались через оконце, прорезанное в спинке и драпировавшееся бархатом» [Трон].

> <...> Во время торжественного венчания царевичей на старшего Ивана Алексеевича была возложена древняя Шапка Мономаха, на младшего Петра Алексеевича - специально сделанная по этому поводу [Шапка Мономаха].

Кроме очень специфически оформленного *трона* и специально изготовленного для Петра I *венца* список остальных символов власти, принятых царем в ходе обряда венчания на царство в 1682 году, был бесконечно далек от того, что упоминает в своей оде Богданович. Как отмечают все те же музейные специалисты Кремля, в соответствии со сложившейся к началу XVII века русско-византийской традицией «в состав регалий, вручавшихся царю <в ходе обряда венчания на царство – *М.К.*>, входили: крест, золотая цепь, бармы и шапка Мономаха, скипетр и держава» [Венчание на царство][182]. Как мы видим, ни *корона*, ни *порфира* – атрибуты, сопровождающие псевдо-петровскую коронацию Петра Феодоровича в одическом тексте 1762 года – в этом списке решительно не фигурируют.

Неизбежно возникает вопрос: что именно имел в виду Богданович в своем тексте? чем обусловлены подобного рода грубые неточности и бросающиеся в глаза несостыковки с реальными историческими обстоятельствами в его художественном описании? Ответ на эти вопросы оказывается довольно прост, если мы обратим внимание на тот титул и статус, которые, по мысли Богдановича, должен был принять Петр Феодорович в результате своей будущей московской коронации: *Великий* и *отец*. Оба эти определения совершенно однозначно отсылают нас вовсе не к моменту венчания Петра I на царство, а к более поздней церемонии принятия им титула *императора* и *Отца Отечества*; церемонии, придавшей начальный импульс и обеспечившей первый приблизительный образец для всех последующих обрядов коронации будущих российских императоров и императриц.

Церемония принятия дедом Петра Феодоровича нового титула состоялась 22 октября 1721 года. Она была приурочена к и являлась кульминацией многомесячных торжеств, посвященных заключению Ништадтского мира 30 августа 1721 года. Непосредственное принятие Петром I нового титула не имело ровным счетом никакого отношения к Москве. Оригинальная церемония поднесения российскому монарху титула *императора* проходила в центральном Свято-Троицком соборе в Санкт-Петербурге, единственном городе в России, по всем параметрам и в полной мере соответствовавшим послевоенным имперским амбициям страны-победительницы. Как сообщает О.Г. Агеева, принятие Петром I нового титула, в корне менявшим и его личный статус, и официальное положение страны на международной арене, происходило следующим образом:

[182] Это утверждение современных исследователей в полной мере соответствует подробному описанию обряда венчания на царство Феодора Алексеевича, по образцу которого, как мы знаем, происходило венчание на царство Петра и Ивана в 1682 году [ПСЗРИ, II: 55-57].

> О многом говорит и избранная Синодом и Сенатом форма поднесения титула. Его церемониал <...> состоял, во-первых, в публичном чтении в церкви текста обращения к царю от имени «всех чинов» государства, при этом сенаторы и члены Синода «предстояли» перед монархом. Во-вторых, в краткой ответной речи царя. И хотя Петр ни в одном из ее пунктов не упоминал о титуле – он говорил о заключенном мире, о «неослаблении» в воинском деле и труде на «пользу и прибыток общий», все же речь символизировала согласие принять «подношение» подданных. В-третьих, церемониальный характер носили коллективные трехкратные возгласы «Виват, виват, виват **Петр Великий, Отец Отечества**, Император Всероссийский!» [Агеева 1999].

Нельзя не обратить внимания на то, что в 1721 году, при принятии Петром I нового титула и статуса, не были использованы ни *трон*, ни *корона*, ни *мантия*[183]. Однако, в 1724 году все эти новые, ориентированные одновременно и на древнеримскую, и на современную Петру I западную традицию атрибуты царской власти возникают как в придворном обиходе, так и в более широком пространстве русской культуры при коронации Екатерины I, происходившей уже не в Санкт-Петербурге, а, напротив, в Москве:

> Ориентация на европейскую традицию привела к тому, что на коронации Екатерины впервые для венчаний на российский престол были приняты новые имперские инсигнии: **императорская, отличная от русских, корона**, **имперская мантия** (золотой штоф с орлами, подбитый горностаями)[184], дополнявшие европейское платье царицы; а также названный имперским скипетр с двуглавым орлом («которой издревле употреблен при короновании и помазании императоров Всероссийских») и глобус (держава) «такого фасона, как Глабер в своих историях о древних императорских глобусах упоминает. Дело же глобуса есть древнее римское...». Императорские регалии представлялись современникам исключительно важными: их специальное описание завершало печатную реляцию о короновании Екатерины I [Агеева 1999].

Таким образом, мы видим, что при описании ожидаемой коронации Петра Феодоровича в оде Богдановича 1762 года происходит любопытная контаминация мотивов, относящихся к трем разным событиям. С одной стороны, важными оказываются некоторые подробности реальной коронации Петра I в 1682 году (Богданович правильно указывает по крайней мере один нюанс: место действия – Москва). С другой стороны, свою роль играют обстоятельства, связанные с принятием Петром I титула *императора*, *Великого* и *Отца отечества* в 1721 году (именно эти титулы должны быть, по мысли Богдановича, окончательно присвоены Петру Феодоровичу после будущей коронации). С третьей стороны, в одическом

---

[183] Ср. также: «При имперской инвеституре Петра I чин коронования, включавший миропомазание, совершен не был. Следовательно, замена царского достоинства на имперское не предполагала по представлениям сподвижников царя наделения его новым духовным качеством, дополнительной святостью. Святость прежних русских царей не принижалась. Поднесение имперского титула Петру I стало единственным случаем светской имперской инвеституры в России» [Агеева 1999].

[184] Т.е. собственно говоря, *порфира*.

описании коронации двух Петров в оде Богдановича присутствует атрибутика (*корона, порфира*), впервые сопровождавшая коронацию Екатерины I в 1724 году, а затем вошедшая в традиционной церемониальный обиход помазания на царство всех последующих русских императоров и императриц.

Мы можем выдвинуть два равновероятных предположения.

С одной стороны, принимая во внимание тот образно-мотивный диссонанс, который мы обнаружили в описании будущей коронации Петра Феодоровича в оде Богдановича, вполне справедливо предположить, что 18-летний одописец не очень отчетливо представлял себе реальные исторические обстоятельства жизни и деятельности Петра I (в частности, поэт, возможно, не отдавал себе отчета в значительной как временной, так и географической разделенности в жизни монарха, во-первых, церемонии венчания на царство, и, во-вторых, принятия им титулов *Великий* и *Отец отечества*). С другой стороны, равновероятным и столь же справедливым будет предположение о том, что в фантастическом описании коронации Петра Феодоровича Богданович намеренно и сознательно смешал мотивы традиционной московской коронации и новаторской петровской церемонии принятия императорского титула, связанной с Санкт-Петербургом. У нас нет данных, позволивших бы отдать предпочтение первой (крайне нелестной для молодого поэта) или второй (выигрышной и предполагающей в нем наличие неординарного мышления) из высказанных выше гипотез. Уверенно мы можем сказать лишь одно: в по-юношески смелом описании будущей коронации Петра Феодоровича И.Ф. Богданович был абсолютно оригинален. Не опираясь на этот раз ни на какие поэтические претексты, он в полной мере проявил своеобразие своего поэтического таланта, обогатив личную мифологоию Петра Феодоровича новым, интересным и во многом уникальным элементом.

§4.3. Личная мифология Петра Феодоровича в июньской оде И.Ф. Богдановича

Место и статус июньской оды И.Ф. Богдановича в его последующем литературном творчестве

Январская ода на восшествие Петра Феодоровича не была единственным одическим текстом, адресованным Богдановичем вступившему на трон новому российскому императору. 30 июня 1762 года из типографии Московского Университета вышла вторая ода юного поэта. На этот раз ученик Хераскова решил посвятить свое стихотворное произведение дню тезоименитства Петра Феодоровича и его сына Павла Петровича [Богданович 1762 b]. Решение Богдановича выглядело вполне логичным: совместные именины императора и Великого Князя отмечались при дворе 29 июня, в день празднования российской православной церковью дня славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла, и представляли собой вполне адекватный повод для создания стихотворного панегирика.

Однако, в 1762 году история внесла серьезные коррективы в процедуру празднования тезоименитства действующего монарха и официального наследника престола. Буквально накануне дня именин Петра и Павла – 28 июня 1762 года – в России произошел очередной дворцовый переворот, во главе которого встала бывшая Ангальт-Цербстская принцесса София Фредерика Августа, к тому времени уже 17 лет являвшаяся законной супругой несчастливого российского императора. Екатерина Алексеевна приготовила своему мужу и сыну довольно своеобразный подарок на именины: на следующий день после совершенного под ее руководством переворота, именно в день своего православного тезоименитства – 29 июня – крайне напуганный и совершенно растерянный Петр Феодорович официально отрекся от престола (и впоследствие был убит заговорщиками в Ропшинском замке).

В результате июньского переворота политическая ситуация в стране кардинально переменилась. Уже 28 июня 1762 года был опубликован *Манифест* новой монархини, в котором Екатерина решительно объявляла о собственном восшествии на престол, а также прямо обвиняла свергнутого ею мужа в многочисленных неудачах в государственном управлении, граничивших, в ее изложении, с государственной изменой. В частности, среди претензий самозваной императрицы к ее законному предшественнику фигурировали: «потрясение и истреблении преданий церковных», попытка «перемены в России Православия и принятии иноверного закона», вероломное отдание «славы Российской самим её злодеям в совершенное порабощение», а также предательское желание ниспровержения «внутренних порядков, целость всего Нашего Отечества составляющих» [ПСЗРИ, XVI:1].

В последние дни июня 1762 года события в Санкт-Петербурге разворачивались с головокружительной быстротой. Администрация Московского Университета не имела решительно никакой возможности привести план выполнения печатных работ университетской типографии в соответствие с круто переменившимися требованиями политической конъюктуры. В результате, отданная в печать еще до трагических июньских событий ода Богдановича на тезоименитство – уже свергнутого к тому времени! – Петра Феодоровича вышла в свет буквально на следующий день после официального отречения законного императора от престола (29 июня Петр Феодорович официально отрекся, а 30 июня вышла из печати ода Богдановича).

После неожиданной публикации своей оды Петру Феодоровичу во вдруг за одну ночь ставшей екатерининской России юный Богданович оказался в крайне щекотливом положении. Однако, его влиятельный покровитель, вездесущий М.М. Херасков, в очередной раз вмешался в ситуацию и своевременно пришел на помощь своему незадачливому ученику:

> Ода на день «тезоименитства» Петра (июнь 1762) оказалась весьма несвоевременной в связи с переворотом 28 июня 1762. Чтобы исправить положение, Херасков определил Б<огдановича> в Комиссию о строении торжественных ворот, сооружавшихся к коронации Екатерины II, для которых Б<огданович> сочинил надписи [Кочеткова 1988].

Исправить положение удалось вполне; июньский инцидент не имел ровным счетом никакого негативного влияния на дальнейшую жизнь молодого автора несвоевременного стихотворного поздравления. Более того, быстро меняющаяся политическая обстановка в стране и неизбежно связанные с ее взрывным характером риски как для служебной, так и для литературной карьеры ни в коей мере не уменьшили, а скорее даже усугубили тягу 18-летнего Богдановича к сочинению од[185]. После восшествия на престол Екатерины Алексеевны, до конца 1762 года, Богданович сумел напечатать еще две оды собственного сочинения: на пришествие новой императрицы в Москву (сентябрь 1762) и посвященную ей же оду на новый 1763 год. Таким образом, автор, выступивший в январе 1762 года в качестве робкого дебютанта в одическом жанре, по итогам того же года неожиданно оказался одним из наиболее продуктивных российских одописцев[186].

---

[185] Тут нельзя не вспомнить начало одического творчества всю жизнь почитавшегося Богдановичем Ломоносова и две его первых оды Иоанну Антоновичу 1741 года. После восшествия на престол Елисаветы Петровны их наличие в творческом багаже Ломоносова поставило его в примерно такое же двусмысленное положение, что, впрочем, точно так же никак не повлияло ни на его дальнейшую карьеру, ни на желание сочинять оды впоследтвии.

[186] Больше торжественных од за этот год – 5 (!) – написал только Сумароков.

Post factum оды, написанные Богдановичем в первой (на восшествие и на тезоименитство Петра Феодоровича) и во второй (на пришествие в Москву Екатерины и на Новый 1763 год) половине 1762 года, получили совершенно разный, а, вернее сказать, диаметрально противоположный статус в его творческой биографии.

Оды, адресованные Екатерине Алексеевне, на долгое время стали своеобразной визитной карточкой Богдановича в одическом жанре. Особенно отчетливо процесс авторской "канонизации" одного текста мы можем наблюдать на примере оды Богдановича на Новый 1763 год. Спустя более десяти лет после ее написания, поэт с удовольствием (и с некоторыми переработками) поместил эту оду в своем авторском сборнике *Лира, или Собрании разных в стихах сочинений и переводов, некотораго Муз любителя* – одновременно и первом, и итоговом собрании сочинений, напечатанном в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук в 1773 году [Богданович 1773]. *Лира* подводила итог первому десятилетию активного литературного творчества Богдановича. Произведения, включенные в этот сборник, представляли собой наиболее удачные, тщательно подобранные и отредактированные автором, опыты в различных поэтических жанрах, среди которых, в частности, были: ода, поэма, стихи, песнь, эклога, элегия, эпиграмма, притча, духовная ода, нравоучительные басни и проч. Ода на Новый 1763 год является единственной торжественной одой во всем сборнике; она помещена на первом месте и открывает собой всю последующую коллекцию авторских chef-d'oeuvre'ов. И непосредственная позиция текста в сборнике, и, что более важно, сам выбор именно этого образца жанра для включения в итоговый сборник служат для нас яркими индикаторами авторской позиции, свидетельствующими о том, что Богданович очевидно позиционировал собственную оду на Новый 1763 год в качестве наиболее удачной – своего рода "эталонной" – версии разработки одического жанра в своем богатом уже к тому времени поэтическом портфолио.

Совсем иная литературная судьба постигла две оды Богдановича, написанные с января по июнь 1762 года и посвященные Петру III. Обе они – равно как и весь период жизни поэта, совпавший со временем царствования Петра Феодоровича, – еще долгое время после екатерининского переворота тщательно замалчивались и как бы просто не существовали в выходивших на протяжении XVIII и XIX веков описаниях жизни и творчества поэта. Так, например, сам Богданович, по вполне понятным причинам, старательно пытался забыть свои ранние одические экзерсисы. Симптоматично, что он вообще ничего не пишет о них в своей *Автобиографии*, целиком пропуская в ней весь период царствования Петра III [Богданович 1853: 184]. Примечательно, что и Н.М. Карамзин в своем уже гораздо более позднем, опубликованном вскоре после смерти Богдановича, первом относительно

подробном и развернутом жизнеописании поэта, поступает совершенно точно таким же образом:

> **В 1761 году** Богданович определен был в надзиратели над университетскими классами с чином офицера, а по восшествии на престол императрицы Екатерины II — в члены комиссии торжественных приготовлений и сочинял надписи для ворот триумфальных. **В 1763 году** <...> он вступил переводчиком в штат графа Петра Ивановича Панина <...> [Карамзин: 4]

Вовсе неудивительно, что при таком положении дел обе оды Богдановича Петру Феодоровичу никогда еще (насколько нам известно) не становились предметом специальной исследовательской рефлексии. При этом тщательный анализ обоих текстов представляется нам крайне необходимым. Кроме традиционной для нашей работы причины (реконструкции основных моментов одической репрезентации личной мифологии Петра Феодоровича), при разборе оды Богдановича, посвященной тезоименитству Петра Феодоровича, мы сталкиваемся с одним дополнительным, довольно необычным обстоятельством, крепко приковывающим наше самое пристальное внимание к этому тексту.

Более полувека назад, в 1957 году, в статье *И.Ф. Богданович* И.З. Серман вскользь отметил одну крайне интересную деталь:

> <...> в «Оде на новый... 1763 год» Богданович **почти буквально воспроизводит формулировки из своей оды Петру III**, развивая программу отказа от завоевательных войн и упорядочения жизни страны, программу первоочередных реформ: *Тобою добродетель блещет, / Обидимый не вострепещет / От сильных рук перед судом; / К тебе путь правда отверзает, / И лихоимство не дерзает, / Объято страхом и стыдом* [Серман: 18-19].

Формат вступительной статьи, предваряющей собрание *Стихотворений и поэм* Богдановича в Библиотеке поэта, очевидно не позволил И.З. Серману более подробно и широко развернуть своё тонкое наблюдение о тесной соотнесенности од молодого поэта, посвященных Петру Феодоровичу, с его же новогодней одой Екатерине Алексеевне. Исследователь ограничился лишь скупой констатацией того, что связь между этими текстами, написанными поэтом в течение одного года, однако посвященным разным – так сказать, “взаимоисключающим” друг друга – адресатам, несомненно существует. Отталкиваясь от замечания И.З. Сермана, сравним две оды Богдановича Петру Феодоровичу с двумя его же, написанными всего пару месяцев спустя, одами Екатерине Алексеевне 1762 года:

Ода Богдановича на восшествие Петра Феодоровича (январь 1762)	Оды Богдановича Екатерине II (сентябрь и декабрь 1762)
Царей Российских ***град*** *Престольной / **Не может радости вместить**, / **Вещает:** "Силы нет довольной / Во мне, сие изобразить, / С каким весельем я на* ***Троне*** */ Опять ПЕТРА* ***узрю в Короне***, */ 47 Опять владеющаго мной." <...> // Приди для нашего покрова, / МОНАРХ, во* ***град, что*** *ждет Тебя / Исполнен имени ПЕТРОВА; / Приди, и покажи Себя / В блистании* ***Твоей порфиры*** <...>	*Сей* ***град, что*** *прежде был во плаче, / ЕЯ* ***увидит*** *в славе паче, / Восшедшую на Дедов* ***Трон****, / Носящую* ***Его Порфиру****, / **Увидит** в Ней отраду миру, / 16* ***Увидит*** *в Ней, каков был Он. // <...>// Россия вниди в радость ону, / Что Скиптр приемлет и* ***Корону*** */ МОНАРХИНЯ твоя и Мать; / Но ты* ***веселья не вмещаешь****, / 175 И что устами не* ***вещаешь*** <...> (Ода на пришествие Екатерины в Москву)
Ликует ***Добродетель*** *ныне, / Коварну злость разносит ветр: / <...> / Богатой беднаго* ***не смеет*** */ Теснить за* ***Правду на Суде****: / За службы Милости даются, / **Слезами сироты не льются**, / 80 И правосудие везде.*	*Тобою* ***добродетель*** *блещет, / Обидимый не вострепещет / От сильных рук* ***перед судом****; / К тебе путь* ***правда*** *отверзает. / И лихоимство* ***не дерзает****, / Объято страхом и стыдом. / Вдова в отчаяньи не стонет, / **Не плачут бедны сироты*** <...> (Ода Екатерине на Новый 1763 год)
Против ***Российскаго Героя*** */ Кто может ополчиться в бой? / **Свидетели тому соседы, / Какия делали победы / Россияне против врагов; / Свидетели злодеи сами, / Которы побежденны нами,** / 100 Которы нам сплетали ков.*	***Свидетели тому соседы, / Коль славны чрез свои победы / Россияне, смиря врагов; / Свидетели те войски сами, / Которы, побежденны нами****, / Чтут мужество твоих полков / 67 Еще* ***герои русски*** *целы,* <...> (Ода Екатерине на Новый 1763 год)
Подай Обоим ***долги лета****: / Их век,* ***утехой будет света****, / 120 Их щастье,* ***щастьем всех*** *людей.*	*«**Продли** ее, о Боже, **лета**, / Продли до самых поздних дней; / Они **утехой будут света** / 120 И **счастьем всех** подвластных ей».* (Ода на пришествие Екатерины в Москву)
Ода на тезоименитство Петра Феодоровича (июнь 1762)	Оды Богдановича Екатерине II (сентябрь и декабрь 1762)
Соторжествуйте с нами, ***Музы, / Сложа с*** *себя печали* ***узы****, / 10 Забудьте тот плачевный день.*	*53 Идет,* ***слагает с*** *Россов* ***узы****; / Давно вы не видали,* ***Музы****, / Подобна зрелища сему.* (Ода на пришествие Екатерины в Москву)
Там ***солнце*** *тьму гоня,* ***восходит****, / И светлой* ***день*** *с собой выводит <...> / 30* ***Другое солнце всходит*** *ПЕТР.*	*12 Не* ***ново ль солнце воссияло****! / Се новых* ***дней*** *мы зрим начало* (Ода Екатерине на Новый 1763 год)
Он испытал и ***был свидетель****, / Сколь за Монаршу* ***добродетель****, / 40 Россию утешает Бог.*	*Кто* ***был*** *ПЕТРОВЫХ дел* ***свидетель****, / Скажи, сии дела не те ль? / ЕКАТЕРИНА* ***добродетель*** */ 100 Щедрот* ***Монарших*** *ставит цел.* (Ода на пришествие Екатерины в Москву)

*Нашел Он мир, нашел победу, / **Россиян лить жалея кровь**. / Неволи нас освобождает, / Без принужденья в нас рождает / 70 К Себе усердную **любовь**.*	*Принять непобедимый меч, / С Союзниками быть в **любови,** / И подданых своих блюсти, / И **не пролив Российской крови**, / 90 Велел Ей на Престол взойти.* (Ода на пришествие Екатерины в Москву)
*Его, за храбрость и **науки**, / 99 **Простерты** к награжденью **руки** <...>*	*Зря торжествующи **науки**, 132 / Минерва **простирает руки** <...>* (Ода на пришествие Екатерины в Москву)
***Еще Герои Росски целы, / Живут и будут жить в сынах: / Враги увидят** теже **стрелы,** / И теже **громы в их полях** / Которы прежде **под Полтавой**, / Стремились за **Петровой славой**, / **Стремились таковых карать. / Главы их тотже меч преклонит, / И тот Герой врагов погонит,** / 110 **Которой гнал за** Днепр **их вспять**.*	***Еще герои русски целы, / Живут и будут жить в сынах, — / Враги увидят** прежни **стрелы / 70 И** прежни **громы в их полях** // Те громы, кои **под Полтавой** / И всюду пред **Петровой славой / Стремились дерзостных карать; / Главы их тот же меч преклонит, / И тот герой врагов погонит**, / 76 **Который гнал за** степь **их вспять**.* (Ода Екатерине на Новый 1763 год)
*Блажен и Царь страны такой, / **Златые** там, **златые годы**, / 124 Где люди **век** проводят свой <...>*	*Поют и не престанут петь / Премудрую Екатерину, / 30 Что **век златой** дала узреть.* (Ода Екатерине на Новый 1763 год)

Таблица 4. *Текстуальное сравнение од И.Ф. Богдановича Петру Феодоровичу с его же одами Екатерине Алексеевне 1762 года.*

Анализируя данные, приведенные в таблице, нельзя не поразиться интенсивности потока обширных автоцитат, аллюзий и реминисценций, мигрирующих из обеих од Богдановича, посвященных Петру Феодоровичу, в его оды того же года, посвященные уже Екатерине Алексеевне. Нетрудно заметить, что наиболее активно и особенно точно Богданович цитирует сам себя именно в оде Екатерине на Новый 1763 год, т.е. в тексте, приобретшим впоследствии особенный – "эталонный" – статус в его собственной поэтической иерархии. Тот факт, что эта "особенная", как бы самая лучшая, ода Богдановича почти на четверть состоит из практически совершенно неизмененных отрывков из его более ранних текстов Петру Феодоровичу дает нам дополнительное основание пристальнее присмотреться к обеим одам Богдановича Петру III. В более широкой перспективе оба эти текста оказываются своеобразной поэтической лабораторией, бывшей долгое время скрытой от глаз читателей обеих его од Екатерине II. Тщательный анализ обеих од Петру Феодоровичу дает нам редкий шанс понаблюдать за процессом становления одической топики и первичной идейной разработки тех тем, мотивов и формальных риторических приемов, которые впоследствии станут отличительной сигнатурой одического стиля Богдановича.

Концепция оды Богдановича на тезоименитство Петра Феодоровича является точной копией его же, написанной пятью месяцами ранее, оды на

восшествие императора. Как и раньше, основной идеей, строго организующей и структурирующей весь текст от начала до конца, становится привычная нам уже мысль о Петре Великом, вновь воскресшем и как бы заново воплотившемся в своем одноименном внуке, который к моменту написания оды уже пол года как довольно противоречиво управлял доставшимся ему огромным государством.

При полной идеологической идентичности двух од Богдановича, посвященных Петру Феодоровичу, его июньская ода на тезоименитство внука Петра I имеет довольно существенные стилистические отличия от своей предшественницы. Основной особенностью описания личности действующего императора в оде Богдановича на восшествие Петра III было полное отсутствие в ней образной метафорики, имен античных богов и / или библейских героев, а также самой минимальной апелляции к каким бы то ни было выдающимся событиям отечественной или зарубежной истории. Образ Петра Феодоровича в январской оде Богдановича был сконструирован путем простого нанизывания однородно-характерных признаков идеального императора на магистральную идею всеобъемлющего сходства Петра III с его дедом. Совершенно на иных риторических основаниях, в соответствии с иными поэтическими принципами и при помощи существенно отличающихся от прежних стилистических приемов выстраивается образ Петра Феодоровича в оде Богдановича на тезоименитство монарха.

Еще один одический *восход солнца*: образ Богдановича как сумма приемов предшествующих авторов

Богданович начинает свою оду на тезоименитство Петра Феодоровича с небольшого экскурса в самую ближайшую историю России: он описывает *страшный день* смерти Елисаветы Петровны, а затем переходит к радостному воспоминанию о *светлом дне* восшествия на престол ее племянника. При интерпретации этих недавних исторических событий ключевым для Богдановича становится образ *наступления ночи, рассвета* и *восхода солнца*: *Померкла без Нея* <без Елисаветы – *М.К.*> *Россия, / Печали горестной в ночи; / Но вдруг напасти таковыя / Прогнали солнечны лучи. / Там солнце тьму гоня, восходит, / И светлой день с собой выводит, / Авроры тихия из недр: / Там слышатся Россиян плески; / Другое солнце сыплет блески, / 30 Другое солнце всходит ПЕТР*.

Мы хорошо помним, что описание восшествия Петра Феодоровича как *восхода солнца* уже неоднократно встречалось нам и в декабрьской оде Ломоносова 1761 года, и в январских одах Сумарокова и Хераскова. Нетрудно заметить, что из описания восхода солнца в оде Хераскова Богданович заимствует общую, основанную на противопоставлении двух состояний и формально выраженную противительным союзом *но* логику построения образа: смерть Елисаветы = *ночь / мрак / печаль*, *но* восшествие Петра Феодоровича = *восход солнца / новый день / радость*. Тем не менее, нельзя также не заметить и того, что формально описание восхода солнца в

оде Богдановича не похоже ни на антропоморфное описание *поднимающей главу* России Хераскова, ни на перенасыщенную античными природными образами картину восхода солнца из оды Сумарокова.

Однако, обратимся к оде Ломоносова на восшествие Елисаветы Петровны 1748 года. Интересующий нас развернутый образ *восхода солнца* оказывается инкорпорирован в самую 1-ую строфу этого текста; с него, собственно, и начинается вся ода: *Заря багряною рукою / От утренних спокойных вод /* ***Выводит с солнцем за собою*** */ Твоей державы новый год. / 5 Благословенное начало / Тебе, Богиня, воссияло* [VIII: 215]. На то, что при описании восхода солнца в своей оде на тезоименитство Петра Феодоровича Богданович явно ориентируется на оду Ломоносова 1748 года, ясно указывает 6-я строка из приведенной выше 3-ей строфы его оды: <*солнце*> *светлой день* ***с собой выводит***. Как мы видим, это выражение является практически дословной цитатой из оды Ломоносова 1748 года: ***выводит с*** *солнцем за* ***собою***. Само по себе изолированное – пусть и практически дословное – совпадение одной строки в двух обширных по объему одах разных авторов не представляло бы для нас никакого особенного интереса. Но в данном случае подобное совпадение оказывается лишь первым сигналом гораздо более тесной и глубокой внутренней связи двух текстов.

При этом совершенно очевидно, что образ *зари, багряною рукой* выводящей за собой на утренний небосклон восходящее солнце, имел совершенно особенное значение в творчестве Ломоносова. Так, в оде, написанной им двумя годами ранее, в 1746 году, также по поводу восшествия на престол Елисаветы Петровны, мы встречаем следующую строфу: *И се уже* ***рукой багряной*** */ Врата отверзла в мир* ***заря***[187]*, / От ризы* ***сыплет*** *свет румяной / В поля, в леса, во град, в моря, / 15 Велит ночным* ***лучам*** *склониться / Пред* ***светлым днем*** *и в тверьди скрыться / И тем почтить его приход. / Он* ***блеск*** *и радость* ***изливает*** */ И в красны лики созывает / 20 Спасенный днесь Российский род* [VIII: 138]. Отвлекаясь от вопроса о принципах взаимодействия двух ломоносовских текстов между собой, отметим лишь множественные лексические пересечения образа *рассвета* из оды Ломоносова 1746 года с типологически сходным образом в оде Богдановича на тезоименитство Петра Феодоровича 1762 года: <заря> ***сыплет*** *свет*, а <год> *изливает* ***блеск*** (Ломоносов 1746) → *солнце* ***сыплет блески*** (Богданович 1762); ***лучам*** (Ломоносов 1746) → ***лучи*** (Богданович 1762); *пред* ***светлым днем*** (Ломоносов 1746) → ***светлой день*** (Богданович

[187] Ср. также: «Первые два стиха строфы 2 <*Заря багряною рукою / От утренних спокойных вод* – М.К.> введены Ломоносовым в качестве примера в § 101 первого варианта его «Риторики» <...>, беловой экземпляр которого датирован январем 1744 г. <...>. Так как публикуемая ода в том ее виде, в каком она нам известна, написана бесспорно в конце 1746 г. (см. начальные стихи строфы 18), то приходится думать, что данные два стиха **заимствованы Ломоносовым из какой-то другой, более ранней его оды, им не опубликованной и до нас не дошедшей**» [VIII: 919].

1762). Мы видим, что описание *восхода солнца* в июньской оде Богдановича 1762 года было в очень большой степени ориентировано на образы *рассвета* в ломоносовских одах 1740-х годов на восшествие Елисаветы Петровны. Богданович осторожно и аккуратно заимствует и сам образ, и слова, которыми пользуется Ломоносов при его разработке в обеих своих ранних одах. Однако, казалось бы парадоксальным образом, единственное, что не привлекает внимания певца Петра Феодоровича в живописных рассветных описаниях великого предшественника – это сквозной, самый яркий и, видимо, наиболее ценный в обоих этих пассажах для самого Ломоносова образ *багрянорукой зари.*

Избирательность Богдановича объясняется исключительно легко. Как мы знаем, именно этот ломоносовский образ – широко используемый в 1740-х годах самим автором – был, спустя десятилетие, едко и метко спародирован Сумароковым в его 3-ьей *Вздорной оде*: *Трава зеленою рукою / Покрыла многие места, / **Заря багряною ногою / Выводит новые лета*** [Сумароков 1957: 291]. Видимо, именно удачная пародия Сумарокова стала причиной того, что в своей летней оде Петру Феодоровичу юный Богданович осторожно отказывается от использования фирменного ломоносовского образа *багряной руки зари,* предпочитая ему менее интересный, но зато более "безопасный", с одной стороны, уже успешно опробованный Сумароковым, а, с другой, еще к тому же и как бы санкционированный к дальнейшему использованию Херасковым образ *Авроры*.

В итоге мы видим, что описание рассвета в оде Богдановича 1762 года на восшествие Петра Феодоровича возникает как сумма от творческого сложения риторических элементов, заимствованных им из од Ломоносова 1746 и 1748 года (основные составляющие образа рассвета), Сумарокова (конкретный персонаж – Аврора) и Хераскова (общая структура образа). Т.е. описывая восшествие Петра Феодоровича как восход солнца, Богданович крайне вторичен и неоригинален. Однако то, что он активно использует для своего описания несколько источников и при этом отчетливо демонстрирует редкую способность гармонично соположить и органически совместить заимствованные им у разных авторов элементы, делает его собственный образ вполне оригинальным и жизнеспособным.

Петр Феодорович как *покоритель Марса*: финальный этап эволюции одического образа монарха

Выше мы отмечали, что совпадение одной строки из оды Богдановича 1762 года со строкой из оды Ломоносова 1748 года – не просто аномальная случайность, а закономерный индикатор более тесной и разноуровневой связи этих двух текстов между собой. Чтобы убедительнее проиллюстрировать этот тезис, представим имеющиеся в нашем распоряжении данные в виде таблицы.

М.В. Ломоносов, *Ода на восшествие Елисаветы Петровны 1748 года*	И.Ф.Богданович, *Ода на тезоименитство Петра Феодоровича 1762 года*
*Дражайши **Музы**, **отложите** / Взводить на мысль **печали** тень; / Веселым гласом возгремите / И пойте **сей великий день**[188], / 55 **Когда в** Отеческой короне / Блеснула на Российском троне / Яснее дня Елисавет; / Как **ночь на полдень пременилась**, / Как осень нам с весной сравнилась, / 60 И тьма произвела нам свет.*	*Соторжествуйте с нами, **Музы**, / **Сложа** с себя **печали узы**, / 10 Забудьте **тот плачевный день. // Тот страшный день, когда в** печали / Лишася Матери своей, / Вы с нами во слезах рыдали, / И не могли отерть очей; / **Когда** печальну лиру строил / И жалость Аполлон удвоил;*
*Заря багряною рукою / От утренних спокойных вод / **Выводит с солнцем за собою** / Твоей державы новый год. / 5 Благословенное начало / Тебе, Богиня, воссияло. / И **наших искренность сердец** / Пред троном Вышняго пылает <...>*	*4 От **наших искренних сердец**[189] <...>* *Там **солнце** тьму гоня, восходит, / И светлой день **с собой выводит**, / Авроры тихия из недр: / Там слышатся Россиян плески; / Другое солнце сыплет блески, / 30 Другое солнце всходит ПЕТР.*
*Европа и весь мир **свидетель**, / Народов разных милион, / **Колика** ныне **добродетель** / 114 Российский **украшает** трон.*	*Он <рок – М.К.> испытал и был **свидетель**, / **Сколь** за Монаршу **добродетель**, / 40 Россию **утешает** Бог.*
*Что **Марс** кровавый **не дерзает** / Руки своей простерти к нам, / Твои он силы почитает / 94 И власть, подобну небесам.* *+ 109 И **мечь** Твой, **лаврами** обвитый,*	*Не **меч** несут, венцы **лавровы**, / **Не смеет Марс** разрушить мир. / Сей Бог теперь ПЕТРУ покорен; / К покою Россам путь отворен, / 80 И общей всем соделан пир.*
*180 Где день скрывали тучи **стрел**.* *Здесь **Днепр** хранит мои границы, / Где **Лев гордящийся упал**. / С торжественныя колесницы, / При коей в узах он держал / 195 Сарматов и Саксонов пленных, / И двигал в мыслях вознесенных / Одной вселенную рукой. / Но пал; и токмо звук достигнул / Фракийских гор и их подвигнул / 200 Дунай, с твоею быстриной.*	*Еще Герои Росски целы, / Живут и будут жить в сынах: / Враги увидят теже **стрелы**, / И теже громы в их полях, / Которы прежде под **Полтавой**, / Стремились за Петровой славой, / Стремились таковых карать. / Главы их тотже меч преклонит, / И тот Герой врагов погонит, / 110 Которой гнал за **Днепр** их вспять.*

Таблица 5. *Текстуальное сравнение оды И.Ф. Богдановича на тезоименитство Петра Феодоровича с одой М.В. Ломоносова 1748 года на восшествие Елисаветы Петровны*

[188] Тут наблюдается отношение по типу антиномии (у Ломоносова – призыв Музам петь *сей великий день*, а у Богдановича – забыть *тот страшный день*), но важно само наличие – в данном случае чисто формальной – соотнесенности.

[189] И там, и там эта строка – начало оды, первая строфа.

Т.к. наша текущая исследовательская задача – анализ личной мифологии Петра Феодоровича в оде Богдановича, обратим особенно пристальное внимание на два последних примера взаимодействия текстов: на образ Марса в 8-ой строфе и на сюжет Полтавской битвы в 11-ой. Наряду с рассмотренным нами выше образом *рассвета* и *восходящего солнца,* оба этих элемента – образ Марса и микросюжет Полтавской баталии – являются той несущей основой, в каркас которой Богданович прилежно встраивает всю систему поэтической мифологии августейшего именинника в своей оде.

В первую очередь остановимся на том, каким именно образом Богданович описывает нюансы взаимоотношений Петра Феодоровича с Марсом: *Не льющимся кровавым токам, / Поверженных несчетных тел, / В военном пламене жестоком, / Монарх победу приобрел; / К противным воины ПЕТРОВЫ / Не меч несут, венцы лавровы, /* ***Не смеет Марс разрушить мир. / Сей Бог теперь ПЕТРУ покорен;*** */ К покою Россам путь отворен, / И общей всем соделан пир.* Мы неоднократно встречаем упоминания о Марсе в одах, посвященных восшествию Петра Феодоровича на престол. Так, имя римского бога войны появляется в самой первой оде на восшествие нового императора, т.е. в оде Ломоносова: *То* <Европа – *М.К.*> *видит зрак Твой пред полками, /* ***Подобный Марсу меж врагами****, / То представляет общей пир, / Отрады ради утомленных, / Избавы ради раззоренных, / 170 Тобою обновленный мир* [VIII: 757]. После Ломоносова Сумароков также счел необходимым упомянуть античного бога в оде на восшествие Петра Феодоровича: ***Будь Марсом****, буди Аполлоном, / Люби Оружье и Парнасс, / Снабжай премудрым ПЕТР законом, / И милостью Монаршей нас!*. Вслед за мэтрами и Херасков ввел Марса в пантеон богов, окружающих Петра Феодоровича, в его январской оде на восшествие императора: *То видели уже народы / В ПЕТРЕ, что Геркулес ростет, /* ***Что Марс родит его Перуна****, / И что он устрашит Нептуна / 50 Так как Его Великий Дед.* Однако *Марс* стал постоянным персонажем личной мифологии Петра Феодоровича намного раньше, чем была опубликована первая ода, посвященная его восшествию на престол. Уже в оде Ломоносова 1742 года, посвященной прибытию наследника из Голштинии и его же дню рождения, мы читаем: *Воинской звук покинь, Беллона, / И* ***жажду крови, Марс, оставь, / Спокойно слушай Аполлона*** */ И тем веселья нам прибавь* <...> [VIII: 61, сноска *з*]. Марс не исчезал из од Петру Феодоровичу и в дальнейшем. Через год после оды 1742 года, в оде на тезоименитство Петра Феодоровича 1743 года, именно в уста Марса (и Минервы) Ломоносов вкладывает знаменитый гимн деду Великого Князя (и, опосредованно, его внуку): *Возри на труд и громку славу, / Что свет в Петре неложно чтит; / Нептун познал Его державу, / С Минервой* ***сильный Марс гласит****: / «Он Бог, он Бог твой был, Россия* <...>»[190] [VIII: 109]. Нельзя не заметить, что мифологическая

[190] Ср. кстати более позднее использование дуэта Беллоны и Марса в оде Голеневского 1751 года: ***Беллона*** *с жажды крови тает, / Плененна ж властию молчит, / В печали* ***с Марсом***

функция Марса практически во всех одах Петру Феодоровичу совершенно одинакова: бог войны становится тем мифологическим эталоном физической силы и военной удачливости, с которым в высшей мере комплиментарно сравнивался или к которому с надеждой приравнивался голштинский герцог как в бытность свою наследником престола, так уже и в статусе полноправного монарха Российской империи.

Нарушает эту тенденцию только самая первая ода Ломоносова 1742 года, в которой образ Марс отнюдь не функционирует в качестве эталона мужественности, с которым отождествляется образ наследника престола. Напротив, в оде 1742 года фигуре римского бога отводится подчеркнуто подчиненное место в ad hoc создаваемой Ломоносовым одической иерархии богов. Автор первой оды Петру Феодоровичу заставляет Марса *спокойно* покориться Аполлону, оказывая тем самым знаковое предпочтение конкурирующей модели мирного государственного поведения монарха: *И жажду крови, Марс, оставь, /* ***Спокойно слушай Аполлона.***

Два полярных и взаимоисключающих друг друга типа использования образа Марса в одах, посвященных Петру Феодоровичу, отлично иллюстрируют собой универсальную модель функционирования образа этого античного бога в русских одах вообще. В зависимости от времени создания, т.е. от актуальных событий, формирующих непосредственный исторический контекст написания и рецепции оды, Марс может выступать либо в качестве воинственного *героя-помощника* императора, либо в качестве побежденного и усмиренного им мифологического злодея. Подобные полярные тенденции в использовании одного и того же мифологического образа прямо коррелируют с наличием по крайней мере двух одических канонов описания монарха: *монарх-воин* (победитель) и *монарх-миротворец* (человеколюбец). Марс становится верным союзником *монарха-воина* на поле брани. В одических текстах формируется вполне универсальная мифологема, применение которой в отношении того или иного императора / императрицы никоим образом не было связано с личными характеристиками адресата текста. Так, соположение с Марсом было вполне актуально и с успехом применялось для таких совершенно различных во всех отношениях монархов как Анна Иоановна, Иоанн Антонович, а затем и Елисавета Петровна[191]. В свою очередь, в одическом

та рыдает */ И в гневе яростном кипит; / Что мир в России вкоренился, / В чертог богатый заключился, / Покоя место возлюбил; / Лицем приятну кажет радость, / Сладчайшую рукой льет сладость, / 110 Златой век Россам обновил* [Голеневский 1751].

[191] Ср., например: в 1740 году Сумароков определил Марсу быть мифологическим предводителем и защитником войска Анны Иоановны в войне с Портой: *Чрез тебя* <через Анну – *М.К.*> *мой* <России – *М.К.*> *меч остер в поле как сверкает, / И по воле им твоей* ***Марс*** *как* ***управляет****, /* ***Марс сечется за тебя, войском управляя****, /* ***Марс, с тобою и меня храбро защищая****. / Бомбы в воздухе летят небо достигати, / Чтоб небесна на врагов грому там достати / И, на землю что падут, ад тем растворяти. / 16 Анна, о изволь вовек мною ты владати*[191] [Сумароков 1957: 51-52]. Год спустя, в 1741 году, Ломоносов

каноне описания *монарха-миротворца* Марсу отводится незавидная роль побежденного чудовища, которому нет места в новой – тихой и мирной – реальности наступивших в России *золотых веков*. Насколько нам известно, до 1762 года эта мифологема применялась только для описания Елисаветы Петровны[192]. Обозначив в общих чертах основные тенденции использования образа Марса в русских одах до 1762 года, вернемся к более частному случаю их реализации, а именно – к июньской оде Богдановича на тезоименитство Петра Феодоровича. В этом тексте поэт без сомнения регистрирует финальный этап стремительной эволюции одического образа Петра Феодоровича, по крайней мере трижды изменявшего свое одическое амплуа на протяжении недолгих шести месяцев правления.

Первые две оды на восшествие Петра III – Ломоносова и Сумарокова – представляют собой начальный этап формирования интересующей нас ипостаси одического образа монарха. Оба эти текста представляют в качестве равновероятной для Петра Феодоровича реализацию обеих из описанных нами выше ролей: и *монарха-воина*, и *монарха-миротворца*. Так, например, у Ломоносова утомленная и разоренная многолетней войной Европа временами видит нового российского императора *подобну Марсу меж врагами*, но временами она же *представляет* себе *общий пир*, как бы устроенный по поводу *обновленного* Петром Феодоровичем *мира*. В свою очередь, у Сумарокова идея совмещения внуком Петра I в своем образе двух противоположных друг другу сущностей выражена с характерной для него

представил Марса в качестве деятельного союзника войска нового императора Иоанна Антоновича: *Не то ли ваш воинской цвет, / Всходил которой дватцать лет, / Что долго в неге жил спокойной. / Вас тешил мир,* ***нас Марс трудил****; / 175 Солдат ваш спал, наш в брани был, / Терпел Беллоны шум нестройной* [VIII: 49-50]. В наиболее отчетливой и законченной форме образ сопровождаемого Марсом *монарха-воина* дан в оде Ломоносова 1746 года на день рождения Елисаветы Петровны: 35 <Солнце прогоняет тень – *М.К.*> *Являя, что Елисавета / В России усугубит света / Державой и венцем своим. / Ермий, к наукам предводитель, / И* ***Марс, на брани победитель****, / 40* ***Блистают совокупно с ним*** [VIII: 150].

[192] Ср.: *Блаженные России веки / Наследный скипетр твой открыл: / Иссохнули кровавы реки, /* ***И Марс рыкать в полях забыл****. /* <...> */ Такую власть господь ссылает / Народам, коим он желает / 150 Свои щедроты оказать* [Поповский]. Еще один схожий пример подобного рода описания Елисаветы мы встречаем в оде Сумарокова 1758 года: *Ни новых стран, ни новой дани, / ЕЛИСАВЕТА не ждала, / Гнушаяся кровавой брани, / Европе тишину дала. / Без шума проходили годы, /* <...> */* ***И Марс Российский не гремел****: / 18 Россия миром наслаждалась* <...> [Сумароков 1781: 24]. Однако, самое яркое описание *сверженного* мудрой императорской властью *свирепого* Марса дает, как водится, Ломоносов: ***Свирепой Марс*** *в минувши годы / В России по снегам ступал, / Мечем и пламенем народы / В средине самой устрашал, / 165 Но ныне и во время зноя /* ***Не может нарушить покоя****; /* ***Как сверженной Гигант, ревет****, /* ***Попран Российскою ногою, / Стиснен, как страшною горою****, / 170* ***Напрасно тяжки узы рвет*** [VIII: 638] (Ода на день рождения Елисаветы Петровны, 1757).

афористической точностью: ***Будь Марсом, буди Аполлоном****, / Люби Оружье и Парнасс.* Крайняя амбивалентность позиции как Ломоносова, так и Сумарокова по вопросу *воинственности* или *миролюбия* нового монарха является ярким симптомом общей мифологической неопределенности, непроработанности деталей образа Петра Феодоровича в момент его восшествия на престол. В начальной точке его правления даже самым проницательным наблюдателям (к числу которых, без сомнения, принадлежали оба автора двух первых од на его восшествие), видимо, казалось одинаково вероятными и то, что он – при известной любви наследника престола ко всему военному – станет новым *императором-воином,* и то, что – при опять же широко известной приязни наследника к Фридриху – он скоро заключит долго ожидаемый одной партией, и столь же страстно нежелаемый другой, мир с Пруссией. В связи с этим крайне любопытно, что самые первые оды на восшествие Петра III демонстрируют высокую степень гибридизации двух одических канонов описания монарха. Парадоксально, но первым певцам его восшествия Петр Феодорович виделся в качестве своего рода *воина-миротворца*.

Однако, уже в январской оде Хераскова мы регистрируем серьезный сдвиг одического образа Петра Феодоровича в сторону *царя-война*. Выстраивая личную мифологию Петра III по чертежам, оставшимся от его деда, Херасков особенно акцентирует потенциал внутреннего и внешнего, сухопутного и морского, доминирования России, которое может быть обеспечено исключительными военно ориентированными качествами нового императора: *То видели уже народы / В ПЕТРЕ, что Геркулес ростет, / **Что Марс родит его Перуна**, / И что он устрашит Нептуна / Так как Его Великий Дед.* Отметим также, что несмотря на отсутствие в январской оде Богдановича (на восшествие Петра Феодоровича) прямого упоминания о Марсе, приоритеты автора в вопросе предпочтения им в образе нового императора ипостаси *монарха-воина монарху-миротворцу* выражены довольно отчетливо. Богданович несомненно продолжает “воинственную” линию Хераскова: ***Смири рушителей покоя*** */ Своею **сильною рукой**: / Против **Российскаго Героя** / Кто может **ополчиться в бой**? / Свидетели тому соседы, / Какия **делали победы** / **Россияне против врагов**; / Свидетели злодеи сами, / Которы **побежденны нами**, / 100 Которы нам сплетали ков.* Т.е. мы видим, что в январских одах Хераскова и Богдановича уже решительно не остается никакой двойственности, характерной для первых од на его восшествие. В одах Хераскова и Богдановича образ Петра Феодоровича из чистой potentia текстов Ломоносова и Сумарокова превращается в более определенный и традиционный – важна тут активная апелляция обоих москвичей к российской истории времен Петра I – образ *воина на троне*. Это – второй этап эволюции образа императора в 1762 году.

В свою очередь вторая, июньская, ода Богдановича знаменует собой последний этап трансформации образа противоречивого императора, столь недолго, но крайней интенсивно правившего Россией. В оде Богдановича на тезоименитство, за Петром Феодоровичем окончательно закрепляется новый одический образ – *царя-миротворца*. Видимо, именно этот, "мирный", канон описания монарха обеспечивал поэта хоть какими-то относительно адекватными риторическими средствами репрезентации императорской власти на фоне заключенного 24 апреля 1762 года – чудовищно невыгодного для России – Петербургского мирного договора с Пруссией. При этом лексическое оформление описания отношений Петра Феодоровича с Марсом в новой для него ипостаси *миролюбивого императора* было практически полностью скопировано Богдановичем из оды Ломоносова 1748 года (см. Таблицу 5). Примечательно в этом контексте, что в 1748 году так же, как и в 1762-ом, был заключен мирный договор, положившей конец продолжительному и кровопролитному конфликту между ведущими европейскими державами, так называемой "войне за австрийское наследство"[193]. Одну из ключевых ролей в этом конфликте – ровно как и в закончившейся в 1762 году Семилетней войне – играла Пруссия, находившаяся уже в то время под управлением Фридриха II, императора, необъяснимой слабости Петра Феодоровича к которому Россия оказалась обязана своим дипломатическим фиаско в апреле 1762 года.

Сюжет *Полтавской битвы* как дань дате публикации оды на тезоименитство

Подчинение воинственного и кровожадного Марса доброй, но твердой монаршей воле Петра Феодоровича – не единственный элемент в образе императора, который Богданович заимствует из оды Ломоносова 1748 года. Как можно увидеть из последнего примера в Таблице 5, воспоминание Богдановича о Полтавской битве, переходящее в прогноз будущих военных побед Петра III, также так или иначе ведет нас к ломоносовскому тексту 1748 года. Однако, при тождественности упоминаемого в обоих текстах исторического сюжета (Полтавская битва) конкретное лексическое оформление и общий контекст воспоминания о переломном сражении Северной войны в оде Богдановича довольно существенно отличаются от соответствующих элементов в оде Ломоносова.

Так, в оде на восшествие Елисаветы Петровны 1748 года *радостная* Россия, *возлегши локтем на Кавкас,* обращает свой взор вниз от облаков и последовательно исчисляет *довольства*, которые постепенно, одно за

[193] Ср. в примечаниях к оде Ломоносова: «Значительные события произошли и за стенами Академии: заграничный поход русских войск, внушавший Ломоносову такие серьезные опасения <...>, обошелся без кровопролития: одно их движение к берегам Рейна заставило воюющих **поторопиться с заключением мира и положило конец династической войне, уже пять лет терзавшей Западную Европу** <...>» [VIII: 946].

другим, открываются ей на обширной территории ее *бесконечной* державы. Соответственно, воспоминание о Полтавской победе (наряду с воспоминаниями об Азове и *знойных Каспийских брегах*), инкорпорированное в проникнутую имперским пафосом прямую речь России, оказывается в данном случае частью излюбленной ломоносовской "географической формулы", получившей в оде 1748 года довольно необычное выражение. Совсем иную функцию выполняет *полтавский сюжет* в июньской оде Богдановича на тезоименитство Петра Феодоровича. В отличие от своего великого предшественника, излюбленной темой которого было описание обширных географических границ Российской Империи, юного последователя Ломоносова не сильно занимает государственное пространство само по себе; все его поэтическое внимание оказывается пристально сосредоточено, напротив, исключительно на *времени* и на тех любопытнейших трансформациях, которые, в соответствии с текстом оды, начали происходить с ним в России непосредственно после восшествия на престол Петра Феодоровича.

Как мы уже отмечали выше, сквозная мысль оды Богдановича, пронизывающая все ее строфы от первой строчки и до последней, – это чудесное воскресение Петра I в своем внуке. Этой магистральной идее беспрекословно подчинены все остальные элементы текста. Воспоминание о Полтавском сражении не становится исключением. Более того, *Полтавский сюжет* становится самым действенным риторическим средством, дающим Богдановичу возможность создать в оде на тезоименитство необходимый ему эффект темпоральной аберрации, при котором славное российское прошлое *страстно глядится* в свое столь же славное, по прогнозам поэта, имперское *грядущее*.

Отметим, что сюжет Полтавской битвы упоминается не только в оде Ломоносова 1748 года. В начале 1740-х годов нелепая русско-шведская война 1741-1743 гг. дала мощнейший толчок для появления *Полтавского сюжета* в создаваемых в это время одических текстах. Например, в оде Ломоносова 1741 года на тезоименитство Иоанна Антоновича, посвященной первой значительной – Вильмстрандской – победе русских войск в этом конфликте, Полтава упоминается в следующем контексте: *Все ждут, чего не знают ждать. / Да чтож увидим мы за диво? / Колено хочет то кичливо / 70* ***Другу Полтаву тут создать*** [VIII: 46]. Именно эта ранняя ода Ломоносова наглядно иллюстрирует любопытнейший процесс превращения реального исторического события в знак. Идеологическое значение Полтавской битвы в истории России оказалось столь велико, что высокий градус вызванной ей патриотической эмоции ретроспективно изменил природу события, превратив обозначающее его имя собственное в нарицательное: впредь, после 1709 года, любая битва русских со шведами неизбежно осмыслялась – по крайней мере русской стороной – не иначе как очередная *полтава*.

Все тот же Ломоносов теперь уже в оде на коронацию Елисаветы Петровны 1742 года обращается к Стокгольму с пламенным призывом представить *в своем уме примеры храбрости Российской*. В соответствии с авторским замыслом, воспоминание о разгромном поражении под Полтавой должно было деморализовать условного одического противника и, напротив, поднять воинский дух и укрепить патриотические настроения реальных российских читателей[194]: *Свою **Полтавску вспомни рану**, / **Что знать еще в груди твоей**, / **И гордость при Днепре попранну**, / **И многий плен твоих людей**, / 135 За Обския брега вселенны, / Хребтом Рифейским заключенны. / За коим сильна Росска власть / Велику держит встока часть, / Где орды ей збирают дани, / 140 По ней всегда готовы к брани* [VIII: 88].

Стремительное расширение смысла данного одического нарратива мы наблюдаем на примере оды Ломоносова 1746 года (на день рождения Елисаветы Петровны), в которой также присутствует интересующий нас *Полтавский сюжет*: *Тогда* <в 1709 году – *М.К.*> *от радостной Полтавы / Победы Росской звук гремел, / Тогда не мог Петровой славы / Вместить вселенныя предел, / 95 Тогда Вандалы низложенны / Главы имели преклоненны / Еще при пеленах твоих; / **Тогда предъявлено судьбою**, / **Что с трепетом перед Тобою** / 100 **Падут полки потомков их*** [VIII: 153]**.** В этом тексте Ломоносов вполне закономерно обращается к воспоминанию о самом моменте рождения будущей императрицы. Младшая дочь Петра I родилась как раз в тот год (6 месяцев спустя), когда ее отец наголову разбил Карла XII на левом побережье Днепра. Под пером Ломоносова подобное хронологическое совпадение оказывается в высшей степени знаковым: полтавскому сражению приписывается функция базовой, постоянно повторяющейся сюжетной модели – *знака судьбы*, – властно подчиняющей себе *будущее* российского государства на военном поприще[195].

На первый взгляд варианты *Полтавского сюжета* в одах Ломоносова 1740-х годов по многим параметрам сильно отличаются друг от друга. Строго говоря, между данными одическими описаниями одного и того же события вообще трудно найти какие-то существенные сходства. Однако, мнимое, чисто формальное, отличие не должно вводить нас в заблуждение. Гораздо важнее обратить внимание на тот внутренний семантический потенциал, который крепко связывает эти примеры друг с

[194] Тут надо учитывать, что ода не была напечатана в 1742 году, и вообще целиком появилась в печати только спустя 9 лет после написания, однако ее фрагменты включались Ломоносовым в *Риторику*.

[195] Ср. дальнейшее развитие этого процесса у Сумарокова: *Над ними будешь ТЫ Царица, / Наложишь на противных дань. / Воздвигни **меч** ИМПЕРАТРИЦА, / Когда потребна будет брань! / Пред войском ТВОЙ штандарт увидев, / Мы тихий век возненавидев, / Забудем роскошь, род и дом: / Последуя МОНАРШЕЙ воле, / **Наступим на Полтавско поле**. / 60 Бросай из рук девичьих гром!* (Сумароков, 1755, Ода на день рождения Елисаветы Петровны) [Сумароков 1957: 64]. Тут Полтава становится уже *любой войной* вообще.

другом в рамках единой тенденции. Общность воспоминаний о Полтавской победе во всех ломоносовских текстах заключается в том, что реальное историческое событие прошлого становится тем символическим фильтром, сквозь призму которого Ломоносов интерпретирует современную ему историческую реальность. В результате подобного – опосредованного воспоминанием о событии прошлого – восприятия современности поэт стремится приписать настоящему историческому моменту высокую степень (пред)определенности, которой этот момент по определению лишен в своем естественном, незамутненном наличием пристрастного интерпретатора, состоянии.

После всего вышесказанного закономерно задать вопрос: каким образом все приведенные тут соображения об использовании *Полтавского сюжета* в ранних одах Ломоносова соотносятся с рассматриваемой нами одой Богдановича 1762 года?

Соотношение это самое прямое. Мы уже отмечали, что воспоминание о Полтавской победе становится в оде Богдановича основным риторическим средством для создания – принципиально важного для иллюстрации магистральной идеи его оды о возрождении Петра I – эффекта взаимопроницаемости исторического прошлого и будущего Российского государства. Дело в том, что несмотря на практически полное отсутствие в оде Богдановича прямых лексических пересечений с разными вариантами *полтавского сюжета* в одах Ломоносова, молодой певец Петра Феодоровича с завидной степенью точности копирует сам прием как таковой. Совершенно как Ломоносов в своих одах 1740- годов, в июне 1762 года Богданович использует *Полтавский сюжет* в качестве обладающего мощной моделирующей функцией примера из недавнего прошлого Российской Империи для описания великого военного будущего, ожидающего державу под управлением Петра Феодоровича.

Тут, однако, немедленно возникает следующий вопрос: каким образом упоминание о Полтавской победе и совершенно определенный прогноз будущих военных свершений российского императора совмещаются с проанализированным нами выше амплуа *монарха-миротворца*, в которое Богданович так старательно стремился вписать образ Петра Феодоровича до этого? Ответ на этот вопрос довольно прост. Канон одического описания *царя-миротворца*, примененный Богдановичем к образу Петра Феодоровича в начале оды, и настойчивые прогнозы будущих военных побед императора в конце текста совершенно никак не совмещаются между собой. Амплуа *царя-миротворца* – это поэтический эксперимент Богдановича; это его – ограниченная рамками выбранного жанра – отчаянная попытка хоть в какой-то мере адекватно проинтерпретировать эксцентрические действия российского монарха на внешнеполитической арене. В свою очередь, воспоминание о Полтавском сражении – это более или менее обязательная символическая дань дате

тезоименитства Петра Феодоровича, чьи именины были отделены всего 2-мя днями от того числа, в которое в 1709 году и произошла Полтавская баталия.

Оба эти элемента очевидно с трудом вписывались в образ Петра Феодоровича одновременно. Однако, пытаясь понять парадокс одновременного наличия в оде Богдановича образов *царя-миротворца* (in praesentia) и *царя-воина* (in absentia), стоит иметь в виду ту бурную эволюцию, которую претерпел одический образ Петра Феодоровича в течение полугода, с января по июнь 1762 года. Еще полгода назад, в январской оде на восшествие Петра III, тот же Богданович видел в новом монархе исключительно *воина*. Таким образом, воспоминание о Полтавской победе, инициирующее перегруженный профетическими мотивами завоевательный дискурс 11-ой строфы в оде на тезоименитство, – представляет собой своеобразный поздний рефлекс прошлого этапа эволюции одического образа монарха, этапа *царя-воина.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

5 февраля 1722 года, «во время торжеств Ништадтского мира, происходивших в древней столице» [Соловьев, XVIII, 3: 533], Петром I был обнародован революционный по своему содержанию устав *О наследии престола*. В этом документе первый русский император строго декларировал единственное универсальное правило, которое впредь должно было определять выбор преемника царствующего монарха:

> <...> понеже всем ведомо есть, какою Авессаломскою злостию надмен был Сын Наш Алексей, и что не раскаянием Его оное намерение, но милостию Божиею всему Нашему отечеству пресеклось <...>, а сие не для чего инаго у него взросло, токмо от обычая стараго, что большому сыну наследство давали, к тому ж один он тогда мужеска пола Нашей фамилии был, и для того, ни на какое отеческое наказание смотреть не хотел; сей недобрый обычай не знаю чего для так был затвержден; <...> Кольми же паче должны Мы иметь попечение о целости всего Нашего Государства <...> за благоразсудили Мы сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле Правительствующаго Государя, **кому Оной хочет, тому и определит наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменит**, дабы дети и потомки не впали в такую злость, как выше писано, имея сию узду на себе [ПСЗРИ, VI: 496-497].

Однако, вопреки намерению Петра I, вместо того, чтобы *накинуть узду* на потенциальных наследников Правительствующего Государя, *Устав* произвел совершенно обратный эффект на своевольных потомков Петра Алексеевича, в течение всего XVIII века предававших, угнетавших и убивавших друг друга в жестокой борьбе за право обладания российским императорским престолом, ставшим вдруг так заманчиво досягаемым для целой когорты амбициозных кандидатов. Сильнейшая апелляция исключительно к воле действующего монарха (*дабы сие было всегда **в воле** Правительствующаго Государя*), легитимизация переменчивости его желаний (*кому Оной **хочет**, тому и определит,* а *видя какое непотребство, паки **отменит***), а также внесение элемента случайности в традиционно исключительно предсказуемый и статичный процесс наследования титула – взятые в совокупности все эти факторы автоматически понижали степень сакральности и, как следствие, значительно подрывали авторитет любого последующего, выбранного или назначенного в соответствии с петровским *Уставом*, российского монарха.

После введения в действие петровского *Устава*, все последующие претенденты на российский престол были обречены постоянно убеждать как внешних, так и внутренних наблюдателей в достаточной легитимности собственного императорского статуса. Хроническое отсутствие одного кандидата, а также остро ощущаемый всеми недостаток ясных и понятных, внеположенных изменчивой человеческой воле факторов выбора императора, неизменно превращали каждого из соперничавших между собой претендентов на престол в *одного из многих*. Соответственно,

напряженная конкуренция между соискателями императорского престола[196], ощущение того, что некий или *чертушка,* или *известный арестант*, или даже собственный сын все время живет где-то рядом (в Голштинии, в Шлиссельбурге, в конце концов, в Гатчине) вынуждало действующих российских монархов тратить огромные ресурсы на развернутые доказательства самой широкой публике эксклюзивности и легитимности собственных прав на престол.

Отметим, что в 1727 году и без того уже запутанный *Уставом* Петра I, архиважный для любой империи, вопрос о престолонаследии оказался дополнительно осложнен пресловутым *Тестаментом* Екатерины I, обнародованным вскоре после ее смерти одновременно с *Манифестом* о восшествии на престол Петра II. Духовная Екатерины I состояла из 16 артикулов (15 обыкновенных и одного секретного), среди которых, в частности, были следующие:

> 1. Великий Князь Петр Алексеевич имеет быть Сукцессором. <...>
> 8. Ежели Великий Князь без наследников преставится, то имеет по нем Цесаревна Анна с своими Десцендентами, по ней Цесаревна Елисавета и Ея Десценденты, а потом Великая Княжна и Ея Десценденты наследствовать, однакож мужеска полу Наследники пред женским предпочтены быть имеют. Однакож никто никогда Российским престолом владеть не может, которой не Греческаго закона или кто уже другую корону имеет. <...>
> 13. Все сие имеет тотчас по смерти нашей <...> публиковано, присягою утверждено и твердо содержано; а кто тому противен будет, яко изменник, наказан быть и римского цесаря гарантии на сие искать [ПСЗРИ, VII: 789-790].

С одной стороны, мы видим, что Екатерина I[197] вполне разумно выстроила в очередь (а также трезво сформулировала резонные и целесообразные правила эту очередь формирующие) ту пеструю и разнородную толпу наследников и претендентов, которая собралась у российского престола накануне ее смерти. С другой стороны, мы знаем, что предпринятая почившей в бозе императрицей благородная – и в общем очень полезная для государства – попытка внести отчетливость и определенность в неясную сумятицу, наметившуюся в деле престолонаследия после смерти Петра I, к сожалению, не увенчалась успехом. *Завещание* Екатерины I имело сложную судьбу в российской

[196] Например, между Анной Иоановной и Елисаветой Петровной или Петром Феодоровичем в 1740-ые годы, между Елисаветой Петровной и Иоанном Антоновичем в 1750-60-ые, между Екатериной II и Павлом Петровичем в 1770-1790-ые.

[197] Как пишет С.М. Соловьев, «[н]о кто сочинит завещание? Никто не отыскивался. Тогда Бассевич, не могши вытерпеть, по его словам, чтоб герцог и обе принцессы пришли все в крайнюю нищету, сочинил наскоро завещание, которое Меншиков дал подписать цесаревне Елисавете» [Соловьев, XIX, 1: 79-80]. Нам не принципиально, *кто именно* de facto составил это завещание, важно, что в 1727 году оно было обнародовано и, таким образом, стало официальным фактом придворной жизни.

истории. Вот как описывает С.М. Соловьев момент его непосредственного обнародования:

> Тестамент был обнародован, хотя тут же и **пошли слухи, что он подложный**: граф Сапега, не отходивший от постели умирающей императрицы, уверял, что он ничего не видал и не слыхал. Но на завещание, как видно, **мало обратили внимания**: для огромного большинства права нового государя были бесспорны [Соловьев, XIX, 1: 82].

А вот что сообщала о последующей судьбе завещания ее матери Елисавета Петровна в своем втором *Манифесте* (от 28 ноября 1741 года), изданном через три дня после переворота и составленном специально для разъяснения широкой публике законности ее прав на российский престол:

> Объявляем всем. Понеже в прошлом <l>727 году Мая 7 числа, по кончине <...> Матери Нашей, Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, объявленною духовную (по которой тогда все Наши верноподданные <...> присягали), о наследстве Всероссийскаго Императорскаго Престола <...> в 8 артикуле сими словами изображено тако: <цитируется дословно 8 пункт завещания Екатерины – *М.К.*>. И тако следовательно по тому Ея Императорскаго Величества Матери Нашей Государыни тестаменту <...> Мы еще тогда ж, как скоро по воле Всемогущаго Бога, император Петр Вторый сию временную на вечную жизнь променил, уже законною Наследницею Нашего Отеческаго Всероссийскаго Престола без изъятия были; но, недоброжелательными к Нам и коварными происки бывшаго тогда при Его Императорском Величестве Гофмейстером Графа Андрея Остермана, та Ея Величества **Матери Нашей Государыни духовная**, по кончине Его Величества <...> **скрыта** <...> [ПСЗРИ, XI: 542].

Мы видим, что, во-первых, сразу же после смерти Екатерины I слишком многим участникам придворных интриг было выгодно поставить под сомнение подлинность этого документа. Во-вторых, в более долгосрочной перспективе *Тестамент* супруги Петра I как бы существовал, но как бы и не существовал (был *скрыт*, по словам Елисаветы) в качестве нормативного акта, реально определяющего поведение игроков политического состязания за право обладания российским престолом. Такой своеобразный, “мерцающий”, статус завещания Екатерины в официальной культуре вносил еще больше путаницы в и без того уже непростое и запутанное дело о наследования престола в России.

Таким образом, благодаря влиянию, оказываемому на общественно-политическую жизнь страны петровским *Уставом*, с одной стороны, и *Завещанием* Екатерины I, с другой, во второй половине XVIII века успешно претендовать на российский престол имел возможность только тот кандидат, кто мог внятно артикулировать и наглядно продемонстрировать верхним социальным слоям (гвардии, духовенству, дворянству) свои неотъемлемые права на него. Чисто политическая проблема «кому быть российским императором (или императрицей)?» с завидной регулярностью переводилась в исключительно риторическую плоскость, трансформируясь в вопрос о *наиболее убедительной* (само)презентации того или иного кандидата на престол. В свою очередь, сам процесс царствования – особенно

в первые годы правления – превращался в бесконечное интервью о приеме на работу, которое общество проводило с самодержцем и в котором роль строгих работодателей играли многочисленные политические элиты.

В силу специфики сложившихся к середине XVIII века историко-культурных обстоятельств вопрос репрезентации личности монарха выходил во внутренней российской политической жизни на первое место. Качество *личной мифологии* каждого отдельно взятого монарха приобретало критически важное значение. Сам факт наличия личной мифологии, ее разнообразие и, что самое главное, убедительность, выполняли функцию своеобразного инстинкта самосохранения самодержавия как политического института.

Личная мифология того или иного императора сама по себе никогда не являлась ничем иным, кроме как фантом сознания, воплощавшимся исключительно в текстах. С одной стороны, важную роль в создании и обогащении *личной мифологии* самодержца играли тексты профессиональных политических технологов, сознательно и небескорыстно ставивших свое острое перо на службу нуждавшемуся в них национальному лидеру (в частности: авторы манифестов, придворные проповедники, профессора Академии наук[198]). С другой стороны, со временем все более и более существенное значение в процессе поддержания, распространения и ретрансляции *личной мифологии* императора приобретали тексты непрофессионалов, т.е. прямо материально незаинтересованных частных лиц, на первом этапе являвшихся пассивными реципиентами мифологем, созданных авторами первой группы, однако, приобретших отчетливое право на собственное высказывание впоследствии [см., например, оды Сумарокова, Хераскова, Богдановича 1762 года]. Роли в процессе создания, усиления, трансляции и ретрансляции *личной мифологии* того или иного монарха могли распределяться довольно прихотливо, но, подчеркнем, это всегда была работа с *текстами*.

Понимание исключительно текстовой природы *личной мифологии* крайне важно и принципиально для дальнейшей адекватной реконструкции, с одной стороны, принципов ее внутренней организации, а, с другой, механизма ее социального функционирования. Дело в том, что *личная мифология* монарха существенно отличается от, например, личности самого монарха как такового. Так, например, с 1728 по 1762 год Петр Феодорович на самом деле существовал, являясь фрагментом объективной реальности

[198] Ср.: «Создавая панегирические сочинения, Ломоносов мог надеяться на повышение по службе или денежное пожалование. За свою оду 1748 г. на восшествие Елизаветы на престол он, как известно, получил от императрицы 2000 рублей — что было в два с половиной раза больше, чем его годовое содержание. В 1750 г. И.И. Шувалов представил его императрице. В благодарность за эту аудиенцию Ломоносов в том же году написал торжественную оду и в следующем году (1 марта 1751 г.) получил продвижение в чине и был произведен в коллежские советники (шестой чин в табели о рангах)» [Клейн, Живов].

вне зависимости от того, взаимодействовали мы (или кто-либо еще) с ним каким-либо образом или нет. В свою очередь, Петр Феодорович в каждой из своих государственных ипостасей (как претендент на роль наследника престола, как Великий Князь, наконец, как 7-ой российский император) решительно не существовал, пока не был создан и, что еще более важно, хоть кем-то прочитан первый текст, манифестирующий его переход в то или иное качество. Государственная власть и, прежде всего, обслуживающая ее потребности идеология принципиально не существуют, пока мы, принимающая сторона, не включимся с ней в текстовое взаимодействие. Разнообразные тексты (документы, законы, манифесты, календари, историография) – это питательная среда существования власти вообще, а также кровь и плоть мифологического облика Петра Феодоровича в частности. В свою очередь, художественные тексты о нем – это самая сердцевина, внутреннее структурообразующее ядро его личной мифологии, в идеале призванное обеспечивать успешную жизнедеятельность и достаточную конкурентоспособность всему конструкту в целом. Посмотрим, что именно было закодировано в созданном торжественными одами 1742, 1743 и 1762 годов своеобразном мифологическом ДНК Петра Феодоровича.

Формирование *личной* мифологии Петра Феодоровича на начальном этапе ее эволюции шло по нескольким магистральным направлениям.

Во-первых, литературной обработке и мифологизации подвергся факт зачатия Петра Феодоровича в России, дававший возможность актуализации мощного потенциала сюжета *возвращения изгнанника на родину* как в его чисто литературной (Ломоносов, 1742), так и, в свою очередь, в библейской (Тодорский, 1743: история с Петром Феодоровичем как Иисусом, а Елисаветой Петровной как Иосифом Обручником) модификации. Обратим внимание, что уже на этом этапе моделирование личной мифологии Петра Феодоровича идет по пути кропотливого установления сложных символических связей между ним и Россией. Именно акцент на природной *русскости* наследника престола, гипотетическая исконная принадлежность Петра Феодоровича к числу *российских сынов* кладутся в основу его личного мифа.

А между тем такой поворот темы был отнюдь не единственно возможным, и, более того, вовсе не обязательным. Как мы видели на примере оды Ломоносова 1741 года, посвященной дню рождения Иоанна Антоновича, жанровый потенциал русской торжественной оды предоставлял довольно широкие возможности для вполне качественной мифологизации в том числе и принципиально нерусского происхождения ее главного героя (например, Иоанн Антонович как наследник славы и доблести предводителей тевтонских племен). Образ *чужака*, добровольно приносящего на службу России свои иноземные достоинства, имел обширный мифологический потенциал. Однако, сиротство Петра

Феодоровича и, как следствие, отсутствие личной заинтересованности, в частности, Ломоносова в мифологизации его нерусских корней предопределили основной вектор развития одического образа Петра Феодоровича именно в направлении идентификации и гиперболизации его гипотетической *русскости*.

Отметим, что сложная специфика гибридной идентичности Петра Феодоровича не только не получает адекватного выражения в его одическом облике, но, напротив, всячески отрицается и замалчивается Ломоносовым, единственным автором посвященных наследнику престола русских стихотворных панегириков 1740-ых годов. На этом фоне вполне закономерно, что следующим направлением развития личной мифологии молодого человека становится развернутая литературная обработка именно русской составляющей его генеалогического древа.

Во-вторых, несмотря на то, что *Уставом* Петра I кровное родство с императором (в частности, с самим Петром) объявлялось характеристикой, принципиально нерелевантной в процессе назначения наследника престола, вся личная мифология Петра Феодоровича в значительной степени строится на этом, исключительно биологическом по своей природе, основании. Факт того, что молодой человек являлся *внуком* Петра I, а также *сыном* его старшей дочери, прочитывался, в частности, Ломоносовым, как несомненный залог внутреннего подобия личности голштинского принца натуре первого российского императора, а, значит, и верности назначения племянника Елисаветы Петровны официальным наследником престола. После принятия православия и перемены имени в ноябре 1742 года к знакам, неизменно подкрепляющим “петровскость” Петра Феодоровича, начинает относиться и его в высшей степени символическое тезоименитство своему великому деду. В свою очередь, после женитьбы на Екатерине Алексеевне, имя супруги также включается в список семантических компонентов, работающих в этом направлении. Происхождение, внешность, имя, нюансы матримониального положения – все эти факторы работают на превращение одического образа Петра Феодоровича в индекс, основной функцией которого становится *напоминать деда*.

В-третьих, мифологизации на начальном этапе подвергаются родственные отношения Петра Феодоровича с Елисаветой Петровной. Образ племянника императрицы оказывается плотно интегрирован в орбиту ее собственной богатой личной мифологии, подразумевавшей, в частности, широкомасштабное использование мифа о наступлении в России *золотого века,* а также прямые проекции ее образа на роль российской Астреи / Девы. В данном контексте амплуа *Отрока*, выпавшее на долю Петра Феодоровича в идеологическом дискурсе елисаветинской эпохи, неминуемо обрекало молодого человека на исполнение ролей исключительно второго плана – обстоятельство, с самого начала естественным образом серьезно ограничивавшее мифологический потенциал его одического образа.

Итак, на начальном этапе первичного формирования *личной мифологии* Петра Феодоровича проявились три основных тенденции. Во-первых, отчетливо обозначилась характерная *пустота* образа наследника престола. В 1740-ых годах в его личной мифологии просвечивают образы тех или иных как исторических, так и мифологических персонажей, однако при этом сам по себе, автономно, образ наследника престола не наделяется никакими примечательными качествами кроме природной, очень условной, *русскости*. Во-вторых, нельзя не отметить ярко выраженной синтагматической *несвободы* его литературного образа. Львиная доля усилий Ломоносова и Тодорского на этом этапе сосредотачивается на как можно более плотной интеграции образа Петра Феодоровича в пантеон образов императоров и членов императорской фамилии. Для достижения подобного эффекта на образ Петра Феодоровича активно проецируются образы и сравнения, ранее уже неоднократно применявшиеся для описания русских августейших особ (например, *орел*). При этом лично для него не создается никаких персонифицированных моделей, не вводится уникальных образов, сюжетов или сравнений, вследствие чего достаточной спецификации его образа не происходит. В-третьих, уже на самом первом этапе проявляется в высшей степени служебный и вторичный характер личной мифологии Петра Феодоровича, изначально строящейся с использованием гораздо меньшего масштаба, чем, например, создающаяся параллельно личная мифология его тетки. В начале 1742 года Елисавета Петровна выписывает своего племянника из Голштинии исключительно для того, чтобы он ассистировал ей в ее рискованном государственном предприятии. С момента приезда Петра Феодоровича в Россию молодому человеку отводится однозначно эпизодическая роль на периферии ее собственного официального образа. Правильно расставленные акценты в образном тандеме дочери и внука Петра I призваны были ликвидировать любые потенциальные сомнения по поводу того, кому именно была отведена главная роль на актуальной политической арене. И этим персонажем очевидно являлся не бывший голштинский герцог.

В этом контексте еще раз подчеркнем определенную иррегулярность первых двух од Ломоносова, посвященных Петру Феодоровичу (1742 и 1743 годов): их малый размер, низкий процент тропов и, как следствие, явно ощущаемая на фоне других ломоносовских текстов, справедливо отмеченная комментаторами *Собрания Сочинений,* бедность их идеологического содержания. Мы полагаем, что не столько неудобные личные обстоятельства Ломоносова (напряженные карьерные хлопоты в 1742 году, арест и заключение в 1743), не внутренние характеристики адресата текста, сколько намеренно недостаточно высокий статус наследника престола при российском дворе некоторым прихотливым образом провоцировал Ломоносова на написание не совсем полноценных в художественном плане од. Позволим себе предположить, что небрежность Ломоносова, отчетливо чувствующаяся в его одах Петру Феодоровичу 1742

и 1743 годов, является своеобразным маркером осторожной незаинтересованности Елисаветы Петровны в формировании сильной и полноценной личной мифологии у ее племянника.

Петр Феодорович, конечно же, не был для Елисаветы Петровны тем *чертушкой из Голштинии*, которым он являлся для Анны Иоановны. Однако, вспомним, что в строгом соответствии с *Завещанием* Екатерины, вновь введенном в активный политический обиход самой же Елисаветой Петровной, именно десценденты цесаревны Анны (т.е., собственно, Петр Феодорович) имели отчетливый приоритет в наследовании российского престола не только перед десцендентами Елисаветы, но, что важно, и перед ней самой. После перемены Петром Феодоровичем вероисповедания в 1742 году именно он, а вовсе не Елисавета Петровна, должен был по праву занимать российский престол (см. кроме всего прочего особенную оговорку Екатерины насчет того, что ***мужеска полу*** *Наследники пред женским предпочтены быть имеют*).

Наличие Петра Феодоровича при дворе Елисаветы Петровны создавало довольно щекотливую в своей политической неоднозначности ситуацию. С одной стороны, не имея других претендентов на роль официальных наследников престола, дочь Петра I была очевидно лично заинтересована в выраженном присутствии отчетливого образа своего племянника в идеологическом дискурсе собственного царствования. Это обстоятельство легитимизировало сам факт написания од, посвященных молодому человеку. С другой стороны, до самой смерти, но особенно в первые годы своего правления, Елисавета Петровна инстинктивно была самым прямым образом заинтересована в мифологической беспомощности и несостоятельности официального образа молодого человека[199]. В результате, все-таки начавшая формироваться в русских панегириках 1740-х годов, однако при этом вялая и безжизненная, личная мифология Петра Феодоровича этого периода представляется нам в значительной мере попыткой отечественных панегиристов (в частности, Ломоносова) найти точку относительно устойчивого эквилибриума между двумя разнонаправленными векторами монарших амбиций.

[199] Именно такой паттерн был впоследствии реализован Екатериной Алексеевной в ее отношении к своему сыну. Обладая абсолютно призрачными правами на престол, Екатерина была сильнейшим образом незаинтересована в формировании сильной личной мифологии и позитивного образа Павла Петровича. Она вполне преуспела и в том, и в другом, т.к., по всей видимости, прошла хорошую школу понижения идеологического статуса законного претендента на престол при дворе Елисаветы Петровны. В этом смысле очень понятно трепетное отношение Павла I к Петру Феодоровичу (который сам в свое время, вообще-то, по понятным причинам, не был преисполнен в отношении своего сына отцовскими чувствами); им обоим пришлось играть совершенно одинаковые роли бесправных законных наследников при властных женщинах-узурпаторах.

В целом, основное направление первого этапа формирования личной мифологии Петра Феодоровича можно обозначить как ярковыраженное пренебрежение к его личностным особенностям. Проповедь С. Тодорского 1743 года демонстрирует несколько иные тенденции (например, осторожное соположение, а не противопоставление образов *льва* и *орла*, очень личные, яркие, описания его поведения и проч.). В этом смысле интересно, что нам не известно ни одного случая уничтожения Екатериной II торжественных од Петру Феодоровичу (на фоне охоты правительства Елисаветы Петровны за одами Ломоносова). При этом во время ее царствования тем или иным способом были уничтожены практически все экземпляры проповеди Тодорского. Осторожно предположим, что в своем *Слове* талантливому киевскому проповеднику удалось нащупать то единственно верное направление формирования личной мифологии своего воспитанника, которое в будущем потенциально сулило последнему наиболее значительные идеологические дивиденты. Однако, ни базовые установки, в соответствии с которыми строится образ наследника престола в проповеди его духовного наставника, ни, собственно, используемые им риторические средства оказались, к сожалению, совершенно не поддержаны и не востребованы в последующих русских панегириках, посвященных Петру Феодоровичу.

После вступления Петра Феодоровича на престол вектор развития его личной мифологии несколько меняется по сравнению с тем, что мы наблюдали на первом этапе. Личная мифология новоиспеченного монарха по прежнему строится вокруг проекций его одического образа на образ Петра I, однако, теперь – в дополнение ко всем существовавшим уже на первом этапе риторическим приемам – в действие вступают и некоторые другие механизмы семантического приравнивания образов двух Петров друг к другу.

Так, после приобретения Петром Феодоровичем статуса императора на него начинают активно проецироваться элементы личной мифологии Петра I (сюжеты с Гераклом, побеждающим змей; с Сампсоном, побеждающим льва; наименование его Давидом и Соломоном, *покорителем Нептуна*, предложение ему роли Александра Великого, кардинально переопределяющим границы империи и проч., и проч.). Особое место в личной мифологии Петра Феодоровича как нового Петра I отводится образу Екатерины Алексеевны, которая позиционируется при этом как новая Екатерина I, соратница Петра в гуманитарных проектах. Т.е. на втором этапе эволюции личная мифология Петра Феодоровича постепенно начинает наполняться смыслами. Однако, наполнение это идет за счет прямой трансплантации в семантическое поле его одического образа элементов личной мифологии Петра I.

Довольно скоро в этом процессе возникает существенная сложность. В официальном образе Петра I все перечисленные выше мифологемы

функционировали крайне эффективно, т.к. непосредственно соотносились с реальными историческими обстоятельствами его жизни и деятельности (стрелецкий бунт и недоброжелательство Софьи-Геры, Северная война и победа надо *львом*, реальное расширение границ и обретение титула *Великий*, постройка флота и проч.). Однако, будучи применены для описания Петра Феодоровича, не обеспеченные плотными связями с узловыми моментами его жизни и биографии, "петровские" нарративные модели закономерным образом подвергаются высочайшей семантической инфляции. Это приводит к выхолащиванию того набора смыслов, который представлял собой личную мифологию Петра Феодоровича, к превращению конструирующих ее текстов в красиво шуршащие звонкими словами пустые обертки, напрочь лишенные какого бы то ни было содержания, а потому и моделирующего потенциала.

В 1762 году процесс потребления посвященных Петру Феодоровичу одических текстов читателями был обречен застрять на первом, описанном И.И. Дмитриевым, этапе восприятия – этапе очарованности внешней стороной текста (в идеале лишь предшествовавшем глубинному его пониманию и переживанию). Все оды Петру Феодоровичу 1762 года по своим формальным риторическим характеристикам ничем не уступают, например, одам Елисавете Петровне 1740-1750-х годов: они и длинны, и звучны, и пышны. Однако, их скрытый дефект состоит в том, что они не могли вызывать в их потребителях так необходимую для сохранения императорской власти *монархическую эмоцию*. Таким образом, на втором этапе эволюции личной мифологии Петра Феодоровича адресованные ему оды и назывались одами, и выглядели как оды, но за счет критического изъяна в механизме выстраивания в них личной мифологии императора – в ошибочном проецировании на него мифологии Петра I – решительно не функционировали как оды, т.е. не генерировали у читателей и слушателей эмоции *благоговейного умиления* по отношению к их адресату.

Итак, личная мифология, предложенная Петру Феодоровичу русскими авторами в 1762 году, решительно ему не подходила. В этой ситуации глубокого несоответствия риторических моделей внутренним характеристикам объекта описания, исключительно интересно обратить внимание на то, как начинают реализовываться вторичные, непредусмотренные и незапланированные для актуализации, однако, потенциально все-таки вшитые в эти модели нюансы значений. Так, в 1761 году Ломоносов называет Петра Феодоровича *Сампсоном.* Однако, в силу объективных причин – именно в силу выраженности у внука Петра I тех отличительных признаков, о которых мы писали выше при разговоре о Петре Феодоровиче-человеке – император решительно не имел возможности привести свою личность в хоть сколько бы то ни было близкое соответствие с подобного рода номинацией (в частности, он не мог победить *льва* ни внешнего, ни внутреннего). И тем не менее в глазах публики Петр

Феодорович все равно становится Сампсоном, участвующем, однако, не в сюжете победы надо львом, а в альтернативном нарративе Самсона и Далилы. Идеология, закодированная в образы мифологического уподобления, оказывается крайне ненадежным и даже опасным средством моделирования реальности, т.к. семантический потенциал используемых в этом процессе риторических единиц (тем и сюжетов) слишком велик, и никому оказывается не под силу предугадать, какое именно из значений актуализуется и выйдет на первый план при малейшем сбое в процессе смыслопорождения.

***

В вышедшей в 2005 году в издании *Наука* монографии *Русская ода: Развитие одической формы в XVII-XVIII веках* Н.Ю. Алексеева писала:

> <...> старые теоретики поэзии, знавшие о гибели жанров на основании актуальной для них истории <...>, считали смерть жанров временной. Если чувства объективно заданы, они не могут умереть и потенциально присутствуют, утрата их лишь видимая и временная, при определенных условиях они возрождаются, а вместе с ними возрождаются и порождаемые этими чувствами жанры. <...> Согласно такому взгляду, классические жанры присутствуют в настоящем не только как памятники литературы, но как вечная идея, способная снова и снова быть отраженной. В настоящее время **классические жанры находятся в состоянии смерти** [Алексеева: 5-6].

На наш взгляд, желание исследователя скинуть торжественную оду с идеологического парохода современности представляется несколько преждевременным. В частности, обратим внимание на то, что в последние несколько лет в огромных количествах пишутся и публикуются в интернете оды В.В. Путину.

Например, в октябре 2011 года состоялся визит В.В. Путина на Брянщину, в ходе которого российский премьер-министр присутствовал на открытии мемориального комплекса жертвам фашизма *Хацунь*. Некоторое время спустя после визита Владимира Владимировича в Брянскую область, в *Общественно-политической газете Стародубского района* «*Стародубский вестник»* появилась любопытнейшая заметка ветерана Великой Отечественной войны П.А. Романенко, который по свежим следам рассказывал о своем опыте живого общения с руководителем страны. Вот какую историю сообщил читателям *Стародубского вестника* ветеран:

> Во все времена у человека, простого труженика, не могло возникнуть даже мысли о возможности живого общения с верховным руководителем государства. А что сегодня в России? Для меня это было как иронией судьбы, часто описанной в романах, состоявшейся в том, что посвященные еще мною строки в двухтысячных годах, стало возможным вслух продекламировать прямо рядом, лицом к лицу тому человеку, кому они были посвящены <т.е. В.В. Путину – *М.К.*>. Это произошло на территории мемориального комплекса жертвам фашизма в деревне Хацунь. По какой-то случайности я оказался крайним в шеренге ветеранов войны. Он подошел своей твердой походкой спортсмена и протянул мне руку.

> <...> На лице В. В. Путина я прочел мягкое добродушие, а в глазах – острую прозорливость. Удерживая его руку, я произнес: «Владимир Владимирович, <**...**> когда к верховной власти пришел человек, который уже с первых дней своей работы показал свою решительность, способность дать отпор, отбить охоту тем силам, которые готовы были разрушить целостность государства <...> народ поверил этому человеку, это тот, кто сохранит Россию. Одним из таких людей был и я[»]. И вот тогда же написал оду «Сыну России» и посвятил ее В. В. Путину. Когда же состоялось открытие мемориала и я лицом к лицу встретился с премьер-министром, я вспомнил свои стихи и продекламировал их ему.
> <...> Выслушав внимательно, Владимир Владимирович шагнул ближе ко мне и со словами «спасибо-спасибо» обнял старого солдата. Присутствующие на церемонии возложения красных гвоздик на надгробье расстрелянных жителей деревни фашистскими палачами, от стара до мала, поддержали меня громкими аплодисментами [Романенко].

Газетная заметка П.А. Романенко заключается, собственно говоря, самим текстом оды, так удачно и эффектно продекламированной автором ее адресату. В этой *Оде сыну России* есть, в частности, следующие строки: *Во имя жизни на земле / Господь хранит нашу державу, / И он вручил ее тебе, - / Примножь ее былую славу. / <...> / **Дела Великого Петра**, / Его талант, его уменье / Возьми себе в вооруженье, / Чтобы Россия обрела / К себе былое уваженье.*

Все в этом примере крайне показательно: и способ бытования одического текста (автор вслух и по памяти декламирует его при личной встрече с монархом); и упоминание об *иронии судьбы, часто описанной в романах* – т.е. именно того самого *случàя*, понятие которого было одним из ключевых в общественно-культурной парадигме XVIII столетия; и описание жеста монарха (*протянул руку* – жест, довольно жестко закрепленный в торжественных одах за Петром I); и фокусировка на его лице (лицо и особенно глаза, только что не испускающие лучи); и благодарность адресата; и солидарность слушателей, обретших в тексте ветерана адекватное словесное выражение своих эмоций; и, наконец, прямое сравнение с В.В. Путина с Петром I в самой оде.

Наивной ошибкой является полагать, будто бы жанр торжественной оды мертв в современном российском культурном контексте. Он формально мутировал и отодвинулся как на непосредственную географическую, так и на статусную периферию литературного поля. Его функция также модифицировалась: современные одические тексты скорее ре-транслируют, чем создают личную мифологию монарха. Однако, он живет вполне полноценной и насыщенной жизнью – факт, превращающий его изучение в исключительно актуальную и любопытную проблему современного, по крайней мере русскоязычного, литературоведения и обществознания.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Акафист в неделю Ваий – *Акафист в неделю Ваий* // Акафистник. Электронная публикация: http://fotinya.orthodoxy.ru/akafist_Iisusu_07.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Акафист Петру и Павлу – *Акафист святым первоверховным апостолам Петру и Павлу*. Электронная публикация: http://www.akafist.ru/saints/57-petr-pavel/108-akafist [дата последнего визита: 26.10.2012]

Барков – Барков И.С. *Стихотворения*. СПб., 2001.

Бартенев – Бартенев Ю.Н. *Рассказы о Хераскове. Из записок Ю.Н. Бартенева* // Русский архив, 1879. Кн. 3. Вып. 9. С. 28-30. Электронная публикация: http://memoirs.ru/texts/Her_RA79K3V9.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Библия – Елизаветинская Библия СПб., 1751. Т. 1-4**.** Электронная публикация:

Т.1 – http://www.archive.org/details/bibliasiriechkni01luik [дата последнего визита: 26.10.2012]

Т.2 – http://www.archive.org/details/bibliasiriechkni02luik [дата последнего визита: 26.10.2012]

Т.3 – http://www.archive.org/details/bibliasiriechkni03luik [дата последнего визита: 26.10.2012]

Т.4 – http://www.archive.org/details/bibliasiriechkni04luik [дата последнего визита: 26.10.2012]

Богданович 2011 – Богданович М. *Библиофильское партнерство* // Наше наследие. 2011. № 97. Электронная публикация: http://www.nsb-bibliophile.ru/nsb-v-pechati/41-bogdanovich.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Богданович 1853 – Богданович И.Ф. *Автобиография И.Ф. Богдановича* / Педисл. и прим. Г. Геннади // Отечественные записки, 1853. Т. 87. Кн. 4. С. 181-186. Электронная публикация: http://memoirs.ru/texts/Bogdanovic1853.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Богданович 1773 – Богданович И.Ф. *Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некотораго муз любителя*. При Императорской Академии наук. Спб., 1773. Электронная публикация: http://www.lib.pu.ru/dcol/jsp/RcWebImageViewer.jsp?doc_id=rp/libspbgu/00000001/00000013 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Богданович 1762 a – Богданович И.Ф. *Ода ... имп. Петру Феодоровичу ... на всерадостнейшее восшествие на престол, которую приносит всеподданейший раб Ипполит Богданович. 1762 года генваря дня.* [М.]: Печатана при Императорском Московском университете, [1762].

Богданович 1762 b – Богданович И.Ф. *Ода на день тезоименитства его императорскаго величества благочестивейшаго государя императора Петра Феодоровича, самодержца всероссийскаго, и его императорскаго высочества благовернаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича / Сочиненная при Императорском Московском университете, прапорщиком Ипполитом Богдановичем.* [М]: Печатана при Императорском Московском университете, 1762.

Бужинский 1901 – *Проповеди Гавриила Бужинскаго (1717 - 1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований.* / Издал по рукописи Московской Духовной Академии Е. Петухов. Юрьев, 1901.

Бужинский 1723 – Бужинский Г. *Похвальное слово, произнесенное в празднуемый уже в 52-й раз день рождения всепресветлейшего и державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всея России. В царствующем граде Петрополе, 30 мая 1723 года, в церкви Святой Троицы, в торжественном присутствии его императорской фамилии, Сената и Синода и многочисленного народа (лат).* Электронная публикация: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5930 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Голеневский 1777 – Голеневский И.К. *Собрание сочинений с переводами*. СПб.,1777.

Голеневский 1751 a – Голеневский И.К. *Ода ее императорскому величеству всепресветлейшей державнейшей великой государыне Елисавете Петровне императрице и самодержице всероссийской которою в торжественный праздник высокого тезоименитства ее величеству всеусерднейшее поздравление приносит всеподданейший раб Иван Голеневский 1751 сентября 5 дня.* [СПб., 1751].

Голеневский 1751 b – Голеневский И.К. *Ода на всерадостнейшее торжество высочайшего восшествия ее величества всепресветлейшей державнейшей великой государыни Елисаветы Петровны императрицы и самодержицы всероссийской на прародительский престол которою ее величеству всеусерднейшее приветствие приносит всеподданейший раб Иван Голеневский 1751 ноября 25 дня.* [СПб., 1751].

Голиков – Голиков И.И. *Деяния Петра Великаго: мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и разположенныя по годам*. Т. 11. М., 1839. Электронная публикация: http://books.google.ca/books?id=lHZKAAAAYAAJ [дата последнего визита: 26.10.2012]

Державин – Державин Г.Р. *Стихотворения*. Л., 1957. Электронная публикация: http://rvb.ru/18vek/derzhavin/toc.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Дмитриев – Дмитриев И.И. *Взгляд на мою жизнь: Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева*. М., 1866. Электронная публикация: http://imwerden.de/pdf/dmitriev_vzglyad_na_moju_zhizn_1866.pdf [дата последнего визита: 26.10.2012]

Екатерина – Екатерина II. *Записки императрицы Екатерины II.* Лондон, 1859. Электронная публикация: http://imwerden.de/pdf/ekaterina_ii_zapiski_1859.pdf [дата последнего визита: 26.10.2012]

Карин – Карин А. *Ода ее императорскому величеству всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, на торжественный день восшествия на престол, принесенная всеподданейшим рабом Лейбгвардии конного полку ротным квартирмейстером, и императорского Московского*

университета учеником, Александром Кариным. 1759 года ноября 25 дня. [М., 1759].

Ломоносов – Ломоносов М.В. *Полное собрание сочинений* / АН СССР. М.-Л., 1950-1983. Электронная публикация: http://feb-web.ru/feb/lomonos/default.asp?/feb/lomonos/texts/lo0/lo0.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Карин – *Ода ее императорскому величеству всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, на торжественный день восшествия на престол, принесенная всеподданейшим рабом Лейбгвардии конного полку ротным квартирмейстером, и императорского Московского университета учеником, Александром Кариным. 1759 года ноября 25 дня*. [М., 1759].

Мерси д'Аржанто – *Дипломатическая переписка австрийских послов и посланников при русском дворе. Донесения графа Мерси д'Аржанто императрице Марии-Терезии и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу, с 5-го января нового стиля 1762 года по 24 июля новаго стиля 1762 года и переписка графа Мерси с русским министерством*. Изданы Г.Ф. Штендманом. Часть 1-я. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 18. СПб., 1876. Электронная публикация: http://www.archive.org/details/sbornik85obshgoog [дата последнего визита: 26.10.2012]

Нарышкин 1762 a – Нарышкин А.В. *На кончину блаженной и вечнодостойной памяти императрицы Елисаветы Петровны, и на восшествие на всероссийский наследный престол Государя Императора Петра Феодоровича* // *Полезное увеселение*. М., февраль 1762. Электронная публикация: http://www.ualberta.ca/~pogosjan/projects/ode/1762/62AVnaryshEPsmPFvosh.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Нарышкин 1762 b – Нарышкин А.В. *Ода всепресветлейшему, державнейшему, великому и милосердому государю Императору Петру Феодоровичу, самодержцу всероссийскому* // *Полезное увеселение*. М., март 1762.

Обстоятельное описание – *Обстоятельное описание торжественных порядков благополучнаго вшествия в царствующий град Москву и священнейшаго коронования ея августейшаго императорскаго величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года***.** СПб., 1744. Электронная публикация: http://dlib.rsl.ru/rsl01003000000/rsl01003336000/rsl01003336169/rsl01003336169.pdf [дата последнего визита: 26.10.2012]

Овидий – Публий Овидий Назон. *Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии*. Перевод с латинского С.В. Шервинского. М., 1983. Электронная публикация: http://lib.ru/POEEAST/OWIDIJ/ovidii2_2.txt [дата последнего визита: 26.10.2012]

Описание действия 1839 – *Описание действия, каким образом по Всевысочайшему Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийской соизволению в царствующем граде Москве в придворной Ее Императорского Величества церкви, объявление Наследником Всероссийского Императорского Престола Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Петра Феодоровича вседражайшего Внука высокославного и вечнодостойной памяти Государя Императора Петра Первого, Ее Императорского Величества племянника учинено, и како приятие православновосточной Греческаго исповедания веры Его Императорским Высочеством, и таинство священного миропомазания Его Императорскому Высочеству совершалось* // Сын отечества, 1839. Т. 9. Отд. 6. С. 1-5. Электронная публикация: http://memoirs.ru/texts/Opis_SO39T9Otd6.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Описание иллуминации 1742 – *Описание иллуминации и фейэрверка которые по всемилостивейшему повелению е. и. в. ...Елисаветы Петровны... в высокоторжественный день рождения его королевскаго высочества светлейшаго князя и государя Петра владетельнаго герцога Голштейн Готторпскаго в Санктпетербурге 10 февраля 1742 года представлены были*. При Императорской Академии наук, 1742.

Петр I в литературе – *Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии*. Спб., 2006. Электронная публикация:

http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5927 [дата последнего визита: 18.10.2012]

Письма – *Письма русских писателей XVIII века.* Ленинград, 1980. Электронная публикация: http://rvb.ru/18vek/letters_rus_writers/toc.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Полезное увеселение – *Полезное увеселение. На месяц генварь-июнь 1762.* [М.]: Печатана при Императорском Московском университете, [1762].

Пиндар – Пиндар, Вакхилид. *Оды. Фрагменты.* М., 1980. Электронная публикация: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PINDAR,_VAKHILID/_Pindar,_Vakhilid.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Плутарх – Плутарх. *Сравнительные жизнеописания в двух томах* / Перевод М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера, обработка перевода С.С. Аверинцева, примечания М.Л. Гаспарова. М., 1994. Т. II. Электронная публикация: http://ancientrome.ru/antlitr/plutarch/sgo/alexander.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Поповский – Поповский Н. *Ода на всерадостный день восшествия на престол ее императорского величества благовернейшей и самодержавнейшей великой государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийской, ноября 25 дня 1754 года*. СПб., 1754.

Поэты – *Поэты XVIII века:* В 2-х томах. Л., 1972. Электронная публикация: http://www.rvb.ru/18vek/poety18veka/toc.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Прокопович – Прокопович Ф. *Слова и речи*. Ч. I. СПб., 1760. Электронная публикация: http://books.google.ca/books?id=-p4YAAAAYAAJ [дата последнего визита: 26.10.2012]

Прокопович 1725 а – *Слово на погребение всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великаго, императора и самодержца всероссийскаго, отца отечества, проповеданое в царствующем Санктъпетербурге, в церкви Святых Первоверховных апостол Петра и*

Павла, святейшаго правительствующаго Синода вицепрезидентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом псковским и нарвским, 1725, марта 8 дне. Электронная публикация: http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5932#_edn1 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Прокопович 1725 b – *Слово на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго, императора и самодержца всероссийскаго, и прочая, и прочая, в день тезоименитства его проповеданное в царствующем Санктъпетербурге, в церкви Живоначалныя Троицы, святейшаго правительствующаго Синода вицепрезидентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом псковским и нарвским.* Электронная публикация: http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5933 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Пушкин – Пушкин А.С. *Собрание сочинений в 10 томах*. Москва, 1959. Электронная публикация: http://www.rvb.ru/pushkin/toc.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Ржевский 1762 a – Ржевский А.А. *Ода е.и.в. всепресветлейшему, державнейшему, великому ... Государю Императору Петру Феодоровичу... на всерадостнейшее восшествие на всероссийский престол* // *Полезное увеселение*. М., март 1762.

Ржевский 1762 b – Ржевский А.А. *Ода всепресветлейшему державнейшему великому и милосердому государю, истинному отцу подданных, императору Петру Феодоровичу, самодержцу всероссийскому. Приносится в знак благодарности за беспримерное и милосердое пожалованье вольностию российских дворян* // *Полезное увеселение*. М., март 1762. Электронная публикация: http://www.ualberta.ca/~pogosjan/projects/ode/1762/62rzhPFvoln.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Романенко – Романенко П.А. *Лицом к лицу* // Стародубский вестник. Электронная публикация: http://bryanskrai.ru/www/starodub/show/2708/ [дата последнего визита: 26.10.2012]

Ростовский – Ростовский Д. *Книга житий святых на три месяцы вторыя: декемврий, януарий, февруарий.* Типография Печерской Лавры, 1695.

Сумароков 2009 – Сумароков А.П. *Оды торжественные* / Текстологический и историко-литературный комментарий Роналда Вроона. ОГИ, 2009.

Сумароков 1957 – Сумароков А.П. *Избранные произведения*. Ленинград, 1957. Электронная публикация: http://www.rvb.ru/18vek/sumarokov/toc.htm

Сумароков 1781 – Сумароков А.П. *Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе* / Собраны и изданы Н. Новиковым. Ч.2. М., 1781. Электронная публикация: http://books.google.ca/books?id=MyVgAAAAMAAJ [последний визит: 12.10.2012]

Сумароков 1761 – Сумароков А. *Ода е.и.в. государю Петру Феодоровичу ... в день возшествия его на всероссийский императорский престол декабря 25 дня 1761 от Александра Сумарокова.* [Спб.]: Печатана при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, [1762].

Тредиаковский 1963 – Тредиаковский В.К. *Избранные произведения*. М.-Л., 1963. Электронная публикация: http://www.rvb.ru/18vek/trediakovsky/toc.htm [последний визит: 18.10.2012]

Тредиаковский 1752 – Тредиаковский В.К. *Сочинения и переводы как стихами, так и прозою.* Т. 1-2. Спб., 1752. Электронная публикация:

Том I: http://imwerden.de/pdf/trediakovsky_tom1_1752.pdf [последний визит: 18.10.2012]

Том II: http://imwerden.de/pdf/trediakovsky_tom2_1752.pdf [последний визит: 18.10.2012]

Тредиаковский 1733 – Тредиаковский В.К. *Ода приветственная всемилостливейшей государыне императрице самодержице всероссийской Анне Иоанновне в день отправляющегося торжества то есть 19 генваря для радостного всем нам восшествия ее величества на всероссийский престол.* СПб., 1733.

Трудолюбивая пчела – *Трудолюбивая пчела*. Спб., 1759.

Флоринский – Флоринский К. *Слово в высокоторжественный день рождения Елисаветы Первыя, императрицы всея России проповеданное архимандритом иконоспасским Кириллом Флоринским в Успенском соборе в Москве 1741 года декабря 18 дня.* При Императорской Академии наук, [1741].

Херасков 1796 – *Творения М. Хераскова: Вновь исправленныя и дополненныя.* М., 1796‑1803.

Херасков 1762 – Херасков М.М. *Ода Петру Феодоровичу ... на всерадостнейшее восшествие на престол приносит всеподданейший раб Михайло Херасков 1762 года генваря дня.* [М.]: Печатана при Императорском Московском университете, [1762].

Херасков 1753 – Херасков М.М. *Ода ее императорскому величеству всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елизавете Петровне самодержице всероссийской, сочиненная на высочайший день восшествия ее величества на всероссийский престол, которую усерднейше приносит всеподданейший раб Михайло Херасков.* М., 1753.

Херасков 1751 – *Ода... Елисавете Петровне ... сочиненная на торжественное воспоминовение победы Петра Великаго над шведами под Полтавою, которую усерднейше приносит всеподданнейший раб Михайло Херасков.* СПб., 1751.

Хмельницкий – Хмельницкий Г. *Ода, которая е. и. в. Лейбгвардии Измайловскаго полку капитан-порутчику светлейшему принцу Александру Бакаровичу Грузинскому и светлейшей княжне Дарии Александровне Менщиковой в день их светлостей брачнаго сочетания 1761 года, ноября 11 дня с искренною ревностию в знак благодарности принесенна от всенижайшаго слуги Григория Хмельницкаго.* [Спб.]: Печатана при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, [1762].

Шляхетна юность – *Еже Россиа ныне восклицает, и чим входящу на трон поздравляет царствующу Анну от Бога нам данну: Тожде шляхетна*

тщится зде творити юность, да матерь может ублажати в купе с похвалами краткими стихами. При Императорской Академии наук, 1735.

Шляхетно юношество – *Благополучное соединение свойств потребных к правлению великих империй / В высокоторжественный день восшествия на престол всепресветлейшия и непобедимыя государыни имп. Анны Иоанновны, самодержицы всероссийския при радостном восклицании с удивлением всеподданнейше представленное от обретающагося в Санктпетербурге при Шляхетной академии юношества*. При Императорской Академии наук, 1738.

Штелин – Штелин Я.Я. *Записки Штелина. Карл Петр Ульрих, (впоследствии Петр Федорович). Герцог Шлезвиг-Голштинский* // Утро, 1868. Т. 3. С. 309-362. Электронная публикация: http://www.memoirs.ru/rarhtml/1025Stelin.htm [дата последнего визита: 20.10.2012]

Шумигорский – Шумигорский Е. *Екатерина II*. [Объяснение к "Начертанию" А.А. Безбородко] // Русская старина, 1899. Т. 98. N 4. С. 25–37. Электронная публикация: http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0050.shtml [дата последнего визита: 26.10.2012]

Ovidius – P. Ovidius Naso. *Metamorphoses*. Электронная публикация: http://www.thelatinlibrary.com/ovid.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Pindar – *Pindar. The Odes of Pindar including the Principal Fragments with an Introduction and an English Translation by Sir John Sandys, Litt.D., FBA.* Cambridge, MA., Harvard University Press; London, William Heinemann Ltd. 1937. Электронная публикация: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/collection?collection=Perseus%3Acorpus%3Aperseus%2Cauthor%2CPindar [дата последнего визита: 26.10.2012]

Исследовательская литература

Агеева 2009 – Агеева О. Г. *Официальная жизнь двора и российское общество от Петра I до Екатерины II* // Верховная власть, элита и общество в России XIV - первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная научная конференция, 24–26 июня 2009 года: Тезисы

докладов. Электронная публикация: http://www.kreml.ru/ru/science/conferences/2009/power/thesis/Ageeva/ [дата последнего визита: 26.10.2012]

Агеева 1999 – Агеева О. Г. *Имперский статус России: к истории политического менталитета русского общества начала XVIII в.* // Царь и царство в русском общественном сознании: Сб. ст. М.,1999. С.112-140. Электронная публикация: http://www.tellur.ru/~historia/archive/05/ageyeva.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Алексеева – Алексеева Н.Ю. *Русская ода: Развитие одической формы в XVII-XVIII веках*. Спб., 2005.

Белозерская – Белозерская Н. *Царское венчание в России (Исторический очерк).* // Русская мысль, 1883. Кн. 4. С. 1-40; Кн. 5. С. 1-48. Электронная публикация: http://memoirs.ru/files/1413Beloz.rar [дата последнего визита: 26.10.2012]

Билярский – Билярский [П. С.] *Материалы для биографии Ломоносова*. Спб., 1865. Электронная публикация: http://feb-web.ru/feb/lomonos/default.asp?/feb/lomonos/critics/common/bil/bil.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Винокур – Винокур Г.О. *Русский литературный язык в первой половине XVIII века* // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 111-137. Электронная публикация: http://www.philology.ru/linguistics2/vinokur-59b.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Гаспаров 2003 a – Гаспаров М.Л. *Стиль Ломоносова и стиль Сумарокова — некоторые коррективы* // НЛО, 2003. №59. Электронная публикация: http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/gaspar.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Гаспаров 2003 b – Гаспаров М.Л. *Как писать историю литературы* // НЛО, 2003. №59. Электронная публикация: http://www.philology.ru/literature1/gasparov-03.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Гаспаров 2000 – Гаспаров М.Л. *Топика и композиция гимнов Горация* // Гаспаров М.Л. *Об античной поэзии.* Спб., 2000. Стр. 323–373. Электронная публикация: http://www.horatius.ru/index.xps?13.0.36 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Гаспаров 1997 – Гаспаров М.Л. *"Снова тучи надо мною..." Методика анализа* // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. II. *О стихах*. М., 1997. С. 9-20. Электронная публикация: http://www.philology.ru/literature2/gasparov-97b.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Гребенюк – Гребенюк В.П. *Обзор произведений панегирического содержания первой четверти XVIII в.* // Панегирическая литература петровского времени. Русская старопечатная литература (XVI -- первая четверть XVIII в.) / Сост. В.П. Гребенюк. М., 1979. С. 5-38.

Грот – Грот Я.К. *Письма Ломоносова и Сумарокова к И.И. Шувалову: Материалы для Истории русскаго образования* // Записки Императорской Академии Наук, Т. I. Спб., 1862, прилож. № 1. С.1-52. Электронная публикация: http://books.google.ca/books?id=CFcFAAAAQAAJ [дата последнего визита: 26.10.2012]

Гуковский 1999 – Гуковский Г.А. *Русская литература XVIII века. Учебник* / Вступ. статья А. Зорина. М., 1999.

Гуковский 1941 – Гуковский Г.А. *Сумароков и его литературно-общественное окружение* // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1941—1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. 1941. С. 349-420. Электронная публикация: http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il3/il323492.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Живов – Живов В.М. *Язык и культура в России XVIII века*. М., 1996.

Западов 1973 – Западов А.В. *История русской журналистики XVIII–XIX веков* / Под редакцией проф. А.В. Западова. М., 1973. Электронная публикация: http://evartist.narod.ru/text3/01.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Западов 1961 – Западов А.В. *Творчество Хераскова* // М. М. Херасков: Избранные произведения. М.-Л., 1961. Электронная публикация: http://www.rvb.ru/18vek/heraskov/03article/article.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Зорин – Зорин А.Л. *Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века*. М., 2001.

Иванов – Иванов О.А. *Екатерина II и Петр III: История трагического конфликта*. М., 2007.

Иванюк – Иванюк С.А. *Первые памятники Полтавской битвы в изобразительном искусстве.* Электронная публикация: http://archive-history.livejournal.com/9168.html [дата последнего визита: 23.10.2012]

Исторический очерк – Мурзанова М.Н., Адрианова-Перетц В.П. *Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела библиотеки Академии наук*. Изд-во Академии наук СССР, 1956.

Карамзин – Карамзин Н.М. *О Богдановиче и его сочинениях* // Карамзин Н.М. *Избранные сочинения в двух томах.* Т II. М., 1964. С. 198-279. Электронная публикация: http://imwerden.de/pdf/karamzin_o_bogdanoviche.pdf [дата последнего визита: 26.10.2012]

Кислова 2011 – Кислова Е.И. *«Божие особое благословение» Симона Тодорского 1745 г. – проповедь на бракосочетание Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны 1745 г.* // Ломоносовский сборник. М., 2011. С. 133-183.

Кислова 2010 – Кислова Е.И. *Церковная проповедь и придворный праздник в 1740-х годах* // Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert) – Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв. / Alexander Graf (Hrsg.). Мюнхен, 2010. Электронная публикация: http://books.google.ca/books?id=z0RNNWIITYYC [дата последнего визита: 26.10.2012]

Кислова 2007 a – Кислова Е.И. *«Слово на день рождения Петра Фёдоровича» Симона Тодорского* // Acta Philologica, 2007. № 1. Электронная публикация: http://www.box.net/shared/8vhphf16ch [дата последнего визита: 26.10.2012]

Кислова 2007 b – Кислова Е.И. *Светская литература и культура в проповедях Симона Тодорского* // Озерная текстология: труды IV летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы / под ред. А. Кобринского. Спб., 2007. Электронная публикация: http://www.box.net/shared/paxm8nu4o0 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Клевета сквозь века – *Клевета сквозь века: Петр III –- неизвестный российский император. Поэт дает урок историкам* // Лабиринт времен: Исторический альманах. Электронная публикация: http://www.hist.ru/neizv.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Клейн, Живов – Клейн И., Живов В.М. *Русская ода: история жанра (Рец. на кн.: Алексеева Н.Ю. Русская ода. СПб., 2005)* // НЛО, 2007. № 87. Электронная публикация: http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/kl43.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Кочеткова 2010 – Кочеткова Н.Д. *М.М. Херасков.* // Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 3. Р-Я. Спб., 2010. Электронная публикация: http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10381 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Кочеткова 1999 – Кочеткова Н.Д. *Н.Н. Поповский* // Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 1. А-И. Л., 1988. Электронная публикация: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=838 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Кочеткова 1993 – Кочеткова Н.Д. *Тема «золотого века» в литературе русского сентиментализма* // Русская литература XVIII век. Сборник 18. Спб., 1993. С. 172-186. Электронная публикация: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=7526 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Кочеткова 1988 – Кочеткова Н.Д. *И.Ф. Богданович* // Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 1. А-И. Л., 1988. Электронная публикация: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=573 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Кулакова – Кулакова Л.И. *Богданович* // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. 1947. С. 342-352. Электронная публикация: http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il4/il4-3422.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Ларкович – Ларкович Д.В. *Жанровая динамика «траурной» оды Г. Р. Державина* / Д. В. Ларкович // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 3(65). С. 123-137. Электронная публикация: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0065%2801_$03-2009%29&xsln=showArticle.xslt&id=a13&doc=../content.jsp [дата последнего визита: 26.10.2012]

Летопись – *Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова* / АН СССР; Ин-т истории естествознания и техники. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1961. Электронная публикация: http://feb-web.ru/feb/lomonos/lel-abc/lel-085-.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Лотман – Лотман Ю.М. *Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова* // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42, № 3 . С. 253-262. Электронная публикация: http://philologos.narod.ru/lotman/apt/13.htm#40 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Макогоненко – Макогоненко Г.П. *Дмитриев Иван Иванович* // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. Электронная публикация: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=770 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Мыльников – Мыльников А.С. *Петр III: Повествование в документах и версиях.* Москва, 2002. Электронная публикация: http://lib.rus.ec/b/314828 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Осповат 2007 а – Осповат К.А. *О концепции оды у Тынянова: заметки к теме* // Пушкинские чтения в Тарту 4: Пушкинская эпоха:

Проблемы рефлексии и комментария: Материалы международной конференции. Тарту, 2007. С. 408–419. Электронная публикация: http://www.ruthenia.ru/document/542974.html [дата последнего визита: 11.10.2012]

Осповат 2007 b – Осповат К.А. *Ломоносов и "Письмо о пользе стекла": поэзия и наука при дворе Елизаветы Петровны* // НЛО, 2007. № 87 Электронная публикация: http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/os9.html [дата последнего визита: 11.10.2012]

Осповат 2006 – Осповат К.А. *Астрономия и эмблематика: об одном мотиве у Ломоносова* // Кириллица, или Небо в алмазах: Сборник к 40-летию Кирилла Рогова. Электронная публикация: http://www.ruthenia.ru/document/539857.html [дата последнего визита: 11.10.2012]

Осповат 2004 – Осповат К.А. *«Sublime misanthrope»: Ломоносов в 1760-1761 годах* // НЛО, 2004. № 69. Электронная публикация: http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/osp11.html [дата последнего визита: 11.10.2012]

Осповат 1999 – Осповат К.А. *Quisquis Pindarum studet aemulari: заметки о "литературном направлении" Ломоносова* // Русская филология 10. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 1999 Электронная публикация: http://www.utoronto.ca/tsq/13/ospovat13.shtml [дата последнего визита: 11.10.2012]

Омилянчук – Омилянчук С.П. *Текстология. Конспект лекций*. Электронная публикация: http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook076/01/part-002.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Павленко – Павленко Н.И. *Пётр II.* М., 2006. Электронная публикация: http://fictionbook.ru/author/nikolayi_ivanovich_pavlenko/petr_ii/read_online.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Пастушенко – Пастушенко Л.М. *Письма М.М. Херасова к Г.-Ф. Миллеру: 1756-1764* // XVIII век: Сб. 11. Н.И. Новиков и общественное литературное движение его времени. Л., 1976. С. 51-69. Электронная

публикация: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=7136 [дата последнего визита: 26.10.2012]

П.Б. – П.Б. *Библиографическая заметка о похвальном слове Петру III Симона Тодорского* // Записки Императорской Академии Наук. Т.3. Спб., 1863. С. 258-264. http://books.google.ca/books?id=tKE9AQAAIAAJ [дата последнего визита: 26.10.2012]

Погосян 2001 – Погосян Е.П. *Петр I -- архитектор российской истории.* Спб., 2001. Электронная публикация: http://www.ualberta.ca/~pogosjan/peter/oglavlenie.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Погосян 1997 – Погосян Е.П. *Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730-1762 гг.* Тарту, 1997. Электронная публикация: http://www.ruthenia.ru/document/534616.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Погосян, Сморжевских – Погосян Е.А., Сморжевских М.А. *"Я Деву в солнце зрю стоящу...": образ апокалиптической Жены в русской официальной культуре 1695-1742 гг.* // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. VIII. Tartu, 2002. Электронная публикация: http://www.ualberta.ca/~pogosjan/public/public2002_deva.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Полевой – Полевой П. *История русской литературы в очерках и биографиях (862-1852).* Типография А. Траншеля, 1872. Электронная публикация: http://books.google.ca/books?id=lVU8AAAAMAAJ&dq [дата последнего визита: 26.10.2012]

Попов – Попов Н. *Придворныя проповеди в царствование Елисаветы Петровны* // Летописи русской литературы и древности. Т. 2. М., 1859. Электронная публикация: http://books.google.com.au/books?id=j5wZAAAAYAAJ [дата последнего визита: 26.10.2012]

Попович – Попович А.В. *Масонская интерпретация мифологемы золотого века в «философических» одах М. Хераскова, В. Майкова, И. Богдановича* // Русская литература. Исследования: Сб. науч. тр. 2009. Вып.

XIII. Электронная публикация: http://dspace.nbuv.gov.ua/dspace/handle/123456789/31027 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Проскурина 2006 – Проскурина В. *Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II*. М., 2006.

Проскурина 2003 – Проскурина В. *Миф об Астрее и русский престол.* // НЛО, 2003. N63. Электронная публикация: http://magazines.russ.ru/nlo/2003/63/pros [дата последнего визита: 26.10.2012]

Пумпянский – Пумпянский Л.В. *Ломоносов и немецкая школа разума* // XVIII век. Сборник 14. *Русская литература XVIII - начала XIX века в общественно-культурном контексте*. Л., 1983. С. 3-44. Электронная публикация: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=7204 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Рачинский – Рачинский А.В. *Кирилл Флоринский, епископ Севский. 1773 г.* // Русская старина, 1876. Т. 15. № 2. С. 454-458. Электронная публикация: http://www.memoirs.ru/rarhtml/Raci_RS76_15_2.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Серман – Серман И.З. *И.Ф. Богданович* // И.Ф. Богданович: Стихотворения и Поэмы. Л., 1957. Электронная публикация: http://www.rvb.ru/18vek/bogdanovich/toc.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Соловьев – Соловьев С.М. *История России с древнейших времен*: *В пятнадцати книгах*. М., 1959-1966. Электронная публикация: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/index.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Стенник – Стенник Ю.М. *Петр I в русской литературе XVIII века* // *Петр I в русской литературе XVIII века*. *Тексты и комментарии*. Спб., 2006. Электронная публикация: http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5928 [дата последнего визита: 18.10.2012]

Томашевский – Томашевский Б.В. *Теория литературы. Поэтика.* М., 1996.

Турнаев – Турнаев В.И. *Государственный переворот 25 ноября 1741 года и начало национального движения в Петербургской академии наук* // Вестник Томского государственного университета. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». 2006. № 294. С. 27-33. Электронная публикация: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/his/01/image/05-20.pdf [дата последнего визита: 26.10.2012]

Тынянов – Тынянов Ю.Н. *Ода как ораторский жанр* // Тынянов Ю.Н. *Поэтика. История литературы. Кино.* М., 1977. С. 227-252. Электронная публикация: http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet2.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Успенский – Успенский Б.А. *Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России.* // Избранные труды. Том 1. *Семиотика истории. Семиотика культуры.* М., 1994. Электронная публикация: http://krotov.info/history/18/1/uspen_09.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Чернов – Чернов С.Н. *М.В. Ломоносов в одах 1762 г.* // XVIII век. Сборник статей и материалов. Под ред. А. С. Орлова. Изд-во АН СССР. М.; Л., 1935. С. 133–180. Электронная публикация: http://www.lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6065 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Шамрай – Шамрай Д.Д. *Цензурный надзор над типографией Сухопутного Шляхеьного Кадетского Корпуса* // XVIII век. Статьи и материалы. Сборник. Выпуск 2. М.-Л., 1940. Электронная публикация: http://pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/02_tom_XVIII/schamrai/schamrai.pdf [дата последнего визита: 26.10.2012]

Шишкин – Шишкин А.Б. *Тодорский С.Ф.* // Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 3. Р-Я. СПб., 2010. Электронная публикация: http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10378 [дата последнего визита: 17.11.2012]

Шкваров – Шкваров А. *Россия – Швеция. История военных конфликтов. 1142-1809.* Электронная публикация: http://www.proza.ru/2010/03/28/1233 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Etkind – Alexander Etkind. *Orientalism reversed: Russian literature in the times of empires* // Modern Intellectual History, 4, (2007), pp. 617–628. Cambridge University Press, 2007. Электронная публикация: http://www.memoryatwar.org/publications-list/reversed.pdf [дата последнего визита: 26.10.2012]

Ram – Harsha Ram. *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. Madison: University of Wisconsin Press, 2003.

Thatcher – M. Thatcher. *The Phoenix in Literature and Poetry*. Электронная публикация: http://www.associatedcontent.com/article/1277022/the_phoenix_in_literature_and_poetry_pg2.html?cat=38 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Wortman – Richard S. Wortman. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy.* Princeton University Press, 1995.

Справочная литература

Автухович – Автухович Т.Е. *Прокопович Елисей (Елеазар)* // Словарь русского языка XVIII века. М., 1988-1999. Электронная публикация: http://russian_xviii_centure.academic.ru/675/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%95%D0%BB%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%B9_%28%D0%95%D0%BB%D0%B5%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%80%29 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Аскоченский – Аскоченский А. *Киев с древнейшим его училищем Академией*. Киев, 1856, Часть II. С. 143-144. Электронная публикация:

http://publ.lib.ru/ARCHIVES/R/%27%27Raritetnye_knigi%27%27/Askochenskij_V_Kiev_s_drevnejshim_ego_uchilischem_Akademieyu_02_1856.pdf [дата последнего визита: 11.10.2012]

Брокгауз и Эфрон – *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Спб., 1890—1907. Электронная публикация: http://www.vehi.net/brokgauz/index.html [дата последнего визита: 20.10.2012]

Венчание на царство – *Венчание на царство* // Виртуальные выставки. Регалии русских царей. Электронная публикация: http://www.kreml.ru/ru/virtual/exposition/regalia/coronation/ [дата последнего визита: 26.10.2012]

Герб Херасковых – *Герб рода Херасковых* // Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Часть 2. Спб., 1798. С. 134. Электронная публикация: http://gerbovnik.ru/arms/284.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Личный состав – *Личный состав Императорской академии наук, 1 мая 1863 года* // Записки Императорской академии наук. Т.3. Спб., 1863. С. 199-213. Электронная публикация: http://books.google.ca/books?id=tKE9AQAAIAAJ [дата последнего визита: 26.10.2012]

Материалы – *Материалы для истории Императорской Академии Наук*. Спб., 1895. Электронная публикация: http://libserv.mi.ras.ru/ist.html [дата последнего визита: 17.11.2012]

Половцов – *Русский биографический словарь*. / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. Спб., 1896-1918. Электронная публикация: http://www.rulex.ru/xPol/index.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Правила издания – *Правила издания исторических документов в СССР. 2-е издание, переработанное и дополненное*. М., 1990. Электронная публикация: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Pravila_izdaniya_dokymentov.pdf [дата последнего визита: 9.10.2012]

ПСЗРИ – *Полное Собрание Законов Российской империи.* Электронная публикация: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html [дата последнего визита: 26.10.2012]

Русская книга – *Русская книга гражданской печати XVIII в., 1708-1800.* Электронный ресурс: http://www.nlr.ru/rlin/ruslbr_v2.php?database=RLINXVIII [дата последнего визита: 26.10.2012]

Самин – Самин Д.К. *Сто великих памятников.* М., 2001. Электронная публикация: http://lib.rus.ec/b/175475/view [дата последнего визита: 26.10.2012]

Сводный каталог – *Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века*. 1725-1800. В 5-ти томах. М., 1762-1967.

Серов – *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений.* Составитель Вадим Серов. 2005. Электронная публикация: http://bibliotekar.ru/encSlov/ [дата последнего визита: 26.10.2012]

Табель о рангах – *Табель о рангах всех чинов*. М., 1722. Электронная публикация: http://dlib.rsl.ru/viewer/01003341475#?page=1 [дата последнего визита: 26.10.2012]

Трон – *Трон* // Виртуальные выставки. Регалии русских царей: Петр Алексеевич. Электронная публикация: http://www.kreml.ru/ru/virtual/exposition/regalia/PetrAlekseevich/throne/ [дата последнего визита: 26.10.2012]

Ушаков – *Толковый словарь русского языка*: В 4-х томах. М., 1935-1940. Электронная публикация: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm [дата последнего визита: 26.10.2012]

Фасмер – *Этимологический словарь Фасмера*. Электронная публикация: http://fasmerbook.com/ [дата последнего визита: 26.10.2012]

Шапка Мономаха – *Шапка Мономаха второго наряда* // Виртуальные выставки. Регалии русских царей: Петр Алексеевич. Электронная публикация: http://www.kreml.ru/ru/virtual/exposition/regalia/PetrAlekseevich/MonomachII/ [дата последнего визита: 26.10.2012]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ода е.и.в. государю Петру Феодоровичу ... в день возшествия его на всероссийский императорский престол декабря 25 дня 1761 от Александра Сумарокова. [Спб.], печ. при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, [1762].

Хотя мы вышняго судьбою,
Преславнаго МОНАРХА Дщерь,
На век растались с ТОБОЮ,
Со вшедшею в небесну дверь;
Но чтоб не быть во злой нам доле,
Зря жизни ТВОЕЯ конец,
Мы видим паки ТВОЙ венец,
8 ТВОЮ щедроту на престоле.

ТОБОЙ наследник утвержденный,
МОНАРХОМ нашим наречен:
Твоею сын Сестрой рожденный,
Уже в порфиру облечен.
От Бога, от ПЕТРА, толикий,
И ото Дщерей, нам, ЕГО,
Дан дар, и для ради того,
16 Дабы ТЫ ПЕТР был ПЕТР ВЕЛИКИЙ.

Се вижу во краях безвесных,
ПЕТРОВА ДЕДА я теперь:
Обемлет в областях небесных,
От нас вознесшуюся Дщерь:
Целуя там ЕЛИСАВЕТУ,
Вещает ей: о дочь моя!
Тебя родил на свете я,
24 Для образа щедроты свету.

И простирает Он оттоле,
К России вожделенный глас:
Моя кровь паки на престоле,
В порфире ныне вместо нас.
Вас Вышний вечно не забудет:
А внук Мой, Богу, Мне и Ей,
И чистой совести своей,
32 Последуя владети будет.

Исполнится чего желаем;
Уже ЕГО таланты зрим:

Сердцами все к нему пылаем,
И все любовию горим.
Премудрый учредил Содетель,
В мир корень сей произвести;
Дабы в венце могла цвести,
Подобна Творчей добродетель.

Когда Аврора возвещает,
Что Солнце покидает Понт,
Долы и горы освещает,
Бросая злато в горизонт:
Зефир плененный Розы ищет,
Дня светла красны Нимфы ждут,
Свирели ясный глас дадут,
Свободный соловей засвищет.

Тогда и взора возведенья,
На Феба, удоволят тварь:
Начало ТВОЕГО владенья,
Тому подобно ГОСУДАРЬ.
Сверкнула молния вселенной,
Пред громом славы ТВОЕЯ,
И скора вестница сия,
Летит дорогой отдаленной.

Возверзи ТЫ СВОИ зеницы,
Восточный проникая ветр,
И во СВОИ возри границы,
С брегов Невы о третий ПЕТР!
Возри на полдень от востока,
И на полночный Океян!
Пространный край вселенной дан
ТЕБЕ под надзиранье ока.

От разкаленнаго вод юга,
От двух шумящих там морей,
В концы земнаго полукруга,
Где в ярости ревет Борей,
ТЕБЕ ТВОЙ скипетр по закону,
Под троном положил ковер,
И оный в долготу простер,
От Бельта, к Хине и Япону.

Над теми царствуя странами,

Будь щастья нашего творец!
Владей щедролюбиво нами,
И буди подданных отец!
Что часто делается страхом,
В нас делать будет то любовь,
И за ТЕБЯ лить будем кровь,
На смерть кидаяся размахом.

Будь нам отец! мы будем чада,
Достойны милости ТВОЕЙ,
Престола ТВОЕГО ограда,
Орудье верности своей,
Готовы к миру и ко брани,
За ИМПЕРАТОРА умреть,
Против ЕГО врагов гореть,
Разить и налагати дани.

В какое место ты преходишь,
Мой разум мысли воспаля?
О Муза! ты меня возводишь,
На Елисейския поля:
Там ПЕТР и Карл соторжествуют,
Сердца Геройски веселят,
Веселие свое делят,
Друг другу радость повествуют.

ПЕТРУ там тако Карл вещает:
Империя и Шведский трон,
ПЕТРУ порфиру посвящает;
Но Богом ИМПЕРАТОР он,
И к лутчей вознесен судьбине;
Всевышний тако учредил:
Меня ты прежде победил,
И победил меня и ныне.

Всерадостна сия победа,
Российский отвечал Герой:
Владей мой внук на троне деда,
И покажи что внук ты мой.
Сей глас пришел ПЕТРУ во уши,
И над Невою возгремел:
Народ со плеском возшумел,
И восхищаются в нас души.

Будь Марсом, буди Аполлоном,
Люби Оружье и Парнасс,
Снабжай премудрым ПЕТР законом,
И милостью Монаршей нас!
А ТЫ ЕКАТЕРИНА, буди
Предстательницей у ПЕТРА,
И буди к помощи быстра,
Когда к Тебе прибегнут люди!

Ода. Его императорскому величеству всепресветлейшему державнейшему великому государю императору Петру Феодоровичу, самодержцу всероссийскому на всерадостнейшее восшествие на престол / Приносит всеподданнейший раб, Михайло Херасков. 1762 года генваря дня. - [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1762].

В густой тени лесов священных,
Где Музы окружают храм,
При жертве олтарей возженных
Приносят похвалы Царям,
Гласить Монархов Росских миру
Отважился я сторить лиру,
Среди Парнасских олтарей.
И се пременну радость внемлю,
Когда я взор взвожу на землю;
Какую новость зрю на ней!

Весельем многим восхищенна
Россия входит в новой рай:
Народна радость невмещенна
Простерлась света в дальний край;
Там солнце теплый луч пустило,
И стужу в Норде укротило,
Чтоб жару Россов отвечать;
Когда и воздух радость внемлет,
Что паки ПЕТР престол приемлет:
Удобно ль Музы вам молчать?

Умножьте Лирной глас стократно
Российску радость вострубить;
ПЕТРОВО имя вам приятно
О музы; долженствует быть.
Великий ПЕТР простер к вам руку:
Хвалу его днесь пойте Внуку,
Была вам Мать Елисавет
Ея лишася злой судьбиной,
Вас паки ПЕТР с Екатериной,
Как чад под свой покров зовет.

Как солнце в полдень после мрака
Выходит из-за темных туч,
И от блистательного зрака
Бросает радостнейший луч:
Россия так хоть вспоминает

Печаль, что грудь Ея стеняет:
Но зря Авроры новой всход,
Главу с веселием подъемлет,
ПЕТРОВО имя всюды внемлет,
Что оживляет Росской род.

Виясь над Прусскими полями,
Российские орлы шумят;
Что вскоре новыми хвалами
При новой силе загремят.
Еще в младенческие годы
То видели уже народы
В ПЕТРЕ, что Геркулес ростет,
Что Марс родит его Перуна,
И что он устрашит Нептуна
Так как Его Великий Дед.

Венчайся щастием готовым
О! ты Российская страна,
Ты раз под Скипетром Петровым,
Премудростью озарена;
Щедротами питалась Дщери:
Днесь милости отверзя двери
Тебе их Внук пришел отдать.
Во дни Его Самодержавства,
ПЕТР хощет из пространна Царства
Подобный Раю дом создать.

Какой нам восхвалить трубою
Монарха, что на трон идет,
Приемля Скиптр одной рукою,
Другой на всех щедроты льет?
Какой быть можно больше славе,
Когда подвластные державе,
Его приемлют как Отца?
Коль Он, как о сынах печатся:
Такой народам Царь дается,
Во знак щедроты от Творца.

Непышных зданий высотою
Царь славен, не от пирамид;
Но Он преславен частью тою,
Коль подданых сердца пленит.
Ты общества пространно море,

О! ПЕТР привлечь удобен вскоре,
Щедротой души Ты зажег.
Уже теперь Ты славен боле
Монархов, что в кровавом поле
Збирали лавры целой век.

Российски воины рождайте
В сердцах безстрашных пламень нов:
Сугубых сил вы ожидайте,
Вам будет вождем Внук Петров.
Теперь в полях кровавой сечи
Я внемлю перемнны речи:
Одних отчаянье и стон
Петровым именем их вяжет,
И в каждом воине им кажет
Их страх, что то приходит Он.

Подобно как надуто море
Приливом изобильных вод,
Брега высоки топит вскоре,
С полей смывая цвет и плод.
Так всякой воин только внемлет,
Что ПЕТР Российский трон приемлет;
Сим словом храбрость в нем растет,
Ея он в сердце не вмещает,
Против Европы всей вещает,
С ПЕТРОМ итти мне сраху нет? <sic!>

О! Вы Герои, что венчались
Оставя Трон небес венцем,
Вы с нами и поднесь остались,
В любезном отрасле своем;
Преемник мудрой Вашай славы
Чрез первой луч своей державы
Сердца Россиян освятил;
Народу быть от слез покровом
Отеческим своим Он словом
Обеих вас в Себе вместил.

Священны предковы примеры,
Монарше сердце соблюдет,
Столпы им утвердятся веры,
Им лицемерие падет;
Созиждет храм благочестивых,

И к небесам пути щастливых
Свободой мирной облегчит;
Грызущую церквей утробу,
Он вероломственную злобу
В оковы тяжки заключит.

Он правде будет предводитель,
И место даст ей на суде:
Монарх рабов своих любитель
Разпространит ее везде.
Держава та подобна саду
Обильну, сладка, винограду,
Где истина в суде цветет.
Себя Великий ПЕТР тем славит,
И третий ПЕТР ее возставит,
Подобно как Елисавет.

Блажите щастливу судьбину
Вы дети, сиры и вдовы,
И Матерью Екатерину
Имейте безсомненно вы.
Она чрез мудрые советы
Возставит здесь златыя леты;
Монарше сердце ей залог
Сынов Российских благодейства; <sic!>
Чрез них в покое совершенства
Искать нам узаконил Бог.

Границы Росския державы
Кругом стрегущия моря,
Исполнитесь приятной славы,
Услыша новаго Царя.
Как ПЕТР с Своим расстался Троном
Брега вы наполняли стоном:
Днесь паки ваш Владетель ПЕТР;
На радость стон сей премените,
За валом вал во след гоните,
Промчите весть сию чрез ветр.

А вы щастливыя науки!
Имеете уже покров;
Петровы вас прияли руки,
Теперь приемлет Дух Петров.
Наместник дел Его владеет!

Здесь лира силы не имеет
Его достойнствы <sic!> гласить;
Воспойте Музы всем Парнасом,
Да бы свои усердным гласом
160 Приличны жертвы приносить.

Ода... имп. Петру Феодоровичу... на всерадостнейшее восшествие на престол, / Которую приносит всеподданнейший раб Ипполит Богданович. 1762 года генваря дня. - [М.]: При Имп. Моск. ун-те, [1762].

Российскаго Парнасса Лира,
Возвысь усерднейший свой глас,
Гласи в концы пространна мира,
Гласи блаженный день и час,
Гласи торжественной трубою
Сей день, как щастливой судьбою
По власти праведных небес,
Российских стран для утешенья,
Врагов ея для устрашенья,
10 Опять великий Петр воскрес.

Хотя Монаршею кончиной
Злой рок соделал нам урон:
Но щастливой для нас судьбиной
Восходит ныне Петр на Трон;
Он скорбь на радость пременяет,
Он слезы наши отирает,
И Он отраду нам дает.
Великая ЕЛИСАВЕТА!
Рыдает о Тебе полсвета,
20 Но Петр в сердца утеху льет.

Прими, МОНАРХ, Твой скипетр в руки
Твои народы им пасти,
Дабы цветущия Науки
Могли сугубо процвести;
Мы паки будем в щастьи новом,
Когда Ты будешь им покровом,
Как был Великий ПЕТР, Твой Дед,
Пример и удивленье света,
И как была ЕЛИСАВЕТА,
30 В Его ступающая след.

Лишь только Ты Престол приемлешь,
Приятный слух несется в свет:
Ты все труды для нас подъемлешь,
Великий ПЕТР в Тебе живет;
Щедротой царствуя над нами,
Ты милости лиешь реками:
Что может боле быть сего,

Когда к Своей Ты большей славе,
Не хочешь зреть в Своей державе,
40 Лишенным щастья никого?

Царей Российских град Престольной
Не может радости вместить,
Вещает: "Силы нет довольной
Во мне, сие изобразить,
С каким весельем я на Троне
Опять ПЕТРА узрю в Короне,
Опять владеющаго мной."
Коль будет та велика радость,
Когда теперь вкушает сладость
50 Москва одною вестью той!

Приди для нашего покрова,
МОНАРХ, во град, что ждет Тебя
Исполнен имени ПЕТРОВА;
Приди, и покажи Себя
В блистании Твоей порфиры,
Что мы с ПЕТРОМ не будем сиры,
Что Твой врагам ужасен гром;
Снабди нас щастьем совершенным,
И будь нам Матери лишенным
60 Отцем, Великим будь ПЕТРОМ.

Подай утехи Россам новы,
Обрадуй наши Ты сердца;
Они отверсты и готовы
Приять Монарха и Отца;
Войди в сердца сугубо оны,
Которы чтут Твои законы,
В которы Ты давно вошел;
Живи щедротами Твоими,
Живи в них, обладай Ты ими,
70 Так как Великий ПЕТР владел.

Ликует Добродетель ныне,
Коварну злость разносит ветр:
Мы паче в щастливой судьбине,
Когда владеет нами ПЕТР;
Он так, как Дед Его владеет,
Богатой беднаго не смеет
Теснить за Правду на Суде:

За службы Милости даются,
Слезами сироты не льются,
И правосудие везде.

Перед Тобою злоба вянет,
МОНАРХ, тебе помощник Бог:
С Твоим он Громом вместе грянет,
Лишь дерзость свой поднимет рог.
Сердца злодейски страх объемлет,
Что паки ПЕТР Престол приемлет;
Скажи, МОНАРХ, Своим сынам,
Скажи едино токмо слово:
В сердцах усердие готово
К Наукам, к Миру и к войнам.

Смири рушителей покоя
Своею сильною рукой:
Против Российскаго Героя
Кто может ополчиться в бой?
Свидетели тому соседы,
Какия делали победы
Россияне против врагов;
Свидетели злодеи сами,
Которы побежденны нами,
Которы нам сплетали ков.

ПЕТРОВ Престол недвижим будет,
Его Всевышний утвердит,
ПЕТРА Россия не забудет,
Доколь вселенная стоит.
Что Бог хранит ПЕТРОВО Племя,
Его щедрот, и в позно время,
Тебя залогом, ПАВЕЛ, зрим;
Надежда, что сердца питает,
С Тобою вместе возрастает:
Равняйся с Прадедом Своим.

Исполнь желанье наше, Боже,
В Российскоим новом Ты Царе,
Чтоб мы и в Третьем зрели тоже,
Что в Первом видели ПЕТРЕ;
Чтоб нам дела ЕКАТЕРИНЫ,
Для нашей щастливой судьбины,
Узреть в ЕКАТЕРИНЕ Сей;

Подай Обоим долги лета:
Их век, утехой будет света,
Их щастье, щастьем всех людей.

Ода на день тезоименитства его императорскаго величества благочестивейшаго государя императора Петра Феодоровича, самодержца всероссийскаго, и его императорскаго высочества благовернаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича / Сочиненная при Императорском Московском университете, прапорщиком Ипполитом Богдановичем. - [М]: Печатана при Императорском Московском университете, 1762.

Твоей державы в перво лето
Монарх Россиян и Отец,
Твое да будет имя пето
От наших искренних сердец.
Благодаря своей судьбине,
Ликуй, Парнас Московский, ныне
И в новой вид себя одень.
Соторжествуйте с нами, Музы,
Сложа с себя печали узы,
Забудьте тот плачевный день.

Тот страшный день, когда в печали
Лишася Матери своей,
Вы с нами во слезах рыдали,
И не могли отерть очей;
Когда печальну лиру строил
И жалость Аполлон удвоил;
Когда в другое бытие
Прешла от нас ЕЛИСАВЕТА.
Но не Она лишилась света,
Увы! лишился свет Ее.

Померкла без Нея Россия,
Печали горестной в ночи;
Но вдруг напасти таковыя
Прогнали солнечны лучи.
Там солнце тьму гоня, восходит,
И светлой день с собой выводит,
Авроры тихия из недр:
Там слышатся Россиян плески;
Другое солнце сыплет блески,
Другое солнце всходит ПЕТР.

Восходит на престол наследный,
Печали прогоняет тьму,
И самый рок Россиян вредный,

Тогда покорен стал Ему;
Лежал у Россов под ногами,
Не смея им грозить бедами,
И восставать на них не мог.
Он испытал и был свидетель,
Сколь за Монаршу добродетель,
Россию утешает Бог.

Тогда Россия оживленна,
С печалью радость вместе зрит,
Двояким чувством разделенна,
Вздыхает и себя бодрит:
Но вышней уступая воле,
Приемлет радость силу боле.
Не возвратим ЕЛИСАВЕТ
Уже ни плачем, ни тоскою;
Она прешла от нас к покою,
Прешла, и днесь в ПЕТРЕ живет.

Он Ей подобно скиптром правит:
Его владенья первой год,
Уже довольно в свете славит,
На Росский Трон ПЕТРОВ восход,
Уже Он много обещает.
Хоть время кратко и мешает
ПЕТРОВЫ показать дела:
Сего к хвале довольно звука,
Чьего имеют Россы Внука,
Кто Теткою Ему была.

Но се и Внука зрю во славе;
Еще Он полгода владел:
Не сон ли вижу? нет, но въяве
Я знаки зрю ПЕТРОВЫХ дел.
И Тетке следуя и Деду,
Нашел Он мир, нашел победу,
Россиян лить жалея кровь.
Неволи нас освобождает,
Без принужденья в нас рождает
К Себе усердную любовь.

Не льющимся кровавым токам,
Поверженных несчетных тел,
В военном пламене жестоком,

Монарх победу приобрел;
К противным воины ПЕТРОВЫ
Не меч несут, венцы лавровы,
Не смеет Марс разрушить мир.
Сей Бог теперь ПЕТРУ покорен;
К покою Россам путь отворен,
И общей всем соделан пир.

Узная через слухи громки
Великаго ПЕТРА дела,
Судьбе пеняли, вы потомки,
По что вам позну жизнь дала,
По что не в те вы дни блаженны,
Не в тот счастливый век рожденны,
Когда владел Великий ПЕТР:
Теперь о том вы не жалейте,
ПЕТРА во Внуке вы имейте,
Он так же праведен и щедр.

К нам чужестранны жить в покое
Идут Россиею пленясь,
И в ней отечество другое
Находят, своего лишась;
Дивятся Росскому геройству,
Дивятся нашему спокойству,
И сколь Монарх наш милосерд:
Его, за храбрость и науки,
Простерты к награжденью руки,
И меч на дерзостных простерт.

Еще Герои Росски целы,
Живут и будут жить в сынах:
Враги увидят теже стрелы,
И теже громы в их полях,
Которы прежде под Полтавой,
Стремились за Петровой славой,
Стремились таковых карать.
Главы их тотже меч преклонит,
И тот Герой врагов погонит,
Которой гнал за Днепр их вспять.

Безсмертно будет имя в свете
Великаго ПЕТРА, по Нем.
Не умер Он в ЕЛИСАВЕТЕ,

Живет во Внуке Он Своем;
И Правнук темиже стезями,
Как Прадед царствовал над нами,
И Правнук вслед Ему пойдет.
О! Богом плод благословенной,
Когда рожден Ты несравненной
Екатериной, Павел, в свет.

Благополучны там народы:
Блажен и Царь страны такой,
Златые там, златые годы,
Где люди век проводят свой
С такой приятной тишиною,
Как начал Росскою страною,
Монарх наш ТРЕТИЙ ПЕТР владеть.
Щастливо предзнаменованье!
Исполнись наше упованье,
ПЕТРА и в поздны лета петь.